

Анатолий ЧЕРНЯЕВ

1991 год

ДНЕВНИК
**ПОМОЩНИКА
ПРЕЗИДЕНТА
СССР**

Анатолий ЧЕРНЯЕВ

**ДНЕВНИК ПОМОЩНИКА
ПРЕЗИДЕНТА СССР
1991 год**

В неудачах не крушение самих идей, а только падение людей, их производящих.

В. О. Ключевский

Справедливость, не поддержанная силой, немоцна, сила, не поддержанная справедливостью, тиранична... Значит, надо объединять силу со справедливостью.

Блез Паскаль

Предисловие

Кончив вторую книгу, которую назвал «Моя жизнь и мое время», я еще раз перелистал свои дневники. И вновь увидел, что из них «пошло в дело» едва ли 10 процентов. А это двадцать четыре «тома» толстых годовых блокнотов за четверть века. Опубликовать их все не нужно и невозможно – по многим причинам. Но кое-что очень просится наружу по соображениям больше общественным, чем личным.

Выбирая, на чем остановиться, я предпочел то, что и дало название книге: «1991 год». Этот выбор связан с неисчерпанностью роли Горбачева в моей жизни.

Феномен Горбачева не перестает будоражить общественное сознание, как бы ни старались заказные и добровольные «интеллектуальные киллеры» покончить с ним или, по крайней мере, изувечить. В связи с заведомо неудачной попыткой Горбачева вернуться в Кремль оживились спекуляции вокруг тех качеств его личности, которыми воспользовались, чтобы оборвать на полдороге его исторический подвиг.

Кроме того, в последние годы появился ряд серьезных книг (на Западе, конечно). Авторы дают свою трактовку перестройки, анализируют внешнюю политику Горбачева, делают попытки объяснить мотивы его решений и поступков, вникнуть в «психологию» этого человека. Но именно в этом последнем, судя по откликам на вышедшие книги, они меньше всего преуспели. Не дают об этой стороне «проблемы Горбачева» полного представления, по мнению рецензентов, и его собственные мемуары.

На протяжении пяти лет после ухода Горбачева из Кремля написано немало статей в российских газетах и даже книжки о нем. Пошлое ерничество и сведение счетов не в счет: недостойно даже презрения. Безусловным вкладом в осмысление политики и личности Горбачева стали мемуарные книги Георгия Шахназарова и Вадима Медведева. Не раз предпринимались попытки философского или публицистического анализа феномена Горбачева и сути «перестройки». Особенно часто – в связи с пятилетием путча и распада Советского Союза. Калибр их очень разный: от блестящих, талантливых эссе В. Третьякова и Д. Фурмана до претенциозных, кишащих жалким нарциссизмом газетных «простынь» А. Ципко. Встречались и просто спекулятивные упражнения, лишенные элементарного знания о предмете, как правило, нахальные и лживые, не поднимающиеся по «умозаключениям» над уровнем толпы или интеллигентской черни. К этому разряду относятся и «заметки» по поводу мемуаров Горбачева, которые даже рецензиями назвать нельзя – настолько очевидно, что их авторы самих мемуаров не читали.

Должен признаться: что бы ни попадалось мне на глаза из сочинений о Горбачеве – доброжелательное или подлое, серьезное или поверхностное, – не могу побороть в себе странное чувство вины, сверлит мысль: кто же, как не ты, обязан опровергнуть, оспорить, показать, как было на самом деле, пригвоздить, уличить в преднамеренном вранье и т. п.?!

Увы! Для этого надо быть, как минимум, Ключевским, а заодно и Достоевским. За мной ничего подобного, понятно, не водится.

Единственно, что я могу, это рассказать, как виделся мне Горбачев с очень близкого расстояния. Я написал книгу «Шесть лет с Горбачевым». Но на нее обратили внимание только на Западе, у нас – приговорили к замалчиванию. Совесть побуждает меня не отступаться. Огрызаться на каждую ложь и клевету – недостойно и бессмысленно. Да и кто будет публиковать? Понимаю, что в наше время никого переубедить в сложившемся отношении к Горбачеву невозможно. Но есть ведь история и, дай Бог, будет. А она склонна считаться

преимущественно с документами, хотя и подвергает их суровой и в конце концов честной проверке. Сам начинавший свой поиск профессии с занятия историей, я поступил бы неблагородно по отношению к ней, если бы «унес с собой» свидетельства «с близкого расстояния» о великом деятеле, изменившем ход этой истории. Поскольку «рукописи не горят», хотелось бы положить на «стол истории» такое, что ни в каких других источниках не найдешь. И сделать это пораньше: может, какую-то пользу (или хотя бы удовлетворение интереса) это принесет.

Читавшие рукопись друзья усомнились: такое – излишне откровенное о себе и о других – обычно издают посмертно. Некоторые советовали просто написать еще одну книгу о Горбачеве. Но при всей «документальности» это все-таки – литература. А я хочу оставить «зеркало» – со всеми собственными противоречиями и даже нелепостями, когда само непонимание мною многих вещей позволяет лучше видеть, что происходило на самом деле.

Да, текст в таком жанре теряет стройность. Единственное, что связывает описываемые события и переживания, – хронология, календарь. Но зато это больше отвечает современному восприятию жизни, где все калейдоскопично, разорвано, несовместимо.

Зачем же все-таки так откровенно?

Во-первых, я ощущаю себя уже «по ту сторону добра и зла». Замечаю, что и многие, кому я известен, воспринимают меня примерно так же. Наверное, мне уже позволено то, что для не переступивших возрастную грань считается неприличным. Впрочем, понятия о приличиях сейчас сильно попорчены. Если кто будет читать, то уже не так, как прочел бы лет 5 назад.

Во-вторых, есть довольно естественная у пишущих всю жизнь людей потребность выговориться. Тяжело носить в себе до конца жизни то, что в общем-то принадлежит не только тебе. И не только ты несешь ответственность за сделанное тобой.

В-третьих, просто эгоистическое желание: пережить, работая над записями, еще раз свою собственную жизнь – пусть на малом отрезке.

Почему я выбрал только 1991 год? Он – переломный в истории страны, самый тяжелый для перестройки и Горбачева и последний в моей жизни «при политике».

Были сомнения. Я ведь сильно подставляюсь... со всех сторон: политикам и моралистам, «патриотам» и «демократам», дорогим мне людям и недоброжелателям, циникам и порядочным, кому угодно. Только любящие меня поймут. Но таких единицы.

Главная тут проблема... Мне говорили, кто читал рукопись: что ж ты так – в первой книжке – в основном апологетика, а теперь, отсылая к тем же событиям, так его «подставляешь»?!

Но это с какой точки зрения подходить: если по клише, к которым нас долго приучали и по которым выстраивались наши представления о государственном интересе, о том, что стране нужно и что для нее губительно, тогда действительно охотников поиграться найдется много.

Если же по логике здравого смысла, по критериям нормального, человеческого понимания интересов государства и народа на рубеже таких двух веков, если судить не по канонам обанкротившейся идеологии и не считать, что достойно России снова строить свое величие на нищете народа и насилии над ним, то это – материал для размышлений, для проникновения в «нервные клетки» политика, пошедшего на подвиг ради блага страны.

Кроме того, читатель вправе отнестись к материалам книги не как к фактам, а как к моим суждениям о них. Я не настаиваю на том, что был прав, иногда, а бывало и часто, не соглашаясь с Горбачевым. И отнюдь не уверен в том, что если бы он действовал согласно «моим советам» и по моим невысказанным оценкам, то было бы достигнуто хотя бы то, что благодаря Горбачеву достигнуто. А это – величайшие, исторического значения вещи.

Не претендую я на истинность своих суждений и выводов, на оправданность своих

разочарований, огорчений и т. п. Должен сказать при этом, что не заметил в Горбачеве – политике и человеке – недобрых мотивов и намерений по отношению к стране, к людям, даже враждебным ему... Хотя так уж совсем никого не обидеть просто невозможно, делая политику. В идее перестройки не было корыстных мотивов – ни личных, ни «ради спасения системы», дававшей привилегии, в чем его не раз обвиняли.

А что касается расхожего, обывательского – мол, взялся и не справился, – то это тоже от наших прежних представлений об общественном развитии. Такое требование уместно предъявлять какому-нибудь новому Сталину, который самодержавно мог «направлять» страну, потому что имел ГУЛАГ, легионы «идеологических попов», не говоря уже о фанатиках, а также вышколенную армию запуганных лжецов, знавших, что они лгут, но не имевших, как правило, силы духа, чтобы «выскочить из колеи».

В послесловии к своей книге «Шесть лет с Горбачевым» я пытался суммировать, что он сделал, будучи во главе одной из сверхдержав.

Позволю себе воспроизвести эту страничку здесь, в частности для того, чтобы исключить кривотолки насчет моего мнения о его заслугах.

Главные из его достижений, каждое из которых – с точки зрения оценки личной его роли в них – может быть приравнено к подвигу, таковы:

- он разрушил самый мощный из существовавших когда-либо тоталитарный режим, основанный на сталинистско-коммунистических принципах;

- он дал многомиллионному народу свободу самому, без навязываемых сверху схем и идеологических догм устраивать свою жизнь и выбирать пути развития;

- он открыл населению шестой части планеты возможность войти в общее русло современной цивилизации на основе признания таких общечеловеческих ценностей, как демократия, правовое государство, рыночная экономика, права человека, свобода слова, вероисповедания и т. д.;

- он сделал больше, чем кто бы то ни было, для прекращения «холодной войны» и гонки ядерных вооружений, тем самым внося решающий вклад в спасение человечества от гибели в катастрофе третьей мировой войны.

Ему, Горбачеву, мы обязаны тем, что окружающий мир начал видеть в нас нормальных людей. И это потому прежде всего, что он, генсек всемогущей и наводившей на всех страх компартии и руководитель сверхдержавы – объявившийся, заметьте, из нашего, советского зазеркалья и вопреки, казалось бы, забетонированной традиции, – не побоялся предстать перед внешним миром таким, как он есть, обычным человеком, открытым всему земному и способным по-человечески воспринимать собеседников «с другого берега». И, будучи в общем-то хорошим человеком, он постепенно стал выживать двоемыслие и обман из нашей внешней политики, насыщать ее простым здравым смыслом. И это «потрясло» внешний мир больше, чем сонм наших официальных, в том числе его собственных, инициатив и деклараций.

А «идеологией» внутренней перестройки были всего-то простые человеческие помыслы и потребности, обыденный, «народный» взгляд на жизнь, нормальные «частные» помыслы и желания рядового человека, обобщенно говоря – здравый смысл.

Горбачев впервые в нашей истории апеллировал к человеку в человеке. Он дал свободу, а то, что «получилось, как всегда», – это наша общая «заслуга»; не справились мы со свободой.

Я считаю, если отрицать существенно позитивное, исторически творческое начало в феномене Горбачева, нет морального права судить и обо всем остальном в его деятельности. Более того, без этой предпосылки никакой скрупулезный анализ не будет объективен и адекватен, никакие архивные бумаги или «коридорные» данные «из первых рук», никакие ссылки на факты не будут отражать реальность неповторимого момента истории.

Известно, что дьявол прячется в деталях. Успех или провал даже великих замыслов тоже складывается из деталей и подчас случайностей. Вот и пусть историки (и все, кому не лень) разбираются: что было бы, если бы в том или ином случае Горбачев поступил так, а не эдак. Детали (которые я сохранил такими, какие они запечатлены по свежим следам) составляют главное в этой публикации.

Не буду лукавить: эта книга не о Горбачеве только, она обо мне самом, а значит, и о людях, которые, вырвавшись из двоемыслия, оказались в обстоятельствах, позволявших делать

то, к чему давно втайне стремились. Они бросились помогать инициатору грандиозного поворота – каждый чем мог и где мог. И каждый прошел перестроечный путь до своего рубежа, за которым другие соблазны оказались сильнее. А мне вот сподобилось быть до конца рядом: видеть, что, как и почему возникло, переживать из-за того, что, с моей точки зрения, делалось не так или не вовремя. Здесь – уже моя драма и таких, как я, не искавших личной выгоды. Не стесняюсь это заявить, и пусть найдется человек, который покажет пальцем – врешь!

Предвижу презрительное – «это твои проблемы» и оставь своим приятелям или родственникам копаться в твоих дневниках. Может быть, может быть... Впрочем, тщеславия в моих дневниках, кажется, не так уж много. К тому же есть, как говорится, и другая точка зрения. Вот приходили ко мне студенты и студентки с «моего» истфака МГУ. Их интересовала «психология» формирования политики перестройки. Они занимаются этим. И, думаю, это плодотворная работа, позволяющая объяснять многое существенное в «железных законах» материального прогресса.

91-й год едва поместился в самый объемный из моих дневниковых блокнотов. Его я и воспроизведу в «натуральном» виде с неизбежными, конечно, купюрами, с редактированием наспех сделанных записей, с расшифровкой помеченного «телеграфно», с добавлениями и пояснениями, но без модернизации и «опрокидывания» теперешних моих суждений и переживаний на то время.

Я счел уместным «залезть» немножко в предшествующие два года – 1989-й и 1990-й. Без этого разворот событий последнего года труднообъясним. Ощущение, что страна, «сорванная с закрепок» (выражение Горбачева), сползает «не туда», возникло у меня еще в 1988 году. А в 90-м меня уже неотступно преследовало чувство, что все рушится, хотя я и не усматривал в этом «гибели Отечества».

Глава I. По ухабам перестройки

9 октября 1988 года

В пятницу Горбачев позвал нас с Шахназаровым. Лобызал его по случаю 64-летия. Поговорили о предстоящей поездке в ООН, заодно – на Кубу и в Лондон. Походя «отвели» Квицинского в качестве заведующего Международным отделом ЦК вместо Добрынина. И вдруг его прорвало насчет Карабаха. Встал против нас, сидящих, и произнес: «Я хочу, чтобы по-человечески, чтобы не дошло до крови, чтобы начали разговаривать друг с другом... Действует коррумпированная публика. Демирчян (армянский первый секретарь ЦК) собирает своих, в Баку мобилизуют своих, а интеллектуалы армянские обанкротились: ничего ведь предложить не могут, ничего, что вело бы к решению. Но я и сам не знаю решения. Если б я знал, я не посчитался бы ни с какими установлениями, ни с тем, что есть, что уже сложилось и т. д. Но я не знаю!»

Потом напомнил о деле Алиева. Копаем, говорит, и дело вроде образуется почище рашидовского.

28 октября

Был Коль один на один с Горбачевым (плюс я и Тель-чик – помощник канцлера). И вот когда наблюдаешь это стремление на высшем уровне говорить как человек с человеком (с обеих сторон), то физически ощущаешь, что мы уже вступаем в новый мир, в котором не классовая борьба, и не идеология, и вообще не противоположности и враждебность определяют. А берет верх что-то общечеловеческое. И тогда понимаешь весь масштаб смелости и прозорливости М. С., который «без всякой теоретической подготовки» объявил новое мышление и стал действовать по здравому смыслу. Ведь это его идеи: свобода и выбора, уважение ценностей друг друга, баланс интересов, отказ от насилия в политике, общеевропейский дом, ликвидация ядерного оружия и т. д. и т. п. Все это, каждое по себе, отнюдь не ново. Но ново, что человек, вышедший из советского марксизма-ленинизма, из советского общества, порожденного и обусловленного с ног до головы сталинизмом, встав во главе государства, всерьез и искренне начал проводить эти идеи. И поэтому нечего удивляться, что мир поразился и восхитился. А наша публика до сих пор не может оценить, что он уже их

перевел из одного состояния в другое.

Чебриков в моем и Яковлева присутствии звонит М. С. по телефону по поводу избрания Сахарова в Президиум Академии наук: «Незрелая у нас академия, Михаил Сергеевич». М. С. тут же поиздевался над его бдительностью и добавил: «Пусть Сахаров ездит за границу. Он показал, что он патриот и честный человек».

15 ноября 1988 года

М. С. вернулся с Урала довольный. В аэропорту Медведев, Слюньков и Чебриков, которые только что побывали по его поручению в Латвии, Литве и Эстонии, обрушили на Генерального секретаря ушат холодной воды. Их днем и ночью пикетировали с плакатами: «Русские, убирайтесь вон!», «КГБ, МВД, Советская Армия – в Москву!», «Долой диктат Москвы!», «Немедленный выход из Союза!», «Полный суверенитет!» и т. п.

Боюсь, грядет либо Чехословакия 1968 года, либо... Финляндия 1918 года. М. С. должен делать выбор. И то и другое для него очень опасно. Но первый вариант означает и гибель перестройки, всего нового мышления. А во втором варианте – русский шовинизм плюс консерватизм, можно, пожалуй, выдержать. Нет, я слишком русский, чтобы осуждать эстонцев.

10 декабря 1988 года

Бушует Прибалтика. А в Армении и Азербайджане за одну неделю около 10 убийств, идет сплошной межнациональный разбой. 50 тысяч беженцев, дети на морозе, разграбленные дома, диверсии на транспорте и т. д.

И соратники М. С., и прибалты чувствуют, что Горбачев готов пойти очень далеко по пути федерализации Союза. Недаром он оставляет в качестве скреп самые общие вещи: Октябрь, социализм, верность ленинскому выбору... Об остальном, мол, сумеем договориться. Но его беспокоит реакция российской части Союза. Несколько раз в разговоре один на один ссылался на то, что великодержавные «потенции» угрожающе «урчат». Мне же кажется, что в русском национализме сейчас верх берет «не единая и неделимая», а национализм как таковой: «пошли они, все эти эстонцы и армяне, к такой-то матери!» Народу-то, видимо, действительно начхать, а вот антиперестройщики создают фон: мол, разваливает Советский Союз, великое наше завоевание...

Горбачев спрашивал и меня, и, как я узнал, Шахназарова и Яковлева: неужели прибалты действительно хотят уйти? Я ему отвечал: думаю, что да. И дело зашло далеко, если даже народная артистка СССР, великолепная и любимая всеми Артмане публично говорит о 40-летней оккупации Латвии. Он мне в ответ (то ли дурака валяет, то ли всерьез так думает): они погибнут, отрезав себя от остального Союза. Самообман и наивность...

31 декабря

Разговор с одним итальянским другом. Тот задал ему риторический вопрос: что будет с «мировым революционным процессом», когда мы, СССР, перестанем быть мировой военной сверхдержавой? В самом деле, думаю я, сейчас эйфория на Западе в отношении нас потому, что Горбачев осмелился отказаться от этого статуса и снял советскую угрозу, а в остальном-то зачем мы им, каков у них может быть интерес к нам? Скажем, по сравнению с Латинской Америкой, Китаем? Любопытство? Да, конечно. Все-таки, Толстой! Достоевский! и прочие всемирные мифы, на которых строятся представления о нас, русских. Это проблема. Хорошо, если мировая. А если провинциальная и только наша?!

...Прав Гаврила Попов (вчера по телевидению): в 1989 году, мол, ничего не произойдет заметного в «положении жизни», хотя новые тенденции будут нарастать. Думаю, однако, что объективная логика начатого Горбачевым (а может быть, и не вполне осознаваемый им замысел) такова: режим, созданный за 70 лет, должен распасться, его надо развалить. Только тогда общество из чувства самосохранения начнет создавать себя заново. И никаких догм прошлого, будь они даже ленинские. Так что Попов прав, возможно, в отношении экономики, но с точки зрения дальнейшего развала 1989 год принесет очень много. Вон какой уже темп неуправляемости.

19 февраля 1989 года

В Пицунде (М. С. с Р. М. на отдыхе, я при нем). Какое обилие мыслей и талантов в

России, когда свобода. Одно это – уже великое завоевание, которое навсегда войдет в историю, даже если собственно с перестройкой ничего не выйдет. М. С. думает об этом, не исключает провала. Но это не ослабляет его порыва.

Кстати, один эпизод из его недавней встречи с рабочими. Фрезеровщик московского завода после выступления М. С. сказал: «Что ж это получается? Вы все на себя берете – и успехи, и провалы, – а другие что? Будут отсиживаться в креслах, пока не прочтем в газетах сообщение, что по возрасту и состоянию здоровья...» М. С. покраснел, как-то выкрутился, а в публикации об этой встрече эпизод был сведен к нескольким словам: «Подсыпали ему и перцу, и соли».

3 апреля 1989 года

Зашел разговор о Зайкове. Я заметил: не политический он деятель. М. С. в ответ: «Не только это. Политическим деятелем становятся, но должна быть основа – кувшин. Содержимое кувшина – наживное, а сам-то он от Бога. Вот я что, разве изменился? Нет. Каким был сызмальства, таким и остался... по сути...»

Шахназаров, присутствовавший при этом диалоге, выступил так: «Пора, Михаил Сергеевич, менять команду. Вот мы с Черняевым, да и другие, всю жизнь в писарях, но, наверное, что-то смогли бы, если бы своевременно нас подпустили к решениям. Впрочем, время такое. И вы, Михаил Сергеевич, не упустите время. Подтягивайте свежие силы. Мы с Анатолием уже старые. Нам осталось чуть-чуть. Нас в политики уже не выведешь...»

В аэропорту провожали Горбачева. Началась свара еще при нем... в отдалении от иностранных послов, которые не без удивления наблюдали эту горячую сцену. А когда самолет Горбачева выруливал на взлетную полосу, в аэропорту остались Рыжков, Слюньков, Зайков. Премьер-министр крыл Зайкова чуть ли не матом: «До чего ты довел Москву?!» Слюньков поддавал, Зайков оправдывался. Я подумал: высшие руководители страны собачатся по поводу того, что в одной молочной только молоко, в другой – только сливки, в третьей – только кефир. А капуста навалом будет гнить на базах, а в магазинах ее нет, и т. п.

Николай Иванович рефреном повторял: «Можете вы с Лигачевым говорить что угодно, я буду против, потому что это тупик, катастрофа».

23 апреля

Куда ни кинь, страна в расхристанном положении. Она больна. И гласность – как горячечный бред больного, не подающего пока признаков выздоровления.

30 апреля

После Пленума ЦК Горбачев позвонил мне домой. Интересовался, как я воспринял происходившее. Я сказал, что в зале витал дух «Нины Андреевой» и что если даже кое-кто там за перестройку, то уровень их сознания не выше «Нины». И, конечно, с такими кадрами во главе обкомов и ведомств перестройку не сделаешь. Горбачев крыл многих выступавших на Пленуме матом. Ну а что с ними делать, остановил сам себя, поступить, как с Егорычевым в 1967 году? Я ему в ответ: народ это понял бы... раз революцию делаем. Демократия не всюду срабатывает. Потом я написал ему целый трактат о Пленуме. Предлагал, в частности, довести состав ЦК до 100 человек и покончить с представительским принципом. Поднимать интеллектуальный уровень ЦК.

2 мая 1989 года

Внутри растет тоска и тревога, ощущение кризиса горбачевской идеи. Он готов далеко пойти. Но что это означает? Любимое его словечко – «непредсказуемость».

А скорее всего будем иметь развал государства и что-то похожее на хаос. Поэтому «далеко продвигаться» ему мешает чувство утраты рычагов власти, причем совсем. Поэтому же он держится за привычные приемы, но в «бархатных перчатках». Ибо концепции, к чему идем, у него нет. Заявления насчет социалистических ценностей, идеалов Октября, как только он

начинает их перечислять, звучат иронически для понимающих. За этим ничего нет. Например, социальная защищенность. А что это сейчас такое, когда 22 миллиона получают пенсию меньше 60 рублей? И т. д. Он отбивается от демагогов, которые разрушают «ценности», не видя (или видя?), что это вернет нас к тому, от чего ушли в 1917 году. Но мы ведь никуда не ушли, вернее, ушли в никуда и сами не знаем, в каком обществе живем.

7 мая

М. С. вроде готовился встретиться с корреспондентами, чтобы поговорить о своей личной жизни. Я оказался у него вместе с Шеварднадзе. Он стал с нами советоваться: мол, множатся сплетни, Раиса Максимовна переживает, а мне скрывать нечего: готов открыто и всем говорить. Я сказал: сделать это надо, но не сейчас, а после съезда, когда вы станете президентом (так я полагал). Тогда это будет выглядеть естественнее, а сейчас – вроде как заискивание перед обывательской общественностью. Он со мной не согласился. Эдуард Амвросиевич встал на его сторону. Однако потом узнаю, что корреспондентов Горбачев не позвал. Может, и в самом деле подействовал мой совет.

13 мая

Размышления после встречи Горбачева с Бейкером. Новое мышление уже сработало в том смысле, что всем ясно: на нас никто не нападет и можем заниматься своими делами и сколько угодно сокращать армию, ВПК, уходить из Восточной Европы и т. д.

Горбачев развязал везде необратимые уже процессы распада, которые раньше сдерживались или были прикрыты:

- гонкой вооружений,
- страхом мировой войны,
- мифами о международном коммунистическом движении,
- о социалистическом содружестве,
- о мировом революционном процессе,
- о пролетарском интернационализме и т. п.

Исчезает социализм в Восточной Европе, рушатся компартии в Западной Европе – во всяком случае, там, где они не сумели зацепиться в качестве хотя бы мало-мальски национальной силы. Иначе говоря, все то, что давно зрело в реальной жизни, выплеснулось теперь наружу и приобрело натуральный вид. И оказалось, что повсюду все не то, как представлялось и изображалось. Но главное – это распад мифов и противоестественных форм жизни в нашем собственном обществе:

- распадается экономика,
- распадается облик социализма,
- идеологии, как таковой, нет,
- расплывается федерация = империя,
- рушится партия, потеряв свое место правящей и господствующей, репрессивной и наказующей,
- власть расшатана до критической точки, а взамен нигде пока еще никакая другая не формируется.

Протуберанцы хаоса уже вырвались наружу, поскольку бывшие грозные законы, державшие дисциплину, никто теперь не в состоянии заставить исполнять.

21 мая

Написал М. С. разгромный отзыв на тезисы по национальному вопросу, которые изготовили у Чебрикова в качестве платформы для обсуждения перед Пленумом ЦК по национальным делам. Составлены по принципу: меняя, ничего не менять.

Нужно, наконец, определиться с ролью России, русского народа в Союзе честно и без всякой демагогии. Рефрен моего подхода: кто не хочет оставаться с русскими, пусть «гуляет». Но и русским надо нести свое бремя достойно, на пределе понимания и уважения к другим. А сколько еще в нас шовинистского мещанства и гордости!!!

«Нам внятно все – и острый галльский смысл, и сумрачный германский гений...» – это

Блок о русских. Нужна высокая культура народа – не идеология, а именно культура, – чтобы нести сейчас бремя русского человека в Союзе, в реальной федерации.

Сходил в Кремль оформить документы на свое депутатство на Съезд народных депутатов. Процедура проста: дали 400 рублей (а вчера показывали по телевидению, как обстоит дело у американского конгрессмена: у него 18 сотрудников и 670 тысяч долларов в год на депутатские расходы). Но дай мне хоть столько, все равно не знаю, что я буду делать, что смогу делать в качестве депутата. Абсолютно не представляю себе эту свою роль. Но я просто, наверное, устал, да и никогда не был приспособлен к активной общественной работе. Чурался ее всячески, ибо не умел. Я камерный человек, и в политике самое мое место – за кулисами.

Как-то решил перелистать свои старые, 40-летней давности записные книжицы, заполненные сразу после войны. Боже мой! Сколько же я перечитал самой серьезной, самой немарксистской, самой философской литературы! И сколько я повыписывал из нее – уйма. И это в разгар культа личности, до которого в душе мне не было никакого дела. Я жил отдельно от внешней идеологической среды. И ни до, ни во время, ни после войны культ, сталинизм никак не отразились на моем внутреннем развитии. Хотя глухота совести и ума появилась. И как это ни странно, именно после XX съезда, во время хрущевского отступления от этого съезда и моей работы в Отделе науки ЦК, отуплявшей и духовно развращавшей. Но потом был журнал «Проблемы мира и социализма», что меня и спасло.

Когда М. С. повторяет: «Все мы дети своего времени» (в том смысле, что всем нам надо соскребать с себя прошлое) – и меня в свою компанию зачисляет, я не «присоединяюсь». Я жил все-таки в основном по законам московской интеллигенции. Никогда у меня не было ненависти к белогвардейщине, никогда я никого, включая Троцкого, не считал врагами народа, никогда не восхищался Сталиным и всегда во мне вызывало отвращение его духовное убожество. Никогда не исповедовал официальный марксизм-ленинизм. Если бы Бог дал мне ум посильнее и характер поорганизованнее, наверное, что-то сумел бы оставить после себя. А впрочем, что оставлять. Загладин, например, написал в общей сложности около тысячи печатных листов, а кому это нужно? Кто это когда станет читать? И хорошо, что начиная с середины 70-х годов я перестал публиковаться... не только из-за лени, а и потому, что не мог писать так, чтобы потом не было стыдно.

Так что, Михаил Сергеевич, не все мы дети своего времени. Некоторые – дети XIX века. И обязан я, наверное, этим, если уж к самым корням идти, своей матери, которая своими несостоявшимися с точки зрения практических результатов попытками дать мне домашнее воспитание (уроки французского, немецкого, музыки, лучшие школы на Маросейке – в Петроверигском переулке и в 1-й опытной имени Горького) привила мне желание (пусть сначала это было чисто тщеславным импульсом) стать человеком культуры, интеллигентом, сохранить нечто дворянское в своих взглядах и в поведении.

28 мая

Со Съезда народных депутатов. И серая масса, агрессивно-послушное большинство, по определению Юрия Афанасьева, и интеллектуалы отвергают внутреннюю политику Горбачева. Первые – за пустые полки магазинов, вторые – за некомпетентность (а где их собственная компетентность, в том числе академиков?).

Горбачев ведет съезд на пределе возможного. Но он не может справиться с последствиями своей доверчивости и привязанности к аппаратным методам. Увы, старое тянет, как в свое время у Никиты. Хотя, конечно, с поправочным коэффициентом на интеллигентность и образованность. Ошибка за ошибкой в тактике и не всегда удачные импровизации. Недооценил он того, чем могут обернуться Карабах, Тбилиси, история с Гдьяном. Опять же положился на старые приемы. Решил, видимо, что никто не осмелится «катить» против него.

«Дачная» ахиллесова пята сейчас обнажилась. Недоумение по поводу роскошных резиденций в Крыму и под Москвой я высказывал М. С. еще в сентябре. Если он хочет иметь то, что вроде положено президенту сверхдержавы, он должен и вести себя как президент, т.е. с нарастающим акцентом на авторитарность. Только тогда наш народ признает за ним право жить во дворце и ... заткнется. Если же он будет изображать из себя демократа – я, мол, такой, как и все вы, – это обернется дискредитацией, потерей почтения к «высшей власти».

До жути страшно становится: на глазах разваливаются столь привычные авторитет и власть. Готов ли к этому сам М. С.?

Накануне съезда он опять собрал секретарей обкомов, инструктировал, давал понять, что они опора. А эту опору на выборах делегатов съезда прокатили с треском. Это ли не сигнал для партаппарата: либо уходить, либо адаптироваться? Время для них течет со скоростью горного потока. Плохо, что он держит рядом лишь Яковлева и иногда Медведева. Шахназаров шумит: почему М. С. не опирается на нас с тобой?! Не глупые мы, а главное, можем говорить что думаем. И мы связаны как раз с той средой, которая сейчас на съезде наиболее активна, мы чувствуем ее векторы. Почему он варится только в яковлевском соку, который сам сейчас в растерянности?!

Еще одно наблюдение со съезда. Диапазон делегатов от Прибалтики до Средней Азии и Сибири огромен. Это особенно видно, поскольку делегаты и «территориально» расположены в зале в разных концах. И этот диапазон – от культурности и демократизма до сталинизма и брежневизма – по уровню сознания и настроениям. Одни «чешут» латинскими выражениями, другие «захлопывают» несогласных и выкрикивают в микрофон всякую белиберду.

11 сентября 1989 года

Запись после возвращения из Крыма, где был при нем во время отпуска.

Я не мог проникнуть в его тайные замыслы (если они есть), когда он там диктовал статью против правых и левых, резко высказался против требования стабильности: какая, мол, стабильность, ведь революция у нас. Если стабильность, то конец перестройке, стабильность – это застой. В революции и должна быть нестабильность. Но тогда чего возмущаться теми, кто баламутит?! Душевное состояние у него без паники. Будто где-то в глубине он убежден, что не потонет. Опасный крен у него – поддакивание «россиянам» (встречался с Бондаревым, дал героя Астафьеву, сделал Куняева редактором «Литературной России»). Вновь и вновь повторяет: если Россия поднимется, вот тогда-то начнется. Что начнется? Железно он стоит против образования Компартии РСФСР, против придания РСФСР полного статуса союзной республики. На Политбюро так и сказал: тогда конец империи. Словом, держится за старые рычаги. Хотя волю стране дал небывалую. И теперь уже не удержишь, не вернешь. И в экономике тоже... Боится рынка, боится свободных цен, боится кооперации. Боится разогнать Политбюро и ведомства, хотя видит, что аренда на селе без этого не пойдет. Сам же на последнем Политбюро заявил, что мартовский Пленум (по сельскому хозяйству) завалили, ибо там ставился вопрос об изменении роли собственности в производственных отношениях.

Не согласился со мной созвать очередной съезд КПСС в ноябре с одним только вопросом – о переизбрании ЦК. Я ему три страницы аргументов написал. Нет, говорит. Хотя понимает, что ЦК против него, против перестройки, что в этом составе он губит остатки авторитета партии. Не хочет М. С. круто разделаться с окружением и воспользоваться своей новой властью фактического президента.

17 сентября

Не нашли мы еще выход к новой России. М. С. на Политбюро советовался: мол, ему, наверное, надо выступить в «Коммунисте» о том, что такое социализм и его обновление. Идея прошлогодняя. Начато это мною еще в Крыму в прошлом году по его заданию. Теперь тему доводит Иван Фролов со своими Лацисом и Колесниковым. Уверен, ничего серьезного не получится, потому что прав Юрий Афанасьев: надо отойти от дилеммы капитализм – социализм. Это нафталин. Нельзя искать будущее на путях марксизма-ленинизма, как его ни обновляй. Нужна совершенно свободная мысль и теория, основанная сугубо на реалиях современности. Марксизм-ленинизм – это XIX век, в XX он дал горькие плоды.

Вчера пошел на Крымскую набережную в картинную галерею. В вестибюле давно там поставлены скульптуры: красноармеец на посту со штыком и в дохе; пастух из Дагестана, Зоя Космодемьянская и т. п. И ужаснулся я: ведь демонтируем все, что было идейной атмосферой нашей молодости. Все приобретает значение с обратным знаком. Все вокруг, оказывается, было ложью. Но, наверное, всегда так на поворотах.

И подумал: хорошо все-таки, что я в молодые годы не увлекался политикой. И в комсомол не вступил, и читал Ницше и Шопенгауэра, горьковскую «Всемирную литературу», Достоевского в довоенных (до 1914 года) изданиях и сотни других книг. Причем выбирал те, которых другие не читали. Оригинальничал. А в результате не утратил того, о чем сейчас плачет наша «передовая» пресса – моральных норм и совести. В результате никогда не был под обаянием Сталина. Никогда не считал его великим, потому что он не был в моих глазах благородным человеком и интеллигентом, человеком культуры.

24 сентября

Вчера присутствовал на встрече Горбачева с Тэтчер. Красивая, умная, женственная. Это неправда, что она баба с яйцами, мужик в юбке. Она во всем женщина, еще какая! Хвалит Горбачева. Телевидение ей вчера дало чуть ли не целый час для этого. Она, наверное, правильно поняла замысел М. С.: ему наплевать на идеологию коммунизма, он хочет сделать свою страну нормальным, цивилизованным государством. И если бы не катастрофа с «благосостоянием народа», она уже стала бы такой.

Начинаю готовить визит в Финляндию.

9 октября 1989 года

После поездки Горбачева в Берлин.

Европа вся в восторге от его высказываний там. И все шепчут нашим дипломатам и вообще советским, что это хорошо, что СССР высказался деликатно против воссоединения Германии. Аттали (помощник Миттерана) заговорил всерьез о восстановлении советско-французского союза, включая военную интеграцию. Я вспомнил в связи с этим: Тэтчер, разговаривая с Горбачевым, попросила вдруг не записывать, что она дальше скажет. А сказала она примерно следующее: «Я решительно против объединения Германии. Но я не могу этого сказать вслух ни у себя дома, ни в НАТО».

В общем понятно: нашими руками хотят остановить немцев.

11 октября

Вместе с Шахназаровым учинили «погром» записке Шеварднадзе и Крючкова по поводу политики в отношении стран соцориентации. Застенчивые изменения они предложили. Мы же с Шахом выступили вообще против самой этой категории («соцориентация»), против деления «третьего мира» по идеологическому признаку, против экспорта туда оружия, что соблазняет правителей этих стран заниматься не тем, чем следовало бы. Словом, мы предложили коренное изменение курса на этом направлении, ибо прежнее, сложившееся на идеологических предпосылках и на основе военно-стратегических соображений, – это курс позавчерашнего дня, он не оправдал себя, обанкротился и несовместим с новым мышлением.

М. С. велел разослать наш меморандум членам Политбюро.

Чем-то кончится эта наша затея?

23 октября

Начитался вчера западных анализов нашей экономики. Рекомендаций полно. И все, кроме, конечно, Пайпса и Бжезинского, – с позиций заинтересованности в успехе перестройки. Успех понимается в основном по-тэтчеровски. Наиболее серьезные – с пониманием, что мы не можем превратиться целиком в западное общество. Есть и такие, которые предрекают советское экономическое чудо, если... Общее у всех у них то, что надо, мол, Горбачеву наконец решиться на прорыв, не тянуть, не осторожничать, уйти от половинчатости, так как время работает против него. Неизбежны тяжелые времена для определенной части общества, но есть мировые законы оздоровления экономики и никому еще не удавалось их обмануть. Общее еще у тех и других – персонификация нашей реформы. Все они апеллируют к Горбачеву. Вот, мол, если бы он сделал так-то и так-то, если бы он решился на то-то и то-то, и т. д. Но беда заключается в том, что он уже не властен ничего решительного сделать, даже если бы решился. И не потому, как они там думают, что существует рядом Лигачев, бюрократический аппарат, а потому что у него нет механизма добиться проведения в жизнь своих решений. Их некому проводить.

Партию уже никто не признает в этом качестве, а Советы по-прежнему беспомощны. Хозяйственники между двух стульев: никаких указаний к ним не поступает, свободой своей распоряжаться они не могут и не знают, к кому «тыркнуться», чтобы производство функционировало и чтобы связи с другими предприятиями сохранить.

Аппарат на всех уровнях деморализован или пассивно ждет, когда все это завалится. А им, аппаратчикам, все равно уже терять нечего. Лозунг «включить человека, человеческий фактор» повис в воздухе, потому что наш человек без поводыря оказался заброшенным и озлобился, потому что ничего у него нет и не у кого теперь просить и требовать. Остается только кричать и поносить все вокруг.

Опасно поднимает голову рабочий класс. В лидеры к нему приходят профсоюзники и партийные деятели райкомовского звена, которые поняли, что место им может спасти только махровый популизм и демагогия, обращенная к самому верху.

А М. С. продолжает заигрывать со всякими Яриными, которого на митингах требуют ввести в Политбюро. Так что и здесь идеология подставляет Горбачеву ножку. И не только ему, а и всей перестройке. И не только в экономике, но и в гласности.

29 октября

Поездка в Финляндию убедила, что и от нее мы отстали уже на десятки лет. Но и в эти четыре года перестройки упустили время, все осторожничали. Горбачев боялся за социалистические ценности, а теперь эти ценности оборачиваются против него, потому что возникает рабочее движение со своим естественным тред-юнионистским законом: дай мне, а на остальное наплевать...

Вчера был у Брутенца в больнице. Он лежит с инфарктом. Поговорили часа полтора о том, конечно, куда мы катимся и что думает Горбачев. Я говорю: М. С. искренне верит в формулу: социализм – творчество масс. Вот они и творят. А что получится, мол, посмотрим. Карен согласился, но добавил, что надо при этом все-таки и управлять. А как управлять, возразил я, когда нет никаких механизмов для этого.

План можно составить, но никто не захочет теперь жить по какому-то плану. Насытились мы всякими планами. Да если бы и захотели, не смогли бы. Мы достаточно уже доказали всем и себе, что общество по плану развиваться не может. Государство может, до какого-то момента, пока окончательно не оторвется от общества.

Да к тому же известно, что нельзя регулировать неизвестное.

6 ноября 1989 года

По поводу очередной истерики Рыжкова на Политбюро. Мол, со всех сторон кричат о кризисе. Экономика – в кризисе, общество – в кризисе, партия – в кризисе, снабжение – в кризисе. Все в кризисе! М. С. заметил ему: но они ведь только повторяют то, что мы сами сказали, в том числе на XIX партконференции. Вот когда кричат о катастрофе, тут я не согласен.

1 января 1990 года

Примерно месяца полтора назад, после очередной встречи с видным иностранцем М. С. сказал мне, потом Шахназарову, потом Яковлеву: «Я свое дело сделал!» Воистину так, но не думаю, что он захочет уйти. Скорее всего ему придется стать президентом. И тогда появится еще одна пауза, захотят посмотреть, как он распорядится и справится – не обремененный наличием Лигачева, Политбюро, ЦК и т. п.

2 января

Размышления по итогам поездки в Италию и на Мальту. Визит в Италию не казался значительным. И переговоры, и подписанные документы – все это уже было с другими странами и все это мало пока идет в дело и для нас, и для них. Суть в изменении атмосферы и всей политической ситуации. Тут в Италии, умноженные на темперамент, фантастически искренние симпатии к Горбачеву – это не просто популярность.

Острее всего я почувствовал это в Милане, где была просто массовая истерия. Машина

еле-еле продвигалась через толпу. А когда он вышел на площади Л а Скала и пошел по галерее к муниципалитету (это почти километр), происходило что-то невероятное. Сплошная плотная масса, которую полицейским с огромным трудом удавалось раздвигать, чтобы дать ему сделать несколько шагов. В окнах, на балконах, на перекладинах, между стенами под сводами галереи, на любых выступях люди нависали друг на друга. Под крышей галереи – оглушающий вопль: «Горби! Горби!» Полицию в конце концов смяли. Охранников затолкали и растащили.

Только самодисциплина людей позволила предотвратить давку, «ходьнку». В муниципалитете Горбачев не смог произнести заготовленную заранее речь. Признался мне потом, что был просто в шоке, и заготовленные слова куда-то все делись. По выходе из мэрии к машине прорвались женщины, судя по одежде явно из высшего света. Со слезами, в истерике бросаются на стекла машины, их оттаскивают, они вырываются...

Что это? Для меня объяснение одно. Мы не знали и не могли понять, какой ужас много лет наводили на Европу своей военной мощью, 68-м годом в Чехословакии, своим Афганистаном, каким потрясением для европейцев была установка СС-20. Мы знать этого не хотели, мы демонстрировали мощь социализма. И вот Горбачев убрал этот ужас, и страна наша предстала нормальной, даже несчастной. Вот почему мы имеем этот Милан. Вот почему Горбачев теперь не только «человек года», но «человек десятилетия» (по Time'y).

Я болел эти дни. По звонкам от Гусенкова и Шахназарова почувствовал тревогу. Предстоит Политбюро. Ждут основательного разговора: кто за что и с кем.

Однако тревога оказалась преждевременной. Горбачев спокойно оценил итоги года. В духе своего новогоднего приветствия порассуждал об экономической программе Рыжкова, утвержденной съездом. Сказал, что надо «браться с первого дня», что 90-й год – решающий. И заключил: «Если не изменим положение со снабжением, нам надо уходить».

Обсудили, когда ему ехать в Литву. Некоторые предложили потянуть с поездкой. Никаких наших идей, которые мы с Шахназаровым пытались навязать ему в связи с поездкой, при обсуждении не появилось. А мы ему говорили, что без предложения заключить договор между Литвой и СССР лучше не ехать вообще, ибо это провал.

4 января

Мой прогноз: спасение перестройки в ее рутинизации, в пассивизации народа. Но и это при условии, что хоть чуть-чуть будет улучшаться с едой в России. А Союз, я думаю, начнет сокращаться. Прибалтика станет договорной частью Союза, саму Россию будут изнутри растаскивать татары, башкиры, якуты, коми и т. д.

21 января

Между прочим, день смерти Ленина... А как-то незаметно. Вчера утром на Политбюро тайно обсуждали ситуацию в Азербайджане. Заодно решили проводить в июне партийный съезд. Опять Горбачев опоздал. Я и другие доказывали ему еще летом, что съезд надо проводить в 1989 году, до сессии Верховного Совета, до Съезда народных депутатов. Все равно к этому пришел, но время-то упущено. И он, стараясь сохранить партию, теряет ее, а главное, остается опутанный Лигачевым и компанией, аппаратом, отделом оргпартрabоты, не говоря уже об обкомовских бонзах типа только что прогнанного Богомякова из Тюмени и т. п.

После Литвы и в связи с событиями в Азербайджане, которые, кстати, вызвали яростную демонстрацию женщин в Краснодаре, Ставрополье, в Ростове-на-Дону, в Туапсе, в казачьих станицах и русских крестьянских селах против набора резервистов, направляемых на «усмирение Кавказа». Женщины кричали: «Нет новому Афгану! Почему русские мужики должны умирать из-за всяких армян и азербайджанцев? Пусть сами разбираются, вместо того чтобы спекулировать на наших рынках!»

Так вот, под воздействием всего этого я вспомнил «концепцию» Распутина-Астафьева (о том, что Россия должна уйти из СССР). Читаю сейчас Владимира Соловьева «Национальный вопрос в России» и стал склоняться к тому, что многонациональную проблему Союза можно решить только через русский вопрос. Пусть Россия уходит из СССР и пусть остальные поступают, как хотят. Правда, если уйдет и Украина, мы на время перестанем быть великой державой. Ну и что? Переживем и вернем себе это звание через возрождение России.

23 января

Вчера за день начитался всякой информации о событиях в мире. Восточная Европа «отваливает» от нас совсем, и неудержимо.

И все больше очевидно, что «общеевропейский дом» будет (если будет!) без нас, без СССР, а мы пока «пусть поживем» по соседству. И везде рушится ком-движение. Новая, новая эра наступает. Решительнее, смелее надо уходить от стереотипов, иначе останемся в хвосте мировой истории. А Горбачева еще прочно держат за фалды страхи из прошлого. Он скорее инстинктом рвется на новые просторы, а разум не охватывает всего или боится «делать выводы» политические.

25 февраля 1990 года

Из реплик в узком кругу, из звонка ко мне Раисы Максимовны я почувствовал, что Горбачев готов уйти. Великое дело он уже сделал, а теперь, мол, сам народ, которому он дал свободу, пусть решает свою судьбу как хочет и как сможет. Впрочем, держит его чувство ответственности и надежда, что все-таки еще можно «упорядочить процесс».

На что же опираться Горбачеву в нынешней ситуации? Народ он оттолкнул пустыми полками и беспорядком. Перестроечных партийцев – объятиями с Лигачевым. Перестроечную интеллигенцию – заигрыванием с Бондаревым, Беловым, Распутиным. Националов – тем, что не «отпускает» их либо не «спасает» одних за счет других. Упущен шанс: надо было сразу после январского Пленума, в чрезвычайном порядке, в нарушение конституционной нормы созвать Съезд народных депутатов. Сыграть на том, что они – сами народные депутаты – полномочны решать, законно они или незаконно собрались в Москве, чтобы избрать президента.

А между тем вчера умер Дезька. Горбачев явно ведет дело к реальной многопартийности. Иначе не могла бы появиться записка за подписью Кручины и Павлова (зав. Отделом адморганов ЦК) об инвентаризации партийного имущества и подготовке к передаче государству всего того, что принадлежало партии (механизмы шифроинформации и связи, закрытые телефоны, партийные здания, гебешная охрана, просто непомерная для политической партии как таковой, и т. д.). Срок – 2 месяца.

В пятницу приходил ко мне Креддок (внешнеполитический помощник Тэтчер). Выяснял, продержится ли Горбачев, и в этом контексте – об объединении Германии. Боятся. Мадам больше кого бы то ни было в Европе боится, как бы Великобритания совсем не лишилась положения великой державы. И логика, и аргументы ее посыльного понятны и в общем те же, что и у нас. Но для них выход – Германию в НАТО. Я с ним полтора часа говорил, держался совершенно натурально, без всякой самоцензуры. А опомнившись, не сразу сообразил, что разговаривал отнюдь не с «товарищем».

На Политбюро в силовом духе, с позиций «единой и неделимой» (так прямо Воротников, например, и произносит) обсуждался вопрос об отделении Литвы, о Союзном договоре. И Горбачев говорил в унисон с Лигачевым, Рыжковым, тем же Воротниковым. Словом, происходит отрыв от реальности, который грозит тем, что останется один аргумент – танки.

Смятение в душе. Общество рассыпается, а зачатков формирования нового пока не видно. У Горбачева, по моим последним наблюдениям, утрачено чувство управляемости процессом. Он, кажется, тоже «заблудился» (любимое его словечко) в том, что происходит, и начинает искать «простые решения» (тоже любимый его термин).

12 апреля 1990 года

Горбачев продолжает игру с Литвой. Доказывает иностранцам (был тут Эдвард Кеннеди, потом скучный Херд – мининдел Великобритании), как он, Горбачев, прав и какой он такой же, как они, законник. Да, юридически он прав, но исторически и политически проигрывает. И, дай Бог, проиграет только... личный престиж.

Я предложил Горбачеву направить Добрынина послом в Индию взамен заваливающегося Исакова. А он хочет его на пенсию. Мне не понятен и не нравится маневр Шеварднадзе, который всю свою довольно сильную команду замов отправил послами: Бессмертных, Воронцова, Адамишина, Абоимова... Оставшись с «нежным Толей» (Ковалев) и Никифоровым

(партноменклатурщик).

Горбачев активен и кажется бодрым, уверенным. Это производит впечатление, но главным образом на иностранцев. Обманчиво: это результат его физического и нравственного здоровья, а не политической уверенности. Дела все хуже. Хотя я не верю в гражданскую войну, если мы сами ее «не захотим». Пока ее хотят лишь генералы, которые брызжут ненавистью ко всему горбачевскому. И остервенелый аппарат. Будет бой на съезде КП РСФСР, а потом на XXVIII съезде КПСС.

13 апреля

Вчера Горбачев проводил Президентский совет по радикализации экономических реформ. Я не пошел. Текучка заела. Что со страной, сколько еще до полного паралича?

15 апреля

В общественном сознании и в средствах массовой информации общим мнением стало, что никакого социализма у нас не было и нет. Я эту мысль вписал Горбачеву в «Слово о Ленине» (ему предстоит выступить с докладом к дню рождения Ленина). Думаю, аккуратно вычеркнет.

21 апреля

М. С. охладевает к внешней политике, возможно, из-за Литвы. Я ему принес график встреч на май-июнь. Он мне: Делора – долой, Миттерана – маханул (я взвился, поскольку Миттерану уже сообщили), делегацию Социнтерна – долой. Киннока тоже. И добавляет: вот было бы хорошо, если бы Марго отказалась от поездки в Киев, да и Буш – от встречи. Хоть делом бы занялся.

22 апреля

Гляжу я на этот развал прежних структур и думаю: а может быть, он и в самом деле «готов пойти так далеко, как вы (это он мне и Яковлеву) и не предполагаете»? Не раз и уже давно он так говорил. Может, в самом деле хочет распрощаться со всем, что нас привязывает к 70 прошедшим годам, оставив лишь некоторую символику, чтобы отличаться от Запада? Может, он так горячо настаивал на письме ЦК к партии, чтобы окончательно ее завалить или, по крайней мере, отодвинуть от реальной власти? Хотя трудно в это поверить, глядя на него на заседаниях Политбюро. Видимо, все время в нем борются два начала и иногда побеждает импульсивное – от крайкомовской его инерции. А потом он начинает «разбираться», отруливать или использовать к своей одномоментной выгоде то, что явно, казалось бы, во вред его официальной политике. Во всяком случае, он давно понял, что с Егором Кузьмичом, Рыжковым, Воротниковым, Зайковым и т. п. ему не по пути. И по-разному их характеризуя, он не скрывал «в нашем кругу» неприязни, по крайней мере к первым двум. И я понимал: отделаться от них – вопрос времени. Теперь он почти этого достиг. Но не так, как его призывали сделать: убрать из ПБ, освежить ПБ, заменить и т. д. Это ему казалось «старым мышлением». А он сделал большее: убрал само ПБ от власти. И это уже визуально просматривается. На возложении венков у Мавзолея в первом ряду он, Лукьянов, Рыжков (премьер), другие. Не партийные боссы. И чуть поодаль – Яковлев (член Президентского совета). А «партийные» Лигачев и К[□] – уже во втором ряду.

События, связанные с формированием Компартии РСФСР, создают ситуацию, когда Горбачеву надо сильно торопиться. И поскорее вывести КПСС как целое за скобки власти, окончательно сделав тем самым свое правление «светским». Хотя проблема России остается. Прав Анатолий Стрелянный в своей статье: ВС РСФСР, который изберут на съезде России в мае, не будет таким послушным, как ВС СССР. И если к тому же Ельцин станет президентом... Думаю, не надо сопротивляться превращению СССР в союз государств, в конфедерацию. Тогда бы он правил над ним. А так, если Россия выйдет из его подчинения, как управлять остальной страной? Тут надвигается большой просчет. Скорей бы закрыть литовскую закавыку – по особому статусу для всей Прибалтики в Союзе. Конечно, и остальные захотят такого статуса. Назарбаев уже бьет копытом, не говоря уж об Армении, Грузии, Азербайджане. Ну и что? Неизбежное не отвратить.

Горбачев сказал мне вчера, впрочем, не впервые: никогда не пойду на то, чтобы судить за «злоупотребление властью» в застойный период. Тогда 100 тысяч надо отдавать под суд. Тогда мы возвращаемся в «1937-й».

Все думаю: сознательно он вел дело к идейно-психологическому развалу в обществе или так получилось? А он, как всегда, адаптировался и «оседлал процесс»? Но без этого никакого обновления не получалось бы. Даже поношение и дискредитация Ленина «экстремистами» (радикалистами, как он стал их называть) служит раскрепощению мозгов и утверждению «чувства полной свободы». Вседозволенность работает на расчистку почвы для нового общественного сознания, действительно плюралистского и ни от кого сверху не зависящего.

В разговоре с Асадом (президент Сирии) он отвлекся опять на рассуждения о «социалистической идее» в рамках перестройки. Не видит, что ли, что пока эта идея в обществе держится лишь на консервативной инерции («За что боролись!», «Тогда было равенство, хоть и в бедности»)? В этом смысле характерен такой защитник социализма, как народный депутат Сухов – шофер из Харькова.

Не видит М. С., что ли, что ничем оригинальным в социальной сфере, что было бы неизвестно современному капитализму, «социалистическая идея» не отличается. Мы не наполнили эту идею жизнеспособным содержанием, и никто не сможет это уже сделать.

Литва – самая болевая для него (М. С.) точка. Она – в экономической блокаде. А «восстания», которого он ждет против Ландсбергиса и Прунскене, все нет и нет. Нет у него политики в отношении Литвы, а есть одна державная идеология: не допустить распад империи. В Свердловске недавно вновь заявил – не отступит от этого.

Он очень усталый и стареет на глазах. После встречи с Асадом на улице Алексея Толстого жаловался нам с Брутенцем, что дошел до ручки, голова ломится. И впрямь: вчера де Мезьеру (премьер ГДР) наговорил с ходу такого, от чего придется отступить. Потом диктовал свою речь для съезда РСФСР, который действительно все может и порешить, если Россия захочет выйти из СССР.

Воротников уже подал в отставку (с поста Председателя Совмина РСФСР). Власова на ПБ прочат на его место. Но, наверное, это не пройдет. Скорее всего, будет Ельцин «со всеми вытекающими». А М. С. его в Свердловске объявил конченным политическим деятелем.

7 мая 1990 года

Да, с Горбачевым что-то происходит: сегодня устроил встречу с Героями Советского Союза и орденоносцами «Славы». Какой-то генерал, приехавший из Литвы, 20 минут нес черт знает что – будто он не в 1990-м, а в 1950 году. Другие под стать, и все под бурные аплодисменты. Западная печать усекла: Горбачев, мол, эти празднества, 45-летие победы и проч. проводит, чтобы умаслить армию, которая еще не сказала своего слова в политике. Наверное, так оно и есть. Но тут сказываются и его крайкомовские «эмоции». (А почему у меня самого их нет? Вернее, они у меня совсем другие, эти эмоции, хотя я-то, как и эти генералы и орденоносцы, воевал.)

Язов выступил тоже по-генеральски, по существу цинично. Обрушился на ученых-очернителей: насчитали, мол, 46 миллионов, а погибло на полях сражений всего (!) 8. Забыл даже о 3 миллионах пленных только в 1941 году. По чьей вине, товарищ Язов? А ведь их судьба оказалась хуже, чем у убитых. Словом, М. С. напускает серую пену, чтобы прикрыть просчеты перестройки. Эта его акция – та самая другая крайность, против которой он так яростно выступает.

20 мая

Вчера, в субботу, М. С. позвал в Ново-Огарево обдумать концепцию к XXVIII съезду КПСС. Приехали Яковлев, Примаков, Фролов, Шахназаров, Болдин, Петраков и я. Весь день дискутировали. Попутно слышали такие его рассуждения «о своей доле». Жизнь что? Она одна. Ее не жалко отдать за что-то стоящее. Не на жратву же или на баб только. И я ни о чем не жалею. Раскачал такую страну. Кричат: хаос, полки пустые! Партию развалил, порядка нет! А как по-другому? История иначе не делается. И как правило, такие большие повороты сопровождаются большой кровью. У нас пока удалось избежать ее. И это уже колоссальное достижение. И весь мир теперь рассуждает категориями нашего нового мышления. Это что, так

себе? И все ведь к человеку, все в русло цивилизаторское. А дефициты и полки пустые переживем. Колбаса будет. Ругают, клянут! 70 процентов аппарата ЦК и самого ЦК против меня. Ненавидят. Не делает это им чести: если поскрести – шкурничество. Не жалею ни о чем и не боюсь. И на съезде не буду ни каяться, ни оправдываться.

Целый день разговор шел вокруг этих проблем. Он даже согласился с моим заявлением (а это я уже не раз ему говорил), что перестройка означает смену общественной системы. Согласился, но добавил: в рамках социалистического выбора. Ну и ладно пока...

23 июня 1990 года

Лигачев на крестьянском съезде уже в открытую назвал президента предателем, развалившим страну и социалистическое содружество. И добавил, что он, Лигачев, будет бороться до конца.

На московской партконференции Прокофьев (первый секретарь МГК) обошел Горбачева слева. Силаев, премьер-министр России, выступил за частную собственность (полная метаморфоза у технократа). Кстати, Бочарова взять в премьеры Ельцин побоялся, а взял Силаева, хотя это был человек Горбачева. Чудеса, да и только!

А вообще-то, как отвлечешься от повседневных перегрузок (давление опять дает о себе знать) – находит ощущение полного завала и распада... Наверное, это и есть настоящая революция: от системы к системе. Что я и пытаюсь заложить в доклад к XXVIII съезду. Скорее всего, люди именно так переживают такие времена.

Вчера Полозков избран первым секретарем Российской компартии. Со всех сторон, включая даже редакцию «Коммуниста», от всяких писателей и театральных деятелей идут протестующие телеграммы и звонки: индивидуально и целыми организациями люди хотят выходить из партии. Мне тоже надо об этом подумать. Горбачев, который все дни торчал на съезде Российской компартии, выслушивал грубости и принимал прямые оплеухи от этой своры. Сносил не просто грубости, а махровую дикость. Потом произнес заключительное слово. Но свел все (этого потребовали от него!) к ответам на вопросы – провокационные, глупые, ехидные, с подковырками. Отвечал путано, многословно, сумбурно, иногда не умея выразить того, что хотел, или, как всегда, боясь определенности, сознательно плутал, чтобы не было ясно. Повторил свое клише – против ухода с поста генсека, против превращения КПСС в парламентскую партию, за рабочий класс как социальную базу партии, и прочее, и прочее. По существу это все популистское, компрометирующее самую его перестроечную концепцию.

И вообще он слишком стал разным: один за границей, другой – здесь. Это особенно контрастно выглядит после недавней поездки в Америку. Там его здравый смысл, там его теория «движения страны к процветанию». Тут инстинкты страха, тактически – аппаратный образ мышления, органичная привязанность к компромиссам, которые уже наносят огромный вред политике и всему делу.

Если он пойдет на Пленум ЦК КПСС (для утверждения проекта своего доклада к XXVIII съезду), то теперь-то уж его разнесут вчистую – после этого темного российского съезда. И даже могут снять с генсекства. И сделают это обязательно, если он представит доклад, который подготовлен в Волынском-2. А играть «ва-банк», судя по его поведению на съезде Компартии РСФСР, он не будет. Значит, подчинится. Думаю, и от рынка отступится – и будет всеобщий позор и бесславный конец. Может быть, не сразу, а по сильно скользящей наклонной. «Великий человек» – а он оказался именно в таком положении – не смог удержаться на уровне своей великости, когда пробил час. А он пробил именно в эти дни.

Мы с Шахназаровым написали ему записку, умоляя оставить пост в партии. Доказывали, что для него это означало бы подняться над всеми партиями, стать действительно президентом. И, кстати, уход позволил бы ему отгородиться от нападков и оскорблений всяких шавок, которые пользуются уставным партийным правом и дискредитируют его с позиции собственной «культуры». Записка была проигнорирована. Горбачев либо считает, что опять все ему сойдет (хотя с каждым разом сходит все хуже и хуже и для него, и для страны), либо что-то задумал. Но тогда зачем он раздевается публично на съезде РКП? Чтобы потом обвинили в обмане, в коварстве?

8 июля 1990 года

Идет съезд партии. Скопище обезумевших провинциалов и столичных демагогов. Настолько примитивный уровень, что воспринять что-то, кроме марксизма-ле-нинизма, они просто не в состоянии. Все иное для них предательство, в лучшем случае – отсутствие идеологии.

После встречи с секретарями райкомов и горкомов Горбачев сказал мне: «Шкурники. Им, кроме кормушки и власти, ничего не нужно». Ругался матерно. Я ему: «Бросьте вы их. Вы – президент, вы же видите, что это за партия, и фактически вы заложником ее остаетесь, мальчиком для битья». "Знаешь, Толя, – ответил он мне, – думаешь не вижу? Вижу. Да и все твои (!) Арбатовы, Шмелевы... письма пишут такие же. Но нельзя собаку отпускать с поводка.

На съезде Ивашко (зам. генсека) отвел М. С. в сторону. Пошептались. Оказалось, тот предупредил, что в резолюции съезда хотят генсеку «неуд» поставить. Тут же М. С. забрал в свои руки председательство на съезде. Большинство только что проголосовало за то, чтобы каждого члена Политбюро выслушать и дать ему персональную оценку. М. С. ринулся «спасать ситуацию»: «Если вы на это пойдете, партия расколется». Вот и получается, что, вместо того чтобы самому расколоть такую партию два года назад, он сейчас, когда она превратилась во враждебную ему и перестройке силу, продолжает спасать ее от раскола.

Он обвиняет своих оппонентов в том, что они не ощущают, что живем уже в другом обществе. Но он сам этого не ощущает, потому что его понимание, что такое «другое общество», не совпадает с тем, какое оно на самом деле. А оно оказалось в массе своей «плохим», а не «хорошим», на что он рассчитывал, когда давал свободу.

9 июля

Вчера весь день Горбачев – «с рабочими и крестьянами» в Кремле на их съезде. Потом – на комиссии по обсуждению проекта Устава партии. Неумолим и настойчив. Только чего добивается-то? Лигачева в качестве заместителя генсека? И что он будет «иметь» с этой партии?

Вся московская интеллигентская пресса кроет и съезд, и Лигачева с Полозковым и недоумевает по поводу тактики Горбачева. Поступают сведения, что творческие союзы собираются скопом уходить из КПСС.

Вот вчерашнее интервью Горбачева после встречи с рабочими. Опять: КПСС – это партия рабочих. И идеология ее – от рабочего класса. Те, кто за него или хотя бы без него, но за перестройку, в полной растерянности. В докладе на съезде он говорит одно, а под угрозой забастовки в Кузбассе и под давлением горлопанов на съезде говорит другое. Не чувствует он гула истории, о чем сам же предупреждал в свое время Хонеккера.

Контрастом является речь Ельцина, которую ему написал Попцов. Один из делегатов назвал ее бонапартистской, может, и правильно с точки зрения популизма, в расчете предотвратить гражданскую войну. И вообще Ельцин выглядел солиднее президента, ибо он определеннее. А этот мечется в своей компромиссной тактике, хотя самому полуграмотному в политике уже видно, что никакой консолидации не будет.

12 июля

Сегодня Ельцин театрально с трибуны съезда заявил, что он выходит из КПСС, и покинул зал под редкие выкрики «Позор!». М. С. вечером позвонил мне. Стал пояснять, что это «логический конец». Я ему в ответ: «Нельзя недооценивать этого шага». Такие вещи производят сильное впечатление:

во-первых, эмоционально. Человек позволил себе, и это вызывает уважение и интерес к нему;

во-вторых, сигнал общественности и Советам, что можно с КПСС отныне не считаться: можно с партап-паратом поступать теперь вот так;

в-третьих, сигнал коммунистам: можно уже не дорожить партбилетом и оставаться на коне;

в-четвертых (Горбачеву тогда я этот пункт «не сказал»): это вы довели дело до того, что могут происходить такие вещи;

в-пятых, вы тут две недели из-за запятых спорите. Перед всей страной болтовню разводите, разрушая свой авторитет. А урожай на полях сыплется. И вообще все останавливается;

в-шестых, и главное (тоже оставил при себе): вы зубами рвали, чтобы сохранить за собой пост генсека партии, Ельцин плюнул ей в лицо и пошел делать дело, которое вам надлежало делать.

Обиделся, когда я стал расхваливать команду министров и парламентариев, которых Ельцин с Силаевым набрали. Бурно, по-горбачевски, стал предрекать им провал. Мол, соприкоснутся с жизнью... Вот-вот, отвечал я: думаю, что с Россией они справятся быстро. Ух, как он взвился, обвинил меня в профессорстве, в эйфории и т. д. Конечно, не очень это я деликатно... после музыкального момента с выходкой Ельцина на съезде.

Жутко не хочется в этой ситуации лететь с ним и с Колем на Кавказ. Может, пронесет? М. С. становится мне по-человечески неприятен. Его понесло, но по ложным волнам. Он начинает портиться, как все при власти. Жалко.

Эти дни все думаю об отставке. Конечно, смешно обижаться на президента сверхдержавы, да и вообще, что значат мои ощущения перед лицом его перегрузок. Однако есть и собственное достоинство и, кроме того, становится неинтересно делать дело при таком его поведении. Именно в таком состоянии я и сачканул: из особняка на улице Алексея Толстого, где была встреча с Колем, я уехал в ЦК, а не на аэродром, чтобы лететь на Кавказ (под предлогом, что меня лично М. С. не пригласил). Хотя мне было известно, что в утвержденном списке сопровождающих моя фамилия была.

21 июля

Был у него Делор. Тоже присматривается. Обещает все изучить. Но под «ни за что» денег не даст. Вообще, под имя Горбачева закладная становится для Запада все более сомнительной. Вон он сколько наговорил в последнее время: и Колю, и Вернеру (генсек НАТО), и индийскому премьеру, каждому из сиятельных иностранцев. И что будет у нас авторитетный Президентский совет, сильный Совет Федерации, Союзный договор. А когда собрался этот Совет Федерации, Ельцин не явился, а из Прибалтики приехали второстепенные лица. Правда, была Прунскене. Но с ходу заявила, что не собирается участвовать ни в каком Союзном договоре, что Литва уходит, ее только этот вопрос и интересует. Горбунова из Латвии Горбачев лично просил приехать – не приехал. Ельцин претендует на Кремль – в качестве Президента России и для пущей важности. Наиздавал указов, по сравнению с которыми эстонские законы прошлого года, фактически дезавуировавшие права Центра, – детская забава. Горбачев остается властью без связи и рычагов. Как же он рассчитывает руководить?

Нет, Михаил Сергеевич. Вы начали процесс, который должен иметь естественное развитие. Вы это закладывали в главную идею перестройки. И это произошло. Так не дискредитируйте себя попытками управлять из Центра. Вам остается мудро наблюдать, как все теперь пойдет само собой, и не мешать и не навредить. Ведь это и ваш лозунг – не мешать. Правда, вы его сказали в отношении колхозов и их судьбы. Но надо его распространить на все, на всю страну. И прежде всего – разогнать министерства. Правильно сказал по поводу нашей реформы английский министр в разговоре с вами: «Когда кошке отрезают хвост по кусочкам – это хуже, чем сразу».

Гаврила Попов издал по Москве постановление отозвать всех милиционеров с охраны общественных объектов, прежде всего ЦК, МГК, райкомов и т. п. Милиционеров, мол, не хватает для борьбы с преступностью, а тут еще надо охранять Волыньское-1, Волыньское-2 и сколько их там.

29 июля

Встречался Горбачев с японским деятелем Икэдой. Интересная фигура. Он хлопал Горбачева по плечу и что-то выкрикивал по-японски – от восторга перед великой личностью. Горбачева это вдохновило, и он стал философствовать и опять «далеко пошел». То же, впрочем, произошло и с Андреотти. Есть, однако, надежда, что этот реально поможет, а не только будет изучать и советовать, как Делор, Буш, Херд и другие. А Ельцин в это время обратился к

соотечественникам с призывом убрать урожай и пообещал вознаграждение, т. е. не «на ура!», и не только лозунгами сделал то, что я советовал сделать Горбачеву. Он проигнорировал и опять опоздал.

Между прочим, в обращении Ельцина есть такие слова: «Давайте спасать то, что еще можно спасти в России, над которой провели такой недобросовестный эксперимент». Это о перестройке.

21 августа 1990 года

(Запись сделана по возвращении из Крыма в Москву)

В день приезда в Крым в отпуск Горбачев озадачил меня статьей на тему «рынок и социализм». «Меня, вот, – говорил он, – обвиняют, я хочу увести страну от социализма, предать социалистический выбор». Через два дня я ему принес набросок. Он мне: «Ты меня неправильно понял. Возможно, я не ясно изложил идею». Из того, что он потом наговорил, я усек, что он уже хочет чего-то совсем другого.

Через три дня я принес новый вариант. Покривился, хотя и сказал, что теперь уже вроде получается. Короче говоря, и хочется, и колется у него на эту тему. А главное, не получается сочетания двух слов в названии статьи.

Шахназарову он в это же время поручил подготовить интервью по проблемам Союзного договора. Когда тот прислал проект, Горбачев забраковал и долго ругался. А ругался, потому что Шах реалистически изобразил, что неизбежно произойдет. А М. С. этого не хочет и опять опаздывает. Сначала он ратует за восстановление ленинского понимания федеративности, потом – за обновленный федерализм, потом – за реальную федерацию, потом – за конфедерацию, потом – за союз суверенных республик. Наконец – за союз государств и это – когда некоторые республики уже заявили о выходе из СССР. Шахназаров переделал и прислал взамен слезливую бодя-гу, увещевание – не уходите, мол, вам будет плохо, а в новом Союзе будет хорошо!

Но Горбачев уже передумал и насчет статьи, и насчет интервью. Решил поехать на маневры в Одесский военный округ, там произнести речь и затронуть эти темы. Трижды передиктовывал текст. В вопросе о рынке вроде продвинулся. Впервые произнес, что основа всего – частная собственность, уже без прилагательного: социалистическая или какая-нибудь там другая. Определился и с кризисом социализма, успокоился насчет приватизации, включив ее в социалистический выбор, но во главу решительно поставил разгосударствление. Словом, держит его еще идеология, а вернее, мифология, к которой, как он считает, еще привязано большинство населения. Отдает ей дань, хотя все меньше и меньше.

Вернувшись из Одессы, спрашивал меня, какие отклики на его речь. Увы, я ничего ему не мог сказать – никаких откликов ни в Москве, ни среди отдыхающих в санатории, где я жил, я не услышал. Он никак не может примириться с тем, что слово теперь ценится только как дело, а не как отражение идеологии. С идеологией действительно покончено везде.

Из Крыма по просьбе разных организаций он посылал приветствия всяким конференциям, слетам, международным встречам, но их даже не публиковали центральные газеты. И тем более никаких откликов на них не последовало.

11 августа 1990 года вечером он собрал в Мухалатке кое-кого из больших начальников, в это время отдыхавших в Крыму. Это он проделывал каждый год, но меня пригласил впервые на такое сборище. Были Назарбаев, Язов, Медведев, Фролов, Нишанов, Ниязов, Примаков, с женами, у кого таковые были. Примаков, конечно, – за тамаду. Все подряд говорили тосты. Горбачев сам предоставлял слово.

Назарбаев вступал в дело неоднократно, в тональности у него чувствовалась подчеркнутая самоуверенность. Много рассуждал о свободном рынке, о том, какими богатствами располагает «его государство» – уникальными, без которых другие в Союзе не проживут.

А тем временем разворачивался иракский кризис. У меня были опасения, что М. С. поостережется круто осудить Хусейна. Но я, к счастью, ошибся. К тому же Шеварднадзе действовал строго в духе нового мышления. Правда, все, начиная с согласия на встречу с Бейкером в Москве и на совместное заявление с ним, согласовывал с Горбачевым по телефону. Иногда, впрочем, если звонил ночью, я Горбачева не беспокоил и брал на себя, уверяя Эдуарда

Амвросиевича, что Горбачев поддержит.

Пригласил однажды вечером Горбачев меня и Примакова на семейный ужин к себе на дачу. Поговорили откровенно, главным образом вокруг Ельцина и Полозкова.

Горбачев: «Все видят, какой Ельцин прохвост, человек без правил, без морали, вне культуры. Все видят, что он занимается демагогией (Татарии – свободу, Коми – свободу, Башкирии – пожалуйста). А по вексям платить придется Горбачеву. Но ни в одной газете, ни в одной передаче ни слова критики, не говоря уже об осуждении. Ничего, даже по поводу его пошлых интервью разным швейцарским и японским газетам, где он ну просто не может без того, чтобы не обхамить Горбачева. Как с человеком ничего у меня с ним быть не может, но в политике буду последовательно держаться компромисса, потому что без России ничего не сделаешь».

Заговорили о Полозкове. Я сказал, что чем хуже в компартии РСФСР, тем лучше, чем она «сталинистее», тем скорее сойдет с политической сцены.

Примаков: есть опасность смычки Ельцин – Полозков. Я согласился: есть. Если эта партия будет слабеть, Ельцин ее благодетельствует и, подобрав, поставит на службу своему бонапартизму. Если она будет усиливаться, он постарается не сделать из нее врага.

Примаков: надо обласкать Полозкова, дать ему хорошую должностишку и пусть уйдет с должности первого секретаря, а туда двинуть перестройщика.

Я возразил: это иллюзия. Полозков хотя и темный, но понимает, что, уйдя он с поста или откажись от своей программы, он – политический труп.

М. С. игнорировал наши ходы вокруг этой темы. И заключил так: я же Полозкова знаю очень давно.

Он честный, порядочный мужик, но глупый, необразованный. Он даже в этом своем последнем интервью показал, что не понимает, что говорит. Ему напишут, он произнесет.

Заговорили о Рыжкове. Примаков: надо распрощаться с Рыжковым. Он объединяет ВПК, директоров (включая военных), объединяет их на анти-ваших, М. С., позициях. Он не способен воспринять рынок, тем более реализовать рыночную концепцию, ибо мозги не те, не только амбиции. Он публично противопоставляет свою программу программе президента, дискредитирует «группу тринадцати», Абалкин превратился в его клеветника.

Я поддержал Примакова. Горбачев: «Котята вы. Если в такой ситуации я еще и здесь создам фронт противостояния, конченные мы. Рыжков и сам Совмин падут естественными жертвами объективного развертывания рыночной системы. Так же будет с государственной властью партии, причем произойдет это уже в этом году». Согласились с ним на словах, но не в душе, ибо время опять теряем: программу-то экономическую надо принимать не когда-нибудь, а уже в сентябре.

Незадолго до отъезда из Крыма Горбачев с подачи Примакова пригласил к себе Игнатенко, чтобы предложить ему «должность Фицуотера» (пресс-секретарь Буша). Красивый, умный, талантливый. Журнал «Новое время» поставил наилучшим образом. Игнатенко был очень польщен. Вел себя достойно. Напомнил, что он ведь создал фильм о Брежнев, за что Ленинскую премию получил. М. С. к этому отнесся нормально. Важно, говорит, что ты сейчас думаешь и делаешь, ведь мы все – из того времени.

Погуляли по вечерним дорожкам вокруг дачи. Горбачев его прощупывал на разные темы. Игнатенко улетел в Москву и на другой день звонил Примакову. По словам Жени, был какой-то кислый: то ли испугался, то ли жалко журнал бросить, то ли свободу не хочет терять, то ли боится слишком ангажироваться в отношении Горбачева, хотя в беседе смело заявил: два года назад я бы подумал (т. е. когда Горбачев был еще на взлете), а теперь соглашаюсь безвозвратно (когда дела у Горбачева все хуже и хуже).

Указ о возвращении гражданства Солженицыну и еще двадцати трем. Горбачев и здесь опоздал. Это надо было сделать два-два с половиной года назад, когда такую акцию приписали бы ему лично. А сейчас уже никто не видит в этом его заслуги. Да и в самом деле, это результат логики нового времени. Между прочим, мы (я, Шахназаров, Яковлев, Арбатов) давно приставали к нему с Солженицыным, еще когда Политбюро было в форме и в силе. А он на ПБ говорил: никогда! Хотя сам много раз учил нас никогда не говорить «никогда».

26 августа

Вчера М. С. встречался с Дюма, министром иностранных дел Франции. Тот расшаркивался: «Франция – СССР! Это незаменимо. Это особенно важно и для Ближнего Востока, и для Европы в свете объединения Германии. Да и чтобы Соединенным Штатам показать, что Европа, где Франция вместе с СССР, может без США обойтись», и т. п. М. С. был в ударе. Говорил и о том, что у него особенно наболело: экономика и Союз. Не исключает завала ее и развала его. Издевался над Ельциным. Уже не анализирует, как бывало, с иностранцами его поведение, а ожидает, что будет, и готов ко всему.

Между прочим, в Крыму недавно сказал мне: «Работать не хочется. Ничего не хочется делать, и только порядочность заставляет». Прямо какая-то Борис-Годуновская судьба. И каждый день что-то «подкидывает»: то табачные бунты, то бои на армяно-азербайджанском фронте, то взрыв на спиртозаводе в Уфе и фенол в водоснабжении миллионного города, то ельцинские штучки с раздачей свободы всем краям и республикам России. Сказал французу, что скоро встретится с Ельциным, наверное, во вторник, и постарается унять его популизм: мол, не на митинге ты – давно уже «при государственной ответственности...».

Народ (толпа) Горбачева просто ненавидит. Он это чувствует. Говорил мне, что «все эти» (т. е. Ельцин и компания) сознательно усугубляют дестабилизацию, пользуясь ненавистью и раздражением людей, чтобы взять власть. А свою задачу он видит в том, чтобы не позволить «взять», ибо страну тогда столкнут в хаос и диктатуру. Среда уже созрела для этого.

Рыжков не хочет съезжать из Кремля. И, думаю, пока он при должности, Совмин там останется.

Сцена в аэропорту. Встречали М. С. из Крыма: члены Президентского совета (пока этот орган никакой государственной властью не обладает, скорее – это группа консультантов и соратников), кое-кто из Политбюро

(Дзасохов). До побледнения Рыжков сцепился с авторами программы «группы тринадцати». Горбачев разнимал. А после отъезда Горбачева с Раисой Максимовной Рыжков, подойдя к нам (помощникам) прощаться, сказал Петракову, дрожа от ненависти: «Ну, ты у меня войдешь в историю!» Лукьянов, стоявший тут же, добавил: «Если будете так вести дело, то Верховный Совет в сентябре скинет правительство, а в ноябре будет распущен Съезд народных депутатов и сам Верховный Совет. Будут назначены новые выборы и не позднее декабря скинут президента... и вас».

28 августа

Зашел Шахназаров, предложил, чтобы Горбачев написал письмо Бушу и Тэтчер и призвал их не науськивать неофашистов на коммунистов в Восточной Европе. Я поиздевался над этой идеей.

Вообще говоря, Остроумов, помощник Горбачева по делам КПСС, от сверхподозрительности, а Шахназаров из страха за общественное имущество (армянский характер) вызывают не благодушничать с нашими фашистами, которые тоже могут сжигать здания, в том числе ЦК. А мне смешно и не боюсь, и не верится, хотя что-то явно надвигается.

М. С. не видит, а может, не хочет реагировать. Думаю, без потрясения Россия не возобновится, тем более после такого распада и разложения.

1 сентября 1990 года

Ельцин сегодня на пресс-конференции был милостив к Горбачеву, но заявил: Рыжков должен уйти сам, а если не уйдет, мы его «уведем». Очень хвалил программу Шаталина и обещал положить ее в основу российской реформы.

Программа (я ее изучил) – это даже не европейский «Общий рынок», а скорее ЕАСТ. От Союза мало что остается. Но, скорее всего, теперь другого пути сохранить такую видимость, как «СССР», нет. Впрочем, Ельцин предложил в качестве верховной власти образовать Совет президентов, в котором не должно быть ни больших, ни малых.

Злоба и ненависть к Горбачеву в очередях. Сегодня в «Правде» подборка писем, брызжащих слюной на перестройку и на Горбачева. Да, начинается путь на Голгофу.

Ельцин получил кредит по крайней мере на два года, а у Горбачева кредит с каждым днем

приближается к нулевой отметке. Ельцин паразитирует на идеях и заявлениях и на непоследовательности Горбачева. Все, что сейчас он провозглашает, все это говорил М. С. на соответствующих этапах пяти лет перестройки. Но не решался двигать, держала его за фалды идеология. Он и до сих пор от нее не освободился.

В Крыму в этом году опять начал с того, что задумал статью, в которой хотел оправдаться, доказывая, что он за социализм. И одновременно патронировал программу Шаталина, Петракова и др., где и слов-то таких нет: «социализм», «социалистический выбор», «идеология» и пр.

Он, наконец, раскидал всех, с кем начинал перестройку, кроме Яковлева и Медведева. Все оказались за бортом, и все стали его яростными врагами, за которыми определенные группы и слои. Но растянул этот «процесс» на 3 года. А надо было делать эту революцию так, как полагается делать революции.

2 сентября

Что-то будет с Рыжковым? Что с экономической программой? Что с Союзом? Думаю, что к Новому году мы страны иметь не будем. Будем ли иметь Горбачева? Наверное, да.

4 сентября

«Известия» печатают программу Шаталина. Российский парламент начинает ее принимать. И одновременно съезд Российской компартии (второй этап) называет все это антисоветчиной, предательством социализма и сдачей страны капитализму. И это на фоне «последнего дефицита» (за которым в России может быть только бунт) – дефицита хлеба. Тысячные очереди у тех булочных, где он есть. Что-то невероятное случилось с Россией. Может, и впрямь мы на пороге кровавой катастрофы?

Горбачев, кажется, растерян. Власть на глазах уползает из рук. А он целыми днями совещается с разными представителями по экономической платформе и по Союзному договору, вместо того чтобы ждать, когда это сделают парламенты. И присутствует по полдня на съезде Компартии РСФСР. Чего он от этих-то ждет? Совсем потерялся и не знает, что и куда. Не видит, что делать.

15 сентября

Был у Горбачева министр иностранных дел Италии Микелис, который от имени Андреотти сообщил о присуждении Горбачеву премии фонда «Фьюджи» (итальянцы ее приравнивают к Нобелевской). После того как ушли итальянцы и вместе с ними Шеварднадзе и Адамишин, Горбачев мне говорит: «Толя, что делать, за что хвататься?» Вчера в Верховном Совете был конкурс программ Абалкина, Аганбегяна, Шаталина. Каждый отстаивал свою. А у народа челюсть отвисает. Рыжков гнет свою: моя, мол, программа реалистическая, щадящая. Что, референдум, что ли, устраивать по программам? Глупо. Республики, куда посланы эти альтернативные варианты, могут выбрать одна – одну, другая – другую. А Россия уже вышла на рынок и вообще делает что хочет. Рыжков обещал поднять закупочные цены на мясо с *1 января*. Информация об этом просочилась, и мясо исчезло совсем. Тогда Силаев заявил, что в России цены будут подняты с *15 сентября*. А что стоит постановление Рыжкова без России?!

Политбюро вчера в панике обсудило, что делать с полумиллионной демонстрацией, которая на *15 сентября* назначена в Москве и в других городах под лозунгом: «Долой Рыжкова», а кое-где – и «Долой Горбачева».

18 сентября

На Верховном Совете Аганбегян, Шаталин, Абалкин продолжают сражаться. Первые два заявляют: выбор не между социализмом и капитализмом, а между жизнью и могилой. Абалкин доказывает правоту Рыжкова, хочет спасти его (и себя) с помощью популизма.

22 сентября

Ситуация все больше и больше запутывается. Рыночную программу Верховный Совет не принял. Опять учреждена сводная группа (Абалкин-Шаталин-Аганбегян). Будут разные варианты. Горбачев потребовал чрезвычайных полномочий, чтобы вводить рынок. Верховный

Совет РСФСР ошестинился постановлением: без его ратификации никакие указы Президента СССР в России не действительны.

Травкин потом рассказывал, какие обвинения бросали Горбачеву российские депутаты: он уничтожил КПСС, разложил Союз, потерял Восточную Европу, ликвидировал марксизм-ленинизм и пролетарский интернационализм, нанес удар по армии, опустошил прилавки, развел преступность и т. д. Между прочим, в своей речи в Верховном Совете, которая предшествовала дискуссии о рыночных программах, Горбачев опять допустил грубый «faux pas» – заговорил о федерации вместо Союза государств. Кстати, кто это ему навязывает, будто эпоха суверенитетов прошла?

Дни, дни, недели. Все острее ожидание, когда же все обрушится. Жизнь в службе каждый день напоминает, что произошла смена строя и я, как и мне подобные, в положении тех бывших – после 1917 года. Все, что я имел или заработал, все это от прежнего строя. Это вознаграждение за службу ему. И теперь я уже не могу козырять: я всю жизнь работал! Спрашивать? Но с кого? Ответят: вот с того и спрашивай, кому служил. Вообще-то справедливо!

23 сентября

Грядет революция. Та самая, которую вызвал Горбачев. Но он не ожидал такого и долго не хотел называть это сменой власти, тем более сменой строя. Да и сейчас продолжает говорить лишь о смене экономической системы. Нет, то, что происходит, действительно равно 1917 году, пусть и «наоборот».

25 сентября

Вчера был, употребляя горбачевский термин, день прорыва. М. С. несколько раз яростно выступал в Верховном Совете о рыночной программе и требовал особых полномочий для ее осуществления. Но решение опять отложено, и опять образована комиссия во главе с ним, и опять она включает несовместимое. И это все видят, но уступают его неистребимой тактике компромисса.

А все катится тем временем под откос, гибнет урожай, рвутся связи, прекращаются поставки, ничего нет в магазинах, останавливаются заводы, бастуют транспортники.

Между прочим, по телевизору объявление: требуются на какую-то захудалую рабочую должностишку – ставка от 300 до 1000 рублей! Рынка нет, а цены уже рвутся вверх.

2 октября 1990 года

Верховный Совет действительно пора разгонять. Сегодня там обсуждали вопрос об отмене Договора о дружбе с ГДР. Казалось бы, рутинно-формальный акт. Немцы отменили этот договор решением правительства: ведь исчез сам субъект договора. А наши дообсуждались до того, что потребовали от Коля стать восприемником договора, в котором, между прочим, записано о нерушимости границ между двумя Германиями, о борьбе против западногерманского империализма и т. п.! И ведь не приняли решение. Завтра будут продолжать.

Я посоветовал Ковалеву (Шеварднадзе сейчас в Нью-Йорке) рассказать об этом М. С., который отреагировал: да пошлите их всех на...! Но ведь здесь действует не только глупость: это сознательная провокация против горбачевской германской политики со стороны тех, кто, как и генерал Макашов и т. п., считают, что Восточную Европу отдали «без боя», кто против всего «этого» так называемого «нового мышления». Не очень таят в себе, что и Сталина не худо было бы вернуть, чтобы расправиться со всей «этой нашей» политикой. И таким вот деятелям подыгрывают и Фалин, и ЦК, и «мой» Международный отдел, который отчаянно борется за самосохранение.

6 октября

Когда речь с Горбачевым зашла об очернительстве на телевидении (в отношении нашей истории), он опять «соскочил» на то, что Сталин ненавидел крестьянство и изничтожил его сознательно. Но на телевидении у нас «все это, мол, вранье, будто раньше в деревнях жилось

хорошо: рвань, нищета, бесперспективность».

Когда М. С. решил ввести в свое выступление надоевшую уже тему, как на Ленина обрушились, когда он вводил нэп, я ему сказал: «Главное и самое актуальное не то, что обрушились, а то, что не поняли, не приняли, отвергли, потому и такие последствия. Все пошло наперекосяк».

14 октября

Вчера прошелся после работы по улицам. Ощущение такое, будто я пережил свое время и просто ничего не понимаю вокруг. Злобная публика, потерявшая всякие критерии порядочной жизни. Редко-редко навстречу попадаете нормальный москвич, тем более интеллигентное лицо. Суетностью и преступностью насыщена атмосфера города.

М.С., который уж день заседает в Президентском совете и Совете Федерации. Опять руководил обсуждением нового варианта экономической программы. Не знаю, не знаю. От Шаталина он уже отшатнулся. "Жизнь,

– сказал он мне, – подняла эту красивую программу на воздух". Теперь он в Верховном Совете будет отстаивать симбиоз или просто рыжковскую, хотя обещал не делать из них компота.

При переходе от разрушительного этапа перестройки, когда его рейтинг летел вверх, к этапу «созидательному» М. С. совершил стратегическую ошибку (вопреки тому, что сам не раз провозглашал: высвободить естественную логику развития общества, а не навязывать ему очередную схему). Теперь он пытается играть роль главного конструктора и архитектора нового общества. Но это уже невозможно в принципе, не говоря уже о том, что при всей его одаренности некомпетентен он для такой функции.

Я надеялся, что, став президентом, он воспользуется этим и поднимется «над» повседневным политическим процессом. А он, оказывается, имел лишь в виду получить дополнительную возможность «руководить процессом». Гибельная нелепость. Хватается за все: за партию, за парламент, за всякие комиссии, за сборы ученых и везде всем навязывает себя.

Едем вроде в Испанию 26-28 октября и во Францию – 28-29 октября .

Тревожно. И кажется все более бессмысленной моя старательная деятельность при Горбачеве: во внешней политике уже сделано то, что дало перелом. Остальное – обуздать военных, вернее, выдержать, когда уйдет это поколение генералов.

17 октября

Сегодня, кстати, роковая дата: в этот октябрьский день 1941 года – паника в Москве. Вчера Ельцин произнес в Верховном Совете РСФСР речь. Это объявление войны Горбачеву. Смысл ее: президент изменил договоренности с Ельциным, программа рынка, которую он предложил на Верховном Совете СССР, невыполнима! Это предательство России, и теперь ей, России, надо выбрать один из трех вариантов:

- 1) отделяться (свои деньги, своя таможня, своя армия и т. д.);
- 2) коалиционное союзное правительство пополам: половина от Горбачева, половина от демократов, от России;
- 3) карточная система, пока не обвалится программа Горбачева. А там в хаосе разберемся, сам народ выйдет на улицу.

В 10 утра Горбачев собирает Президентский совет. Не все даже успели ознакомиться с речью Ельцина. Пошел разговор. А в моей «исторической» памяти – картина заседания Временного правительства в Зимнем дворце в октябре 1917 года: Смольный диктует, в противном случае штурм.

Лукиянов призывал к жестким мерам. Его поддержал Крючков. Ревенко уклончиво за то же, но добавил между прочим, что Украина уже «отвалилась», а после речи Ельцина пойдет цепная реакция и промедление смерти подобно. Академик Осипьян пространно анализировал, почему Ельцин выступил именно сейчас. Только Шеварднадзе высказался против конфронтации и против того, чтобы М. С. по телевидению громил Ельцина. Медведев тоже призывал «продолжать законодательный процесс», не нарываться, не подыгрывать Ельцину, отвечая ему тем же, грубостью и угрозами. Рыжков бушевал: сколько можно: правительство –

мальчик для битья. Никто не слушает. Я, председатель правительства, вызываю какого-нибудь чиновника – не является. Распоряжения не выполняются. Страна потеряла управление. Развал идет полным ходом. СМИ против нас. Все – в оппозиции:

ВЦСПС и даже партия. А мы ведь сами коммунисты, шумел Николай Иванович, мы же от этой партии! «Известия» и даже «Правда» работают против нас. Надо вернуть нам хотя бы газеты, которые являются органами ЦК. А половину людей на телевидении сменить. Распутин выступил в этом же духе. Словом, все в испуге.

И смешно, и горько, и постыдно было наблюдать этот ареопаг: люди, которых М. С. собрал в нем, не в состоянии ни мыслить, ни действовать по-государственному. М. С. сидел и поддавался эмоциям, ярился, соглашался, что именно ему надо выступить сегодня же по телевидению и дать отпор.

Но наступил полдень – время, назначенное Горбачевым для встречи с Чейни (министром обороны США). Перешли в другую комнату. И Горбачева как подменили: опять на коне, опять лидер великой державы, владеющий всей ситуацией, точно знающий, что надо делать, уверенный в успехе. Американцу рта не давал открыть.

Вернулся на заседание Президентского совета. Там уже начали расходиться. Ему на ухо что-то шепнул Лукьянов. М. С. обернулся к Шеварднадзе: «Эдуард, переноси некоторые заграничные поездки, а другие отмени вовсе, в том числе в Испанию, Францию». Я опешил: такой подарок Ельцину! Такая демонстрация потери власти и самообладания. М. С. пошел к себе через анфиладу. Его догнали и окружили Петраков, Шаталин, Игнатенко и я. Стали убеждать отказаться от выступления на телевидении. Он крыл нас всех подряд. «Я уже решил, этого спускать нельзя. Смолчу, что народ скажет? Это трусость, козырь Ельцину. Этот параноик рвется в президентское кресло, больной. Все окружение науськивает его. Надо дать хорошо по морде».

Пошел дальше, к себе. Подскочил Игнатенко: «Анатолий Сергеевич, надо все это поломать». Мы вдвоем двинулись вслед за Горбачевым. Я говорю иронически: «Михаил Сергеевич, что – подготовку материалов к Испании остановить?» Он мне: «Зайди». Игнатенко – за мной, оба навалились. Я говорю: «Чего испугались? Рыжков до того дошел, что запугивает: мол, дело приблизилось уже к тому, что в лучшем случае нас расстреляют, в худшем – повесят. А мне вот, например, не страшно. Ельцин шантажирует, блефует. Нет у него возможностей осуществить угрозу. Не из кого ему делать российскую армию, таможенную и т. п. Вам надо подняться над этой очередной провокацией».

Стоит перед нами, молчит. Снял трубку. Шеварднадзе не оказалось на месте. Связался с Ковалевым, спрашивает: «Ты уже отбой дал в Париж и Мадрид?» – «Нет еще», – отвечает Ковалев. «Повремени».

Убедившись, что он не сделает глупости, не откажется поехать в Мадрид, мы с Игнатенко опять завели речь о выступлении на телевидении. В конце концов он позвонил Лукьянову и обязал его это сделать вместо себя.

22 октября

Писал тексты для Испании. Уже не хватает 12-томного словаря русского языка в поисках слов, которые не звучали бы банально. Вообще же красоты стиля выглядят нелепо на фоне происходящего в стране. Агентура КГБ доносит из разных концов Советского Союза, что Нобелевская премия Горбачеву оценивается большинством населения негативно. В «Таймсе» статья под заголовком «Превозносимый в мире и проклинаемый у себя дома» и портрет-шарж в виде памятника.

Страна разваливается. Народный фронт Молдавии уже вынес решение о присоединении к Румынии и переименовании государства в «Румынскую республику Молдова». Ситуация в то же время на грани гражданской войны с гагаузами и приднестровскими русскими.

В Татарии 15 октября объявлено национальным днем памяти погибших при защите Казани от Ивана Грозного (1552 год)!

В российских областях черт-те что. Съезд «Демократической России» создал массовую оппозицию КПСС и вынес резолюцию: в отставку президента, правительство и Верховный Совет СССР. А мы едем в Испанию, где восторженные толпы будут давиться, чтобы увидеть

Горбачева. И будем говорить о советско-испанском факторе в судьбах Европы и Средиземноморья, о Дон Кихоте, о призвании обоих народов быть вместе в «улучшении мира», в то время как одному из этих народов все до лампочки, в том числе Испания.

М. С. продолжает совещаться с экономистами. «Оттачивает» стиль основных положений экономической программы. А Грушин, социолог и друг Фролова, любимчика горбачевского, вчера по телевидению фактически заявляет: таскать вам не перетаскать, никакая программа не осуществима.

23 октября

Написал две записки Горбачеву.

1. Узнал, что собираются взорвать очередную ядерную бомбу на Новой Земле. В бешенстве писал: что же это такое, когда вы собираетесь в Скандинавию, по соседству с Новой Землей, ехать получать Нобелевскую премию, когда в Испании будете скоро говорить сладкие слова, когда предстоит общеевропейская встреча в верхах в Париже, там же подписание договора об обычных ядерных вооружениях, – кому этот взрыв сейчас нужен и зачем все эти игры?! И что скажет Верховный Совет РСФСР? В Казахстане (на Семипалатинском полигоне) нельзя взрывать, а в России можно?! – вопрошал я. Записку он прочел и не сказал ни слова.

2. Гриневский прислал из Вены шифровку. В тревоге сообщает, что переговоры по обычному оружию срываются, а значит, горит и Парижская встреча. Генералы из Генштаба дают директивы своим людям в делегации, и те вяжут руки Гриневскому. Я разразился в записке: пора выбирать между образом мысли (а может, и замыслами) генералов и ближайшими судьбами политики нового мышления, угрозой провала всех усилий добиться поддержки Запада в критический момент перестройки.

Горбачев приложил к записке квиток с поручением Шеварднадзе, Язову и Зайкову за два дня решить все вопросы и дать «развязку» в Вене. Потом он мне позвонил: «Я подписал это твое... Подключил Шеварднадзе, который обрадовался». Но, как я узнал потом, записку, где я открытым текстом громлю генералов – чуть ли не матерно, он послал также и Язову.

Горбачев долго листал на столе и зачитывал мне, комментируя выдержки из писем и телеграмм по поводу присуждения ему Нобелевской премии. Такого, например, типа: «Господин (!) Генеральный секретарь ЦК КПСС, поздравляю с премией империалистов за то, что Вы завалили СССР, продали Восточную Европу, разгромили Красную Армию, отдали все ресурсы Соединенным Штатам, а средства массовой информации – сионистам». Или: «Господин Нобелевский лауреат, поздравляем Вас за то, что Вы пустили свою страну по миру, что добились премии от мирового империализма и сионизма, за предательство Ленина и Октября, за уничтожение марксизма-ленинизма». И таких писем и телеграмм десятки.

Я задал Горбачеву вопрос: а зачем Крючков все это собирает и кладет вам на стол? Зачем регулярно подсчитывают и несут вам опросы по областям и трудовым коллективам с 90-процентным отрицательным отзывом на Нобелевскую премию? Он мне в ответ: «Ты полагаешь, что я об этом не подумал?» И продолжал листать. Я ему говорю: «Михаил Сергеевич, охота вам тратить нервы и время на это барахло? Пора бы уже „воспарить“ в своем президентском положении над этой дремучестью». Отмалчивается.

31 октября

Четыре дня в Мадриде и Барселоне. Горбачев «на отдыхе» от домашней атмосферы, как выразился народный депутат Крайко во время «дружеской» встречи М. С. с сопровождающими его в Мадриде. Опять он лидер самый-самый из всех современных. Опять искренне визжащие на улице толпы, опять высочайший уровень приема и неподдельное почтение к нему со стороны короля, премьера Гонсалеса, а потом Миттерана. Опять дурманные философские рассуждения о новой эпохе, о судьбах мира, о совместной ответственности. Опять заявление на самом высочайшем уровне, что перестройка – это не только наше, т. е. не только советское, дело: если она рухнет, будет плохо всем. Ну и т. д.

А уехал он из Испании под грохот взрыва на Новой Земле и многочисленные протесты СМИ Норвегии, Швеции, Финляндии, Исландии, Дании и т. д., а также российского парламента и Верховного Совета СССР. И тем не менее сегодня читаю подписанный им *30 октября* Указ

о производстве взрывов в Семипалатинске до 1993 года, а начиная с 1991 года и до неопределенного срока – на Новой Земле. Это в тот момент, когда Верховный Совет Казахстана принял закон, запрещающий раз и навсегда взрывы на его территории, когда Архангельский Совет принял такое же постановление в отношении Новой Земли, когда Верховный Совет РСФСР вот-вот примет аналогичный закон, а Верховный Совет СССР собирается сегодня принять постановление о нарушении Правительством СССР порядка проведения ядерных испытаний (в том смысле, что делается это без разрешения Верховного Совета).

Где живет товарищ Горбачев? Или он уже затуркан настолько, что подмахивает что ни попадя, представляемое ему Болдиным?

Тельчик (помощник Коля) обрывает телефон: мы, мол, ставим канцлера просто в неприличное положение, особенно после визита Горбачева во Францию и Испанию (дело в том, что Горбачев до сих пор не хочет назвать дату встречи с Колем). Наверное, «боится своего народа»? Лукьянов ему подкидывает: заграничные поездки воспринимаются парламентариями неоднозначно.

По Персидскому заливу. Как Примаков и Миттеран ни крутят, М. С. держится резонно: от американцев нельзя отслаиваться, как бы ни хотелось обойтись без войны. Тогда все полетит. Некоторые обороты речи у Горбачева на пресс-конференции вызвали в Мадриде и Париже суматоху: мол, не исключает ли он совсем военный путь? Я-то знаю, что не исключает. И когда сегодня Арбатов спросил, как ему реагировать на запросы знакомых ему послов Кувейта, Египта, Саудовской Аравии, я сказал ему: «Давай понять, что мы никогда не пожертвуем альянсом с Соединенными Штатами в этом деле».

5 ноября 1990 года

Был на Президентском совете. Абалкин докладывал о мерах по стабилизации.

Вызвала скандал воскресная статья в «Комсомольской правде» Шаталина, Петракова и К^с с резким осуждением экономической политики президента и разгромными выпадами против Рыжкова.

Горбачев вслед за Лукьяновым, Маслюковым и Рыжковым крыл авторов и обещал их «прогнать». Весь этот Президентский совет производит жалкое впечатление. Рыжков грозил пришествием диктатуры, Лукьянов шантажировал демократами, Шеварднадзе говорил о том, что надо изучить вопрос о порядке передачи власти.

9 ноября

Газеты неистовствуют, издеваясь над Октябрем и Горбачевым. Умная статья в «Комсомолке» Владлена Логинова об Октябрьской революции. Но это все как об стенку горох.

Видимо, как и тогда, опять у нас будет все «до основания, а затем»! Но я ничего не боюсь. Может быть, сказывается возраст, может быть, характер, может быть, опыт и старое «военное» мое свойство: хладнокровие и замкнутость перед самой большой опасностью.

15 ноября

В воскресенье Горбачев должен ехать в Италию. Тоже «большой договор» плюс премия «Фьюджи» (в деньгах больше Нобелевской).

А может, мы накануне краха? Опять встреча его с Ельциным взвинтила ситуацию до кризиса. Они договорились не предавать огласке, о чем говорили, а Ельцин на другой же день вышел к российскому парламенту и агрессивно, ультимативно, в хамской манере поведал, что и как было. Горбачев же держал все при себе. Попытки Игнатенко уговорить его выступить по телевидению и «проинформировать общественность и парламент СССР» кончились ничем: Горбачев, видимо, мыслит еще категориями Политбюро и обкома – если я так считаю, значит, так и должно быть. А теперь вот взъярился и опять кричал среди своих, что больше не намерен терпеть, что окончательно «объявляет войну».

Тем временем Верховный Совет, проигнорировав утвержденную им самим повестку дня, потребовал, чтобы президент немедленно выступил с докладом о положении в стране и об итогах его встречи с Ельциным. И Горбачев послушно согласился с этим вызовом на ковер, вместо того чтобы дать понять, кто он такой, и вежливо попросить парламент заняться своим

делом. А пока же депутаты вопят перед телекамерами «о защите интересов народа» и требуют, чтобы «царь» все этому народу «дал».

Весь день Горбачев диктовал свой завтрашний доклад «О положении в стране» (такие тексты в Соединенных Штатах готовятся за полгода!). Однако, несмотря на мои протесты, сбегал встретиться с лидерами бывших компартий бывших соцстран (у них тут в Москве конференция). Вчера встречался с профсоюзниками из ФКП, а сегодня вот с Оккетто (генсек Итальянской компартии) беседовал несколько часов. Подозреваю – чтобы показать иностранцам, что все у него идет своим чередом.

Вчера в «Московских новостях» Амбарцумов, Быков, Адамович, Карякин, Афанасьев, Гельман и еще дюжина таких же, кого Горбачев в свое время обласкал, привлек, хвалил, защищал и выдвигал, выступили с обращением к народу и президенту, предложив уйти в отставку. Горбачев огорчен был этим больше, чем всем другим в эти дни: увидел в этом личное предательство.

В стране развал и паника. Все газеты предрекают бунты, гражданскую войну, переворот. И почти каждое критическое выступление заканчивается требованием к президенту: «Уходи!», если не можешь даже воспользоваться представленными тебе полномочиями. Западные газеты начинают публиковать о нем статьи без прежнего восхищения, а скорее с жалостью или с сочувственными насмешками, как о неудачнике.

Словом, завтра должно что-то произойти. Но боюсь, что опять он «замотает» Верховный Совет призывами к консолидации, сплочению и т. п. А так как депутаты сами не знают, что делать, то скорее всего поддадутся его уговорам или потребуют жертв – Рыжкова или, может, самого Горбачева. Может, он сам наконец заявит – «ухожу». Пожалуй, правильно бы сделал. Поехал бы себе в Осло, получил бы свою Нобелевскую премию и зажил как частное лицо. Время, которое он возбудил, действительно его обогнало. И то, что он хочет предотвратить своей осторожностью, постепенщиной, компромиссами, произошло, причем в самом худшем виде, даже с кровью на окраинах и с угрозой настоящего голода. Людей ведь не заставишь искать этому оправдания, потому что даже после страшной катастрофы – сталинской коллективизации – через 5-6 лет (а это как раз время, равное перестройке) «жить стало лучше, жить стало веселей» (Сталин). Я это помню сам. Наблюдал собственными глазами. И люди задают вопрос: почему же этого не произошло теперь, при в 100 раз больших ресурсах. Да, дальше так, как до 1985 года, жить было нельзя. Правильно, что разрушить прежнюю систему без хаоса невозможно. Но люди не хотят расплачиваться за годы прежней политики. И не хотят понимать: чтобы стать цивилизованной страной в конце XX века, надо пройти через развал, разгул преступности и прочие наши прелести.

Между тем я «делаю свое дело»: пишу красивые речи для поездок М. С. в Рим и Париж. Ничего получается! Самому нравится! Но зачем? Или такова жизнь?

24 ноября

Парижская встреча – это, конечно, событие. И Горбачев, может быть, в последний раз выглядел там демиургом современной истории. Все это прямо или косвенно признавали. Было видно, что они не хотят, чтобы СССР таким, каким его вознамерился сделать Горбачев, перестал быть. Это нагоняет на них страх. Но, видно, и сочувствуют. Сочувствуют по-христиански нам, чего мы недооценили. Поэтому появился феномен действенной солидарности. Практически – желание помочь нам пережить зиму. Они страшатся и российского бунта, и развала, и всего того, что может сделать перестройку совсем не такой, какой им ее изображает Горбачев.

А во мне тоска. Тоска, потому что я устал «стратегически», изнурен, потому что счет жизни пошел уже, наверное, не на годы, а на месяцы. А я еще не все взял, хотя есть еще с чего брать: книги, картины, улицы, женщины. Тоска еще и потому, что я вижу, как хорохорится М. С., но пороку в нем уже нет. Он повторяется не только в словах и манере поведения. Он повторяется как политик, идет по кругу. Он остался почти один. И тем не менее держится за все это старое: Рыжков, Ситарян, Маслюков, Болдин. Еще хуже – возится со своим генсекством. Из-за этого держится даже за Полозкова. Несмотря на то что на недавнем совместном Пленуме ЦК и ЦКК Компартии РСФСР этот Полозков полоскал его в открытую: мол, завалил Союз,

загубил социализм, отдал Восточную Европу, разрушил армию, растоптал и отдал на съедение партию и т. д. У него нет людей в те структуры, которые он объявил *18 ноября* в своей краткой и выразительной речи в Верховном Совете. И он не решается взять неожиданных людей, тем более из оппозиции. Он не решится порвать со всеми, кто был в номенклатуре. Он их не любит, он не верит им. Но они, хотя и «полозковские», а свои, понятные!

Там, за рубежом, и здесь, дома, Горбачев – это разные фигуры: и по тому, как он воспринимается тут и там, и по собственному самочувствию М.С.

1 декабря 1990 года

Вчера Горбачев собрал в Кремле в Ореховой комнате Яковлева, Примакова, Медведева, Петракова (позже самовольно явился Шаталин). Предложил обсудить концепцию доклада к Съезду народных депутатов (*17 декабря*). И началось! Вместо того чтобы за 20 минут выработать план и распределить роли, сидели битых 6 часов. М. С. ходил вокруг нас (в Ореховой комнате стол круглый), все вместе формулировали варианты фраз, которые, как правило, сбивались на проговоренное им уже раз 10.

Мы с Примаковым словно сговорились и довольно нахально прерывали его словоизвержения. Это должна быть, говорили мы, краткая президентская речь, типа той, которую вы произнесли *18 ноября*, без всяких объяснений, оправданий и аргументов. В ней надо всего лишь обозначить четкую позицию главы государства. Позицию – и только: что сделано после *18 ноября* и что президент намерен делать в ближайшее время. Отобрать туда самое главное, а именно: продовольствие, власть, Союз. Постепенно выруливали на этот подход. Он несколько раз набрасывался на меня.

Попутно он редактировал вместе с присутствующими указ о рабочем контроле за торговлей. Спорили, невзирая на лица. Опять – «классовый подход» и мифология прошлого. Пустое дело. Этот указ, как и предыдущие, никто не будет выполнять. Станет он дополнительным источником коррупции, злоупотреблений, беспредела в ущерб миллионам людей.

Но Горбачев был упрям, осаживал нас. В результате сегодня в передаче «120 минут» указ уже передан на ТВ. Кое-какие глупости нам все-таки удалось из него убрать.

И вот... Вместо того чтобы давно создать квалифицированный аппарат, где каждый знал бы, что ему делать, М. С. сам занимается главным образом речами и редактированием. За неделю он произнес три или четыре речи.

Я начал было уговаривать Горбачева не выступать на российском Съезде народных депутатов, куда речь ему давно подготовил Шахназаров. Сопrotивлялся его выступлению и Примаков. Оба мы говорили: там все равно примут земельную реформу – второе издание столыпинской, – и президент будет выглядеть жалко, тем более что реформа-то правильная. Они все равно примут поправки к Конституции, которые закрепят то, что известно из их проекта и что подходит для любой Швеции или Дании. Там от социалистического выбора не осталось ничего, даже слова «Советы» нет. Как вы там будете выглядеть?

1 декабря, вечер

Был с утра на работе. Дочитывал шифровки. В 12 собрались у Яковлева в Кремле. Распределили, кому какие разделы готовить для доклада Горбачева. Потрепались о том о сем, в частности о собственности на землю, о которой идет речь сейчас в российском парламенте. Горбачев на днях заявил на встрече с деятелями культуры, что «никогда не согласится». Между прочим, недавно при обсуждении проспекта доклада Петраков показал Горбачеву номер «Советской России». Там – о новой депутатской группе «Союз», созданной Лукьяновым в противовес «регионалке», и о том, что она уже тоже потребовала отставки президента. Горбачев отмахнулся. Но Петраков пристал: почему, Михаил Сергеевич, когда Попов, или Станкевич, или кто-то еще из их группировки говорит нечто подобное, вас бросает в гнев, а когда это исходит от Лукьянова, вы отмахиваетесь. Горбачев ему в ответ: «Мне не нужны помощники, которые дают одностороннюю информацию». Вмешался Примаков. Пытался изложить, как было на самом деле на заседании «Союза» и что произошло на встрече Лукьянова с главными «регионалами» (Попов, Афанасьев, Яблоков, Мурашов и др.). Горбачев

опять обозлился, говорит: «А вот что докладывает об этой встрече сам Лукьянов... Они там поставили условия – если президент не выполнит их, выступят на Съезде народных депутатов за его отставку. Вот что докладывал мне Лукьянов. Лукьянов докладывает только правду». Удивительно, что Горбачев хочет в это верить, хотя ему давно известно, что Лукьянов организовал для себя специальную службу информации. Юрий Афанасьев действительно сказал, что и Межрегиональная группа, и «Союз» требуют одного – отставки президента, хотя и с разных позиций. Но М. С. обрушивается за это на «регионалку», но не на «Союз», потому что – это «свои», как и Полозков с компанией.

5 декабря

Вчера произошло событие, достойное упоминания, – провальное выступление президента в Верховном Совете. Он просто мямлил, ничего не сказав нового по сравнению с 8 пунктами, оглашенными *18 ноября* ... при полном равнодушии и даже пренебрежении зала. Чтобы успокоить насчет продовольственного положения, что-то сумбурно вычитывал из министерской справки о макаронах, о товарной рыбе на декабрь и март. Мы с Яковлевым и Примаковым оказались в одной комнате, когда шла передача по «Маяку», и пришли в ужас: как и зачем он все это говорит?! С такими же и еще худшими впечатлениями приехали с заседания из Кремля Шаталин, Медведев, Игнатенко. Шаталин кричал: «Все были в шоке. Хотя весь этот Верховный Совет говенный... И куда делись русские таланты?» Медведев заметил: «Горбачев слишком перегружен, обозлен, растерян». Яковлев, совсем удрученный, шепотком сказал мне: «Я окончательно убедился, что он исчерпал себя».

19 декабря

С 3 по 15 были в Волынском-2. Сочиняли доклад Горбачеву для Съезда народных депутатов. «Прогнали» пять вариантов. Он сам не раз председательствовал... Потом уже без нас в воскресенье перед произнесением вставлял троекратно о «социалистическом выборе» и о «компартии как опоре народа». Заранее пообещал нам, что все равно впишет то, чего мы не хотим. Спорили с ним, а потом плюнули. А что касается частной собственности на землю, то разразился такими словами: «Кто это мог вписать, зная, что я этого никогда не скажу?!» Я поднял руку. Надо было видеть саркастическую улыбку Ельцина, когда Горбачев с трибуны съезда говорил о «неприемлемости» частной собственности.

Пошли предательства. Предал Распутин своим выступлением на пленуме съезда писателей. Предаёт Фалин своим поведением и выступлениями на заседаниях Комитета по международным делам Верховного Совета (по Германскому договору). Попутно там же он отмежевывался от близости с Горбачевым. Предательство Умалатовой, которую Горбачев сам лично вписал в «красную сотню» народных депутатов. Его выдвиженка, именно она открыла съезд истерикой, требуя отставки Горбачева, который «развалил страну и пустил народ по миру». «Работа полководцев», – заметил по этому поводу М. С. Нам вскоре стало известно, что Лукьянов, председательствовавший на съезде, специально вышустил ее первой, зная, что она предложит.

21 декабря

Вчера Шеварднадзе заявил об отставке. Предупредил о надвигающейся диктатуре. Весь мир только об этом и говорит.

Полезли на трибуну с истерическими заявлениями Лихачев, Залыгин, Рой Медведев, Бурлацкий. Визжал Адамович. И все насчет угрозы диктатуры. А такие, как Петрушенко или Алкснис, подливали масла в огонь. Пет-рушенко заявил, между прочим: «Мы не хотим власти, но вы сами нас попросите, чтобы мы пришли и взяли ее». Алкснис, кстати, великолепный оратор, трубил с трибуны: «Да, я реакционер, я ястреб, когда сдирают шкуру со старика, когда бросают в костер ребенка...»

В перерыве в фойе разговаривал с Яковлевым, Примаковым, Арбатовым. Выясняется, что ни с кем из них М. С. не советуется. Все убеждены, что советуется он с Ивашко, Лукьяновым, которые в открытую заявляют с восторгом о том, что сбили с ног еще одного горбачевского соратника (Шеварднадзе).

В общем, съезд превращается в толпу. Запугивает себя, запугивает народ. Отсюда идет главная наша сейчас опасность. Скорей бы разогнать эту институцию. Она свое дело для демократии сделала. Пора выходить на нормальный парламент из тех, кто доказал, что более или менее хочет и может быть парламентарием.

Пока М. С. не оторвется от Полозкова и Ивашко, дела в стране не будет.

23 декабря

Фантазмагория какая-то: Горбачев сидит в президиуме Съезда рядом с Ельциным. Улыбаются друг другу. Шушукуются. Слева сидит Лукьянов, который почти в открытую играет против него. В докладе Лукьянова о поправках к Конституции предлагается «повязать» президента на каждом шагу парламентским контролем.

М. С. ни с кем из нас не разговаривает, не звонит ни помощникам, ни даже своим любимым Яковлеву и Примакову. А бумажки составляет и кадры подбирает ему в новые структуры Лукьянов.

Прочитал в «Огоньке» статью некоего Александра Гениса «Взгляд из тупика» – про советскую литературу. На чем она держалась, даже в самые мрачные времена? – задает он вопрос. На том, что есть будущее – коммунизм (даже для тех, кто морщился при этом слове). Или – чистые идеалы революции (даже для тех, кто ее не принял, включая эмигрантов). «Оттепель» БО-х годов строилась на том же. А именно, что возвращаемся к истокам и чистым идеям, освобождаемся от скверны сталинизма, чтобы выйти к будущему... И вот явилась перестройка, которая разверзла «ничто». Нет будущего. Рай исчез (да его и не было). Нет рая, и социалистический реализм развалился в одночасье. Нет уже чудесной литературы.

Можно, думаю, спроецировать это рассуждение на все наше общество. Исчез рай, и все покатилося. А прежний православный рай, который искусственно сооружается сейчас церковью, – это муляж: он может привлечь только того, кто очень хочет укрыться от реалий. Но для общества... поезд ушел. Я спроецировал все это также на идущий Съезд народных депутатов. Да, да, мы ищем не там. А Горбачев – то ли инстинктивно, то ли сознательно – хочет спасти рай своим упрямым повторением приверженности социалистическому выбору. Без этого, как ему кажется, больному обществу нельзя, как американцам – без идеала свободы. Почему, например, они готовы громить Хусейна? Не только из-за нефти. Для них «ихние» Соединенные Штаты – оплот и символ свободы. Поэтому и Ирак (Хусейн) – это сугубо идеологическая внутренняя проблема американцев.

24 декабря

Сегодня в Верховном Совете почти весь день принимали постановление по докладу Горбачева о положении в стране. Удивляюсь я: дело ли парламента переставлять слова и редактировать хором фразы в проектах резолюции? Горбачев вдруг взъелся, взял слово и косноязычно, шумно начал обвинять Съезд, почему он игнорирует президентские законодательные инициативы – о референдуме по частной собственности на землю и по вопросу о выходе из Союза. Не понимаю, то ли он не прочел проект резолюции или руководствовался предыдущим? Там ведь и то и другое есть. И никто из депутатов не указал ему на этот факт, в том числе и председатель Редакционной комиссии Назарбаев. То ли им было неловко или они не допускали мысли, что президент, не прочитав проекта, устраивает им выволочку. Сделали вид, что он, видимо, хочет, чтобы по этим вопросам были приняты отдельные резолюции. Я внимательно наблюдал из зала за его лицом. Он явно смутился, когда обнаружил, что его выпад лишен оснований. Но еще один щелчок состоялся, и по его вине.

Самое же странное и печальное, что он настаивал на формулировке (по референдуму о выходе из Союза), где говорится: «за» или «против» сохранения Союза Советских Социалистических Республик, т. е., вместо того чтобы политично сохранить в вопросе референдума просто слово «Союз» (на это пошли бы, может быть, Грузия, Эстония, Латвия, Молдова), он бросил им вызов. В социалистическом Союзе они остаться не захотят.

Или идеологическая шлея опять под хвост попала, или действительно полозковщина царствует победу над ним – ничего не пойму. Массы (съезд) проголосовали «за», наверное, не поняв неополитичности самой постановки вопроса.

25 декабря

Сегодня Горбачев опять дважды подставился на Съезде народных депутатов. Обсуждалась поправка к Конституции о новых структурах власти. Дошли до Контрольной палаты. Мы его еще в Волынском убеждали: непонятно, не пройдет. И вот на Съезде никто ничего не сказал против, ни одного замечания не сделал, а голосование дало ошеломляющее число «против». Президент берет слово и путано, невнятно начинает доказывать, что это очень необходимый орган. Долго говорит, сопровождая это своими характерными жестами. Проголосовало еще больше против. Дошли до статьи о Совете Федерации. Суть дела: включать ли в него представителей автономных республик. Мнения разошлись. Опять выступает Горбачев и опять многословно убеждает, что не надо включать автономные республики в Совет Федерации. Голосование: из 1890 присутствовавших только 140 проголосовали «за». Президент сидел красный.

Что происходит? Совсем, что ли, он перестал ощущать, насколько испарилось его обаяние? Ведь люди думают наоборот, даже когда ему симпатизируют. Что же он так дает себя размазывать! Речь вроде идет о президентской власти, а формируется она в обстановке стремительного падения авторитета самого президента!

Убрали из Конституции пункт о Президентском совете. Возразили только 34 человека. И в тот же момент Яковлев, Примаков, Шаталин, Ярин, Медведев стали никем. Подошел ко мне Примаков, смеется: надо идти машину из Академии наук заказывать, из Президентского совета уже не подадут. Вспомнил, что, когда его избрали на Пленуме ЦК кандидатом в члены Политбюро, при выходе из здания его уже ждал у подъезда «членовоз» – «ЗИЛ» с охранником.

Глава II. Приближение к обрыву

2 января 1991 года

Год моего 70-летия. И последний шанс Горбачева, последние усилия перестройки. Новогоднее послание советскому народу. Яковлев звонил сегодня: «Знаешь, вроде и слова какие-то не очень банальные, и все такое, но не производит...» И я тоже ловлю себя на этом: что бы Горбачев теперь ни произносил, действительно, «не производит». На съезде я ощущал это очень больно. Его уже не воспринимают с уважением, с интересом – в лучшем случае жалеют. Он пережил им же сделанное. Беды и неурядицы лишь усугубляют раздражение по отношению к нему, а М. С. этого не видит. Отсюда еще большая его драма – его самонадеянность становится нелепой, даже смешной.

После записи на телевидении новогодних обращений к советскому народу и к американцам он позвал нас с Шахназаровым к себе в кабинет. Бумажки перебирал на столе, резолюции «клат». Мы сидели, молчали. Потом заговорил. Спрашивает, кого премьером назначать. Шахназаров назвал Абалкина. Я отверг: честный и умный, но психологически неприемлем. Народ даже уже термин придумал: «абалкинский налог». Я предложил подумать о Вольском. Горбачев не принял, намекнул, что он знает о нем больше, чем я. Я стал разглагольствовать: надо, мол, не из колоды. Ошибся – можно сменить, но если назначить кого-то типа Воронина – все! – народ окончательно потеряет веру. Горбачев стал рассуждать о Маслюкове. Я высказал сомнения: ВПК. К тому же мне казалось несколько странным, почему он так любит Маслюкова. Стал нам рассказывать, что многие называют ему Павлова – министра финансов. С этим я лично познакомился, как ни странно... в бассейне. Он (это еще более странно), будучи весьма плотным мужчиной, плавал в спортивном стиле и довольно быстро. Угнаться за ним мне было нелегко. В раздевалке мы иногда обменивались политическими суждениями. Он брюзжал. Впрочем, меня подкупало то, что он резко высказывался о деятельности и позициях Рыжкова. Однако, напомнил я Горбачеву, Павлов запятнал себя непопулярными мерами как министр финансов. Народ его не примет, даже Верховный Совет может «завалить».

Вертелся у меня на устах Собчак, но тогда я не произнес его имени: не хотелось перед Новым годом нарываться на вспышку президента. Яковлев, которого он подключил к нашему разговору кнопкой селектора, тоже его не упомянул, хотя потом говорил мне, что Собчак был

бы «ничего».

Мне тут казалось полезным следующее: он, конечно, демагог, это чувствовалось сильно, но из радикал-демократов. И такое назначение было бы со стороны Горбачева протянутой рукой в эту сторону – в сторону создания фактически коалиционного правительства, разделения ответственности с главными критиками, приглашение им показать в деле, на что они способны. Кстати, в противовес Ельцину.

Вчера М. С. мне сказал, что Петраков подал в отставку. Стал ругаться. Я заметил: «Нехорошо это, Михаил Сергеевич».

– Да брось ты, – завелся он. – Ты думаешь, все эти газетные всплески, мол, один за другим все от Горбачева уходят, имеют какое-то значение?

– Имеют. И кроме того, Петраков обижается, и справедливо.

– За что?

– За все дни после Волынского вы даже о нем не вспомнили. Хотя следовали один за другим указы президента по его – экономическим – вопросам. Павлов и вы на Съезде выступали об экономическом положении страны. Проект постановления Съезда был представлен от вашего имени. И он, помните, не прошел. Для чего же у вас экономический советник, если даже при подготовке таких документов вы о нем не вспомнили?

– Да когда мне было?

– И вообще, Михаил Сергеевич, год человек работает, а ему даже секретаря Болдин не дал. У него до сих пор в пропуске написано, что он помощник Генерального секретаря, а не президента.

– Как?

– Вот так.

– Что ж он не сказал?

– Вам, что ли, он должен говорить о пропуске?

– Да, безобразие. Вообще-то Болдина надо освободить от работы в ЦК, пусть сосредоточится на аппарате президента. Единый будем создавать президентский аппарат.

Я произнес по этому поводу «краткую речь» насчет того, что уже год, как Горбачев президент, но аппарат у него кремлевский так и не появился. А Петраков, добавил я, застенчивый человек, да и с достоинством.

– Я ему под Новый год не хотел портить настроение, когда он мне первый раз заявил об отставке, – реагировал М. С. – Сказал: «Работай и все».

М. С. и здесь самоуверен. Ему невдомек, что академику не так уж завидно в помощниках ходить, тем более когда им помыкают.

7 января

Первое официальное Рождество – по указанию Ельцина и Силаева – на всей территории России. Но в ЦК работали. И М. С. демонстративно приехал, и мне пришлось. Просидел весь день на службе. Скукота. Ощущение бессилия и бессмысленности. Даже внешние дела, которые при Шеварднадзе шли благодаря нам, теперь начинают нас «обходить». Мы все больше оказываемся на обочине, в офсайде, в мифологии великой державы. М. С. уже ни во что не вдумывается по внешней политике. Занят «структурами» и «мелкими поделками» – беседами то с одним, то с другим, кого навяжут: то Бронфмана примет, то японских парламентариев, то еще кого-нибудь. Не готовится ни к чему, говорит в десятый раз одно и то же.

А между тем надвигается уже сухопутная Персидская война. С нашей стороны ничего не делается. Буйствует публицистика, затрагивает уже и внешнюю политику. Даже «Известия» и «Новое время» окрысились на «линию Шеварднадзе», имея конечно же в виду Горбачева.

8 января

Сегодня «Известия» опубликовали на первой полосе корреспонденцию Шальнева из Нью-Йорка о маневрах Фицуотера насчет того, состоится ли встреча Горбачева и Буша 11 – 13 февраля, как было намечено. Американские газеты уже некоторое время упражняются на эту тему. Меня спрашивали Мэтлок (был у меня в субботу), Брейтвейт (был в четверг), сегодня –

японский посол: будет ли встреча? Ссылаясь на письмо Горбачева Бушу по поводу отставки Шеварднадзе, на телефонный разговор между двумя президентами *1 января*, я решительно отводил сомнения.

Но рядом с заметкой Шальнева появилась статья дипломатического обозревателя «Известий» Юсина, которая так прямо и называется: «Состоится ли встреча в верхах?», со ссылкой на ответственного работника МИД. Там сказано, что опасения насчет встречи небезосновательны, потому что СССР обманул Запад с обычными вооружениями. Парижский договор подвешен, нам не верят, и нельзя думать, что Буш приедет «несмотря ни на что». Словом, в этой статье набор всего того, что содержится в истерическом письме Шеварднадзе к Горбачеву от *4 января*: военные, мол, срываю и договор СНВ, и визит Буша, и европейский процесс.

Звоню Ковалеву. Тот, как всегда, ничего не знает и «Известий» не читал. Звоню Ефимову – редактору «Известий». Его нет, он у Лукьянова. Звоню Горбачеву. Он в Ореховой комнате с секретарями ЦК (наверное, «пекут» политику). Удалось с ним связаться лишь в 9 часов вечера. Он сразу набросился: «Как это вы (кто – мы?) допустили такую статью в „Известиях“?!» Я что-то мямлю в ответ, возмущаюсь сам.

Он мне: «Что ты тут мне эмоции разводишь? Разберитесь вместе с Игнатенко». С тем я и ушел домой. Но только закрыл дверь, звонок по телефону. Горбачев: «Я звонил сейчас Шеварднадзе. Он статью вроде не читал. Сказал ему: это твои помощники гадят. Узнай кто и завтра же выгони из МИДа. Лукьянову велел вызвать Ефимова (он же редактор газеты – органа Верховного Совета) и разобраться, кто этот неизвестный ответственный работник из МИДа. Всю эту цепочку надо проработать и... выгнать!»

Я заметил: «Вообще, Михаил Сергеевич, надо решать с Шеварднадзе. Бесхозяйственное ведомство – самое опасное». Напомнил ему Козьму Пруткова: «Уходя – уходи!»

11 января

Сегодня вечером Горбачев разговаривал с Бушем по телефону. Вообще в последнее время американцы у М. С. все время на уме по двум пунктам: Персидский залив и Прибалтика. Но началось все издали. Горбачев сообщил, что «выходим на бюджет», что сократили на два с лишним миллиарда военные расходы. Предстоит вообще очень критический анализ всей ситуации, чтобы в ближайшие месяцы выйти на рыночные процессы, но так, чтобы не разрушать экономических связей. Для этого настаиваем на экономических соглашениях между республиками.

М. С. сказал Бушу, что завтра на Совете Федерации будет разговор о назначении на посты премьера и его заместителя. Фамилий не назвал. Сообщил, что намерен ускорить работу над проектом Союзного договора.

Буш спросил о Прибалтике. Горбачев назвал Литву «среди острых моментов», добавил к ней Грузию и Карабах. Заверял Буша, что старается обойтись без крутых радикальных поворотов. Не все, однако, просто. Пожаловался, что «идет на него» огромное давление: требуют ввести президентское правление в Прибалтике.

Беда в том, продолжал он, что Верховный Совет Литвы и Ландсбергис не способны ни на какие компромиссы, не делают никаких встречных шагов. Я, говорит, обратился к Верховному Совету Литвы. Сегодня ситуация неутешительная. Началась забастовка. Постараюсь исчерпать все политические методы. И если чего-то такого не произойдет, так и буду действовать. Не все от нас зависит, уже происходят столкновения – есть раненые. Тем не менее я сделаю все, чтобы не дошло до кровопролития.

Я не все разбирал, что говорит Буш. У меня не было отводной трубки. Мог лишь догадываться. Говорил, впрочем, больше Горбачев, тот лишь реагировал вопросами и репликами.

По войне в Персидском заливе в тоне Горбачева чувствовался упрек: мол, вы проявляете вежливость, вроде как прислушиваетесь к мнению Москвы, но действуете по-своему. Я хотел бы, раз взялись решать вместе, чтобы была полная согласованность, чтобы Эдуард постоянно держал связь с Джимом (Бейкером). Готов послать сейчас к вам Бессмертных – детально обсудить всю ситуацию. Остается в силе мое предложение вновь встретиться накоротке по

формуле «Хельсинки» (имеется в виду их встреча в финской столице в сентябре 1990 года). Посмотрите, что привезет вам Бессмертных. И если можно будет на этой основе договориться, я сразу отправил бы его в Багдад. Прозвучала дата *15 января* – как окончательный срок ультиматума Хусейну.

Горбачев согласился, но добавил: «Не должно быть никакого выпрыгивания, хотя наша общая жесткая позиция остается. Не будем терять оптимизма. Советский Союз и Соединенные Штаты кое-что значат в этом мире».

13 января

20 лет, как похоронил мать.

Не думал я, что так бесславно будет заканчиваться столь вдохновляюще начатое Горбачевым. Утомляют растерянность и, увы, беспорядочность в занятиях, какая-то «спонтанность» в делах, а главное – склонность верить «своим» и в конечном счете именно у них искать поддержку (у КПСС!).

Все это привело к «спонтанным» действиям десантников и танков в Прибалтике и кончилось кровью. Говорят, в Вильнюсе 180 раненых и 14 убитых за одну ночь!

Радио гудит от оскорблений и обвинений Горбачева. Уже российские депутаты публично произносят: «Горбачев и его клика», «Горбачев – величайший лжец нашего времени», «Он обманул всех, и Ельцина в первую очередь», «Режим пакостный», «Его режиму служить не буду».

Депутат ВС СССР Вульфсон рыдает по телефону: «Анатолий Сергеевич, спасайте! У нас (в Риге) завтра будет то же самое (что в Вильнюсе). Куда смотрит парламент? Где депутаты?» А тем временем Буш уже испросил конгресс насчет вторжения в Ирак.

Радио продолжает вопить. Я фиксирую, что успеваю: «Горбачев подбирается к российскому парламенту», «Вильнюс – это дело рук марионеточного Комитета национального спасения Литвы, который прикрывает Горбачев». Святослав Федоров: «Уже баржа готова для меня, Собчака, Попова, чтобы отправить за рубеж». (Намек на высылку философов в 1922 году.) Заявил, что он положит свой депутатский мандат от «красной сотни». Какая-то работница призвала по радио в знак протеста против действий Горбачева сдавать партбилеты.

«21 русский солдат перешел на сторону Верховного Совета Литвы и вступил в охрану парламентского здания», «Солдат в люке танка со слезами на глазах». Комментируют: но есть солдаты, которые не моргнув глазом могут убить 100 и 200 человек в одну минуту. Сообщается, что 6 человек из 14 убитых в Вильнюсе не опознаны, потому что изуродованы их лица.

«Кровавые победы Советской Армии над собственным народом», «Черные полковники правят бал», «Людей убивают за то, что они хотят быть свободными».

Звонки на радио, которые тут же даются в эфир: «Мне стыдно, что я русская», «Горбачев хуже, чем Гитлер», «То, что в Литве, – это сигнал всем республикам», «Республиканские парламенты должны сказать свое слово», «На Верховный Совет СССР нечего рассчитывать». Все это перемежается призывами «к суду над палачами», требованиями поставить вопрос о лишении Горбачева Нобелевской премии.

Афанасьев, Старовойтова, Черниченко, Станкевич организовали митинг на Красной площади. Потом прошли во главе манифестации по улицам, подняв свои депутатские удостоверения. Толпа скандирует: «Свободу Литве!», «Позор палачам!»

В пятницу я настоял на том, чтобы Горбачев позвонил Бушу по событиям в Персидском заливе в канун дня «Икс». Разговор был «дружеский». Но по Литве М. С. «вешал лапшу», обещал избежать применения силы. Перед этим Бессмертных посылал в Вашингтон телеграмму с планом Примакова. Буш план не принял. М. С. с этим смирился. Но важно, что вмешался «еще раз» – в пользу мирного решения.

Бессмертных вступил в дело. Горбачев выбрал его (вместо Шеварднадзе). В моей записке с кандидатурами на МИД он стоял вторым, я не очень рассчитывал, что пройдет именно он. Но был убежден, что нужен деиде-ологизированный человек, связанный с Шеварднадзе и известный в Соединенных Штатах.

Литовское дело окончательно загубило репутацию Горбачева, возможно и пост. Да... это так, хотя он и презирует «паникеров». По радио звучат стихи Пушкина, Лермонтова, Маяковского, которые напоминают о зверствах властей по отношению к своему народу, об

ответственности царей.

А в это время Велихов наседает на меня с фондом «За выживание и развитие человечества» – по поводу 5-летия декларации Горбачева о безъядерном мире к 2000 году (*15 января*). Горбачев дал согласие встретиться с советом директоров этого фонда. Но как сейчас говорить банальности о мире в 2000 году, когда перед глазами Персидский залив и Литва?

Словом, опять передо мной ситуация 1968 года – Чехословакия. Но тогда была проблема рвать с Брежневым, с которым я был едва знаком, а теперь – с Горбачевым, с которым связано великое историческое дело, хотя он и губит его собственными руками. В печати, по радио у нас и на Западе гадают: с ведома Горбачева предпринята вильнюсская акция или вообще события в стране уже вышли из-под его контроля? Или это самодеятельность литовских коммунистов и военных? Меня тоже мучают сомнения. Но подозреваю, что Горбачев втайне даже от самого себя хотел, чтобы что-то подобное случилось. Спровоцировала демонстрация рабочих перед Верховным Советом в Вильнюсе, приведшая к уходу Прунскене. Однако, если бы этого не было, наверное, «пришлось бы выдумать» что-нибудь другое. Предавать Бурокаявичюса и Швеца (секретари ЦК КП Литвы) для М. С., мне кажется, немыслимое дело.

Радио. 1.50. Вильнюс блокирован танками и бронетранспортерами. Штурмуют телевидение, радио, министерство финансов. В здании республиканского Верховного Совета окна заложены мешками с песком. На площади 100 тысяч народу.

Ельцин отбыл в Таллинн «для обсуждения ситуации» с лидерами Прибалтики. Он же на Совете Федерации был «закоперщиком» (горбачевский термин) резолюции, осуждающей акцию в Литве.

На встрече с Бронфманом Ельцин осудил антисемитизм, заявил, что в России он не допустит его распространения. Словом, пользуется любым случаем, чтобы поднять свой рейтинг.

Предвижу, что завтра в Верховном Совете начнется «вешание лапши на уши». Лукьянов обеспечит. Утром звонил мне Станкевич из Моссовета. Явно рассчитывал на какую-то информацию в верхах о Литве. Что я мог сказать? Я не знал даже того, о чем радио вещало много часов. Надо мне думать, что делать с самим собой.

14 января

Радио «Эхо Москвы» – на *20 января* намечена демонстрация в защиту Литвы и России под лозунгом: «Команду Горбачева – в отставку!» Пойдут по Садовому, потом по Арбату к Старой площади, ибо там, согласно радио, «исчадие ада», оттуда идет «военно-партийный путч».

Сегодня Верховный Совет начался, конечно, с Литвы. Лживые, не по существу дела, объяснения Пуго и Язова. А после перерыва – сам Горбачев: косноязычная, с бессмысленными отступлениями речь. И нет политики. Сплошное фарисейское виляние. И нет ответа на главный вопрос, речь недостойна ни прошлого Горбачева, ни нынешнего момента, когда решается судьба всего его пятилетнего великого дела. Стыдно было все это слушать.

Игнатенко утром заговорил со мной об отставке. Пришел Андрей Грачев с заседания Верховного Совета, попросил не утверждать его заведующим международным отделом при президенте: «Хватит с меня 1968 и 1979 годов. Непереносимо». А что я?

Кстати, в цековском буфете появились спецталоны. Это после прошлогодней отмены «кормушки». Как это понимать? Как отступное номенклатуре? Тамара (моя секретарша) взяла недельный заказ: колбаса, фарш, котлеты, мясо – целое богатство!

15 января

На встречу Горбачева с Велиховым я не пошел. Противно было встречаться с ним. Стыдно смотреть в глаза людям. Я рассчитывал, что в такой обстановке он откажется. Материалы и речь я ему подготовил еще до событий. Но опять его «недооценил» – он пошел. Позвал с собой Яковлева, Болдина и только что утвержденного на заседании Верховного Совета Бессмертных. И как ни в чем не бывало почти два часа рассыпался перед американцами и другими в приверженности новому мышлению. А они, как ожидалось, не задали никаких вопросов...

Приехал Игнатенко. Рассказал, что вчера вечером он, Яковлев и Примаков стали уговаривать Горбачева съездить в Вильнюс, возложить венок, выступить там на Верховном Совете, пойти в коллективы, к военным и т. д.

Горбачев это вроде воспринял, сказал: сделайте к утру тексты для выступлений там. Написали, утром положили на стол. И весь день Игнатенко ловил Горбачева, чтобы узнать, что же он решил. М. С. сделал вид, что никакого разговора с этими тремя не было. Из чего Игнатенко сделал вывод, что тот не «дезинформирован», как думают многие, а осуществляет свой план запугивания прибалтов. Днем в Вильнюсе военные заняли еще техническую радиостанцию и не собираются освободить ни телевизионную башню, ни Дом печати. А в Риге захватили военную школу и разогнали курсантов.

Я проснулся в пять утра и заснуть больше не мог. Обдумал свои намерения. Придя на работу, продиктовал Тамаре шесть страниц объяснений с Горбачевым, резко и откровенно, наотмашь – с выводом: «я тоже уйду». Вот этот текст:

"Михаил Сергеевич!

Поскольку перелом наконец действительно наступил и поскольку трудно было даже предположить, что он станет таким печальным и постыдным, никто не имеет права отмалчиваться.

С некоторых пор мы, помощники, заметили, что Вы в нас не нуждаетесь. Мы ничего не знаем ни о Ваших намерениях, ни о Ваших планах, ни о предполагаемых действиях или кандидатурах... Наше мнение Вас явно не интересует. Но это не значит, что у нас нет своего мнения обо всем этом.

Я, который искренне и верно отдавал Вашему делу все, что мог, считаю своим долгом сказать Вам следующее.

Ваша речь в Верховном Совете – это знамение конца. Это совсем не то, что ждали мир и страна. Это – не выступление великого государственного деятеля в момент, когда под вопрос поставлено все его дело. Сумбурная, косноязычная, с какими-то странными впечатлениями от встречи с Прунскене, с «фабулой» событий, о которых весь мир знает в десять раз больше. Было полное ощущение, что Вы просто не в курсе дела или выкручиваетесь, не желая сказать, чего Вы действительно хотите добиться.

В этой речи не было главного – политики. А политика, как Вы сами нас учили, – это всегда выбор. На этот раз выбор таков: либо Вы говорите прямо, что не потерпите отпадения ни пяди Советского Союза и употребите все средства, включая танки, чтобы этого не допустить, либо Вы признаете, что произошло трагическое, не контролируемое из Центра событие, что Вы осуждаете тех, кто применил силу и погубил людей, и привлекаете их к ответственности.

В первом случае это означало бы, что Вы хороните все то, что было Вами сказано и сделано на протяжении пяти лет. Признаете, что и сами Вы, и страна оказались не готовы к революционному повороту на цивилизованный путь и что придется вести дела и обращаться с народом по-прежнему.

Во втором случае дело еще можно было бы поправить во имя продолжения перестроечного курса. Хотя что-то необратимое уже произошло. Никакие прокуроры и следователи, к каким бы выводам они ни пришли на месте, не изменят той оценки событий, которую дала международная общественность и все политические эшелоны западного мира. Не повлияют они и на наше общественное мнение, которое Вы явно недооцениваете или просто дезинформированы о его действительном содержании.

Вы, видно, не знаете отношения к Вам в народе – на улицах, в магазинах, в троллейбусах, на митингах, в коридорах и курилках. Вас заваливают телеграммами (хотя Вам по опыту прежних лет хорошо известно, как это делается) от тысяч людей. Но мнения других десятков тысяч и миллионов Вы просто «знать не хотите» – они не вписываются в Ваши намерения. Знаете ли Вы, что почти круглосуточно передают сейчас «Эхо Москвы» и даже «Маяк»? Там ведь расхожий уже термин: «Горбачев и его клика». И это на весь мир. Вчерашняя передача Ленинградского телевидения повергла всех в ужас: гробы, трупы, рыдающие женщины, танки, вращающиеся башнями, девочка, вытаскивающая из-под гусениц зонтик, и т. п. Это что, на политику не должно влиять? Для политики важны лишь телеграммы, лично для Вас подобранные?

Разрушается главное, что было достигнуто в ходе политики нового мышления, – доверие. Вам уже теперь не поверят, как бы Вы отныне ни поступали. Торжествуют те, кто предупреждал: все это новое мышление – лишь личина, которая в подходящий момент (или когда туго придется) будет сброшена. Представляю себе сейчас настроение Буша, Бейкера, десятков других, которые искренне доверяли Вам.

Вы дали Ельцину и К^о еще один, может быть, окончательный шанс обыграть Вас. Ведь то, что он заключил соглашение с прибалтийцами и обратился в ООН, создал «совет четырех» – с Украиной, Белоруссией и Казахстаном, – где «нет места Центру», означает, что новое государственное образование, как бы потом ни назывался Советский Союз, понесут они в мировое сообщество – в обход Вас, вопреки Вам и против Вас. Вы начали процесс возвращения страны в цивилизацию, но он уперся в Вашу же установку о «едином и неделимом». Мне и другим Вашим товарищам Вы не раз говорили, что русские никому не простят «развала империи». А вот Ельцин от имени России это нахально делает. И мало кто из русских против этого протестует. Даже «полозковни-ки» в его собственном парламенте не осмеливаются сколько-нибудь эффективно протестовать.

В результате Вы обрекли себя на политику, цели которой можно достигнуть только силой. И тем самым вошли в противоречие с провозглашенной Вами самим философией.

Вы ведь не раз публично заявляли, что, до тех пор пока Вы на своем посту, Вы не допустите вооруженного насилия над людьми. Пусть Вы «не знали», не разрешали стрелять и давить танками в ту ночь в Вильнюсе. Но то, что произошло, – результат Вашей политики, Вашего нежелания отпустить Литву подобра-поздорову.

В Москве и в других городах, как объявлено вчера по радио, по призыву Совмина РСФСР в среду будет «предупредительная политическая забастовка». В воскресенье – массовая манифестация во главе с Ельциным, которая завершится на Старой площади. Лозунг: «Горбачева и его команду – в отставку».

Вы знаете резолюции Президиума Верховного Совета Украины, Моссовета и Ленсовета и прочее и прочее. Но что-то не слышно демонстраций в поддержку действий, осуществленных в Литве. Политику там и раньше было трудно оправдывать, а теперь – после 14 трупов и сотен искалеченных – вообще невыносимо, если есть совесть.

Единственное обоснование, которое формально звучит для кого-то, впрочем очень немногих, – это что Ландсбергис и К^о нарушают Конституцию СССР. Но ведь кому, как не Вам, знать, что законность бывает «всякая». И если ее требуется насаждать танками и БТР, то... это мы уже проходили. Это – не законность правового государства, которая, согласно Вашим же утверждениям, может быть результатом лишь демократического процесса.

Полтора года назад в Крыму, когда прибалты выстроили тысячекилометровую живую цепь со свечами, я, если помните, сказал Вам: остановить их уход из СССР можно только танками. Вы от меня отмахнулись. Теперь мы это и наблюдаем. Спрашивается, для чего и для кого это нужно? Перестройка ведь – для человека! И если 150 тысяч или сколько их там из трех с лишним миллионов населения Литвы хотят оставаться в Советском Союзе, то это не значит, что ради них во главе со Шведом и Бурокаяви-чюсом можно так обращаться с представителями другой части республики. Оправдания, которые вчера попытались представить Пуго и Язов, прозвучали жалко и позорно. Они дискредитируют Вас, представляют Центр в нелепом виде. Впрочем, Вы повторили их «логику». А она – как на деревенской улице: меня, мол, побили (когда депутация Комитета спасения явилась в Верховный Совет Литвы), я позову большого брата, и он вам покажет!

В государстве, которое заявило, что хочет быть и становится правовым, невозможно заменять политические и юридические оценки рассказом, как общественная организация, возмущенная радиопередачами, позвала на помощь войска и они вместе пошли на штурм телебашни. Это все равно что какая-то группа в Москве, которой не понравится «Взгляд» или «120 минут», попросила бы знакомого командира полка или дивизии выделить ба-тальянчик, чтобы осадить Останкинскую башню и выгнать оттуда весь персонал. А если бы милиционер у входа стал стрелять, то тогда пошли бы в ход танки? Вот ведь, по существу, чего стоят объяснения, которые слышали наш парламент и весь мир.

Словом, ради сохранения Литвы в СССР Вы собственными руками губите дело, которое,

как правильно Вы многократно утверждали, призвано изменить мир.

У меня такое впечатление, что Вы не читаете даже шифровок из-за границы, которые ломаются от протестов, возмущения, гнева, разочарования и угроз разорвать все намеченные связи с нами – со стороны правительств, партий, общественности. Картина (в том числе и у оград наших посольств) – какую мы уже вроде бы и позабыли со времен Сахарова в Горьком.

На этом фоне утверждение членов кабинета в Верховном Совете выглядит какой-то странной фантазмагорией: назначается правительство для непонятно какого государства. О Союзном договоре в Вашем варианте можно теперь позабыть.

Я достаточно хорошо Вас знаю, Михаил Сергеевич, чтобы предвидеть, как Вы отреагируете на эту записку: мол, вот и еще один «отвалил», не выдержал. Пусть так. Но заподозрить меня на 70-м году жизни в каких-то амбициях, в тщеславных, честолюбивых соображениях Вам будет очень трудно. Вы ведь меня тоже немножко узнали, хотя и не очень-то интересовались мной. Я под себя не греб и ничего лично для себя не искал. Смысл этого моего послания состоит вот в чем: я верой и правдой служил «тому» Горбачеву – великому новатору и автору перестройки. А сейчас я его не узнаю и не понимаю.

Я тяжело пережил Прагу. Осуждал в душе, среди своих друзей и перед дочерью – тогда еще школьницей. Сказал ей: «Запомни: великая страна покрыла себя позором, и не будет нам прощения». Я не скрывал в кругу сотрудников Международного отдела ЦК своего крайнего возмущения вторжением в Афганистан. Хотя моральную ответственность за политику, которая вела к тем интервенциям, я нес лишь в той мере, в какой можно ее возложить на, в общем-то, рядового аппаратчика. Но к политике последних пяти лет я имел прямое отношение. Это была политика, которая исключала повторение чего-либо подобного 1968 и 1979 годов. Оказывается, нет. И иметь прикосновение к политике, которая несет в себе возможность измены самой своей сути, я не могу.

Михаил Сергеевич! С тех пор как я оказался «при Вас», мне никогда не приходило в голову, что мне опять, как при Брежневе и Черненко, придется испытать мучительный стыд за политику советского руководства. Увы! Это произошло...

С уважением А. Черняев".

Тамара сначала отказывалась стенографировать, а потом, отпечатав, спрятала в свой сейф. Говорит мне: «Вы наносите ему удар и с этой стороны. А он к вам так относится!» У женщин своя хитрость: может, она меня, а не его жалеет? Пришел Брутенц. Она ему рассказала и спросила, что он думает. Он, конечно, посоветовал «не торопиться». Каждый думает и о себе...

Прослушал я умное выступление Бессмертных при утверждении его на Верховном Совете и заколебался в своей решимости «сделать Горбачеву ручкой». Политика действительно грязная вещь, и все равно ведь за всю свою жизнь не отмыться. Хотя как сказать. Главный поступок может многое искупить, но вряд ли что исправит. Ведь жест – это поступок. Шеварднадзе своим поступком никак не повлиял на Горбачева, наоборот, чихать он хотел на такие жесты. Но как только соприкоснешься с новой информацией о событиях, душа сжимается: раздавило девушку танком, в упор из танка по старику и т. п.

16 января

Сегодня последний день сессии Верховного Совета. У Горбачева была последняя возможность «управиться» с Литвой, а значит, и со своим имиджем как лидера перестройки. Он даже поручил утром Примакову набросать текст. Женя с Игнатенко набросали, разумеется, в осуждение происшедшего. Но М. С. не воспользовался. И после отчета Дементя, который возглавлял делегацию Верховного Совета (Олейник и Тер-Петросян) в Литву (отчет их пустой, формальный), и после «развернувшейся дискуссии» предложил ... приостановить действие закона о печати и ввести в каждый орган цензора из состава Верховного Совета. Поднялся шум. М. С. не стал настаивать. Но замысел свой обозначил. Получилось, что он на стороне тех, кто убивал в Вильнюсе, – есть что скрывать, не показывать.

Невзоров сделал в Вильнюсе телевизионную передачу. О штурме омонцовцев. Черносотенная совершенно передача. Верховный Совет постановил ее показать, а другие «зарисовки» из Вильнюса не показывать, в том числе иностранные.

Примаков сегодня подал заявление об отставке. М. С. ему ответил: «Я, а не ты буду решать с тобой».

«Московские новости» во главе с Егором Яковлевым в полном составе вышли из КПСС. ИМЭМО во главе с директором Мартыновым принял резолюцию, осуждающую события.

Ответа от Горбачева на наше предложение встретиться с помощниками не последовало. Дочь Анна явно за то, чтобы я «ушел». Сегодня впервые увидел ее после возвращения из Копенгагена. Вкратце изложил ей свое видение Горбачева, в котором действует уже одна логика – удержаться у власти любой ценой. Его новое выступление против Ландсбергиса и по поводу пресс-конференции Ельцина, как и предыдущее в Верховном Совете,

– сумбурное, не по делу, мелочное и «личностное». Совсем не на уровне момента.

17 января

Началась война в Персидском заливе (сухопутный вариант). Я в этом не сомневался. Меня разбудили в 4 утра. Поехал в Кремль. Зашел к Примакову – там Дзасохов и Фалин. Начали сочинять заявление Горбачева.

Часов в 7 в Ореховой комнате М. С. собрал – у меня «челюсть отвисла», когда я вошел, – членов Политбюро, секретарей ЦК... Все возвращается на круги своя, подумал я, это симптом. Был, конечно, и Язов, который, разложив карту на столе, показывал, что и как, по его мнению, будет (кстати, угадал точно).

Знали бы американцы... Ночь. Чрезвычайная ситуация... Собрались дилетанты в вопросе, который предстояло обсуждать. В апартаментах президента – ни факса, ни прямой связи со службой информации. Стенографистку ждали еще полчаса. Перепечатывали две страницы заявления с поправками. Это заняло больше часа. Горбачев спросил у Язова: "Ты когда «увидел»? ("В смысле – узнал по данным военно-технической разведки о начале американской атаки.) – «Не увидел – услышал. Час спустя после начала». Засекли разговор Б-52 с «Милуоки» (авианосцем).

Вот в какой компании М. С. решал вопрос в связи с событием, последствия которого, с точки зрения перегруппировки всех мировых сил, состояния противоречий и факторов, могут превзойти результаты мировой войны.

Не знаю, соврал Игнатенко или правда – он сидел рядом с одним из секретарей ЦК, – когда по ходу разговора было упомянуто о кораблях, тот наклонился и спросил у него: «А при чем тут суда? Разве там море близко?»

Кстати, собрал всех Болдин, машины послал по дачам. Но меня не вызвал и не предупредил. Это Примаков мне позвонил и сказал, что собираемся. Любопытно: все же я международный помощник президента, и всем известно, что завязан на эту проблему.

После того как Горбачев часам к 9 утра всех отпустил, он вдруг поманил меня в кабинет. Разговаривал о Литве. Я понял: дошло до него о моих разговорах и намерениях. А тут «Московские новости» рванули: «Кровавое воскресенье» и текст обвинения Горбачеву, подписанный примерно 30 деятелями – от Абуладзе до Карякина, от Бовина до Гельмана, почти всеми бывшими любимчиками Горбачева. На него произвело впечатление. Накануне, представляя в МИДе Бессмертных, он сослался на эту статью, сказав: «Вот уже преступником и убийцей называли меня».

Мне это показалось подонством: эта публикация плюс начало войны в Персидском заливе охладили желание вручить ему текст об отставке, который Тамара заперла в своем сейфе и бдительно от меня охраняет. Горбачев заговорил вроде сожалел, что все так случилось. Мол, такое противостояние, такой раскол, такая вражда в обществе, стенка на стенку пошли. Я ему говорю: «Ну и пусть дрались бы между собой даже до смерти. Но зачем танки-то? Ведь это гибель для вашего дела. Неужели Литва стоит таких свеч?!» – «Ты не понимаешь, – произнес Горбачев. – Армия. Не мог я вот так прямо отмежеваться и осудить, после того как они там в Литве столько поиздевались над военными, над их семьями в гарнизонах».

Вот именно, подумал я. Это только подтверждает анализ ситуации: М. С. попал в объятия «петрушенков-алкснисов» против своей воли и оказался без базы. И вынужден следовать логике защиты власти во что бы то ни стало. Опасности не чувствует. Назавтра грядет забастовка, а в воскресенье – демонстрация в Москве под лозунгом «Горбачева в отставку». Но зачем все-таки он меня позвал: поработать со мной на фоне того, что Петраков с Шаталиным не только ушли, но и подписали ту самую статью в «Московских новостях», где он назван

убийцей? Не хватает ему, чтобы и Черняев ушел, «самый преданный»?..

18 января

Три разговора Горбачева по телефону.

С Миттераном. Звонил тот. Содержания нет. Видно, надо было обозначиться рядом с Горбачевым в дистанцировании от прямолинейности и бескомпромиссности Буша в Персидском заливе;

С Колем. Звонил М. С. ему. Поздравил с избранием канцлером объединенной Германии. Они на «ты»: Миша, Гельмут. Опять объяснялись в любви и верности. Коль говорит, что он не верит, будто Горбачев отвернул от перестройки и перешел в лагерь правых из-за Литвы. Заверил, что будет все так, как договорились на встречах в Архызе, Москве и Бонне.

С Бушем разговор был поначалу холодный. М. С. не считал нужным похвалить его за то, что тот взял на себя войну – за всех. Не соболезнавал по поводу погибших уже парней. Сразу перешел к своей теории двух фаз: на первой победа уже есть (Хусейн политически дискредитирован, военный потенциал подорван, опасность гегемонизма в регионе снята) и зачем дальше убивать других и подставлять своих парней?

Изложил свой план: пауза в военных действиях при условии, что Хусейн объявляет об уходе из Кувейта. Дать после этого обещание на проведение переговоров по всем проблемам.

Буш не согласился. Последовал «технический» разрыв связи. На самом деле Бушу, очевидно, надо было посоветоваться со своими. После включения сказал: не верит, что Хусейн пойдет на такой план. У Горбачева, я заметил, настроение: раз, мол, так – ладно, валяй, потом расскажешь, как было.

Утром я устроил Горбачеву сцену в присутствии Бессмертных, Павлова, Примакова, Игнатенко: «Опять Болдин не предупредил меня, что в Ореховой комнате собираются для обсуждения войны в Персидском заливе. Что, я уж не нужен в международных делах? Мое мнение не интересно в этом важном вопросе?» Горбачев стал сводить все к шутке. Ругнул Болдина. Впрочем, оправдав его тем, что помощники автоматически на такие совещания являются и приглашений не требуется. «Вот, – говорит, – все меня подозревают. Но если уж Черняев стал подозревать, значит, дело зашло в нашем обществе далеко». Это сказано на фоне упомянутого выше выступления 30 интеллигентов в «Московских новостях», а потом еще 116 интеллигентов, в их числе лично близких к Горбачеву, в «Российской газете». Потом еще одной группы – вчера в «Комсомолке». Было и еще одно коллективное заявление в «Российской газете», где восхвалялся Ельцин: он, мол, спас честь русского человека, в отличие от Горбачева, который опозорил. Плюс к этому уход Петракова, ворчание и угрозы об отставке со стороны Яковлева, заявление Примакова, бесконечные интервью Шаталина в газетах, где он кроет Горбачева, и разговоры с ним (Горбачевым) Виталия Игнатенко. На этом фоне Черняев вроде последний редут; все бросают, все изменяют. Он почувствовал, что я на пределе. Однако, повторяю, сейчас удерживает меня при нем Персидская война. Между прочим, подбросил такую байку: в какой-то канадской газете какой-то неизвестный ему миллионер зовет к себе, обещает пожизненно загородный дом и пожизненную пенсию. Хохмит: «Может, поедем? Вместе мемуары будем писать».

В «Курантах» вчера отрывки из книги Лигачева о том, как он сделал Горбачева Генеральным секретарем. Называется книга «Рождение и гибель перестройки». Радует автор, что наконец после Литвы перестройка возвращается на правильный путь, т. е. тот, который всегда указывал Егор Кузьмич.

19 января

Сегодня весь день – на работе. Готовил материалы к визиту в Японию. Судя по вчерашнему разговору Горбачева с Бушем, визит в Москву президент США пока еще не отменяет. Хусейн до сих пор Горбачеву не ответил на его план. Американцы продолжают колошматить Ирак.

20 января , воскресенье

Начал новый толстый блокнот. "Скорее всего этот «том» – последний. Вчера, уже около полуночи, после празднования дня рождения подруги явились обе (Т. и Люда). «Хорошенькие!»

И мы до 4 утра под одним одеялом лежали втроем. О чем говорили – вспомнить уже не могу. Но в этом и прелесть жизни – в обаянии женского начала, в наполненности женской красотой, когда телесное соприкосновение и просто любование облагораживает и вносит смысл во все твоё гнусное существование.

Утром Люда мылась в ванной. Я приоткрыл дверь. Она хотела вскрикнуть – но остановилась, боясь выдать нас, успела только заслониться, нагнувшись. И – как мгновенная фотовспышка – до сих пор в глазах: ее великолепные груди – тесно одна к другой. И улыбка... Я прикрыл дверь.

Позже она сказала: «Ох, Анатолий Сергеевич, видели бы вы меня лет 10 назад! По улице нельзя было спокойно идти: мужики останавливались». Представляю себе!.. Но она и сейчас редкостно красива.

Днем уехал один в Успенку и гонял на лыжах около трех часов. Именно – гонял, потому что скольжение было такое, что диву давался самому себе – как это можно в 70 лет так бегать на лыжах! Легко и в удовольствие, почти не снижая гоночной скорости.

В Крещенские морозы всего минус 3 градуса.

Вот и все мое счастье. Как только «исчезают» мои женщины, наваливается тоска и ожидание – когда опять. Точит неотступно и все сильнее чувство к Люде.

21 января

Ночью меня разбудил Бишер (зам. председателя правительства Латвии). В паническом тоне сообщил, что омовцы атаковали здание МВД в Риге, четверо убитых, восемь раненых. Что я мог ответить? Утром я написал об этом Горбачеву. Ответа не получил. И вообще достать его было невозможно. Он весь день совещался то с Рюйтелем (чтобы в Эстонии не произошло того же, что в Вильнюсе и в Риге), то возлагал венок Ленину, то опять и опять закрывался с Пуго, Язовым, Крючковым и т. п. Вместо того чтобы выйти на трибуну и изложить свою позицию – позицию руководителя великой державы.

Российский парламент. Чрезвычайная сессия. Ельцин – с докладом о ситуации в стране, в общем «взвешенном», как теперь принято говорить, без прямых оскорблений в адрес Горбачева и без призывов его свергнуть (как это он сделал вчера на Манежной площади перед тремя тысячами людей). Впрочем, тем опаснее для М. С.

Наши попытки (Примакова, Игнатенко и мои) выйти на Горбачева и всерьез поговорить ни к чему не привели. Средства массовой информации уже выдают официальную версию: в Риге был бытовой конфликт: изнасиловали женщину-омоновку, терпение у людей лопнуло и т. п. Словом, переводят на кухонный уровень. В то время как политическое значение – в реакции мира на эту бытовку.

По радио идет передача о заседании российского парламента. Много говорят и дельного, но почти каждый кроет Горбачева и метит в самые больные места. В том числе: мол, вот Ельцин, как только произошли в Вильнюсе события, сразу поехал на место... В отличие от Горбачева, который молчит и отсиживается.

22 января

Продолжали (я, Примаков и Игнатенко) уламывать Горбачева выступить по Литве и Латвии в Верховном Совете. Вчера вечером он согласился только на то, чтобы мы к нему явились в 10 утра. Явились. Он сразу же обрушился за вчерашнее на российский парламент. Потом стал рассказывать, как он улаживал дело с Рюй-телем, а сейчас ждет Горбунова и Рубикса.

Согласился, чтобы мы сочинили проект его выступления в Литве. Дал мне вариант, подготовленный Шахназаровым (значит, еще вчера подумал об этом). За полчаса я, вернувшись к себе, сделал текст на пяти страницах. Кое-что взял у Шахназарова. К 13.30 М. С. собрал для разговора о Персидской войне в Ореховой комнате. Были Язов, Крючков, Пуго, Бессмертных, Примаков, Белоногов (зам. министра иностранных дел), я и Игнатенко. Обсуждали ситуацию. Договорились: я пишу проект письма Бушу, Бессмертных – Бейкеру. С моим предложением пригласить Буша вместо его визита в Москву встретиться где-нибудь по типу Хельсинки, накоротке, М. С. пока не согласился. После этого Примаков, Шахназаров, Игнатенко и я сели за

текст выступления по Литве. Горбачев стал передиктовывать по моему варианту. Выбросил кое-что «самое интересное», в том числе одобрение воскресных митингов как выражение живой демократии. Но осталось главное: события в Риге и Вильнюсе – это не его, Горбачева, политика. Это спонтанные вещи, результат кризиса и нарушения законов самими властями. Отмежевался. Выразил соболезнование. Осудил апелляцию к армии в политической борьбе, использование войск без приказа. Словом, все, что нужно было сказать неделю назад. Тогда, может быть, не было бы ни событий в Риге, ни митингов в Москве, ни проклятий, ни бегства от него интеллигенции, ни беспокойства на Западе с угрозой отказаться нас поддерживать.

Но М. С. в своем репертуаре – всегда опаздывать. В «Комсомолке» – обращение Шаталина к Горбачеву с требованием уйти в отставку. Опубликовано очередное интервью Петракова итальянской газете «Стампа» – в этом же духе. Подонство это, самовыражение на уровне мелкого тщеславия, на грани предательства: ведь они-то знают Горбачева, знают, что он не изменил принципиальному курсу, а просто в очередной раз неудачно маневрирует.

24 января

Мэтлок с утра попросился к Горбачеву. Я уговорил его принять посла. Оказалось, очень важная встреча. М. С. (прослушав перевод письма от Буша, принесенного Мэтлоком) целый час убеждал его, что Буш неадекватно реагирует на Прибалтику, похоже, готов пожертвовать уникальными отношениями между ними, без которых в мире «ничего не было бы». Занимался толкованием некоторых выражений письма Буша. Мэтлок, хоть и хорошо знает русский язык, но нюансов иногда не чувствует. Поэтому в переводе можно было понять так, что Буш уже ввел санкции против нас, в то время как Мэтлок уверял, что введет, если Горбачев «не исправится».

Опять приходил Андрей Грачев. Я все выжидал, не говорил Горбачеву о его отказе стать руководителем международного отдела при президенте. А сегодня сказал. При всем уважении к Андрюше, к его интеллигентности что-то заскребло у меня в душе по поводу его настойчивости на этот счет.

В связи с Грачевым как-то иначе, чем первоначально, воспринял недавнюю статью в «Московских новостях». Называлась она «Смотрите, кто ушел». Суть такова: ушли Шеварднадзе, Яковлев, Бакатин, Петраков, Шаталин... И Горбачев остался оголенным в интеллектуальном отношении. Предпочел окружение серости. Но, господа, ни Шаталин, ни Петраков, ни тем более Бакатин ведь никакого особого интеллектуального капитала не внесли в перестройку или не успели. Что касается Черняева, то он за пределами интеллектуального окружения потому, что не предал. Стоило бы мне подписать одно из их обращений и манифестов с осуждением Горбачева, и я сразу бы превратился в большого интеллектуала. Хорошо, что Тамара «зажала» мое письмо Горбачеву. До чего мелкотравчатая наша интеллигенция, до дыр изъедена тщеславием.

25 января

С утра составлял ответ Горбачева Бушу, который завтра Бессмертных повезет в Вашингтон. В стиле: Джордж, как же это ты из-за Литвы мог поверить, что я изменил перестройке? И т. п.

Вечером М. С. позвал к себе вместе с Бессмертных. Прошелся по тексту. Убрал наиболее «живые места». Потом я стал ему выдавать всякие чужие просьбы, в частности от других помощников. Он мне говорит: "Ты какую зарплату получаешь? Такую же, как они? Ну так вот: не выступай в роли адвоката и ходатая.

– Но они ко мне идут... Если не через меня, вам не передадут их бумажки.

– Ты такой же, как они.

– Хорошо. Из этого буду исходить...

– Но отличаешься фактическим положением. – И обращаясь к Бессмертных, указывая на меня, сказал: «Я его хочу назначить помощником по государственной безопасности, секретарем и членом Совета безопасности».

– А что это такое – секретарь Совета безопасности? – спросил я.

– Там посмотрим.

– Но если посмотрим и увидим, что это связано с административными обязанностями, я

отказываюсь. Как администратор я ноль.

– Ладно, ладно.

– Не ладно... Еще как «научный руководитель» (это заметили в университете) или как руководитель консультантской группы (это заметили в Международном отделе) – тогда куда ни шло, но как распорядитель

– увольте.

– Ладно, – и выпроводил нас обоих.

В предбаннике Александр Александрович стал меня бурно уговаривать не отказываться. Не дай Бог на этот пост попадет кто-нибудь такой – гибель для всей внешней политики.

– Да, но вы не сравнивайте с американским Советом Безопасности. Здесь ведь будет все – от экономики и здравоохранения до МВД.

Долго препирались. А когда пришел к себе, Примаков тоже стал меня уговаривать по телефону. Размышляю: зачем мне это? Завалить дело напоследок жизни... Или это с его стороны награда «за верность», несмотря на Литву?

Позорная акция с обменом денег. Будто М. С. решил играть ва-банк со своим авторитетом. Такое унижение народу! Через эти «полсотенные» проверяют, меняешь ты честно ли заработанные деньги... Выплеснулось все наше люмпенство, переделщина, хамство, зависть и паскудство. Идем вроде к «свободной экономике» и в то же время велим заглядывать в чужие кошельки и в каждом видим жулика и ловчилу. А сколько унижений и мытарств для стариков!

26 января , суббота

Был на работе. Информация с войны. Кажется, приближается развязка. Кровавая развязка будет. Американцам никак нельзя тянуть. Но конец и итоги будут совсем не те, какие предполагали, – наказание агрессора. После такого наказания наказывать кого-то другого таким способом – пороха не хватит.

Забыл, между прочим, вчера отметить... Когда сидели у М. С. с Бессмертных, речь зашла о Бронфмане. М. С. и говорит: "Вот мне его все время сватали; прими да прими. Принял! А он вон каким оказался. До меня лобызался с Ельциным. И туда же вернулся от меня. Только и делов у него... Ну что ж, нашел подходящего партнера. И вообще посмотрите, кто его окружает, кто его команда: «евреи – все евреи».

Я прикинул в уме, кого знаю из этой команды: действительно, в основном так. И «тушинские перелеты» совершают главным образом они, в том числе один мой хороший знакомый, о котором Бронфман сказал, между прочим, следующее: «Когда я познакомился с этим господином лет пять назад, он уверял меня, что он русский. А теперь с такой же горячностью доказывает, что он еврей». Да, на евреев пошла мода. Самые противные их качества вылезают сейчас наружу. Еврейская печать очень сильно провоцирует бегство интеллигенции от Горбачева.

28 января

Писал письмо Горбачева к Андреотти – мидовский проект опять дерьмо. Идет информация: Запад от нас отвернулся, перестроечная атмосфера испарилась, все ждут нашего краха. Внутренняя же информация все больше убеждает, что из всей государственности у Горбачева остались только армия и КГБ. И он все откровеннее склоняется пользоваться ими. Морально-политическая его изоляция – это факт, все держится на инерции. Страна просто не знает, что с собой делать.

Деньги отобрали. Но москвичам, даже меня, не выдали взамен 50 рублевых купюр на зарплату: банкнот не хватает. И боятся их печатать, потому что неизвестно, какой герб будет, и как будет называться страна. Не говоря уже о том, какого вождя придется ставить на купюрах.

29 января

В письме Андреотти я, между прочим, сделал такой пассаж: «человеку, который лучше других понимает нас и может остановить разложение хорошего отношения к СССР, спасти европейский процесс и подготовить всех нас к устройству мира после Персидской войны». М.

С. сильно правил текст: убрал все самое «душевное».

Бессмертных уломал Буша и Бейкера остановить экономические репрессалии из-за Литвы. Американцам мы еще нужны – чтобы добить Хусейна.

Крючков принес Горбачеву какую-то очередную липовую информацию, будто США вот-вот ударят ядерным оружием по Хусейну. Толя Ковалев с подачи Крюčkкова тут же сочинил заявление МИД СССР с протестом. Я просил прислать мне... Сопроводил ядовитой запиской и направил Горбачеву. Он вернул мне с резолюцией: «До особого случая». Дурачье все-таки у нас в ведомствах! Элементарно не могут сопоставлять большую политику с тактическими играми в пропаганду.

Приходил прощаться Петраков. Расстались «по-товарищески». В напутствие я ему посоветовал больше не хлопать дверью. Обычно это делается один раз, а не 4 или даже 5. Впрочем, сказал ему: «На вашем месте я поступил бы так же, если бы М. С. изменил внешнюю политику» (за которую я чувствую себя ответственным).

В «Советской России» похабная статья о Шаталине «Люмпен-академик». Но, может быть, и впрямь он такой же ученый, как Пономарев, Егоров и им подобные, т. е. исключительно для своего времени? Похоже. Общение с ним не убеждает, что он ученый в нормальном, интеллигентском смысле слова (т. е. не от слова наука, а от слова ученость).

Мы с Игнатенко явочно пошли к президенту и устроили ему сцену по поводу «инициативы» Язова и Пуго с патрулированием городов. М. С. кричал на нас: «Лезете не в свое дело. От безделья, что ли? Не понимаете! Ничего особенного! Нормальная практика. И вообще мечетесь, паникуете, как вся интеллигенция: одной ногой там, другой здесь».

Я не сдавался, твердил, что это дело Советов, верховных и городских, приглашать солдат патрулировать. Иначе – это введение военного положения, а значит – антиконституционно. Он злился, бросал всякие аргументы, из которых следовало, что мы с Игнатенко ничего не понимаем. Я стоял на своем:

- Мы из вашей команды и должны знать ваши намерения, ваш маневр.
- Когда надо, скажу, какой у меня маневр.
- Так невозможно работать.
- Возможно!

– Нет, невозможно. Если вы хотите настоящей работы, мы должны узнавать такие вещи не из газет. – И т. д. в этом же «высокогосударственном» духе.

А вечером позвонил мне, сообщил, что подписал указ, где упорядочил патрулирование ... с учетом позиции местных и верховных Советов.

Он почти уже не читает газет. И информация у него главным образом типа «кто чего скажет». Но «говорить», как известно, имеет право не всякий, тем более с глазу на глаз. А это: Лукьянов, Язов, Крючков, Пуго. Таков теперь круг его «реальных» советников.

30 января

Принимал я финского посла. Хвалил Койвисто от имени Горбачева. Пообещал письмо от Горбачева и даже дату визита Койвисто к нам. В самом деле, если бы Финляндия заняла в прибалтийских делах, скажем, датскую позицию, нам было бы много хуже.

«Московские новости»: номер за номером – разгромные статьи против М. С. Тут и обмен денег, тут и Литва, и конец перестройки. На обложке – солдат на БТР и заголовок: «Перестройка кончилась. Привал!» И т. д.

Народный депутат РСФСР Тарасов в «Вечерке» пишет, что М. С. в переговорах с Накаямой (мининдел Японии) продал четыре острова за 250 миллиардов долларов... Теперь такое «кушают».

Поздно вечером вчера М. С. позвал нас с Шахназаровым редактировать статью о референдуме. Там уговоры, почему не надо разрушать Союз. Кстати, в ней уже нет «социалистического выбора». А за два часа до этого на Политбюро, куда вдруг пригласили помощников, московский первый секретарь Прокофьев и другие требовали от Горбачева, чтобы он завтра на Пленуме ЦК прямо заявил: речь, дескать, идет уже не о борьбе за власть, а об изменении общественного строя, о капитализме.

Вообще же Политбюро производит странное впечатление – будто партия в подполье.

Нахально ведут себя Рубикс, Бурокаявичюс: качают права. Никто их не одергивает.

1 февраля 1991 года

Вчера был Пленум ЦК. Я не пошел. Противно. Рассказывали: каждый выступал в зависимости от личного интереса, от степени проникновения в суть событий, от осведомленности насчет того, что на самом деле думает Горбачев сейчас и на будущее.

А в общем, судя по отзывам, само проведение Пленума – это демонстрация того, что М. С. возвращается в «свою» среду – ибо другой, получается, у него уже нет. Ужасно. Ужасно, что устами Ельцина глаголет истина. Вчера на телевидении в программе «Пятое колесо» он заявил: «У Горбачева уходит почва из-под ног, мы присутствуем при агонии власти, режима... И это опасно».

Насчет патрулирования, как мы были правы с Игнатенко! Одна республика за другой запрещают применение указа на своей территории, как противозаконное. Еще один удар по престижу президента... наряду с обменом купюр.

Интерес к работе исчез. Сижу, закрывшись в кабинете. Впрочем, ходят послы: английский, итальянский... Сегодня были японцы, стыжу их: «Как же это вы так? Поверили не Горбачеву, а Ландсбергису». Прямо-таки истый патриот-горбачевец, а в душе уже не верю ему – не как человеку, а как государственному деятелю. Он и импровизировать-то стал мелко. В первые 2-3 года перестройки это было даже эффектно, а сейчас губительно.

5 февраля

В субботу, *2 февраля*, сидели в Ореховой комнате: Горбачев, Яковлев, Примаков, Медведев, Шахназаров, Болдин, Игнатенко и я. «Тайный совет», – произнес я к неудовольствию Горбачева. Пошел свободный треп обо всем, хотя тему он обозначил: о положении в стране. Каждый давал свою оценку. Я говорил главным образом о том, что спасение в ориентации на суверенную энергию республик. И в конце опять и опять, как римский Катон, заявил: а Прибалтику надо отпускать! М. С. повел бровью.

В понедельник – на работе. Письмо Койвисто. Ответ Миттерану, письмо Радживу Ганди. Персидская война: слежу, куда мы идем с нею и вслед за ней. Би-би-си пристает с интервью.

Беспрерывно звонит еврейская женщина по поводу хасидских рукописей. Губенко ее отшибает. Заговорила красиво, четко поставленным языком высокообразованной московской еврейки. Жалует, что Губенко третирует ее как вульгарную жидовку, которая нанялась ходатайствовать в пользу закордонной общины. Потом, когда я, реагируя, взял ироничный тон, сообщила мне, что она самая умная и самая красивая в Москве женщина. Ну что ты будешь делать – неистребимая это еврейская черта! Мне даже захотелось с ней пообщаться.

Горбачев пожалел меня – спросил об отпуске. Это, оказывается, Болдин сказал ему, что я на износе. Я напомнил о своей прежней просьбе: пусть лучше дает мне день-два отдыха, когда захочу, а отпуск в такое время – вроде неудобно.

Звонил Арбатов. «Послал» его к ... Ельцину. Он не сразу понял, а поняв, обиделся. И кажется, теперь «все!» у нас с ним, после 30 лет товарищества и даже временами дружбы.

Хороший разговор у меня состоялся с дочерью. Анна в лицах изобразила мне «коллектив» в своем Институте международного рабочего движения Академии наук СССР. Ободренные, внешне и внутренне потерянные люди, утратившие почву под ногами, смысл жизни и работы. По 30-40 лет занимались делом, которое оказалось пустой, никому не нужной белибердой. Очень ей противно там. А что они, научные сотрудники, делают в течение дня? Часами сидят в буфете, теперь там и водку дают.

Анька хороша, красива, умна и необычно привлекательна. Вся такая... состоявшаяся женщина.

2 февраля исполнилось 5 лет, как я у Горбачева. Всего пять лет! А сколько наворочено – весь мир вверх дном!

7 февраля

Утром я провел совещание экспертов по Персидскому заливу: Юра Мирский и его компания (13 человек). Много умного наговорили. Хотя и эти, казалось, узкие специалисты

делятся на западников и арабских патриотов. Тем не менее разговор был много интересней и полезней практически, чем вчерашнее заседание официальной «группы по Персидской войне» во главе с Бессмертных (Язов, Примаков, Крючков).

Переписал проект заявления Горбачева по Персидскому заливу, подготовленный МИДом. Вернул его Бессмертных.

Мою записку о Полозкове Горбачев «разослал» Ивашко, Дзасохову, Шенину, сильно подставив меня таким образом. А впрочем, играет напрямую: раз уж имеешь свое мнение, не бойся, если его узнают и те, против кого оно направлено.

9 февраля

Горбачев по моему настоянию провел заседание «группы по Персидской войне», ибо Бейкер уже сообщил программу действий, Миттеран тоже. Все – в благородных выражениях. А тут еще Иран подсуетился: готов «вершить», предлагает посредничество. Наши ортодоксы подняли публичный визг по поводу ужасов войны. Подтекст очевиден: Хусейн – союзник и олицетворяет антиимпериалистические силы, а мы его предаем.

Горбачев немножко капризничал по поводу текста заявления. Зло шутил: мол, Черняев недоправил мидовский вариант в смысле заискивания перед американцами. А потом сам усилил текст именно в этом плане, добавив, что мы подтверждаем нашу поддержку резолюции Совета Безопасности ООН. Сегодня текст заявления пойдет в эфир. Тут же Горбачев решил послать Примакова в Багдад. Мол, сильный шаг, это тебе не предложение Крюčkова – опять пригласить сюда Азиза.

Порассуждали насчет перспектив событий. Я поделился анализом экспертов, которых собирал на днях у себя. Обобщенно это выглядело так: войне приходит конец. Хусейн сдастся, как только начнется сухопутное наступление в обход Кувейта. Будет выглядеть «почетно» – перед лицом превосходящих сил, а не капитуляция! Рассчитывает выглядеть героем в арабском мире. Мол, осмелился поднять руку на самого (?) Голиафа и даже долбанул ракетами по Израилю. Безответно! А самолеты он получит обратно из Ирана. Пленных гвардейцев отпустят из Кувейта домой, хотя и без оружия. И опять у него – армия, чтобы править дальше. Поскольку всему миру придется заниматься арабско-израильским конфликтом – от этого не уйдешь, – Хусейн может хвастать: сколько лет «манежили» проблему, а он сразу сдвинул ее с места, пойдя на жертвы ради «великого арабского дела» и «во славу ислама». Посмотрим, оправдается ли эта «концепция».

Решили заодно и о Варшавском Договоре. Утром, еще по телефону, я начал «отбивать» мнение Дзасохова и Политбюро, которые настаивали на проведении ПКС на высшем уровне – на том же уровне, «на каком создавали» (подспудная идея – уговорить участников «что-то» сохранить на будущее). Я яростно доказывал, что это иллюзия. ПКС с участием Горбачева – это похороны Варшавского Договора по первому разряду. Значит – срам, значит – подставлять себя лишний раз под всяких петрушенко и алкснисов – в прессе и Верховном Совете.

Бессмертных меня поддержал на совещании «группы». В результате быстро соорудили телеграмму главам стран Варшавского Договора. Язов, поворчав, согласился. Так что хоронить будем на уровне Минобороны и МИДа.

Ельцин создал Президентский совет. «Интеллектуальная мощь России», – с восторгом писала одна газета. Он сам во главе в качестве ярчайшего экспонента интеллектуальной мощи. Туда сбежались все замеченные в парламентских схватках. «Шуты гороховые», – как заметил академик Рыжов – член горбачевского Президентского совета, добавив, что такие «советы» при царях – это чтобы резать правду матку.

Политическое значение этой очередной инициативы – убрать Горбачева. Ну а потом уберут и эту жалкую трусливую публику, может быть, даже прикладами. И никто не пикнет. Это тебе не на Горбачева лаять! Разве что Старовойтова своими большими грудями встанет на защиту!!!

10 февраля

Вчера, когда сидели в Ореховой комнате по поводу Персидской войны и Варшавского Договора, Горбачев, как всегда, отвлекался на посторонние темы (многие из этого я уже

дюжину раз слышал). Но одну вещь он сказал, которую стоит здесь пометить, – о вмешательстве армии в гражданские конфликты. Обращаясь к Язову, говорит: «Помнишь, когда в Риге ночная стрельба была между омоновцами и латышскими дружинниками? Тебе и мне из Риги, из их правительства телефоны оборвали: мол, смертоубийство, пошлите воинскую часть, остановите! Ни ты, ни я на это не пошли. А ведь это была провокация – втянуть солдат, потом все свалить на Центр, на Горбачева».

11 февраля

Был у меня Мэтлок. Принес тревожное письмо Горбачеву от Буша о нарушении нами договора по обычным вооружениям (после подписания его в Париже мы «перекрасили» три сухопутные дивизии в морскую пехоту с тысячью танков). Проблема возникла в декабре, еще в бытность Шеварднадзе министром. Он нервничал. Кстати, тут была одна из причин его ухода. Бессмертных привез из Вашингтона от Бейкера протест и при мне уверял Горбачева, что надо решать, никуда не деться. Явно, мол, обье...ловка с нашей стороны.

Также в декабре я писал Горбачеву записку на эту тему. Он послал ее на экспертизу Ахромееву и Моисееву. Они продолжают твердить: американцы отказались от переговоров по морским вооружениям и теперь какое им дело, сколько у нас чего там. От вопросов, зачем, например, тысяча танков у нас в Мурманске, уходили со свойственной генералам «эlegantностью». И вот теперь вступил в дело сам Буш, квалифицируя это как удар по доверию и по надежности нашей подписи под договорами вообще.

Заодно, когда ко мне явился Мэтлок, я устроил ему бурную дискуссию по Прибалтике. Поднял проблему на уровень судебных европейского процесса и новой мировой политики. Он отбивался избитыми аргументами. Брей-твейт недавно мне прислал цитату из Тургенева, свидетельствующую о масштабности понимания им происходящего у нас¹.

Письмо Буша я тут же переправил Горбачеву со своими аргументами. И поехал обедать. А он в это время собрал «заинтересованных лиц». Меня не нашли. С участием Бессмертных, Крюкова, Язова, Моисеева обсудили и удовлетворили американские требования. Обычная история: попробовать – может, «проскочит» с хамством. А потом обижаемся, что нам не верят и все время требуют проверок.

12 февраля

Сегодня я сочинял очень «сильное» (на «ты») письмо Горбачева Г. Колю. Подписал он его без единой поправки.

Была у Горбачева встреча с Дюма (французским мининдел). М. С. очень откровенно распространялся о нашей ситуации. Остро – против подозрений его в отступничестве от идеалов перестройки. Изложил свою версию событий в Литве и Латвии, из которой следует, что «все это» было спровоцировано Ландсбергисом и латышскими деятелями, чтобы вызвать кровь, замазать ею Центр и спасти себя от свержения – вслед за Прунскене. Почти не давал Дюма открыть рот. Тот подкидывал ехидные вопросы, но Горбачев их игнорировал.

Я переслал ее Горбачеву с пометкой: «Михаил Сергеевич! Посмотрите, какими категориями оценивает перестройку британский посол Брейтвейт».

Уважаемый Анатолий Сергеевич!

Недавно читал речь И. С. Тургенева от 1880 года в честь Пушкина. Напомнила она мне о том, что Вы сказали в ходе нашей последней встречи.

Прилагаю копию.

«Живое изменяется органически ростом. А Россия растет, не падает. Что подобное развитие как всякий рост – неизбежно сопряжено с болезнями, мучительными кризисами, с самыми злыми, на первый взгляд безвыходными противоречиями – доказывать, кажется, нечего; нас этому учит не только всеобщая история, но даже история каждой отдельной личности. Сама наука нам говорит о необходимых болезнях. Но смущаться этим, оплакивать прежнее, все-таки относительное спокойствие, стараться возвратиться к нему – и возвращать к нему других, хотя бы насильно могут только отжившие или близорукие люди. В эпохи народной жизни, носящие названия переходных, дело мыслящего человека, истинного гражданина своей родины – идти вперед, несмотря на трудность и часто грязь пути, но идти, не теряя ни на миг из виду тех основных идеалов, на которых построен весь быт общества,

которого он состоит живым членом».

Дюма ушел, а мы с Бессмертных остались. И он вдруг объявил нам, что назначает послом в Соединенные Штаты Комплектова. Я нагло задал Александру Александровичу вопрос: «Это ваше предложение?» Он отрицательно мотнул головой. А М. С. перебил: «Мое предложение». Я пояснил, что это одномерный человек, чиновник без масштаба. Не такой нужен сейчас в США. Но Горбачева, если что он решил, не переиначишь. Интересно, кто ему эту идею подкинул?

Кстати, цитату из Тургенева, которую мне прислал посол Великобритании, Горбачев прочитал «в своем кругу» и задал вопрос: чье это? Бессмертных, Зайков, Язов, Моисеев долго гадали и все сочли, что это кто-то из нынешних перестроечных авторов. А цитате 110 лет.

15 февраля

Вчера у Горбачева был мининдел Кувейта. В его имени очень много «Сабах». Хитрейший араб. М. С. умеет простецки сделать важный международный ход, например, фразой: «Надеюсь, что в ближайшее время Кувейт опять станет процветающим государством...»

Сегодня был у него мининдел Ирана Велаяти – интеллигентный, замкнутый перс. Почти всю дорогу молчал. Только под конец задал два «уточняющих» вопроса. Записывал каждое слово. Горбачев и тут покорило доверием, поделившись опасением, что американцы по-своему распорядятся в регионе, если военной силой сокрушат Хусейна и если вовремя не включить политический фактор. И, конечно, нашел в собеседнике «антиамериканское взаимопонимание». А вчера с арабом убежденно и безальтернативно говорил о нерушимости единства с США против агрессии, о верности СССР резолюциям Совета Безопасности ООН и т. п.

В «Нью-Йорк тайме» – статья в худшей манере прошлых лет о Горбачеве: диктатор, лжец, ведет двойную игру в Персидском заливе, провел американцев с разоружением и т. п.

Скандал с заявлением Павлова в «Труде» о том, что западный финансовый капитал готовил заговор, чтобы сокрушить Горбачева наплывом в нашу страну 50-100-руб-левых купюр. Ляп?! А может быть, специальный ход?

Разговаривая с Мэтлоком, я отмежевался от Павлова: у меня, мол, как помощника президента, нет данных, подтверждающих то, что сказал премьер.

Вместе с Шахназаровым мы сделали Горбачеву представление на этот счет, потребовали, чтобы он дал оценку этому заявлению. М. С. отмалчивается. А Бессмертных в таких делах, увы, не Шеварднадзе.

18 февраля

Запутался я в тенетах службы. В субботу в Москве появилась тройка из Европейского Сообщества – министры Демикелис (итальянец), Поос (голландец), Ван ден Брук (люксембуржец). Приехали читать нотации Горбачеву о демократии и о Парижской хартии. Но «напоролись» на контратаку: как вам не стыдно было поверить, что Горбачев изменил перестройке?! Министры смешались, мямлили банальности. Однако в Европе продолжается кампания разоблачения Горбачева. Слышать не хотят ни о каких его аргументах, для них бесспорно, что была попытка «привести в порядок» литовцев и латышей силой.

Сегодня был Азиз (мининдел Ирака). Горбачев провел операцию мастерски. Изложил свой план ухода Ирака из Кувейта. Азиз на этот раз уже «не пищал». Горбачев давал понять, что Бушу очень не хочется умиротворять Хусейна, он хочет его «шмякнуть» намертво (тут и мораль, и интерес).

Горбачев пытается обыграть Буша на гуманизме, который ему, по американским меркам, ничего не стоит. Посмотрим, согласится ли Хусейн на его план?

Но как бы американцы не ударили именно в эти дни, чтобы сорвать этот план. Примаков свое вроде сделал, но и Шеварднадзе в свое время поступил правильно, присоединившись к резолюции СБ ООН и подтвердив фактически наше согласие на военную акцию, если другие меры не работают.

Послал сегодня информацию Бушу, Колу, Миттерану, Андреотти и др. по итогам встречи с Азизом. Писать ее М. С. поручил Бессмертных и Примакову, а пришлось мне.

А между тем интеллигентская пресса продолжает твердить, что после ухода Яковлева,

Шеварднадзе, Бака-тина, Петракова, Шаталина вокруг Горбачева «никого не осталось». Все, увы, построено на мифологии, на пошлой журналистской символике. А я хочу и уйду как «серая тень». Впрочем, душа так постарела, что все это уже не волнует, все – тщета, кроме женской красоты и великих книг. У Розанова прочитал на днях: «Красота телесная есть страшная и могущественная и не только физическая, но и духовная вещь».

В субботу получил сразу целую стопку книг по философии: Франк, Лосев, Флоренский, Юркевич, Ткачев, Розанов. Глотаю из каждой по несколько страниц без всякой системы. И поражаюсь: с одной стороны, вроде никогда не был чужд этих мыслей (со школы еще, с детства), а с другой – какого богатства была лишена наша интеллигенция! А сейчас она, не вникнув в суть этого наследия, цитатки выбирает из этих великих книг для дешевой публицистики. Всерьез-то их изучают единицы. Вот пример: несколько лет общественность вопила и требовала издать полностью Ключевского, Соловьева, Карамзина, других наших знаменитых историков. Издали, некоторых даже неоднократно, но покажите мне хоть одного человека (разумеется, не специалиста-историка), который прочел бы хоть пару томов из этих собраний сочинений!

19 февраля

Сегодня Ельцин 40 минут говорил в открытом эфире. До этого целый месяц создавался ажиотаж, будто ему, главе России, не предоставляют канал центрального телевидения. Таким образом страна была поставлена в стойку: он, спаситель России, скажет о ценах, о референдуме, об армии, обо всем самом-самом. В своем косноязычном стиле, грубо и неловко он это и проделал. Но по референдуму обещал сказать позже, в самый канун. А потом зачитал, видимо, самое главное, ради чего рвался на телеэкран, – текст, заготовленный, очевидно, представителями «интеллектуальной мощи России»: Горбачев обманывает всех, его политика антинародная, на нем кровь межнациональных конфликтов, он развалил страну, виноват в обнищании народа, ничего не выполнил, что обещал. И поэтому он, Ельцин, требует отставки Горбачева.

Итак, перчатка брошена с самой большой вышки. Он и раньше нечто подобное говорил не раз – в интервью иностранным газетам, даже по радио и сообщал всяким листкам, где печатаются «поденщики» левой прессы. Теперь это сказано «на государственном уровне» – от имени России.

Вчера перед встречей с Азизом М. С. разговаривал со мной и Игнатенко о Ельцине. Смысл таков: песенка Ельцина спета – у него ничего не получается, от него уже ждут дел. Он мечется. Но даже люди из его ближайшего окружения «вытирают об него ноги», кроют его матом, а в парламенте заявили, что не станут при нем стадом баранов и т. п. Кто-то принес ему все это. Должно быть, Крючков.

Словом, М. С., получается, списал Ельцина как опасность.

Но сначала его подкосит не Ельцин, а Павлов. Только что слышал его ответы и полемику в Верховном Совете по ценам. Он умен и профессионален. Перед ним всякие парламентарии – щенки, он их презирает и с ходу бьет любой их аргумент. Он циник и в отличие от Рыжкова не держится за место. Ему наплевать, что они – и вообще вся «эта общественность» – о нем думают: он будет делать так, как считает правильным.

Из ответов на информацию об Азизе, направленную Бушу, Миттерану, Колю и т. д., следует, что план Горбачева Буша не устраивает – он мешает «шмякнуть» Хусейна.

20 февраля

Сегодня дважды Горбачев собирал свой «тайный совет» (Яковлев, Бакатин, Медведев, Ревенко, Примаков, Шахназаров, Игнатенко, Болдин и я). Обсуждали Ельцина, советовали самому Горбачеву не впутываться. Судя по всему, он и сам не хотел этого. Оценки? В общем сходились на том, что Ельцин выбрал момент, когда народ на пределе из-за цен, чтобы свалить Горбачева.

Верховный Совет Союза весь день обсуждал речь Ельцина (более важного дела у него нет). Вынесли осуждающую резолюцию. На «тайном совете» рядили на тему о том, что Верховный Совет России должен спросить с Ельцина – от чьего имени он говорил, и потребовать созыва съезда. Тут был намек на возможный импичмент. Словом, опять возня из-за

того, что наша демократия выплеснула на поверхность всякое дерьмо... И посредственность опять правит бал.

Интеллигенция, «демонстрируя» против Горбачева, потихоньку выходит из партии. Слышал, будто и писатель Бакланов уже ушел.

22 февраля

Горбачев звонил в Вашингтон сегодня в 19.30. У телефона Бейкер. Приветствуют друг друга. Бейкер что-то долго говорит. Минут через 5-7, судя по всему, появляется Буш, подключается к разговору. Горбачев сообщает ему, что он был на мероприятии по случаю годовщины Советской Армии. 6 тысяч человек присутствовало. Поэтому раньше не мог соединиться. Говорит, что Джим (т. е. Бейкер) изложил ему позицию, которую в данный момент администрация США занимает: что делать с Хусейном. У меня, мол, возникает вопрос: мы вот тут целые сутки обсуждали с представителями Ирака возможные выходы из ситуации, но они, эти наши идеи, неприемлемы для Соединенных Штатов? Правильно ли он понял Джима? Перечисляет пункты того плана, которые он навязывал Азизу еще ранее и о чем было сообщено в Вашингтон. Бейкер именно на этот план Горбачева и реагировал.

1. Немедленное заявление Хусейна о полном безусловном выводе войск из Кувейта.
2. Вывод начинается на следующий день после прекращения огня.
3. Вывод происходит в строго фиксированные сроки.
4. После вывода 2/3 войск снимаются экономические санкции с Ирака.
5. После окончательного вывода практически исчезают причины применения резолюций СБ ООН, и они утрачивают силу.
6. Вывод войск контролируют наблюдатели, назначенные СБ ООН.

Самый трудный вопрос – срок вывода. Вы помните, говорит Горбачев, что названные Азизом шесть недель я категорически отверг.

И вот теперь, продолжает Горбачев, я услышал от Бейкера, что все это неприемлемо. Возникает основной вопрос: чему мы отдаем предпочтение – политическому методу или военной акции, т. е. наступлению на суше? Я видел свою роль в том, чтобы, сотрудничая с вами, уберечь население и солдат от страшных жертв и при этом достичь стратегических целей – ликвидации конфликта. Если у вас такое же понимание, то мы должны найти решение, которое было бы жестким, но выполнимым. Ставить здесь ультиматум – значит открывать дорогу для военного решения. Если же для вас вообще неприемлем политический путь, тогда другой разговор.

Я же думаю, что на базе того, что нам тут в Москве удалось добиться с Азизом, и с учетом ваших предложений можно было бы созвать Совет Безопасности, каким-то образом интегрировать оба проекта (ваш и мой) и найти все-таки выход политический. Сделать это срочно, буквально на днях.

Самое главное – хочу сейчас особо подчеркнуть, – что с самого начала этого конфликта до последнего момента мы были вместе. И использовали все мыслимое и немыслимое, включая первую фазу военных действий, чтобы заставить Хусейна пойти на попятную, подчиниться резолюции Совета Безопасности. И мы этого добились. Это уже урок для всех. Это новая реальность, с которой вынуждены будут считаться все потенциальные агрессоры.

Таким образом мы получили возможность спасти ситуацию на рубеже перехода ее в самую тяжелую фазу, связанную с сухопутной войной. Мне кажется – это уже большая победа. И мир, и народ Соединенных Штатов, думаю, по достоинству оценят действия своего президента. А учитывая, что мы сотрудничали во время кризиса не только между собой, но и с другими главными партнерами, это означает еще и общее достижение. Все увидят: оба президента, оставаясь непоколебимыми в достижении цели, не забывали, что самая высшая ценность – это человеческая жизнь, судьба людей. Думаю, можно рассчитывать, что нас на 80-90 % одобрит все мировое сообщество.

Сейчас, повторяю, есть все основания, чтобы не утратить шанс политического решения: давайте не поддаваться нажиму, не будем нервничать. Давление имеет место и у нас здесь, и у вас, и во всем мире. Ответственность наша с вами очень высока, Джордж. И если мы сейчас повернем так, чтобы избежать продолжения бойни в самом худшем ее варианте, это будет

крупнейшее достижение на многие годы вперед. Вот мои аргументы. Прошу прощения за эмоции и за «высокий штиль».

С той стороны провода пошли уточнения насчет Ази-за и его возможностей убедить Хусейна окончательно отступить. Буш, судя по всему, бурно доказывал Горбачеву, что этого не произойдет. Попытки М. С. его прерывать не имели успеха. М. С., послушав 2-3 минуты, то и дело произносил: «Джордж! Джордж! Джордж!» Но тот не унимался.

– Я все понял, – сказал Горбачев, когда тот наконец умолк. – Мы с вами не расходимся в характеристике Хусейна, его судьба предрешена. И я вовсе не стараюсь его как-то обелить или оправдать, сохранить ему имидж и т. п. Но мы и вы вынуждены иметь дело именно с ним, поскольку это реально действующее лицо, противостоящее нам. Речь сейчас идет вовсе не о личности Хусейна и не о методах его действий. Речь идет о том, чтобы воспользоваться достигнутым в обуздании его агрессии – тем огромным вкладом, который в это дело внесли именно Соединенные Штаты, американский президент, – и перевести решение проблем в сугубо политическое русло, избежать еще большей беды, трагедии для огромной массы населения. Это центральный вопрос. На это замыкаются наши заботы о престиже наших государств и нас самих, Джордж.

Я передам через Азиза ваше требование к Хусейну. Но повторяю мое итоговое предложение, давайте, может, предрешим его сейчас, а именно: мы выступаем с совместной инициативой по созыву Совета Безопасности и начинаем безотлагательно рассматривать весь пакет требований к Хусейну. Надо выжать из Хусейна все, что только можно, чтобы заставить его выполнить наши требования.

Помните, Джордж: для нас приоритетом является сотрудничество с Соединенными Штатами в рамках нашей собственной ответственности и перед своим народом, и перед мировым сообществом, которая сейчас состоит в том, чтобы выйти из этого конфликта, достичь цели, избежав большой беды.

Буш опять возражает. Горбачев ему говорит, что ждем нового ответа из Багдада (после ночного разговора с Азизом), поэтому принципиально важно сейчас сказать себе: берем ли мы курс на политическое или на военное решение.

Не думаю, чтобы Буш «не переживал» по поводу того, что морочит голову «своему другу Майклу», ведь он с некоторых пор вел с ним «честную игру». Но инстинкты «старого мышления», хорошо «натасканные» в годы «холодной войны», были еще слишком сильны. А после «ухода Горбачева» они опять стали определяющими и господствующими.

25 февраля

23 февраля, в субботу, Горбачев (и мы с ним) в течение целого дня обзванивали Буша, Мейджора, Андреот-ти, Мубарака, Асада, Миттерана, Коля, Кайфу, Рафсанд-жани... Он пытался их убедить, что Хусейн уйдет из Кувейта, деваться, мол, ему некуда.

И никто Горбачеву, включая тех, с кем он на «ты», не сказал прямо: не суетись, Миша! Давно, еще две недели тому назад, все решено. Никто не хочет, вернее, Буш не хочет, чтобы Хусейн ушел, а мы, мол, не можем противиться. Надо, чтобы он остался, чтобы устроить ему современный «Сталинград». Морочили Горбачеву голову. Он временами это чувствовал, но продолжал верить, будто сработают критерии нового мышления, что доверие что-то значит. Не тут-то было! Срабатывала логика традиционной политики: где сила, богатство, где интерес, там и «право». А моральное прикрытие легко найти, против Хусейна особенно.

В его телефонных разговорах – лебединая песня новой политики, устремленная к «новому мировому порядку». Он оказался, как и следовало ожидать, идеалистом-мечтателем. Поверил в то, что человеческое станет основой мировой политики. И мы – при нем – тоже верили, хотя временами и сомневались.

Словом, Горбачев выдержал испытание Хусейном. Запад не выдержал. Нам Аллах и христианский Господь Бог запишет это. Но и только.

Обречены дружить с Америкой, что бы она ни делала: иначе опять изоляция и все кувырком. Погорят и остатки перестройки. Впрочем, он мне сказал сегодня, когда я ему не посоветовал отвечать на последнее послание Хусейна: «Ты прав. Что уж теперь! Новая эпоха. Она и у нас внутри уже постперестроечная. Все революции кончаются неудачей, хотя и

изменяют страну, а некоторые – целый мир».

Уже ближе к ночи затащили М. С. в кабинет к Яковлеву. Были там еще Примаков, Бакатин и Игнатенко. Разговор шел высокий, но в стилистике: «ты меня уважаешь – я тебя уважаю». Много Горбачев сказал умного, но я не запомнил, ибо был пьян, хотя держался. Он впервые обнял меня «как фронтовика» (а не только Яковлева, как всегда и везде до этого). Был предлог: День Советской Армии.

Утром я уже писал опять «персидские мотивы». Правда, на работу не поехал, вызывал фельдшера на дом.

В субботу (еще до звонков по разным столицам) сидели мы у Горбачева с Яковлевым. Он вдруг стал прямо при нас подписывать распоряжение о назначении советников президента. Яковлев ему говорит: «Хоть бы старшим назвали меня». Я подсуетился, предложил назвать Яковлева «представителем президента по особым поручениям».

– Что это за должность? При ком представитель? – возразил Горбачев.

– Но нельзя же Александра Николаевича опускать до уровня...

– Да брось ты, Толя, важно, что мы остаемся вместе. Вот главное.

– Да, но это главное знаете вы, я, может, еще кое-кто, а в обществе судят по должности...

Моя настойчивость не сработала. Он не хочет отождествлять себя с Яковлевым официально, знает, что Политбюро будет нудить, а Верховный Совет – Горбачев в этом уверен – не пропустит.

Потом стали подбирать других, «просто советников». Горбачев назвал, помимо Загладина и Ахромеева, Медведева, Осипьяна, Абалкина, Аганбегяна. Стали искать среди писателей. Горбачев говорит: «Я бы Бакланова взял, но он, говорят, на днях из партии вышел». Я предложил Шатрова. Поговорили о нем. Горбачев его вписал. Предложил я еще Игоря Дедкова из «Коммуниста», тоже вписал. Прошли еще в советники Мартынов, Ядов, Журкин – директора академических институтов. И еще, кажется, Беликов. А Брутенца, которого он мне давно обещал взять, не включил: оказывается, Медведев еще неделю назад подставил Карену ножку.

26 февраля

Горбачев уехал в Белоруссию, а я решил сделать себе отгул. Правда, утром съездил на работу. Оказалось, Хусейн прислал Горбачеву «SOS!». Клянется, что уйдет из Кувейта. Уже не называет Кувейт девятнадцатой провинцией Ирака, просит потребовать в Совете Безопасности ООН, чтобы остановили наступление. Сообщает, что город Эль-Кувейт он сегодня к вечеру оставит: объявил об этом уже по радио.

Бессмертных звонил Бейкеру. Но что уж теперь. А ведь Азиз требовал от Горбачева три месяца на вывод войск, потом шесть недель, потом еще сколько-то. М. С. соглашался на 21 день, а Буш давал одну неделю, а спустя три дня ударил сухопутными войсками. Сейчас американцы делают вид, что «ничего не происходит», и, что бы там Хусейн ни заявлял, продолжают наступать. Вот так! Сила доказала, что именно она еще делает реальную политику.

Немного походил по грязным улицам. Москва являет собой ужасающее зрелище: помойки, сугробы, огромные лужи, очереди у каждого магазина. Скоро, наверное, и молоко исчезнет совсем: молокозаводы не имеют сырья – импортного порошка (за валюту), а у наших коров нет кормов.

Звонил Бурлацкий. По нему долбанула «Правда» за «круглый стол» с Алексеевым и Шаталиным: они хотят создать социал-демократическую партию внутри КПСС... Подумал я: чего людям неймется? Неужели не видят при фантастической поляризации небывалую ато-мизацию общества?.. Люди думают о том, как выжить. И никакая партия уже теперь ничего не сможет ни предложить, ни сделать, разве что возбудить склоки на поверхности.

Между прочим, Примаков быстренько пишет брошюру «Война, которой могло не быть». «Правда» ее начинает главами печатать.

Вчера звонит он мне по телефону:

– Можно зачитать тебе одну страницу?

– Можно.

– ...Сначала тут о том, что был создан кризисный комитет во главе с Горбачевым и в качестве заместителя – Бессмертных. Вошли в него такие-то (перечисляет), в том числе

помощник президента Черняев... Далее зачитывает: «Этот человек постоянно в тени. Видимо, считает, что к этому обязывает его должность. Но в действительности он играет огромную роль в международной политике. И очень важная фигура в ее разработке и проведении».

– Женья, прошу тебя, вычеркни это место: Горбачеву это очень не понравится. Он с Шеварднадзе-то разошелся на том же, ибо увидел с его стороны такие же претензии, как со стороны Яковлева, который почти в открытую заявил, что Горбачев лишь озвучивает подготовленные им тексты или исполняет советы, которые он ему дает. Это не так, Женья! По существу не так. Не говоря уже о том, что, конечно, обидно Горбачеву слышать подобное.

Примаков шумел, что не вычеркнет. Я стал его умолять: «Во имя нашей дружбы!» Он выругался: «И зачем я только тебе позвонил!» Обещал все-таки учесть.

2 марта 1991 года , 60-летие Горбачева

Накануне женщины – две Тамары и Ольга – потребовали: пишите адрес от нас, от тех, кто здесь, помимо всяких официальных... Я все откладывал, некогда. Вдруг позвонил Шахназаров: «Я тут накатал, посмотри». Посмотрел: казенщина. И продиктовал с ходу Тамаре свой текст. А она случайно напала в книге Карнеги на цитату из Линкольна. Включил. Отпечатала.

Яковлев позвонил, пригласил подписать их адрес. В основном там – бывшие члены Президентского совета. Мы с Шахназаровым поколебались, но подписали и их бумагу. А наутро, 2-го, надо было улучшить момент, чтобы «предстать» перед именинником в промежутке между официальными поздравлениями. Это удалось, когда он забежал к себе в ЦК после приветствий в Политбюро. И получилось очень мило. Его растрогало наше послание. Всех девиц он расцеловал, что-то каждой сказал и ринулся в Кремль на продолжение.

Там в «телевизионной комнате» сосредоточились высшие чины: министры и прочие. Лукьянов держал речь. Помощники и бывшие члены Президентского совета – Яковлев, Бакатин, Примаков, Медведев, Ревенко – и еще кто-то сочли неудобным туда лезть. Потом он в веселом расположении духа пришел к нам. Говорит: «Кто будет произносить первую речь?» Выдвинулся Александр Николаевич, открыл папку и начал читать тот текст, под которым и мы с Шахназаровым «через силу» подписались. После первого абзаца М. С. отобрал папку, захлопнул, положил ее на стол и, обращаясь к оратору, сказал: «Говори так». Яковлев стал говорить «от себя». Устно у него всегда хуже получается, чем в его витиеватых текстовочках.

М. С. всех пообнимал, повел туда же, где до этого встречался с высшими чинами. Там – стол с бокалами и бутербродами. Выпили. Пошел разговор. Он много и хорошо говорил. Ясно, складно, глубоко, как это бывает, когда он в ударе и когда перед ним понимающие и принимающие его (так часто с иностранцами бывает) люди. Жаль, невозможно было делать пометки.

Вдруг он мне: «Анатолий, а где это твое приветствие?»

– Да там, у вас осталось.

– Давай его сюда.

Я вышел, сказал, чтобы «фельды» молнией привезли из его цеховского кабинета текст. Через десять минут он был вручен Горбачеву.

Он сам стал его читать с явным удовольствием. У него не оказалось в кармане очков, я предложил свои. Смеется: даже через одни очки с Черняевым Горбачев на проблему смотрит.

Болдин съезвил: толково, мол, написано, приближается к уровню нашего текста (т. е. того, который Горбачев не стал слушать).

Вот этот текст:

" Дорогой Михаил Сергеевич!

Это – не политическое поздравление по случаю круглой даты. Их Вы получите предостаточно со всех концов земного шара, скорее более, чем менее искренних. Это – выражение нашего восхищения Вами и, можем сказать, удивления (юбилей позволяет не очень стесняться в выражениях чувств).

Обычно в таких случаях говорят «на Вашу долю выпала миссия» и далее следуют соответствующие слова. Но в данном случае – не совсем так: Вы сами с огромным личным риском взяли на себя великое историческое бремя. Сделали это ради своего народа, ради достоинства и блага страны, движимый совестью и стыдом за состояние, в которое ее завели

Ваши предшественники.

Шесть лет назад трудно было представить, что Вам удастся сорвать этот материк с казалось бы намертво забитых заклепок. Мы-то знаем, что Вы предвидели и предчувствовали, чем это может обернуться для такой страны, для каждой семьи на какой-то более или менее длительный период. Но Вас и это не испугало, хотя и заставляет переживать в десятикратном размере свою ответственность за все, что происходит.

Однако история – а она оказывается всегда права

– уже занесла Вас на свои самые значительные страницы. И этого уже никому никогда не удастся ни перечеркнуть, ни замазать. Хотя самым печальным в нынешней ситуации является как раз то, что такие попытки и в таком массивном масштабе предпринимаются именно в своем Отечестве.

Ну что ж, Вы, кажется, научились относиться к этому спокойно, хотя Вам и очень трудно при Вашем темпераменте и живости мысли удерживать себя от того, чтобы не убеждать, не разъяснять, не взывать к здравому рассудку и т. д. – даже в случаях, когда явно надо подчиниться пушкинскому «и не оспаривай глупца». Доверчивость и любовь к людям тут Вас часто подводят. Но это от большой души. И это тоже вызывает восхищение Вами, как и Ваша непредсказуемость, которая сродни народу, от которого Вы произошли.

О Вас написаны сотни книг, бесчисленное количество статей, будут написаны тысячи. Позвольте воспользоваться сравнением с одним из них, чтобы косвенным образом дать Вам совет. Авраам Линкольн тоже долго учился игнорировать яростную критику против себя и наконец сказал: «Если бы я попытался прочесть все нападки на меня, не говоря уж о том, чтобы отвечать на них, то ничем другим заниматься было бы невозможно. Я делаю все, что в моих силах, – абсолютно все, и намерен так действовать до конца. Если конец будет благополучным, то все выпады против меня не будут иметь никакого значения. Если меня ждет поражение, то даже десять ангелов, поклявшись, что я был прав, ничего не изменят».

Мы умоляем Вас воспользоваться этим опытом – чтобы беречь энергию и нервы для продолжения великого дела, которое в конечном счете неизбежно победит. Очень всем трудно. Мы, близкие Вам люди, вместе с Вами переживаем неудачи, радуемся большим и малым победам. Питаемся Вашей поразительной жизнестойкостью и уверенностью, что все преодолимо, все можно сделать, если цель того стоит. Мы горды принадлежностью не только к эпохе, отныне навсегда связанной с Вашим именем, но и тем, что судьба определила нам быть в это время возле Вас и работать для страны в атмосфере доброжелательности, духовной раскованности, интеллектуального напряжения, которую Вы вокруг себя создаете. Удовлетворение приносит уже одно то, что можем говорить «такому начальству» все, что думаем, и даже рассчитывать, что кое-что из сказанного учтется. Мы верим Вам. С тем и победим».

Стали было расходиться. Но произошел эпизод, который может иметь последствия для моих отношений с Игнатенко и Примаковым.

М. С. спросил Примакова: «Что там твой Саддам, сбежал уже или еще хорохорится?»

Поговорили. Вступил в разговор Яковлев: «Михаил Сергеевич, надо бы параллельно с Бейкером, который едет на Ближний Восток, послать от вас представителя в регион – чтобы наше присутствие чувствовалось, чтобы не отдавать всю победу Америке. И когда Бейкер приедет потом сюда, у вас будут проверенные карты. Ведь арабы не все ему скажут, ну и т. д.»

Я понял, в чем дело: накануне вечером Игнатенко эту идею мне красочно – а он это умеет – излагал. Примаков, мол, от нее в восторге, и, конечно, послать надо именно его. Потом мне звонил сам Примаков и предлагал уговорить Горбачева. Я мямлил, отнекивался и не обещал выходить с этим на Горбачева: ну разве если к слову придется.

У меня сразу возникло неприятие этой идеи по существу – мельтешить, мельчаться, стараться урвать кусочки американской победы, выглядеть перед всем миром «примазывающимися к славе». Когда шла война, вмешательство Горбачева, вопреки раздражению Буша, в глазах мира было оправдано гуманизмом – избежать новых жертв, разрушений, отстаивать приоритет мирных средств (в духе нового мышления), а теперь эти мотивы исчезли и наши потуги выглядели бы жалко.

Деваться мне было некуда, и я произнес свое возражение довольно резко. М. С. смотрел

на меня искося, задавал неудобные вопросы, но сбить меня ему не удалось. И он сказал: «И в самом деле, чего суетиться? Не солидно будет. Все равно без нас они не обойдутся. Мы свое дело сделали».

Последовало смущенное молчание. А к вечеру мне позвонил Бессмертных и благодарил за то, что я «засыпал» эту идею. Между прочим, об этом эпизоде рассказал ему не без ехидства сам Горбачев.

3 марта

Прошлая неделя оказалась «пестрой». Я воспользовался отъездом М. С. в Белоруссию, куда он направился, чтобы объяснить народу, «где мы находимся», «где он находится», на что собирается ориентироваться (вроде на центризм, в его понимании – это здравый смысл). Опять, как всегда, опаздывает: уже окончательно определились позиции, уже трудно сочетать одни с другими. Впрочем, вчера в узком кругу на своем 60-летию он так проанализировал расклад сил: крайние' с одной стороны – это 25 %, «крайние» с другой стороны – еще 25 %. Остальные могли бы пойти за «центром», т. е. в русле народного самосохранения.

Так вот: я уехал в Успенку... Тем временем кончилась война. Собиралась без меня «персидская чрезвычайная группа» (и без Горбачева) – чистая формальность. 1-го числа явился я на службу. Гора отложенных дел. Приходил британский посол с девицей в юбочке до пупа (выражение моего внука). Предстоит приезд Джона Мейджора – нового премьера.

Потом три часа вел совещание экспертов-ученых на тему: «Если бы я был директором (т. е. президентом)»... Была когда-то такая рубрика в «Литературной газете». Я хотел узнать, что они думают о том, как нам надо поступать в ситуации после громкой победы Соединенных Штатов над Хусейном.

Были два академика – Симония и Журкин, и еще – Брутенц, Бовин, Галкин, Дилигенский, ребята из Международного отдела ЦК – Вебер, Кувалдин, Ермонский, Малащенко, Лихоталь. В общем-то, дилетантство и мало полезного, что стоило бы действительно передать в политику и о чем я без них не догадался бы доложить президенту. Но наиболее все-таки серьезное и дельное у Бовина, Кувалдина и других ребят из аппарата, а не у «чистых» ученых-специалистов.

Записал совещание на пленку.

5 марта

Вчера весь день готовил материалы для встречи Горбачева с Мейджором. Однако беседу он вел «по другой логике» и в своей манере. На оптимистической ноте, но предупреждая, что «вы» (т. е. Запад) на это место (т. е. в Екатерининском зале Кремля) можете заполучить другого, о чем пожалеете.

Мейджор – хороший парень, деликатный, умный, спокойный, естественный, без выкрутас и без фанатерии, свойственной обычно лидерам, – британская политическая культура. Пойдет, наверное, далеко. Современный государственный человек.

Обед ему давал Горбачев в роскошном Шехтелевском доме на улице Алексея Толстого. Милая обстановка.

А вечером М. С. говорил с Кодем по телефону. По просьбе немца – чтобы «поздравиться» с ратификацией договоров об объединении Германии.

8 марта

Вчера М. С. два часа говорил в Верховном Совете по разным поводам. Говорил «лохмато», сумбурно. Представлял в члены Совета безопасности. Все – чины: Павлов, Янаев, Пуго, Язов, Крючков, Бессмертных плюс Примаков, Бакатин и Болдин.

Примакова и Болдина при первом голосовании завалили. После длительных, с председательского места, уговоров Примаков во второй раз прошел, набрав семь голосов сверх 50 %, а Болдина и второй раз завалили. Еще один щелчок Горбачеву. Болдина-то он ведь не по делу тянет, а «в благодарность за службу и верность». Какой это Совет безопасности или кабинет министров?! Там, кроме двух новых, все – те же самые! С кем он там будет «советоваться»: с Язовым, с Крючковым.

Тем временем прошел Пленум ЦК РКП. Полозков выступал с «программным докладом»: так что полностью оформлена «партия порядка», в которую включены и «черные полковники», и... сам Горбачев.

Там нет марксизма-ленинизма, хотя защищается ленинское наследие. Там нет и отрицания рынка, но есть классовая борьба. Это то, что может понравиться десяткам миллионов «простых людей», особенно потому, что обещают «наводить порядок». До гражданской войны доводить вроде не собираются, но предупреждают, что диктатура может быть «востребована». На этом фоне СМИ – от Коротича до Егора Яковлева – выглядят интеллигентским визгом и ворчанием в защиту гласности.

А. Н. Яковлев звонил «в ужасе»: мол, ничего такого у нас не было с 1937 года! Нет, это другое, совсем не это: скорее, свидетельство такой поляризации, которая может вернуть нас в 1918 год.

Сам он (Яковлев) – в «замаске». М. С. так и не представил его в Совет безопасности... под предлогом, что его все равно завалят. Хотя, скорее всего, не завалили бы. Он просто не хочет публично «мазаться» об Яковлева с его репутацией «реформиста, ревизиониста, развалившего Прибалтику и марксистско-ленинскую идеологию, отдавшего прессу в руки контрреволюционеров». Хотя лично он своего «Сашка», наверно, любит и полагает непорядочным «отвернуться» от него совсем: все-таки вместе начинали!

Яковлев вчера мне рассказал: "Спрашиваю у Эдуарда Амвросиевича, зачем он так круто «обозначился» на съезде, ушел? Шеварднадзе ответил: «С некоторых пор я почувствовал неискренность М.С. Пожалуй, имеет место. Ловкачество в нем было изначально, оно – в самой его натуре компромиссной». Яковлев стонет: «Уходить надо... Помнишь, – говорит, – он с нами подбирал советников в состав группы при президенте, которую я (Яковлев) должен был возглавить? На том и кончилось. Вот уже третью неделю об этом ничего не слышно».

Приходил мой старый друг Куценков. Полтора месяца был в Индии. Просится туда послом. Я сказал об этом Бессмертных. Тот попросил бумажку-"объективку". Он ученый-индолог. Подумал: слишком уж явно мой Толька начал грести под себя. Ох уж это тщеславие! И Яковлев, и Примаков... – все в его плену! Грустно.

10 марта

Вечером еще на даче начал готовить материалы к приезду турецкого президента Озала. М. С. звонил, торопит. Утром 9-го приехал я в Москву. Пошел на службу. Там меня застала по радио речь Ельцина на сходке в Доме кино. Совершенно разнузданная: президент лжец, кругом мухлюет – и в том, и в этом. КПСС мобилизуется. Пора действовать, чтобы спасти демократию. Это я-то развалил Союз? Ложь. Это президент развалил Союз своей преступной политикой. Армия? Я за армию, но против того, чтобы ее использовали против народа, и т. д. в том же духе. А сейчас по Москве идет манифестация в поддержку Ельцина: «Долой Павлова с его ценами!» и, конечно, «Долой президента!»

Вечером я сел писать письмо Горбачева к Колю. По телефону он не стал ему говорить о своей просьбе, а это «SOS»: ибо наступает голод в некоторых областях, забастовал Кузбасс, тоже «Долой президента!». В магазинах больших городов полки пустуют абсолютно, в буквальном смысле. М. С. просит Коля срочно помочь – заставить банки открыть кредит, а также дать деньги вперед под заклад военного имущества, оставляемого нашими уходящими из Германии войсками. Письмо отправлено.

Грядет крах. Референдум *17 марта* может стать детонатором.

14 марта

В понедельник М. С. собрал в Ореховой комнате советников, включая двух членов Совета безопасности (Бакатина и Примакова). Плюс Болдин. Впервые устроил такое совещание: всех сравнял... к вящей удрученности А. Н. Яковлева.

М. С., судя и по этому собранию, все больше мельчит, становится все раздражительней. И все меньше информирован. Оказывается, существует никому доселе не известный «отдел информации», каковой содержит при себе Болдин. Я обнаружил это совершенно случайно, когда «девочки» принесли какую-то бумажку, в которой этот отдел был упомянут. Узнал, что

там ежедневно делают обзоры для президента. Попросил Болдина показать хотя бы один такой экземпляр. Он прислал, написав: «С возвратом». Все ясно. Это ультратенденциозный, в сугубо брежневском стиле обзор печати и шифровок. Вот откуда происходят кухонные обиды у Горбачева, откуда берутся «выводы» и оценки Президентом СССР текущих событий.

Помощникам и советникам (М. С. приравнял их к помощникам по зарплате) дал каждому по 4-6 консультантов, а членам Совета безопасности – по 8 плюс двух секретарш. Яковлева лишил и помощника, и секретарши. Еще один щипок, еще одна обида! Создается впечатление, что М. С. подталкивает его к уходу «по собственному желанию».

В общем, нелепое и довольно бестактное собрание, где Горбачев присягнул нам, что не повернет назад, но велел служить только ему. А если кто будет действовать «не в тон», пусть уходит. Если же сам заметит, что кто-то действует не так, попросит уйти.

Я встрял (тут же мелькнула мысль о моей дерзости по отношению к комбату в 1942 году): «А что, Михаил Сергеевич, теперь не соглашаться уже нельзя?» М. С. проводил меня долгим взглядом и не удостоил ответа.

Вчера я ему послал записку: Мэтлок по указанию Бейкера созывает на «партсобрание» к себе в посольство президентов союзных республик и председателей их Верховных Советов. Те уже «завели двигатели» в самолетах. Позорище! М. С. пришел в бешенство. Велел утром Бессмертных и Дзасохову сесть за телефоны. Сам стал обзванивать республиканские столицы. «Мероприятие» Мэтлока удалось сорвать. А мне, между прочим, пришлось «разъяснять» Яковлеву, Бакатину и Примакову, что и им туда идти не следовало бы.

Но какая наглость! И не пойму: то ли у нас другой менталитет, другое понимание этики, не можем освоить, что для американцев естественно, то ли это сознательное хамство победителей над Хусейном, когда им уже не нужен ни Горбачев, ни «европейский процесс».

Вопрос о «морской пехоте» (в порядке выполнения нами договора об обычных вооружениях в Европе) до сих пор не решен. М. С. не вникает в суть дела. Впрочем, как и во всем другом. К беседе с Озалом, например, он совсем не готовился и был скучен, банален, несмотря на весь «энтузиазм» собеседника насчет «причерноморского экономического сообщества» и готовности обеспечить телефонной связью все советские деревни...

Его подавляет самомнение (несмотря на все!) и «замызанность» внутренней скандальной ситуации. Ощущение: он устал «стратегически»... И не уходит, потому что упустил наивыгоднейший момент – почетного и славного отхода от дел. Лукьянов хитрее: в интервью «Комсомолке» сказал: «Мы сделали, что могли, – сорвали материк с цепей... Доделывают пусть другие». Именно это я писал М. С. в поздравлении к 60-летию.

Вчера он с Яковлевым и Шахназаровым сочиняли выступление для ТВ перед референдумом (о сохранении СССР). Вечером велел мне посмотреть, что получилось. Я переписал: слишком казенно сделано. Утром после бурной вспышки по поводу «акции» Бейкера (упомянутого выше «партсобрания» в американском посольстве) он сел с Шахназаровым и Кравченко еще раз передиктовывать свое выступление по ТВ. Не знаю уж, что он взял «из меня» и что вернул обратно из вчерашних глупостей, вроде ссылки на Ярослава Мудрого...

В «Известиях» – статья Лациса «Маски». Очень точно о том, что происходит в так называемых общественных движениях: оскотчено общественное сознание... Чего уж там, если рафинированная интеллигентная элита в Доме кино рукоплещет пошлomu, вульгарному, полуграмотному, хамскому «лидеру»! Кто поверит, что она не понимает, кто перед ней? Значит, ей это нужно? Но знает ли сама – зачем?

17 марта

Референдум: «Быть или не быть Отечеству?» Хотя на самом деле такая постановка вопроса – очередная демагогия: ничего уже не остановить, чем бы этот референдум ни закончился.

О Президенте России (нужен ли) – второй вопрос для референдума. Если бы не Ельцин, почему бы и нет?

Бейкер был у М. С. в пятницу. Как ни в чем не бывало, будто мы – в прошлом ноябре или декабре. Но это заслуга Джима, который, понимая, чья кошка мясо съела, сразу повел «на

мировую». А ведь М. С. собирал материалчик, чтобы высыпать перед ним: мол, подрывную работу ведешь у нас. На самом же деле ведет ее – по глупости или по долгу службы – Крючков. А М. С. очень падок на всякие штучки из того ведомства. Я сочинил, по-моему, неплохой отчет о встрече с Бейкером. М. С. вдохновенно несло: он говорил, как в прежние времена.

Вчера готовил материал к встрече с Геншером. А тем временем «мы» выкрали Хонеккера. Ничего не понимаю: я – помощник президента – об этой операции узнал по радио. Хотя она начиналась еще в декабре (первая записка Язова и Крючкова, которую тогда М. С. проигнорировал). Зачем нам об это мазаться? Как мы выглядим со своим новым мышлением? Умыкнули гражданина чужой страны, да еще находящегося под следствием? Коль будто бы не был поставлен в известность. Но он отмолчался. Вообще-то им вроде «баба с возу»... Ну уж больно нахально. Как же выглядит суверенитет уже объединенной Германии, претендующей на статус великой державы?! Не знаю, как М. С. будет «отбrehиваться».

20 марта

Что было за эту неделю? В понедельник – Геншер. О Хонеккере лишь затронул тему – «отметился»: ни тени возмущения, никаких требований. Наверное, их устраивает такой вариант.

От общения с немцами ощущение действительного перелома – перехода в новое время, в необратимость, чувство ухода в историю того, что есть история. Такое же ощущение у меня возникло, когда я присутствовал при интервью М. С. «Шпигелю». Но и другое, печальное наблюдение: Горбачев повторяется. Слова, фразы, примеры, «ходы» мысли, аргументы – все то, что в 1986 году ошарашивало и еще в 1988 году производило впечатление, сейчас звучит как дежурная декларация. Он застрял в своих открытиях, ни на гран не эволюционировал, особенно когда перестройка пошла в галоп. Раньше он читал статьи и даже книги, ставшие доступными благодаря свободе, которую он же и даровал. Вычитывал и выискивал в них что-то для себя существенное и развивался сам. А когда пошли по наклонной, всякую новую мысль он воспринимает как оппозицию, как нечто направленное против него. И скудеет, беднеет, ожесточается интеллектуально. Он стал однообразен и скучен в политике... Ищет, как бы ничего не поменять. Где уж тут опережать события!

Сейчас все спрашивают насчет итогов референдума, рамок суверенитета и вообще понятия суверенности. Он же ни разу не сказал, что позволит кому-нибудь выйти из Союза. Отговаривается «конституционным процессом», законностью... И не отреагировал, когда Бейкер ему посоветовал выйти после референдума к народу и сказать: «Республики, вы свободны. Я вас отпускаю». И тогда все переговоры о разводе или о новом браке сразу приобретут нормальный мирный ход. Нет, он продолжает твердить, что «мы неразделимы».

Да, он устал. Время обогнало его.

Возмемся с программой визита Горбачева в Японию. Дунаев «обогащает» его и Раису Максимовну знаниями. То и дело она меняет списки, выбрасывая всех, кто против М. С. где бы то ни было, когда бы то ни было хоть слово сказал. Но самое «интересное», что до сих пор нет «концепции» визита: отдавать острова или нет? А без «концепции» в этом направлении и ехать не стоит.

Ельцин на Путиловском заводе. Прямой эфир Ленинградского телевидения. Вульгарно, мелко, хамски и все против Горбачева. Но победоносно. И рабочий класс, ленинградская рабочая аристократия устроили ему овацию. Хором скандировали вслед: «Горбачева в отставку!»

Все можно объяснить, но я так и не могу понять, почему Горбачев породил такую необузданную и иррациональную ненависть к себе? Наверное, политику, да еще реформатору, нельзя заискивать, нельзя быть непоследовательным, ему противопоказано читать народу мораль.

В общем, как политик он проиграл. Останется в истории как мессия, судьба которых везде одинакова.

Между прочим, вчера Аугштайн (издатель «Шпигеля»), прощаясь, сказал, что желает Горбачеву удачи в «Вашем великом деле – как Линкольна в Америке». Но, продолжал немец, «не желаю Вам его судьбы». Очень тактично! Но М. С., по-моему, не заметил намека.

24 марта

Вчера в Кремле Горбачев собрал обсуждать позиции перед визитом в Японию (Янаев, Яковлев, Бессмертных, Болдин, Фалин, Рогачев – заместитель министра иностранных дел, я и, конечно, Примаков).

МИД предложил вернуться к формуле 1956 года. Я сказал: «Изучив кучу анализов и мозговых атак, проведенных в институтах, я пришел к выводу – отдавать острова все равно придется. Весь вопрос – когда и как. Не сделаете вы, сделает Ельцин. Станет Президентом России и отдаст – под аплодисменты русского народа. Вы все, помните, боялись, что малейший ваш шаг, который мог бы быть истолкован как разрушение империи, русский народ вам не простит, как не простит этого никакому другому политику. А вот Ельцин нагло и открыто разлагает Союз-империю. И, кстати, под овации именно русских». М. С. ответил: «Я был бы очень рад отдать эту миссию Ельцину». Долго он говорил, вразумлял, а острова решил не отдавать, склонен замотать проблему в красивых словах и обещать «процесс» – любимое словечко из его «теории компромиссов», которая уже завела нас... Скука.

Конечно, зашла речь и о выступлении Ельцина на Путиловском заводе.

Начал Горбачев вопросом: не показать ли ее по первой программе телевидения? Народ увидит и поймет, куда, в какую яму Ельцин тянет страну. Я решительно возразил: если показать это хамство, это оскорбление, это скандирование «президента в отставку!», тогда все уже окончательно убедятся: раз такое позволено, то у нас действительно нет власти, по крайней мере центральной власти. И о президента можно «вытирать ноги».

Горбачев жаловался: вот, мол, ни в одной стране средства массовой информации не позволяют себе глумиться, издеваться, оскорблять президента, так лгать. Говорил, что будет стоять до конца. И какие, мол, это демократы, раз они апеллируют к толпе, к «шахте» (имелись в виду забастовки шахтеров), рушат все созданное народом якобы ради народа и т. д. и т. п.

Все эти рассуждения от беспомощности и, может быть, от обреченности. Нет у Горбачева позиции и нет уже политики, адекватной нынешнему моменту. Да и где ее взять? (Помощники тоже уже ничего предложить не могут.) Нет политики также и у Ельцина, и у его «демократов» – есть только жажда власти.

Три дня М. С. часами передиктовывал свое выступление для телевидения по итогам референдума, и в то же время он полностью отключен от реальной реакции на этот референдум. Между тем, что бы он ни сказал, никому это уже не нужно. Сразить можно теперь действительно только заявлением об отставке. Но и впечатление от этого тоже быстро пройдет (с Рыжковым так и получилось!). И останется он объектом будущих историков, которые «воздадут» (да и то сначала только историки с Запада). Наши же будут опять и опять переписывать историю «по обстановке».

25 марта

Мэтлока я «сосватал» к М.С. И хороший разговор получился – откровенный: хочет быть рядом с Бушем и чтоб Буш был рядом. Ценит его позицию. Хочет, чтоб в США все знали об СССР (спецслужбы пусть делают свое дело). Посла хвалил, но просил, чтобы США воздерживались обозначать свою позицию по нашим внутренним передрягам.

Но все – не то. Сколько-то дней готовил он выступление по ТВ по итогам референдума. Шахназаров, увидевший, что насочинено, пришел в ужас и забраковал. Такой серости, говорит, президенту еще не подкидывали. И знаешь, мол, беда в том, что М. С. перестает чувствовать серость... Утрачивает ощущение реакции аудитории... Видимо, совсем растерялся. Поручил мне, говорит Шах, готовить речь в российском парламенте! Я подготовлю, но буду протестовать: чтоб не выступал там. Один раз он таким способом помог Ельцину стать Председателем Верховного Совета РСФСР, теперь поможет стать Президентом России.

Я возопил: «Надо абсолютно не понимать ситуации, чтобы сейчас – под улюлюканье уличной толпы – пойти в российский парламент и говорить против Ельцина. Его же просто там освистают... или начнется драка депутатов!»

А Шах мне: "Он уверен, что не допустит Ельцина в президенты. Между тем 28 марта может стать началом конца: Ельцин призовет к всеобщей политической стачке... Она уже по

существу начата шахтерами, металлургами, путиловцами и т. д. И если Москва забастует, нас с тобой (он это мне) в четверг здесь уже не будет".

Что касается «себя лично», даже интересно «будет посмотреть». Но вообще-то нечто подобное может произойти. И останемся даже без пенсии: скажут – иди оформляй ее в президентский аппарат, который уже разгонят. Ничего!.. Книжки и альбомы буду продавать – переживу... Впрочем, мы действительно в своих больших кабинетах, за дверьми, охраняемыми офицерами КГБ, утратили живое (кожей) ощущение реальности. Общество готово взорваться... Кто начнет стрелять?..

Что читать, что делать? Уже возникает идиосинкразия к газетам. Надоела эта интеллектуальная политическая отравка. Отвлечься же на что-то классическое неумоготу...

Тревожно.

29 марта

Неделю надо запомнить: Съезд народных депутатов РСФСР... и запрет Горбачевым манифестаций в Москве в поддержку Ельцина (после его ленинградской эскапады!). Моссовет осудил запрет. Вся пресса, включая «Известия», осудила. Осудил и начавшийся вчера утром съезд российских нардепов... Устроили просто шабаш. Послали Хасбулатова к М. С. Не отступил: завтра, сказал Хасбулатову, уберу войска, сегодня нет и в центр манифестацию не пущу! «Возмущение» съезда, а также ВС СССР (Собчак от «межрегиональной группы» предложил резолюцию...). Съезд прервал работу...

А улицы запружены войсками, милицией, перегорожены грузовиками...

Мою машину не пустили через Москворецкий мост... Все перевернулось во мне: как это так – машину помощника президента!.. Но смолчал, предъявил документы, которые долго изучали. И пошел пешком на работу... То же, когда с работы до метро!! Успокоившись, «осознал» и одобрил... Правильно или неправильно поступил Горбачев, но раз уж запретил – надо идти до конца. Иначе окончательно все потеряет. И в общем... сработало. Демонстрации были локализованы и... «жертв нет», не было и стычек. Съезд сегодня заслушал (к моему большому удивлению) весьма конструктивный и «примирительный» доклад Ельцина «О положении в стране – России».

Утром звонил Яковлев... Ему не дают покоя лавры Шеварднадзе – надо было, мол, так же «остаться в истории», своевременно!.. Тщеславие! Он мнит себя «автором» перестройки, «автором» самого Горбачева... А его – в советники, и зарплату на 400 рублей сократили, и мальчиков из приемной убрали... Сокрушается...

Я, говорит, шел вчера по улицам между военных грузовиков – и мне стыдно было: опять возвращаемся назад, опять «все» знакомое... все напрасно и т. д. Я полчаса произносил в ответ речь... Суть: если ты остаешься в политике, думай политическими категориями. У оппозиции есть все, чтобы до конца (вплоть до формирования правительства) использовать демократию... И это М. С. сказал в своем интервью ТВ наконец открытым текстом. Ельцина уже достаточно прославляли и восхваляли. 90 % прессы – на его стороне. Так нет, давай еще продемонстрирую силу – массовое действо. Но силе есть что противопоставить пока и Горбачеву. И он это сделал... Либо-либо. Оппозиция до сих пор, надеюсь (до сегодняшнего доклада Ельцина), действовала по принципу: заставить проводить свою политику, а это означает разрушать государство... Но тогда уже негде будет проводить политику. Да, наделал М. С. массу грубых – и не тактических, а стратегических – ошибок. И сейчас уже речь не о перестройке, а о спасении страны. А ее не спасешь, если дать разрушить государство...

Яковлев. Что? Силой держать, кто не хочет в нем оставаться?

Я. Наоборот. Одна из роковых ошибок была, что М.С. сразу не отпустил Литву, а потом и Грузию. Это, повторяю, и дало нагноение во всем организме. Нет! Я говорю о государстве, какое еще можно сохранить...

Яковлев. Но все-таки что... армию опять пускать в ход?..

Я. Государства без армии не бывает.

Яковлев. Но не на армию же опираться?

Я. А на что?

Яковлев. На демократию...

Я. А где она? Где демократия? Из чего она состоит?.. Эта болотная элита... эти кочки, уходящие из-под ног? Нет ее, демократии. Есть гласность, свобода, а по-русски – вольница! Демократия – это организованное общество: партии, институты, господство права, уважение к закону. Демократия – это лидеры, конкурирующие в борьбе за правительство, а не против государства!!

Где все это у нас?! И на что опираться президенту, спасая государство?!

Он продолжал ныть. Конченный для политики человек, общипанный, потерявший политические координаты.

Между тем грядет катастрофа. В понедельник М. С. собирал Совет безопасности (рассадка: Яковлев, Медведев, Ревенко – за главным столом, хотя теперь они вроде «такие же», как Черняев, Загладин, Игнатенко, которые расселись вдоль стенки)...

М. С.: «Через 2-3 месяца кормить страну будет нечем, хотя хлеб в стране есть... Ситуация 1927 года. Думайте... Соберемся в субботу (т. е. завтра!). Посмотрим, кто что придумает».

А в «Московской правде» вчера «Экспериментальный творческий центр» на трех полосах изобразил картину почти неотвратимой гибели страны, которая даже не империя, а целая цивилизация... как Рим, Византия, Великие Моголы, Вавилон и т. д. «Седьмой» вариант спасения – самое слабое место в этом мощном анализе всей сути и последствий перестройки и 73 лет. Да! Седьмой вариант – очередная схема... Я дважды прочел... Скажу М. С., чтоб тоже прочел... Ему надо знать, где он и все остальные находятся...

Начали писать речи для Японии. Был Одзава... М. С. ничего ему «не дал» и ничего не обещал. И зачем вообще ехать? Ничего ведь не будет. И не только ничего не получим за острова, мы ведь и освоить-то их не сможем... Не стыкуется ничего!

А М. С. все произносит речи: то перед аграрниками (все то же, что два-три года назад), то на всероссийском партийном слете «Армия! Армия!...».

31 марта , воскресенье

Вчера был Совет безопасности. Проблема продовольствия... Но теперь уже конкретнее – хлеб. Не хватает 6 млн тонн до средней нормы. В Москве, по городам уже очереди такие, как года два назад за колбасой. Если не добыть где-то, то к июню может наступить голод. Из республик только Казахстан и Украина (едва-едва) сами себя кормят. Что в стране есть хлеб, оказалось мифом.

Скребли по сусекам, чтоб достать валюту и кредиты и закупить за границей. Но мы уже неплатежеспособны. Кредиты никто не дает: надежда на Ро Дэ У (М. С. согласился на пути из Японии остановиться на о. Чеджудо, чтоб поговорить с президентом Южной Кореи о 3 миллиардах кредита)... И еще есть надежда на Саудовскую Аравию. Кувейт вроде отказывается, хотя Фейсал обещал, выражал М. С. всякую благодарность за поддержку против Ирака.

Методика обсуждения на СБ как год-два назад на Политбюро: вместо того чтоб иметь на руках заранее подготовленные просчеты и предложения и сразу заняться решениями, в течение шести часов выясняли, что имеем и откуда можно взять. М. С. с карандашом опрашивал, а министры и члены ПБ путались в разноречивых данных.

И опять: государство (раньше – ПБ) все должно найти и раздать! Два-три года назад уже была видна порочность этой методики на фоне заявленного стремления к рынку. Мы неисправимы!

Ельцин изложил на Съезде народных депутатов РСФСР свою программу. Теперь уже не скажешь, что у оппозиции нет позитивной программы и в этом она, дескать, не может «с нами» конкурировать (совсем на днях М. С. это в который раз повторил в интервью ТВ!). Программа составлена хитро и впечатляет.

Но в парламенте все равно все идет вразнос... Ибо для оппозиции главное – реализовать итоги российского референдума и избрать президентом Ельцина. Идет просто неприличная свара... Однако все сходит с рук, потому что фоном всему – непримиримость к Горбачеву. Даже те, кто против Ельцина, требуют отставки М. С. Характерен эпизод с Исаковым (из «шестерки», которая во главе с Горячевой на ВС РСФСР выступила за отставку Ельцина). Исаков сделал содоклад. И между прочим сказал: я за отставку и Ельцина, и Горбачева, я был

бы доволен, если бы Горбачеву предоставили какой-нибудь почетный дипломатический пост.

А между тем М. С. включил Исакова в состав делегации в Японию. Узнав об его выступлении, спросил меня: "Когда оратор говорил «в отставку Горбачева», как реагировали, под бурные аплодисменты?..

– Да...

– А когда предложил «на дипломатический пост», тоже под овации?..

– Да...

Тут же велел исключить Исакова из делегации. Вот и вся недолга – максимум доступного для президента.

Поехал к Н.Н. Она еще болеет. Просила купить хлеба. Объехал с Михаилом Михайловичем всю Москву, начиная с Марьиной Рощи: на булочных либо замки, либо ужасающая абсолютная пустота. Такого Москва не видела, наверное, за всю свою историю – даже в самые голодные годы. Говорят: это перед повышением цен, но ведь хлеба на месяц вперед не купишь. В этот день, наверное, совсем ничего не осталось от имиджа Горбачева. Он катится катастрофически вниз уже от нулевой отметки. Ведь любой (даже доброжелатель) может, глядя на такое, произнести только одно: доперестроил!..

Подлая статья в «МН» О. Попцова о Горбачеве.

Попцов пишет: Шеварднадзе выбрал между властью и порядочностью последнее. Так. Что такое власть у Шеварднадзе? Материальное благополучие, роскошное жилье, слава, «имидж», полученный благодаря Горбачеву, который его поставил на этот пост и дал четкий политический курс нового мышления. А собственно власть Э.А. (т. е. командование и подчинение) распространялась только на Смоленскую-Сенную. И только это он потерял, «выбрав порядочность». Остальное все при нем осталось.

Теперь о порядочности и чести. Вчера (а он теперь почти каждую неделю дает интервью) Шеварднадзе выступал в программе ТВ «После полуночи». Говорил о фундаментальных ошибках, жалобно негодовал по поводу «военной техники» на улицах Москвы *28 марта*.

Ну хорошо! Фундаментальные ошибки, Эдуард Амвросиевич, вы делали вместе с Горбачевым, но расплачиваться за них ты оставил его одного. А сам сидишь комфортно перед журналистами или объясняешься со знакомыми западными деятелями у себя дома. И рассуждаешь на тему о том, что было бы, если бы и т. д. Снисходительно «похлопываешь» М. С.: он, мол, еще может принести пользу государству. Значит, ты не захотел мараться в самый острый момент, когда «слава» могла уйти, решил «остановить мгновение» и остаться в истории хорошим. И это порядочность, и это честь кавказского человека?!

А не метит ли он в самом деле в президенты после М. С. – в президенты типа германского Вайцеккера, когда ничего не надо будет делать, ни за что не отвечать, а лишь красоваться перед миром и либеральной интеллигенцией, утверждая себя как историческую личность? Очень возможно...

И почему бы Яковлеву не последовать его примеру? Александра Николаевича, видно, и мучит, что упустил момент. Был бы на покое и в роли зачинателя перестройки, «отца русской демократии» и «гиганта либеральной мысли». Тьфу!..

У Н. Н. очень интересно поговорили. Пока она возилась у плиты, прочитал ей Попцова с комментариями. Обсудили «Анализ катастрофического прогноза» в «Московской правде» за *28 марта* ... И я собрался уходить. Ей грустно стало: «Жалко, что ты уходишь. И опять я одна. Тоскливо»... Я еще походил полчаса по комнате. «Приятно и хорошо смотреть, как ты ходишь – такой близкий. И мне не одиноко». Пронзило это меня. Но вскоре я все-таки ушел. Долго, через всю Москву ехал в метро, читал Василия Леонтьева в «Литературной газете» (интервью с Бурлацким) о нашей экономике.

2 апреля 1991 года

М. С. после нескольких дней колебаний вдруг решил принять Никсона. Вчера вечером его бросились искать – не нашли. М/С. снизошел: «Ладно – завтра в 11 часов». И полтора часа с ним сидел, доказывая, что «курс неизменен», но нужно стабилизировать...

Может быть, неизбежно было говорить с Никсоном: он ведь представился посланцем Буша и объехал Литву, Грузию, со всеми виделся.

Сидел я рядом, записывал и думал: М. С. сам по себе делает «положенное», Съезд народных депутатов РСФСР – сам по себе делает озверелое шоу на всю страну; шахтеры – сами по себе – разрушают экономику, плевать рабочему классу (гегемону) на все! Вообще это еще одно свидетельство краха мифа о «прогрессивной исторической роли» рабочего класса.

Тоска зеленая. Надо писать речи для Японии. А уже нет ни «вдохновения», ни мысли... Иссякла «способность», потому что иссякла политика. Осталась от нее словесная шелуха. Новое мышление сделало свое дело... а дальше начатое Горбачевым, увы, продолжают... американцы, создавая «свой» новый мировой порядок.

Обесмысливается мое пребывание при М. С. Никакого «импульса». Но бежать стыдно, хотя устал – больше не от работы, а от сознания тупика и поражения. Хотя сделано-то огромное дело – через новое мышление, но это уже... позади.

9 апреля

М. С. все суетится. Готовит с Павловым экономическую программу. Сегодня весь день говорили, заседали в Совете Федерации. Ельцин, проведя «триумфально» Съезд и получив чрезвычайные полномочия (правда, «Известия» написали – теперь никто уже не понимает, что это такое), укатил на Кавказ, в «Красные Камни», играть в теннис...

Страна же поднимается с воплем: «Долой Горбачева!» Шахтеры продолжают бастовать... За Минском – вся Белоруссия с теми же требованиями. Вчера читал информацию из десятков городов: по всей стране – все накануне забастовок.

То есть дело идет ко всеобщей политической стачке.

Блестящая, искренняя, прямая, почти «до мата» встреча М. С. с шахтерами – мгновенная вспышка прежнего его обаяния... Все катится...

А я и К^о продолжаем лихорадочно готовиться к Японии. Вчера был посол, я ему со слов М. С. (звонил мне в Успенку в воскресенье) говорю: Нобелевский лауреат и автор идеи безъядерного мира не может не посетить места атомных бомбардировок... (Японцы этого очень не хотели, чтоб не обижать американцев.)

М. С., в порядке уступки, Хиросиму заменил на Нагасаки. Возобновил свое согласие залететь к Ро Дэ У на о. Чеджудо... По пути из Японии.

Словом, будет демонстрировать, что «все идет как положено»: президент делает свое дело, несмотря ни на что...

Презрел призывы взять в делегацию из тех, кого Ельцин назначит. Выбрал Исаева – самого серого, но зато из противников Ельцина, зама Председателя ВС РСФСР.

Читаю Арцыбашева («Санин»)... Даже некоторое разочарование по сравнению с тем, какое со школы сложилось о нем представление. Почти классика: Куприн, Л. Андреев, даже Чехов... И никакой порнографии в нынешнем понимании... Но не в этом дело, а в том, что, в отличие от поколений советских школьников «после меня», я со школьных лет знал про Арцыбашева так же, как про Соллогуба, Мережковского, Гиппиус, не говоря уж о Блоке... Наш «Сердрей» (учитель литературы) успевал нас во все посвятить, хотя сами сочинения мы не всегда могли доставать. Но многое и доставали.

В бешенстве от бездарности, непрофессионализма, убогости материалов, которые дает МИД для визита в Японию, как, впрочем, и по другим поводам. Только теперь вот – цейтнот, да и заболел я... А на мне, как назло, все опять сошлось.

21 апреля , воскресенье

О поездке в Японию

14-го в самолете до Хабаровска. Две ночи и один день. 15-го М. С. «обсуждал» с местными деятелями «пути выхода» из кризиса. Четыре часа ТВ показывало его встречу с активом, который не хочет расставаться (и не умеет) с командно-административным стилем. Особенно нахален и примитивен был predispolкома Данилюк, которого М. С. тем не менее взял с собой в Японию.

Город. Деревянные дома старой постройки. Провинциальный облик улиц и... полно всего в магазинах! Москве подобное давно уже не снилось.

Распределение продуктов по трем системам – талоны, кооперация, коммерческая

торговля: и ни очередей, ни толчеи в магазинах.

Тип людей – долгоносые, остроносые, в основном потомки украинских переселенцев.

16-го, во вторник, улетели в Токио... Первое впечатление – неестественность сверхсовременного города, вроде нежизненность какая-то.

Ничего не видел, не был ни на одном из приемов и публичных встреч. Только на переговорах: двенадцать часов чистого времени. А ночью или в промежутках – сообщения для печати и заготовки к очередному раунду. Всего их было семь.

Суть здесь не перескажешь. Это – в записях... Разве потом – для мемуаров. Очень «неуютно» бывало, когда президент сверхдержавы и премьер Японии часами спорили – употреблять глагольную форму слова или поставить существительное. И это в тот момент, когда дома вот-вот все рухнет! Но, с другой стороны, может, и хорошо «делать вид», что президент занят «своим делом, несмотря ни на что».

В поезде на Киото скорость 250 км в час. Банкет М. С. с представителями делового мира. Неожиданная встреча – сокурсница моя по МГУ в качестве переводчицы.

Полет в Нагасаки. Красоты заливов. Сказочная дорога к городу в сумерки... Толпы на улицах – как бывало в Германии, в Америке, в Финляндии, может, чуть меньше, чем в Италии! Ради этого стоило ехать (молодец Дунаев, что настоял завернуть сюда...). Особенно «интересно» это на фоне, когда Ельцину показали на дверь в Страсбурге.

Русское кладбище 1905 года. Почему-то «не проникаюсь» я «до глубины» такими вещами. Не умиляюсь. Видимо, я глубоко не религиозный человек, нетрадиционный. Митрополит Питирим, взятый в делегацию Горбачевым, красавец. «Аллилуйя» в часовне.

В ночь – полет на о. Чеджудо в Южную Корею. В аэропорту сцена из-за Тамары и Дунаева. Охрана и протоколычики заявили им: «Вас не ждали!» Я возмутился и посадил их к себе в машину. Но этим дело не кончилось. Приехав в гостиницу, обнаружили, что им не отвели номера. Я вошел в раж. Устроил громкий скандал начальнику охраны Плеханову и начальнику протокола Шевченко в присутствии их подчиненных и корейцев. Комнату, однако, не дали. Я поселил Дунаева в своей. И «в знак протеста» (кому?) не пошел на официальный вечерний прием, устроенный президентом Ро Дэ У. Как только кончился прием, врывается ко мне Горбачев. Дунаев своей широкой спиной едва успел загородить множество опустошенных нами вместе с Тамарой и Ольгой (Ланиной, из секретариата президента) «мерзавчиков» из-под виски и джина. Ольга – развалившаяся на моей кровати. Тамара – склонившаяся над машинкой, поставленной на стул: больше некуда было в моих «апартаментах». Сцена, как говаривал Остап Бендер, достойная кисти... Но М. С. сразу «оценил обстановку»: «Ага! Теперь понятно, почему Черняев не явился на прием. Здесь ему куда уютнее, чем слушать нудные речи, одну из которых он сам же написал...» Поохотали. «Приласкал женщин», сказал, что завтра «много работы» и пожелал ехидно «спокойной ночи».

Утром 20-го. Переговоры Горбачев – Ро Дэ У «один на один». М. С. накануне меня спрашивал, заявлять ли о нашем согласии на прием Южной Кореи в ООН? «Исполнил», как условились. Ро Дэ У весь засиял.

Договорились о кредитах (3 миллиарда). Переговоры в делегациях. Всякие грандиозные газовые и нефтяные проекты – во что трудно верить.

Возвращение на машинах в аэропорт: впечатления по дороге – не Япония, но все же...

В самолете одиннадцатичасовой перелет. Диктовал Тамаре о встречах на острове – для ТВ и газет.

М. С., как всегда, пригласил к себе в отсек. Уселись вокруг: Питирим, Катушев, Игнатенко, Брутенц, Рогачев, Гусенков и я...

В разговор трудно было вникать из-за шума двигателей. Для меня дело привычное: каждый раз М. С. интимничает «на обратном пути» из-за границы. Но на этот раз «специфика» – участвовал митрополит. И... пил вместе со всеми много коньяку. Интересно, какое у него впечатление от личности президента, так раскрывающегося в такие моменты?

Под конец Питирим на ушко пригласил меня к себе в епархию под Волоколамск.

27 апреля, суббота

Поистине «страстная неделя» – по возвращении из Японии. Совместное заявление с

Ельциным – прорыв. Хотя вчера мне М. С. говорил, что Б. Н. начинает «сдавать». И масла подливает Запад, который слишком расписывает победу М. С. в этом «компромиссе». Беда, если Ельцин сорвет «совместное обязательство», а свалить вину на М. С. – ничего не стоит!

Потом – Пленум ЦК. Накануне (24-го) было Политбюро. Когда М. С. показали проект решения пленума, он взорвался: там речь шла об «антинародной политике» генсека. Шенину сказал: «Твоя работа». Но, между прочим, все эти «молодые» – Гиренко, Лучинский, Семенова, Купцов, Строев, Фалин, которых он выдвинул в секретари ЦК (в большинстве из провинции) пригрел, обласкал, дал путевку в большую политику – они что? Значит, тоже в душе согласились, что во всем виноват М. С.? И будто его смещением или угрозой смещения, в тон хору обкомовских резолюций, можно решить все вопросы? Во всяком случае, рыльце у них в пушку: недаром же они на пленуме в рот воды набрали, когда другие покатили на М. С. волны оскорблений и поношений, требовали его отставки, предъявляли ультиматумы насчет чрезвычайного положения во всей стране. Иначе – уже тебе! Позорище было смотреть на этих «зайчиков»... И вообще на весь этот пленум... Гнали генсека, а когда он встал и сказал: «Ладно, ухожу!», все в портки наложили и проголосовали, чтоб «снять вопрос с обсуждения». Тоже формулировочка... до следующего пленума, что ли?!

Честь ЦК спасали такие, как Вольский, Бакатин, не говоря о Назарбаеве... Хотя вообще-то я был за то, чтоб М. С. послал их к едрене матери... И от них на другой день ничего не осталось бы. Они действительно никому не нужны, кроме номенклатуры... И без М. С. сразу бы оказались «на обочине» – в отвале. Впрочем, Вольский и Бакатин так прямо и сказали. А один рабочий в перерыве подходит к М. С., сокрушается: «идиоты-самоубийцы».

В самом деле «пигмеи». Впрочем, я убежден был, что М. С. надо было воспользоваться шансом – и уйти с генсекства, до его заключительного слова. Тогда я думал: это был бы знак деидеологизации высшей государственной власти, окончательного сброса бремени партийности, которую в стране ненавидят. И можно было бы получить какой-то подъем, во-первых, «обывательских» симпатий к Горбачеву, жалости (наподобие эффекта ушедшего, наконец, Рыжкова)... Во-вторых, «определилась бы значительная часть коммунистов, которые не знают, где они находятся – у Полозкова или где-то еще... И образовалась бы «партия Горбачева»... Произошел бы раскол в КПСС, а это очень нужно, чтоб не отдельные «личности» демонстративно выкидывали партбилет (часто по подночным соображениям), а миллионы партийцев и «из принципа...». Остальные все сразу же оказались бы «полозковцами»!!

Но М. С. опять (когда он в раже – может!) проявил свой мощный талант политика-трибуна. На какой-то период, возможно, в ЦК и в парторганизациях это заставит задуматься. А главное – он обозначил четко свое кредо перед обществом, перед всякими Старовойтовыми и Станкевичами, т. е. «демократами», которые еще не потеряли здравый смысл, не истощили свою совесть в политических играх и драках! Перед ними и перед Западом встал (как и в Японии) вновь прежний Горбачев – убежденный и непоколебимый автор перестройки, умудренный ее «разносным» опытом!

Может быть, этот вариант лучше работает...

Вчера вечером он мне позвонил: «Что, Толя, дальше-то делать?» Я опешил, не сразу нашелся. Говорю: то же самое, что до этого!

Потом поговорили о «пигмеях» и «ничтожествах» в ЦК, вокруг... Я ему посоветовал недельку-другую отдохнуть – уйти в тень, пусть «посуетятся» без него, и народ пусть поразмышляет, где М. С., который сейчас чуть ли не каждый день «мелькает»... И особенно я ему советовал не ходить 1 Мая на Красную площадь... Это будет море – десятки, если не сотни тысяч людей – с проклятиями и оскорблениями в адрес президента. Этим будет смазан тот выигрыш в глазах массы, который достигнут в результате соглашения девяти республик (Ново-Огаревский процесс) и «итогов» Пленума ЦК. Да и просто надо отдохнуть, воспользовавшись такой концентрацией «праздничных» дней – от 1 до 12 мая !

Отмолчался... Но у него и масса «мероприятий» набрано. Только по моей линии: Коль – телефон, Миттеран – прием в Ново-Огареве, группа высокопоставленных японцев, болгарин Лилов, вьетнамский лидер и т. д.

Вчера он произнес в Верховном Совете речь по итогам поездки в Японию и Южную Корею. Почти не поправил то, что я ему подготовил. Жалко только, выбросил один «ход», чтоб

не ломать дурака: мол, не знаю сам, отдадим острова или нет (в наполнение его тезиса «пусть история сама поработает»). Не решился он.

А я тем временем делал свое дело. Между прочим, еще раз убедился, что недавно образованная «при мне» группа консультантов выдает на-гора полуфабрикат... Значит, я еще нужен пока. Это приятно, хотя очень уж нагрузочно. Сделал письмо Бушу и письмо Мейджору – ответы на их обращения к М. С. И опять, после МИДа, пришлось переписывать, так же как и ответы венгерскому президенту Анталу и приветствие Валенсе, который, кстати, паршивенько себя ведет: мелкошляхетско-плебейски. Ну ничего – М. С. сказал тут как-то: «Правильно „мы“ сделали, что перестали обращать внимание на своих бывших союзников. Пусть сами разберутся, хотят или не хотят они иметь дело с нами, нужно им это или не нужно. А мы обойдемся!»

2 мая 1991 года

Раиса Максимовна с помощью Г. Пряхина (из агитпропа) написала книгу. Звонила насчет переводчика... Я посоветовал отдать рукопись прямо в американское издательство. Долго, как только это она умеет, будто перед ней дебил (хотя на этот раз вроде бы не «поручение» давала, а просто «делилась»), говорила мне: я, мол, всегда избегала давать интервью, публиковать статьи, хотя запросов – сотни. Теперь не могу терпеть, когда на М. С. столько клеветы, столько несправедливости, столько злых выдумок и слухов. Я должна вмешаться. Книга – это моя «биография» с ним. Я пишу вроде о себе, но на самом деле о нем.

Я очень поддержал, и не только из вежливости. Надо о нем говорить «изнутри». Это и моя обязанность. Но для этого мне надо уйти на пенсию... У нее-то времени навалом.

С М. С. виделся в эти дни только во время его телефонного разговора с Колем. Все о том же: тот выспрашивает, «удержишься ли?». И заверяет, что будет «твердо поддерживать Михаила» всюду, в том числе... вот собирается в Вашингтон. По делу: со строительством квартир для военных что-то не идет. Просил, чтобы подрядчиками были сами немцы.

М. С. торопился на Совет безопасности, и поговорить как следует с Гельмутом не удалось.

Миттерана (будет 6-го) я сплавил на Загладина, который окончательно превратился в разъездного (по заграницам) помощника. Иногда выведывает у них интересные мысли. Они, кстати, пригодились для моей затеи – дать анализ и взгляд на новый (пора уже!) этап «политики нового мышления». Моя команда (Вебер, Ермонский, Малашенко) по моей канве написала уже 40 страниц. Но я «подверг», хотя это и добротный «фарш». Не было, впрочем, больших «стратегических» мыслей. Изложил им новую свою крупную канву, вроде вдохновились – на праздники. Сам же через час поеду к митрополиту Питириму в Волоколамск!

М. С. вдруг подарил мне японскую «систему» (радиопроигрыватель лазерный и кассетник)... Прислал на дом, в то время как я был в гостях, разыскал. ирничает: я, мол, специально приехал из Кремля в ЦК (30-го, часов в 9 вечера) передать тебе подарок. Давно собираюсь это сделать, чтоб «ты помнил».

– Так вы мне уже сделали такой подарок. Помните – не оказалось в магазине перед какой-то поездкой за границу помазка (для бритья), и вы захватили в самолет «свой». Очень трогательно. И я действительно каждое утро теперь «вспоминаю».

– Ну, это не то! А этот тоже – каждый день будешь вспоминать.

Весьма мило с его стороны.

Вчера он все-таки был на Красной площади, на Мавзолее, рядом с профлидером Щербаковым и другими «рабочими», которые один за другим крыли его политику перед примерно 30 тысячами собравшихся. Митинг этот – взамен 73-летней массовой демонстрации. И когда смотришь, грустно как-то становится: все-таки и твоя это биография, эти майские дни. Пусть в них была заложена «большая ложь» и тайный источник разрушения страны... «Личных» выпадов – как в прошлом году, – когда 1 Мая и 7 Ноября оскорбляли и печатно (на плакатах), и выкриками, и ему пришлось уйти! – на этот раз не было. Однако каково ему быть здесь! Слушать в общем-то «общенародные» глупости, полное непонимание его политики, его замыслов, неприятие, раздирающие душу факты: как плохо стало, как все «фрушится» и «заваливается». И ведь ни один, в том числе и профлидеры, не намекнул даже, что другого пути нет, что это неизбежно, что «его» политика – для блага страны, для ее спасения, какими бы

огорчительными ни были ошибки...

Ельцин, которого тоже пригласили на Мавзолей, предпочел остаться в Кузбассе... Мэр Попов не явился, так как ему «не рекомендовала» его партия – «Деморо-сы»... Тоже политиканствующий ход – чтоб не «мазаться» о горбачевскую политику и не делить с ним упреков, критики, не слушать призывов «помочь в нищете» и разорении. А М. С. честно принимает все это... Но, с точки зрения престижа руководителя государства, идти было не надо. И я дважды ему говорил (он отмалчивался). Потому что слушать это и ничем «не помочь» (а ты не можешь помочь: поднять зарплату, вернуть старые цены, обеспечить фонды и производственные связи и т. д.) – значит в глазах масс, что ты опять «не прислушался» к народу. Этот народ лучше бы прочувствовал, если б ты, президент, своим отсутствием показал, что «знаешь, что делаешь» и стоны не собьют тебя с пути, потому что эти вопли бессмысленны, они против самого же «народа»... Кричите, мол, а я буду делать так, как наметил... Вообще ему «затаиться» бы на недельку-две: «Чапай думает!» И пусть бы народ приучался к «неизбежности». Никому ничего объяснить уже сейчас все равно невозможно. На эту тему он «душевную» и по-настоящему глубокую речь произнес при награждении очередных «передовиков» (30 апреля). А кто читает? Кто слушает? Все туда же: слова-де красивые! «Наелись!»

3 мая

Вчера был замечательный день. Ездили к митрополиту Волоколамскому Питириму (в миру он Константин Владимирович) в его «имение». Сам Волоколамск – и соборы... Дубосеково... 28 панфиловцев в 1941 году... Город и храмы. Чай.

Кашино: «лампочка Ильича» – знает, что «липа», и весело рассказывает, что, еще «до того» лампочка горела в имении помещика Чернышева.

Ярополец – имение матери Н. Н. Пушкиной-Гончаровой, наследовано после ссыльного гетмана Дорошенко и от Загряжских...

Имение Чернышева: уникальная церковь гибнет. «Русский Версаль» – дворец, подорванный во время войны, – тоже гибнет. Между прочим, большинство церквей, которые там на этих холмах и просторах стоят скелетами, подорваны немцами! Плюс мерзость запустения. Питирим все это намерен восстановить – сделать поясом культуры, музеев, гостиниц, кемпингов, туризма. И уже начал.

Иосифо-Волоколамский монастырь – чудо!.. Потрясающие постройки... Питирим там игумен.

Везде говорил нам о планах экономического возрождения края и экономической экспансии своей епархии за счет Старицы, Рузы, части Тульской «губернии». Огромные связи и весь свой талант организатора он употребляет на «мирские дела». Мне все больше казалось неуместным заговаривать с ним о Боге. Но за обедом с водкой я все-таки решился. Он оказался банален в этой теме. Или не захотел вести серьезный разговор. Оживился, когда вновь речь пошла о совместных предприятиях, инвестициях, связях с разным начальством и хозяйственными деятелями и т. д. Знает массу вещей из области сельского хозяйства, экологии, транспорта (кончал МИИТ)...

10 мая

Что же за эту неделю?

М. С. принимал японского министра Ватанабэ и К^о – по линии Вольского. От них потом принесли в качестве сувенира кило ветчинной колбасы и большую рыбу наподобие семги. Дожили! Сувениры такие раньше дарили шоферам, а не помощникам президента. Но вообще-то очень кстати: мы вчера опробовали с моим фронтовым другом Колей.

Беседу М. С. с Миттераном «сопровождал» Загладин (я его попросил, не уведомив об этом Горбачева). Что Загладин – вроде бы естественно. М. С. был в ударе на последовавшей пресс-конференции. 6 мая я «организовал» Мэтлока к М. С. Опять о договоре по обычным вооружениям – устная просьба Буша. И опять М. С. много говорил о значении договора и особенно о советско-американских отношениях, которые-де надо беречь, холить, держать на уровне, но появляются признаки, не только в словах, но и в делах, которые... и т. д. Ну, тогда и

сам делай все как надо! Зачем уперся в эту морскую пехоту, зачем «подбрасываешь» подозрения?! Или действительно Язов и К^с дают?.. Но они теперь уже все равно «не простят» и не согласятся!

Пошлет Моисеева (начальник Генштаба) в Вашингтон (предложение Буша)... Но ведь без политического решения его визит бессмыслен. Он будет там опять долдонить то, что ни для кого не приемлемо!

Хотя я его дважды почти уговорил не принимать болгарина Лилова, он-таки («по просьбе» Ивашко) его целый час у себя держал. Для чего?!

Сам я не пошел, сплавил на Гусенкова.

У меня 8-го были Брейтвейт с НАТОвцем Александером, потом Блех (германский посол), потом Эдамура – японский посол.

Англичане – о том, как бы умаслить нас не возражать против НАТО, его существования и деятельности, несмотря на роспуск ОВД: дескать, оно и вам понадобится. Я отвечал: «А мы и не возражаем. Только вы не нахальничайте, у нас ведь тоже есть генералы, которым не положено иметь новое мышление».

Блех едет в Веймар на сбор послов из Восточной Европы, пришел просветиться. Я ему откровенно – и о Ельцине (что не видим в нем «врага», но личность – как таковая – на платформе большой политики опасная...); о том, что мы в Москве наблюдаем разницу в отношении к нам Коля, других европейских лидеров и американской администрации. Коль говорит Горбачеву по телефону примерно так: тебе плохо, я думаю, как тебе помочь. А Буш (при всех его личных качествах): вам плохо, Майкл, я подумаю, как использовать получше вашу слабость в моих «национальных» интересах. Вот смысл скрытой критики в адрес США со стороны М. С., которую усекли в моем сообщении о встрече его с Мэтло-ком... Блех об этом и спрашивал.

Эдамура просил не «разъяснять» публично наше неприятие Декларации 1956 года «целиком». Я обещал... Тем более «это и в наших интересах». Если поставить все точки над "Г", тогда зачем и переговоры?

Днем вчера – в День Победы – наши традиционные «прогулки» с Колей Варламовым. Ходили по улицам... Я щебетал о поездке в Волоколамск – чтоб не говорить о Горбачеве... В общем, удалось. Пили сначала у меня. Он обмолвился об одиночестве (второй год на пенсии). Я ответил: спасение в женщине. Удивила откровенность его, раньше он обычно пускался в мужское хвастовство. Я, говорит, наверное, израсходовал свой ресурс, и к ним меня уже совсем не тянет. Тут как-то посчитал: на тридцатой счет потерял...

Я ему посочувствовал (на счет «не тянет»). Ибо меня спасают женщины, и я свой ресурс сберег.

Потом пошли к Варламову на Б. Пироговку. Обедали. Две его дочери – прелесть. Зятя: Павел – доктор, «почечник». Володя – международный коммерсант. От разговоров о Горбачеве уйти не удалось. Яростно и откровенно спорил с коммерсантом: вам, говорю, Володя, впору идти в помощники к Полозкову. Он требовал, чтоб прежде чем М. С. «начал», должен был теорию развить и объяснить коммунистам, как все надо делать. Словом, та самая новая модель, в которую силком... И это интеллигентный человек европейского стиля! Банкир, больше десятка лет проработавший в Лондоне, Бангладеш и т. п.!

Мудер был доктор Павел – «беспартийный», который ловко подзуживал родственника, соглашаясь со мной.

Сейчас поеду хоронить Иру Мирецкую (жену брата)... Уже 4 дня она мертвая. А я все вспоминаю нашу послевоенную юность в Марьиной Роще, когда они только что с Левкой поженились. Хорошие у нас с ней отношения были...

17 мая

Неделя была трудной и интересной. Протянулась она (из-за праздников в начале мая) на целых 10 дней. Присутствовал на беседе М. С. с вьетнамцем Нгуен Ван Линем... Любопытно...

Китайца «отдал» Остроумову: он помощник генсека (а я президента). К тому же он сам «китаец» – учился на китайском отделении вместе с моей подругой Нелей (Н. Н.) в МГИМО. Да и за «социалистический выбор» вместе с китайцами – в отличие от меня.

Моя затея – сделать со своей группой для М. С. и Совета безопасности «трактат» о новом этапе нового мышления – затянулась. Не так-то просто оказалось. Я дважды переделывал. Сейчас – 65 страниц, и, кажется, все не то. После прочтения возникает вопрос: «Ну и что?! Зачем?! И так можно было обойтись». А надо, чтоб исполнители сами почувствовали, что сделано что-то новое, необходимое, неизбежное.

Начал работать над Нобелевской лекцией. Ни загладинский, ни ермонский варианты не подходят по самой стилистике, хотя и есть кое-какие мысли и некоторые «заходы».

Вчера М. С. вдруг поручил мне встретиться с двумя профессорами из Гарварда (Аллисон и Сакс) – вместе с Явлинским. Его одного сам принимал и согласился, чтоб тот вместе с американцами сделал «avant-projet» – для «семерки» и для М. С., – на основе которого мы (если М. С. одобрит и если примут Ельцин и пр.) дальше будем вести экономическую реформу, оттолкнувшись от 15, 30 или даже 150 миллиардов долларов, которые дадут нам МБ, МВФ и т. п. после одобрения «семерки».

«Почему мне?» – спросил я Горбачева (т.е. почему не вам самому с ними встретиться?). Потому что, ответил М. С., «мне еще рановато с ними встречаться». Гришка (как зовет Явлинского Шаталин) с группой едет сейчас в США, а 27-го к ним присоединятся Примаков и зам. Павлова – Щербаков, против чего возражает Явлинский. Я тоже пытался сегодня отговорить М. С., когда рассказывал о своих впечатлениях от вчерашней встречи с американцами и Явлинским. Кажется, поколебал... Попутно он отстаивал Павлова, которого Явлинский и гарвардцы считают главным препятствием на пути экономической реформы, просвещал меня: «Нам сейчас пока нужен именно такой, как Павлов, – согласный принести себя „на алтарь“, готовый уйти в любой момент – но раз взялся, будет бульдогом: с нашим народом иначе ничего не испечешь». Я согласился... Увы!

Дело затеялось почище «программы 500 дней...». Завтра М. С. выносит всю затею на Совет безопасности.

Две опасности: «семерка» не воспримет, М. С. опять испугается (как осенью). Явлинский мне сказал, что Ельцин одобрил и сообщил об этом по телефону Горбачеву.

«Ребятам», как назвал гарвардцев Явлинский, я понравился. Я действительно старался их «одобрить» всячески «от имени президента». Примаков, которого М. С. прислал ко мне на встречу с ними, их «учил». Они смотрели на него иронически. Аллисон лучше чувствует нашу «специфику», Сакс – пессимист, но тоже увлечен большой идеей (спасти СССР, чтоб спасти и себя, т. е. США, весь мир!). Сакс по-профессорски воспроизводит обывательский взгляд на нас среднего американца: не станете похожими на нас (на США), не будет вам долларов!

Цзян Цзэминь – китайский генсек, видимо, рассчитывавший, что на встрече с М. С. буду я, а не Остроумов, «передал» мне подарок: двухкассетный магнитофон... Я переслал его Леське... У меня с ней день рождения в один день. А я ей давно не дарил ничего существенного... «Моим внукам», ее сыновьям Кольке – 17 лет, Вовке – 10, Ивану – 6. Они и займутся этой «машинкой».

С Нелей были на Сытинском. Она отбирает то, что осталось от матери, перевозит к себе. Много будет отдавать сослуживице, которая занимается раздачей вещей бедным. «Вы, Неля Никитична, говорит эта тетка, – не знаете, как люди живут. Это для них – состояние!»

Как бы мы с этими похоронами матери справились, если б не было машины, Михаила Михайловича, Николая Николаевича?! А скоро их не будет. И дача, наверное, последнее лето! Впрочем, до следующего лета скорее всего не дотяну...

Поэтому надо жить. Надо сильно любить любимых женщин, пока я им интересен и нужен.

Читаю опять «Мастера и Маргариту» – так сказать, в честь 100-летия Булгакова. О нем, наконец, начинают говорить без мифологии и придыхания: гений, но принципиально не герой.

18 мая

Сегодня М.С. собрал СБ. Формально, по повестке, – записка Павлова о вступлении СССР в МВФ и МБ... Фактически за этим стояла «программа» Явлинского (вместе с «гарвардцами») и – ехать ли Горбачеву на «семерку» в Лондон? Хотя пока его туда никто не приглашал, а только еще «собираются».

Все в СБ, кроме Крючкова, «за» (М.С. потом назвал такой подход «квасным

патриотизмом» и примитивом).

Бакатин удивился, почему «его не информируют», что премьер у нас «такой прогрессивный и совсем не ретроград»...

М. С. говорил: альтернативы нет – если рынок, то и открытый мировому рынку... Фантазировал, что он скажет в Лондоне. Словом, за реформу, за демократию... Павлов добавил: само заявление в МВФ подтвердит, что мы за рыночную реформу и т. д.

А когда мы с Бессмертных устремились за М. С. в Ореховую комнату (по окончании заседания), чтоб настоять на развязке с «морской пехотой» и договором по ОВ, он обрушился на меня: 80 % уступок Шеварднадзе уже сделал Соединенным Штатам... Встал на сторону Моисеева, который по договоренности между Горбачевым и Бушем (по телефону) завтра поедет в Вашингтон и, боюсь, нокаутирует там и кредит в 1,5 миллиарда на зерно, и само приглашение на «семерку»... Таких вещей М. С. не «сечет»... «Эмоции!» – как он сам выражается. И если не «губит», то опять «тормозит» и «срывает» реализацию своей «генеральной линии». Мы с Бессмертных (он робковато, я – нахальнее) предсказали ему все, что последует. Он, красный, отвернулся и пошел к себе.

После этой сцены, когда я пришел на работу, чтоб продолжать сочинять Нобелевскую лекцию, перо уже не подчинялось, и я собрался домой... Но А. и Л. ухаживают не за мной, а за своими огородами и садами на дачах!..

22 мая

Вчера М. С. пошел на Сахаровские чтения. Уговорили мы с Игнатенко. Вечером – говорил мне по телефону: если б не рядом в ложе Соареш (португальский президент), встал бы и ушел. Эта Боннэр... все мне навесила: Сумгаит, Баку, Карабах, Литву, кровь, диктатуру, «в плену у правых», у номенклатуры... И подумать только: вошел в ложу глава государства, никто головы не повернул, вечером едва мельком по ТВ показали... Вслед за Боннэр Орлов (известный правозащитник) «понес» всю мою политику. Возносят хвалы морали, нравственности, апеллируют к облику Сахарова и тут же изрыгают ненависть, злобу, провоцируют месть... Как с этими людьми вести дела? Кто, по их мнению, освободил Сахарова? И т. п.

Очень был огорчен.

А Игнатенко позвонил – в восторге от того, что было там, в Большом зале консерватории. Впрочем, все равно надо было идти. Не пошел бы, «вся интеллектуальная мощь России и окрестностей» долго бы поливала его помоями.

Убит Раджив Ганди... Неужели это тоже итоги нового мышления в мире?.. Как и Саддам, как наше нынешнее состояние. М. С. «взрыднул», вспоминая о своем друге Радживе на встрече с Андреотти, а тот вежливо при этом ухмыльнулся... Потомок иезуитов и Макиавелли...

Еще одно задание дал: 28-го поедет в Казахстан, десять страниц выступления там хочет посвятить международным делам. Встречаясь с Андреотти, М. С. откровенен был запредельно. Прямо «напрашивался» на «семерку» в Лондон, даже признался: мол, уже готовлю свою речь там. Я был только на их *tete-a-tete*, остальное «отдал» Загладину.

Ваттани (помощник Андреотти) сказал, что Димитрова (подозревавшегося в покушении на папу) не помилует президент, если взамен мы не отпустим семью Гордиевского. Получается, Андреотти сговорился с Мейджором... Вот вам и мораль! Давят, давят-таки, пользуясь нашим положением. Не пустят, боюсь, они М. С. на «семерку»...

Генерал Моисеев в Вашингтоне. Из Белого дома брифинги: «приехал с пустыми руками», «разочаровывающий результат»... И это тоже уже связали с «неприглашением» на «семерку»...

Теперь для нервно-эстетической разрядки хочу на М. Грузинскую. В воскресенье Люда вышла на крылечко... Постоял с нею минут пять. Усталая после дачи... Попрюкимулся к щеке и ушел счастливый.

28 мая

Вчера была Тэтчер. Уже не премьер, а как ни в чем не бывало. Ей Брейтвейт, видимо, не доложил – ни о том, кто и что я для советско-британских отношений, ни о том, что я «ее обожаю» и мой служебный кабинет обставлен ее портретами. Во всяком случае, меня она принимает за чиновника – «записывающего» (такой у англичан и американцев есть

специальный термин – для тех, кто только записывает беседы лидеров). А мне обидно, хотя и плевать бы...

Кажется, Моисееву пришлось пойти на «развязку» по обычным вооружениям. Вчера поздно Буш звонил М. С., сказал, что Бессмертных с Бейкером окончательно утрясут все в Лиссабоне (собираются там по Анголе), и тогда возможен приезд Буша в Москву уже в июне.

Зачем же тянули столько? Зачем М. С. ставил себя в такое несолидное положение? Зачем дали еще один повод подозревать, что мухлюем, не соблюдаем нами же подписанного? Много дилетантства (и обкомовского упрямства). М. С. сам вчера признался Маргарет, что не успевает все осваивать, тем более «трансформировать» в политику и «приходится импровизировать»... Но здесь-то, пожалуй, другое.

Прошло мое 70-летие. М. С. как раз в 12, когда собрались все ко мне в ЦК, позвал меня в Кремль. Обнял, вручил огромный букет роз (70 штук), коробку с сервизом – и отпустил с работы: к нему шли бушевские эксперты по кредиту на зерно (1,5 миллиарда) и я там должен был быть.

Тамара с «девочками» + Дунаев еще с утра готовили в моем кабинете «стол» бутербродный. Когда я примчался из Кремля, мое «помещение» было заполнено – от Яковлева, друзей до почти незнакомых мне... Около сотни, думаю, набралось. И я стал «набираться», переходя от одного к другому, чокаясь: ни тостов, ни речей – никакой этой юбилейной белиберды... Официальная «группа» (партком, местком и т. д.) встретила в коридоре, еще когда я бежал в Кремль к М. С., тут же я с нею и распрощался.

Бовин был в своем стиле... Зачитал какие-то очень остроумные «наброски» обо мне и перестройке. Но все были уже сильно пьяны и плохо усваивали, хотя много хохотали.

Так до 17 часов. Наконец, разошлись. Остался, конечно, допивать Жилин. Я стоял на коленях перед Ольгой, она почему-то плакала. Потом лежал на диване, она мне гладила руки. Тамара стояла рядом, а на другой день устроила мне «веселую жизнь»: оказалось, я к тому же еще говорил много глупостей «о нас с нею»...

Приехали домой. Я чуть поспал... А тут уже другие гости: родственники и обычный набор (Камуся, Ритуля, Зоя). Была Юлька... Поблекла сильно, и даже странным показалось, что у нас с нею было 40 лет назад.

Опять пил. Хороша была Люда. Очень она «понравилась» племяннику Андрюхе, а Куценков все свои павлиньи перья истрепал (потом еще до утра они «допивали» у Люды)...

Прелестна была Ирочка. Я к ней сильно жался за столом: спиной к грудям. И наконец «осуществил» свой сон, который много лет посещает меня. Сказал ей: «Ты ведь без комплексов? С мамой твоей ничего не получилось! Она осталась „верна подруге“. Ты как?» Она согласилась. Но осмелюсь ли я «дойти до конца». Очень хотелось бы: уж больно хороша!

Карякин был вдрызг пьян, как в былые времена. Спал под столом и мычал оттуда.

Я перепил страшно. Давно так всю ночь не болела голова. Мучился до обеда. Потом погуляли с Людой в районе Хлебного переулка...

Вечером уже сидел писал международный раздел для речи М. С. в Казахстане. Сегодня улетает. Он мне вернул проект с поправками (немного ослабляют)... Занялся и текстом Нобелевской лекции.

Надарили мне всего, даже неловко: проигрыватель, «видик», кучу разных бутылок, безделушек и альбомов, пижаму, спортивный костюм, даже постельное белье. Водку так всю и не выпили – «ни на работе, ни дома»...

Горбачев три дня будет в Казахстане. Полегчает мне, чуть отдохну. Может... Хотя много еще недоделанного – на носу Осло и Стокгольм. Анализ 2-го этапа нового мышления не закончен. Приезжает министр Нейман (Израиль), представитель «Контрол Дэйл...» и пр.

Пойду на службу – уже почти 8.

29 мая

Relaxation не получилось. Ничего подобного. Столько недочитано, столько надо еще освоить, чтоб быть «в курсе». О столько надо договориться с МИДом, приготовить для М. С. на решение и согласие. А тут еще Тэтчер попросила сделать ей запись встречи с М. С. Переводчик (Бережков) записал ужасно. Пришлось заниматься самому, чтоб успеть отправить

ей сегодня в Ленинград.

С Вебером говорил о распределении ролей в моей группе. Он и другие ее члены сидят все еще по своим комнатам в Международном отделе ЦК. Информацию (по шифровкам, ТАССу и пр.) имеют теперь только от меня (нормально было бы наоборот). И вообще – в роли первачей – speech-writer'ов – создателей полуфабрикатов для меня... А если Люда придет к нам работать – ЭВМ у нее не будет, да и негде ставить... Словом, бардак, как везде... – XVIII век на президентском уровне... Полуграмотные машинистки-стенографистки и т. п.

2 июня 1991 года

М. С. – Казахстан. Точно выбрал он место и время (после «9 + 1»), чтоб закрепить «сдвиг» к успокоению и согласию, к терпению и здравому смыслу, к отторжению политической истерии... Это акция мастерская.

Вечером на другой день после возвращения в Москву (в пятницу) звонил: жаловался, что болеет. Там еще заболел – от воды и перемены пищи. Сутки, говорит, ничего не ел – «на пределе» – вот-вот сорвусь: устал (это же говорила Р.М. потом по телефону). Егоров (новый помощник «по культуре») выпендривается. Я дал при М. С. отповедь этому любимчику, которого Р. М. «по указанию М.С.» вдруг просила взять в Осло и Стокгольм... Ненавижу бездельников, которые ни за что пользуются благосклонностью начальства...

Да, «Московская правда» тут напечатала статью «политолога» Митрохина (31.V.91) о соперничестве команд Горбачева и Ельцина. Уму непостижимо: Ожерельев – восходящая звезда!.. Случайный человек, появившийся «по благу» от Медведева. М. С. вообще забыл, что он у него помощник. А когда по поводу каких-то его встреч с иностранцами (по профилю Ожерельев – экономист) я пытаюсь предложить М. С. его пригласить (с тайной мыслью, чтоб меня подменил!), он пренебрежительно отмахивается! Не было случая, чтоб М. С. с ним о чем-то советовался. Ему вообще вроде бы нечего совсем делать... Спрашивает у меня, «что происходит у президента».

Другой – Голик – вообще подвизается в Верховном Совете и, по существу, в команде не состоит, ни в каких узких совещаниях не участвует... Так что никакого влияния ни на М. С., ни на политику просто не может иметь.

Игнатенко интересный человек, «плейбой», но с убеждениями и рискован, умеет навязывать М. С. жесты в пользу демократов и демократии... Но к формированию политики М. С. его не привлекает... И на заседания СБ (в отличие от меня и Шаха) не приглашает. Собственно, если говорить о помощниках, да и советниках, только Шах и я, каждый в своем профиле (политический процесс и международная политика) действительно что-то значим для М. С., нас он по крайней мере выслушивает... И в 90 случаях из 100, если я расхожусь с мнением МИДа, поддерживает меня. Не говоря уже о том, что я «формирую» выступления по внешней политике, т. е. то, где она приобретает законченный вид и такой предстает перед миром. Так было при Шеварднадзе (который тоже «на мне» проверял свои речи, хотя не я их, естественно, писал), так остается при Бессмертных, который согласовывает со мной все шаги, ходы и инициативы, все проекты распоряжений и указов по международным делам. И вместе мы действуем против генералов и ВПК.

Но «политологу» Митрохину ничего это не ведомо. Я для него – «номенклатурный кадр», которого Горбачев собирается «менять на звезды»... И читающая публика все это «кушает»!..

Впрочем, глупостей теперь и по международным делам в печати все больше. Некомпетентность и невежество уже вроде бы и не порок... Даже те, кто могут узнать, как на самом деле, не утруждают себя: легче ведь конструировать лихой вздор.

Но я отвлекся...

Вчера М. С., несмотря на болезнь, принял посланца Коля – Келера, а потом еще и четырех банкиров: Релера и Вальтера из «Дрезднер банк» и Крупна из «Дойче банк», еще какого-то одного... Речь шла опять о том, что, если Запад сейчас не поможет, расплачиваться ему придется горше...

Банкирам в духе казахстанской речи прочел лекцию, из которой следовало, что его «социалистический выбор» – «чистый» капитализм свободного рынка. Они хохотали.

Потом я ему сказал: банкиры, если дадут кредиты, дадут их не под залог всего нашего

общесоюзного государственного имущества, а под вас. На этот раз смеялся он один.

Вчера же закончил и дал ему проект Нобелевской лекции. Жаль, он выбросил самую сильную мою добавку: не хочу, мол, чтоб они считали, вернее, получили доказательство, что я «их» шантажирую провалом перестройки. Уже пишут об этом газеты...

Вчера же сделал материал для переговоров с Брундт-ланд (норвежский премьер) и текст тоста на приеме у короля...

Сегодня – тост для приема у Карлссона (шведского премьера) и переговорный материал для Стокгольма. Заслал ему... Пока не звонил...

Вечером решил пройтись по улицам... Встреча с Цукановым (главным, всесильным помощником Брежнева) у метро Смоленская. Поучительно, как маразмизирует большинство бывших больших властителей, какие они жалкие...

Роман «Самоубийство» Марка Алданова в № 3, 4, 5 «Октября». Ленин у него такой, каким я и предполагал – когда всю жизнь его читал и изучал, даже восторгался.

5 июня

Через полчаса поеду во Внуково-2, чтоб лететь с М. С. в Осло – Нобелевская лекция.

Много возни было с подготовкой. И сейчас, вчера перечитав, не уверен, что вложить надо было туда то, что там теперь есть. Главную идею он выкинул: перестройка дала миру больше, чем стране, и если вы – цивилизованные, вы, Запад, то должны отплатить добром, когда страна в таком кризисе, который может обернуться бедой для всех! Идея осталась в подтексте, а я эту вставку на 9 страниц заканчивал словами: «Я хочу, чтобы это предостережение осталось в анналах Нобелевского комитета»!!

Вчера Добрынин прислал весть от Бейкера: Буш окончательно решил пригласить М. С. на «семерку»... Да, это событие, может быть, поворотное в отказе от «социалистического выбора».

Письмо Буша к М. С. (привез Примаков): один абзац, пустой в общем, но написан на «новом компьютере», и президент США по-мальчишески решил сделать такой знак дружбы «Майклу»!.. Все-таки они простодушны, американцы. Хитрый, умудренный тысячелетней культурой Андреотти примерно так же снисходительно их охарактеризовал на встрече с М. С.

Геня 10-го ложится на операцию к Федорову. Есть риск ослепнуть совсем. Это беда, но что делать, когда она уже не только читать, экран ТВ не различает. А вообще вид ужасный, она этого не осознает.

Тоскую ежечасно по «любимой женщине» – чтоб всегда была рядом.

Поеду – к Ибсену... Детство, Марьяна Роща...

11 июня

5-го – Осло, 6-го – Стокгольм. Нобелевская лекция. Овация. Прогулка по Осло с Тamarой Алексеевной и Тamarой Прокофьевной вместо королевского приема, куда я по уже устоявшемуся своему правилу не пошел. Город. Любительский оркестр у входа в наш отель – «в нашу честь!». Мило.

Рассказывать неохота, потому что все эти дни заполнены моими «рассказами» об этом для прессы – и в отчетах. Возможно, потом когда-нибудь еще вернусь к этой поездке в замечательную страну.

12 июня

Может, и впрямь исторический день, когда Россия начнет новый отсчет времени... Новая «парадигма» нации?

М. С. оказался менее прозорливым, чем Ельцин со своим звериным чутьем. Горбачев боялся, что русский народ не простит ему отказа от империи, а русскому народу оказалось наплевать. (О чем я его предупреждал еще 2 года назад.) В результате инородцы отвернулись от М. С., а Ельцина превозносят. И он вещает: Россия станет новым центром притяжения, новым «солнцем» интернационального величия России.

Русские не умеют править... И к тому же единство России держалось на самодержавии губернаторов-наместников, т. е. на регионализме и на казачестве. И то и другое являло собой

сугубо русское имперское начало целостности государства, а также природную склонность и способность русских к слиянию с местным населением. И, конечно, военная сила...

Ельцин, наверно, станет президентом сразу, а, м. б., придется и второй тур делать, только с кем?.. Беда, если с Рыжковым... А с Бакатиным – хорошо бы. Единственный из шести претендентов – порядочный, здравомыслящий, умный, информированный, не ищущий победы любой ценой, интеллигентный сам по себе, а не своей командой. И безусловно прогрессивный, «перестроечный».

М. С. мне вчера звонит: «Говорил с Вадимом (Бакатиным). Подбодрил его: мол, даже если не выиграешь, участие в этих выборах пойдет тебе в зачет на будущую государственную деятельность».

Послания М. С. Колю и Вайцзеккеру по случаю *22 июня 1941 года*. Обмен телеграммами. Я сочинил – он вчера подписал. Далось нелегко – сделать в духе «примирения», а не «гром победы...». Развести *22 июня* и *9 мая*. Кажется, удалось. Теперь еще по ТВ выступление по этому поводу. Но это он поручил Шаху.

М. С. вчера по телефону мне: думай над идеей – новый выбор для нас и для мира... Новый выбор, ибо прошли первую фазу по окончании «холодной войны». И прошли, в общем, благополучно, хотя не без огрехов.

Буду думать. Вот закончим с Вебером и К^я трактат о «новой фазе нового мышления»... (на 50 страниц). Уговорил М. С. поставить этот доклад на группе советников, а потом – на СБ.

18-го он будет с Колем в Киеве... Темнит до сих пор о месте встречи... Материалы опять готовить надо... Из этого вороха бумаг 80 % пойдет в корзину, ибо он ведет «разговор» стихийно, «по-своему».

На «семерку» его зовут. Завтра, наверно, Брейтвейт принесет приглашение от Мейджора. Важна формула приглашения: я сегодня посоветовал М. С. воспользоваться «формулой Андреотти» и изложил ее Брейтвейту.

Р.М. «написала» книгу об М. С., издает Мэрдок в Англии. Издается и у нас. Палажченко – в роли корректора перевода. Он вообще очень толковый и широкообразованный. Будет у меня консультантом. Другой кандидат в мою группу... Но не буду о нем – не люблю неумных интеллигентных людей...

Голосовал я за Бакатина в президенты России и за Сайкина с Крайко на Москву: этот тандем лучше, чем другие, лучше Попова с Лужковым. Крайко – политик, Сайкин – «завхоз».

Неля. Крымская набережная. Выставки, выставки и сотни картин: «Россия сегодня»... Много таланта. Главное ощущение: можно заглянуть «за душу» художника, а там, оказывается, есть интересное и для тебя. А по части художественности – ну что ж? Аккумуляция всех стилей за 100 лет – своих и западных. Но результат свой и впечатление – не эпигонство...

Что с Людой-то делать, а?

15 июня

Что за неделю?

Ельцин – Президент России. В общем, он уловил, куда несет страну «неведомая сила», разбуженная Горбачевым, и обратил себе на пользу. И действует – в струе! У тех, кто за него голосовал (я – нет), теплится, видимо, надежда, что «с Ельциным» начнется подъем. А Горбачев, может, и постарается «сопоспешествовать», уняв свою страсть делать все своими руками и считать, что иначе все завалится (хотя в таком убеждении есть пока и резон).

«Демократическая пресса» и весь Запад – в эйфории. Теперь не Союз, а Россия у всех на уме: может, из нее что-то получится. Если бы так, я бы тоже стал аплодировать. А Союз – бог с ним, с Союзом, была бы Россия. В душе-то и М. С. так думает, но он не доверился «душе», а доверился «государственной ответственности» и... проиграл.

Ему надо постепенно, с достоинством «отходить» в историю, осваивая великое свое в ней место. Закон великих переворотов.

Сегодня я отдал ему 46-страничную «Аналитическую записку» о новом этапе нового мышления. Интересно, как онотреагирует, поставит хотя бы на обсуждение советников или СБ?

Сегодня он принял Брейтвейта (а накануне сэр Родерик был у меня и передал

официальное приглашение на «семерку» – копию)... Так что М. С. был готов и дал ответ тот же, который, «не сговариваясь», я дал Брейтвейту. Странно было бы, если Горбачеву выложат выводы «семерки» до того, как выслушают его.

Приглашение в Лондон принято «с удовлетворением» и состоялся 25-минутный энергичный разговор (без переводчика). Заодно М. С. согласился остаться в Лондоне с «рабочим визитом» на полтора дня.

Потом он принимал Аттали (помощник Миттерана). Но я попросил Загладина и не остался. Этот рекламируемый интеллектual при французском президенте вызывает у меня большие сомнения: морочит голову своими финансовыми проектами, уверенный, что мы все равно завалимся и оправдаться будет легко. Зато покрутился он возле М. С. и «семерки», которая, кажется, его совсем не уполномочивала вести о ней разговор с Горбачевым.

Хорошо, что я Брутенца отправил, не спросив, в Прагу на Совет взаимодействия (Шмидт, Трюдо, Жискари и т. п.). М. С. не нарадуется на их итоговый документ. Велел опубликовать в «Правде» и в «Известиях».

Зачастили ко мне послы. Позавчера явился новый канадский и попросил рассказать, «как формируется у нас внешняя политика». Я прочел ему полуторачасовую лекцию.

Сегодня был француз... Принес письмо от Миттерана, который рассчитывает отдельно встретиться с Горбачевым в Лондоне и хотел бы знать заранее, с чем М. С. туда поедет.

«Вытесняют» меня из ЦК... Вчера машинистки отказались работать на меня, хотя с некоторыми из них знаком по 25 лет.

Зазвонил телефон. М. С. задает ставящий всегда в тупик вопрос: "Что нового?.. Что-нибудь придумал? А мне вот передают, что в администрации в Вашингтоне поговаривают, не пригласить ли и Ельцина в Лондон (на «семерку»).

Я. Да?.. Если так, значит, дружба дружбой, а грязная политика – сама собой!

Он. Это только подтверждает, что «они» финансируют ельцинские кампании и все «российские» дела...

Подозрителен – провинциально!! Не может примириться, что уже сложилась мощная демократическая тенденция в обществе, которая «обобщает» себя в Ельцине.

Дал, говорит, интервью и по встрече с Брейтвейтом, и по Аттали, и по дневному совещанию по приватизации. Я ему в ответ рассказал о Надежде Алексеевне Шулятьевой – председателе Союза мелких и средних предприятий. Сама – из «новых людей», которые собираются создавать нашу новую экономику. К тому же хороша собой, умна, обаятельна.

Да, отреагировал, но сколько еще непробиваемых!

И пожаловался: ЦКК хочет привлечь Шеварднадзе к партийной ответственности за то, что он о новой партии (полосковской) что-то такое сказал... А вот когда генсека оскорбляют с партийных трибун – ни ЦК, ни ЦКК не чешутся.

Слава Федоров сделал в четверг операцию моей жене на глазах. Удачно. Будет видеть на +3. В больнице продержал всего чуть больше полутора суток – две ночи.

16 июня, воскресенье

Гонят на дачу, а я не хочу... без «никого». Может, правда, рвануть в Голицыно потом?!

Сейчас прочитал адрес к 70-летию, который мне зачитывали друзья – там, в ЦК... Написан, Тамара говорит, Ермонским. Тогда я был пьян и ничего не услышал. А сейчас – приятно. Ухватили тот образ, который я отлично «играю» столько лет. Но что значит играю? Значит, я могу себя держать в этом образе, и следовательно, у меня есть какие-то фундаментальные основы, чтоб так именно «держаться» в жизни с людьми...

Тут же на полке оказалась тетрадка: выписки из Ленина... И, оказывается, я выписывал в 64-м году то, что нужно знать для перестройки, чтоб ее понимать. Но еще более интересное – что нынешние пошляки, свергающие Ленина со всех пьедесталов, не знают его настоящего, не читали его – кроме того, что и как «учили» их читать.

Да, история его опровергла: в конкретном, созидательном плане он оказался идеалистом, хотя отпечаток на самом историческом процессе оставил неизгладимый. Но он был великим политическим мыслителем. И прав Джузеппе Боффа, сказавший на московской конференции по случаю дня рождения Ленина: надо писать интеллектуальную биографию Ленина. И очень

сильно различать период до 1917 года, когда он анализировал объективные процессы, от периода «после», когда он пытался «делать» саму историю и «заигрался»... – как в «21 очко» (в картах) – перебор получился.

Во всяком случае, уважающим себя интеллигентам рано снимать его со своих полок. Хотя для толпы и для политиков типа Ельцина он не нужен сейчас. По существу не нужен: они как раз сами в том потоке, который творит историю и которую так умно «писал» Ленин в 1908-1910 годах.

М.С. вчера – после совещания по приватизации – давал большое интервью Кравченко (начальник ТВ) (зачем он якшается с этим Кравченко, с этим Севруком, которого вроде назначил редактором «Недели»?!) Это все равно как если бы Миттеран назначал редактора «Пари-матч»)... Однако был в ударе. Логичен, ясен... Увильнул ловко от вопроса: как же, мол, так – согласно референдуму государство вроде «социалистический Союз», а в проекте Союзного договора слово «социалистических» выпало?.. Признал, что народ голосовал за единое государство, а не за «социалистический выбор»!!

Но не в этом только дело.

Интервью «сползло» на Ельцина, на выборы Президента России. И М. С. еле-еле удержался, чтоб не «выдать» себя – свое презрение к Ельцину. Начал рассуждать: мол, 25 миллионов не пришли голосовать, Ельцин выбран лишь 40 миллионами из 103!! Я слушал и замер: вот, сейчас покатится опять к скандалу... Но он вырулил на то, что это, мол, отражает наличие разных позиций, настроений, взглядов в обществе. Потому тем более – и это подтвердили выборы – нужно СОГЛАСИЕ.

20 июня

Встаю рано. Кусают комары всю ночь. Не высыпаюсь. Дикие сны снятся – вроде дуэли с Высоцким...

В политике – новая контрволна в ответ на «сближение» М. С. с Ельциным (как в прошлом августе-сентябре). Причем начал «сам» Павлов – перенял тактику у Ельцина и у Рыжкова: я бы все наладил, если бы были полномочия (т. е. если бы не мешал М. С.). Здравая одна только мысль в его речи в ВС, что не во все дела должен лезть президент. И потянулись: Крючков заявил, что еще в 1979 г. Андропов писал в ПБ записку, предупреждая, что империализм внедрил свою агентуру в «высшие эшелоны» власти. И сейчас «мы» регулярно информируем руководство об этом, но на «нас» не обращают внимания. Пуго заявил, что ему мешают создать эффективную структуру борьбы с преступностью. Язов – что мы превратились во второразрядную державу.

И пошло-поехало: Алкснис, Умалатова, Коган... при поощрении Лукьянова (хитро тот ведет дело, знает, что делает, сказал о нем Лигачев в своем кругу, Мише придется плохо). Опять потребовали отставки президента, привлечения к уголовной ответственности персонально за антиалкогольную кампанию (200 миллиардов рублей потеряли). Этого потребовал Павлов, а возражали против этой меры в мае 1985-го только два человека – Гарбузов и Воронин, отнюдь не Рыжков, и не М. С.).

ЦК КП РСФСР и КПСС «денно и ночью» заседают и, как в апреле, готовят резолюции с мест – с требованиями ухода М. С. с генсекства. Слышал, что даже шьют «персоналку» ему и его помощникам (мое имя там тоже).

А что М. С.? Запустил «Ново-Огаревский процесс», сдвинул с места Союзный договор, который теперь очень близок по концепции российской Конституции (проекту). Ельцин и все прочие парафировали. Более того, позвал в Н.-Огарево Явлинского, где и был заслушан его доклад о гарвардско-вашингтонских переговорах.

Очень основательно готовится к встрече сегодня с Делором. И от него, а не от Аттали, «семерка» узнает, что М. С. повезет в Лондон.

М. С. исподволь и явно для всех, даже очень тупых, ведет дело к «сцепке» перестройки с мировой экономикой и политикой. Иного смысла включения страны в «общецивилизованный процесс» и быть не может.

Ельцин в США – с оговорочками насчет М. С. за прошлое – открыто, похоже, ведет дело к примирению с «Союзом» (т. е. его сохранению), все время рядом со словом «Россия» ставит

«Союз». И что тогда делать будем? Кто и как, если сближение состоится? Может, это новый способ избавиться от М. С.?

Поэтому и стервенеют контрперестроечные силы: «там» им, в «ельцинском Союзе», места не будет!

А Горбачев не может никак отступить от своей методы. Пошел на крестьянский съезд «генералов от коллективизации», толстопузых охотнорядцев. Там ему устроили истерику. Павлов (!) им прямо сказал: или рынок, или опять дотации (а в казне денег нет!) – и тогда прощай вся экономическая реформа. Они его чуть с трибуны не сбросили. Заявили, что поползут голодать на Красную площадь. (Лигачев там появился – его «на руках носили».) Потребовали на ковер Горбачева. Тот пришел и начал мирить: опять согласительная комиссия, опять – «поискать, что можно сделать» и т. п.

Но что «сделать»?! Павлов прав в этом случае... Опять торможение. И опять очки в пользу Ельцина-Силаева, которые не будут считаться с этими «генералами от с.-х.»

Возня с подделкой – «другим вариантом» Нобелевской лекции. Звонил Егору Яковлеву (он опубликовал корреспонденцию на эту тему в своих МН): зачем вы в это включились? Мельтешит, мямлит, извиняется. Но – мелочевкой он оказывается! Прислал мне эту подделку: там ни одной одинаковой фразы с подлинным текстом лекции. Говорю Егору: в редакции что, не могли сверить? Ведь если не совпадают какие-то абзацы, что-то добавлено или выброшено – это одно дело: тут – база для спекуляций и подозрений. Но ведь тексты-то совсем разные! Как же можно! Он обещал назвать (со слов датского корреспондента), кто передал эту подделку. Но корреспондент, разумеется, срочно уехал.

В суд бы подать, если б не имя президента – трепать лишний раз неохота. Собрать бы со всех них тысяч по 100!!!

Пойду готовить материал к приезду Койвисто. Говорить нечего. Теряем мы дружеские отношения из-за дохлой экономики.

Жуткая погода стоит: 32° С 98 % влажности. Хорошо, что на работе кондишн!

21 июня

Станный вчера и, может быть, тоже роковой день. М. С. записывал на ТВ выступление в связи с 50-летием *22 июня 1941 года*. Все-таки выдержали мы его в духе «примирения», но «со слезами на глазах» и без победных звуков.

Ладно.

С утра он принимал Делора. Я «спихнул» встречу на Загладина. Но там он наговорил, в том числе и о том, что и в парламенте ошетинились, как только почувствовали, что власть от Верховного Совета уходит и начинается замирение в обществе, успокоение, наклеивается согласие по линии Горбачев-Ельцин. Загладин советовался, сообщать ли этот пассаж в печать? Я сказал: безусловно!

Ко мне тем временем запросился Мэтлок: в 15.30 мы встретились. От Буша – предложение: чтоб М. С. в Лондоне пришел в резиденцию американского посла и чтоб с 3-х до 5-и *17 июля*, после выступления М. С. перед «семеркой» и общего обеда, они вдвоем поговорили.

Заодно Мэтлок расспрашивал: что происходит, почему премьер в Верховном Совете выступает против президента и против программы Явлинского?

Я разъяснял: Павлов – хороший финансист и человек с характером, такой сейчас нужен. Но в политике он не набрал «ума» и опыта: отсюда и «заговор банкиров», отсюда и вчерашнее требование полномочий, которое неправильно интерпретировали. И «объективно» получилось, что Павлов возглавил оппозицию и протесты в ВС. Хотя исключается, что он сознательно интригует против М. С. Это – очередной его «ляп», неловкость – все образуется.

Позвонил М.С. Сразу согласился с предложением Буша, о чем я и уведомил Мэтлока.

Звонил между тем Брейтвейт. Говорил, что 1-го приедет британский «шерп», М. С., мол, обещал его принять. Королева приглашает М. С. 17-го в 17-18 часов... и т. д. о Лондоне по случаю «семерки».

И вдруг уже часов в 8 вечера опять названивают из посольства США. Мэтлок просит немедленной аудиенции у президента: срочное, секретное сообщение от Буша.

Мне как раз в этот момент позвонил М. С. Я ему сказал. Он: «Давай!» Я помчался в Кремль. Спрашиваю у М. С. – мне присутствовать? «Обязательно». Мэтлок еще не вошел, а тут позвонил Павлов и стал рассказывать, какую воспитательную работу он провел с председателями правительств всех республик. Пригласил на заседание кабинета Делора, и тот тоже прочел им «лекцию», как надо управлять финансами, если хотеть рынка. Да так жестко, что те рты разинули. Павлов выглядел «либералом». М. С., слушая, хохотал, а завершая, бросил иронично Павлову: эта твоя акция – самое позитивное, что ты сделал за последние 3 дня (намек на выступление Павлова в ВС!).

Вошел Мэтлок. Лица на нем нет. М. С. начал с похвал послу, сожалений, что он уезжает, стал ему говорить всякие добрые слова: что он хорошо, честно работал, был настоящим партнером, много помог в этот самый сложный период отношений, «очень ценим вашу деятельность» и т. д.

Мэтлок стоял, перебирая ногами: не терпелось выложить – с чем пришел. А пришел вот с чем: господин президент, я получил только что личную закрытую шифровку от своего президента. Он велел мне тут же встретиться с вами и передать: американские службы располагают информацией, что завтра (т. е. сегодня, 21. VI) будет предпринята попытка отстранить вас от власти. Президент считает своим долгом предупредить вас.

М. С. засмеялся. (Я – тоже!) Мэтлок смутился: мол, глупость принес на такой верх. Стал извиняться: я не мог не выполнить поручение своего президента, хотя сказал ему (каким способом, интересно), что у меня в Москве таких сведений нет и вряд ли это правда.

М. С.: «Это невероятно на все 1000 %. Но я ценю, что Джордж сообщает мне о своей тревоге. Раз поступила такая информация, долг друга – предупредить. Успокойте его. Но повторяю – в этом его сообщении я вижу подтверждение настоящих наших отношений. Значит, действительно мы далеко ушли вперед во взаимном доверии. Это очень ценно».

Говорил он по-доброму, но с внутренней иронией, как бы уверенный в том, что все это чепуха.

Потом разговорился. Знаете, господин посол (а при встрече он его назвал «товарищ посол» и пояснил, шутя, почему он себе это позволил...), возможны такие разговоры у нас. Вы видите, что происходит... И стал ему говорить почти теми же словами то, что я за несколько часов до того. В народе, в обществе – тенденция к согласию, к успокоению. Дело идет к Союзному договору, к участию в «семерке», т. е. к реальному выходу СССР во внешний мир экономически. Более того, движемся к реальной сцепке внутренних и внешних процессов. Это встречает одобрение. Выборы Ельцина это подтвердили. Сейчас общество отвергает конфронтационный подход... И тех, кто за этим стоит. Но есть силы, которых это не устраивает. Они есть и в парламенте, хотя не вся фракция «Союз» такая: там есть и здравомыслящие, нормальные. Есть и оголтелые, которые готовы проглотить микрофон (Алкснис, Коган...). За ними те, кто чувствует, что теряет все в эшелонах власти и привилегиях. И опять сплачиваются, опять замышляют, как подорвать процесс оздоровления. Не исключая, что в их среде ведутся разные разговоры, в том числе и такие, которые подслушал ваш разведчик.

Рассказал ему о Делоре. Попутно охарактеризовал Павлова – почти такими же словами, как я до того, когда Мэтлок был у меня.

Дома Аня и Митя собирали чемоданы. Я включил Баха. В 12 ночи звонок из приемной: Буш требует поговорить с М. С. по телефону. Говорю: соединяйте, раз так.

Утром Аня с Митей уехали. Проводил их до машины. И тут же звонок из МИДа.

Допишу потом – сейчас некогда... Не забыть про «Щит» и Плеханова, зам. Арбатова!

23 июня

Так вот... Страхи продолжались. Ночью стал названивать Горбачеву Буш. Из приемной меня спрашивают: что делать? Я: «Соединяйте». Но М. С. гулял с Р. М. (было около 12-ти). Вернувшись, велел связаться с Белым домом. Теперь уже Буш был «занят»... и, видно, отчаявшись соединиться с другой «сверхдержавой» на информационном уровне конца XX века, послал депешу. Она пришла рано утром.

Когда мне в 6 утра позвонили из приемной М. С. с тем же вопросом: «что делать с

депешей?» – я возмущенно ответил: «Посылать на дачу!» – «Будить?» – «Не надо». Я решил, что это – то же, о чем «предупреждал» Мэтлок (хотя в МИДе мне сообщили, что депеша пришла после того, как Мэтлок успел поговорить с М. С.).

Тем не менее вручили ему лишь в 9 утра, когда проснулся. Не знаю, что там было, – до меня не дошло. Но М. С., приехав на работу, устроил разнос всем, кто не обеспечил ему связь с Бушем ночью: на селектор подключил меня, Крючкова, Болдина. Крючков оправдывался, что по «горячей линии» не было запроса. Тогда М. С. ему процитировал из депешы: сначала пытались соединить именно по «горячей». Крючков сник: обещал «разобраться и наказать». Болдину было тут же приказано разогнать – «без всяких попыток опять убрать концы в воду» – тех, кто у него в приемной... Идиотов, дармоедов... Один из них, говорит, до сих пор меня Леонидом Ильичом иногда называет! (Я прыснул со смеху.)...

Мне тоже хотел «всыпать», но я-то при чем? Со мной «советовались». Я посоветовал соединить? «Ладно, – заключил он. – Если впредь что-то такое, сам звони мне немедленно домой в любое время дня и ночи»... Ему стыдно за нашу «технику», да и наши «службы»...

Потом говорит мне: «Может, самому позвонить Бушу?» Я: «Конечно». – «Давай – в 17 часов... У них сколько в это время?» – «9 утра».

И состоялся хороший разговор...

Главный предмет разговора: Буш хотел поделиться впечатлениями от Ельцина, с подтекстом – еще больше их мирить. М. С. рассказал о том, как он только что «укоротил» Верховный Совет. Буш уже знал об этом из сообщений агентов.

И все «страхи» сразу были сняты. М. С. показал, что «он хозяин положения». И если захочет, разгонит этих болтунов и провокаторов (нам не привыкать, начиная со Столыпина). И получит поддержку республик и всей России во главе с Ельциным. Эти кретины не понимают, что после новоогаревской «9 + 1» и избрания Ельцина президентом ситуация круто изменилась. У М. С. появился тыл, и он уже не будет кланяться этим профессиональным крикунам. Дал он им «по мордам» основательно! Наверное, за всю перестройку было две или три таких поворотных яростных речи. И покорились. Хлопали. Вся Москва вздохнула. Даже «враги» заговорили с восхищением о его поведении. А Запад – тот просто бьет в литавры, хотя, казалось бы, действовал Горбачев не очень демократично.

Теперь о том, что не успел записать вчера. Еще до того, как у Горбачева побывал Мэтлок, утром, мне позвонил Плеханов (зам. Арбатова по институту США): должен вас информировать – приходили представители «Щита» (это офицерская оппозиционная организация) и говорят, что под Москвой замечено подозрительное передвижение воинских частей... Я отнесся к этой информации критически и не стал говорить об этом М. С. А после Мэтлока он мне, посмеявшись над наивностью американцев, сообщил: "Ты знаешь, Примаков мне вчера заявляет: «Михаил Сергеевич, вы слишком доверились КГБ, службе вашей безопасности. Уверены ли вы в ней?»

Вот, говорит М. С., и этот – паникер.

Однако, думаю, эти сигналы и визит Мэтлока подогрели его, подтолкнули к тому, чтобы устроить настоящий разнос Верховному Совету. (В газете наиболее смачные места из его выступления «сглажены»...)

После этой своей речи в ВС он мне звонил: крыл этих подонков и сволочей площадными выражениями.

Вчера 67-летие Нины, сестры, лежит парализованная более 20 лет. Ездили, хотя очень не хотелось. Навспоминались среди родственников... С Тосей, например, троюродной сестрой, не виделся, наверное, лет 60. С Юркой Залепугиным (двоюродным братом) – лет 30...

Ну, вот сегодня действительно свободный день. Вчера успел закончить переговорные материалы для Койвисто (приезжает в понедельник). Впрочем, после всех МИДовцев и своих консультантов пришлось опять все писать заново. Не «секут момента», не умеют писать «под Горбачева»: обычные мысли, других уж нет, но не находят им обрамления, чтоб не выглядели банальностями.

Подготовил также вопросник для телефонного разговора с Колем – завтра утром.

Вчера было 22 июня ... Вспоминал все – час за часом, как все тогда было. И не очень глядел в ТВ – то на работе был, то у Нины. А говорят, меня вчера уже показали с Сашей

Безыменской в фильме «Будь проклята война»... Только из 40 минут, которых я наговорил, оставили 5-7!

24 июня

Вчера из ряда вон бездарный день. Не поехал в Успенку. Слушал проигрыватель, который я сначала долго чинил (на самом деле – портил). Лещенко, Высоцкий, Вивальди – с фаготом. Потом с Нелей в Манеже. Некто Казатин. 1000 картин на одно лицо – в основном портреты жены и петуха. Манера – как если бы идти и брызгать из ведра большой кистью на холст или бумагу. Не волнует. И непонятно... Но в 30 странах выставлялся и самый валютный наш художник.

Шли по улицам. Жарко, утомительно, раздражающе – особенно под аккомпанемент ее умных высокограмотных рассуждений на разные действительно серьезные темы. Устал как не знаю кто, да еще потом в очередях настоялся за молоком... Очередь подошла – продавщица кричит в кассу: «Молоко кончилось». И пришлось идти в другой магазин – напротив «NB»! – американского посольства. Сегодня разговор М. С. с Кодем. Договорились съехаться в Киеве 5 июля.

А «Шпигель» опубликовал сугубо тайное мартовское письмо М. С. к Колю (там просьба о новом кредите и паушальном соглашении относительно военного имущества).

А в 3 часа – Койвисто. 95 % времени М. С. рассказывал о наших делах. Это я слышу в который раз. Тот был предельно деликатен и молчалив... Хотя, видно было, чувствовал, что такой свертоткровенный рассказ ведется не без умысла, чтоб финн не рассчитывал на оплату долгов и был снисходительным в новых сделках.

Когда перешли к переговорам в делегациях, Койвисто стал разговорчивее, насколько это возможно для финна. И протянул идею, на которую М. С. не обратил внимания. Может, она и не была на это рассчитана: дескать, торговый договор 1947 года был для другой эпохи, когда у нас (у Финляндии) была большая экономическая зависимость от вас (от СССР), а теперь можем обойтись без прежних соглашений. (Это, по сути, подкуп и под Основной договор 1948 года...)

В теме о европейских делах М. С. почему-то заговорил о нерушимости границ как святом принципе Парижской хартии. И это после того, как пояснил, что с прибал-тами придется разводиться! Койвисто отмалчивался. Мудро, ибо полемизировать бессмысленно.

26 июня

Сегодня отпросился (перекинул на Гусенкова) со встречи М. С. с Максвеллом (известным британским издателем). Его навязал ему Крючков – какой-то бизнес у них! Каждый раз, когда этот тип приезжает, он бывает «представлен» наверх. Нахал (Гусенков мне рассказал, что он учил Горбачева, как ему жить в Лондоне во время «семерки», как распорядиться временем президента). Узнав от Примакова накануне, что Максвелл напрашивается, я возражал и решил не докладывать Горбачеву. Но он сам меня спросил. Я стал убеждать: не надо. И он согласился, а через пару часов позвонил и без всяких объяснений назначил час и день встречи, откровенно сославшись на Крючкова...

Между тем вся мировая пресса (частично наша) шумит о его, Крючкова, выступлении в Верховном Совете – опять о том, что империализм «инфильтровал своих агентов» в высшие эшелоны власти у нас, «я докладываю, а меня не слушают».

Игнатенко спрашивал у М. С. – что ему, пресс-службе, отвечать на этот счет на брифингах. «Не ввязывайся, мало ли что газеты пишут!!» – отпарировал М. С. Но ведь речь идет о выступлении в ВС на закрытом (!) заседании. То есть о сугубо «доверительной» информации.

Тайна сия есть для меня... Может, и впрямь не хочет «ссориться» – разрушать опору «на всякий случай»... для себя ли, для государства?!

Сегодня (передает мне Гусенков) М. С. бросил вскользь Максвеллу: «А откуда вы взяли, что я буду баллотироваться на следующий срок в президенты?»... Даже если он так решил, не следует это выбалтывать: Запад считается перестанет совсем, еще активнее будут переключаться на Ельцина.

Мы с Шахом написали ему протест по поводу постановления Павлова о «новых»

таможенных сборов с ввозимых товаров (на таможах в результате идет просто грабёж)... «Это почище „президентского“ 5-процентного налога с продажи», – доказывали мы. Он не отверг нас, а поручил Орлову (Минфин) разобраться... Значит, без него, что ли, опять сделали? Против него?!

Надо готовить все сразу:

- и к приезду британского «шерпа» (1.VII);
- и к встрече с Колем в Киеве (5.VII);
- и к визиту президента Мексики (3.VII);
- и к «семерке».

Между прочим, до сих пор ни меня, ни Шаха он не привлекает к работе группы во главе с Медведевым(!) в Волынском. А там тем временем пишут «бог знает что». Примаков туда съездил, прочитал и в ужас пришел. Целый раздел, например, посвящен разносу сепаратизма и национализма в Прибалтике: надо быть идиотом или провокатором, чтоб такое «предложить» для Лондона.

Между тем по-настоящему знаем материал "в контексте «семерки» (не считая сугубо экономической программы) именно мы с Примаковым, меньше Шах... И именно нас там нет.

Вчера М. С. принял по моему настоянию Аллисона (из Гарварда) вместе с Явлинским. Таким образом, еще более ангажировался, хотя и говорил, что учтет не только их, но и проекты и программы других, включая идеи шмидтовского Совета взаимодействия, заседание которого недавно состоялось в Праге.

Вчера же французский посол Дюфур пригласил меня, Примакова и Медведева (там уже оказался и Загладин) к себе в посольство на завтрак – чтоб "расспросить, как мы (М. С.) готовимся к «семерке»... Он и ко мне приходил уже за этим. Пили хорошее вино, наперебой «объясняли»...

Бовин в «Известиях» громит критиков внешней политики Горбачева. Просится к нему. Сватаю. Было бы полезно им поговорить «по старому знакомству».

29 июня

Вчера с утра М. С. возмутился, когда я стал ему напоминать, что в 11.00 у него встреча с еврейским бизнесменом Раппапортом: как я могу сравнивать это с тем, что произойдет в 11.00! А произойдет обсуждение в программной комиссии проекта Программы КПСС.

Я заткнулся, но все же пробросил: «Человек приехал специально – после того как ему сообщили день и час приема у вас. Только вчера вечером я вам об этом напоминал, однако ни о какой Программе мне вы тогда не сказали»...

За 5 минут до начала он мне позвонил: «И ты приходи на обсуждение»: уж не знаю, в порядке ли «компенсации» за втык (был не прав) или потому, что я ему пригожусь «для дальнейшей работы» над этой бумагой.

Не пожалел, что «поприсутствовал». М. С. начал с атаки на «Советскую Россию» и ей подобные органы печати, которые ведут «разнузданную травлю»: никакая это не свободная дискуссия! Это признак деградации в партии. Если так пойдет, эту партию вышвырнут из политической жизни.

Некто Гусев из ЦК Российской компартии и еще один молодец пытались возражать. Но он их «посадил», а Гусеву под конец заявил: «Еще посмотрим, останешься ли ты в партии». Вообще-то эта свора, гужущаяся в коридорах ЦК и в самом ЦК, озлоблена до предела... Никакого единства с этими людьми, на чем настаивает Ивашко, быть не может. Они накануне, говорят, собирались и готовили программной комиссии кошачий концерт. Но Горбачев их «предварил» своей яростной атакой.

Много умного говорили Абалкин, академик Пахомов, Мальцев, нижегородский секретарь обкома, кое-кто еще. Но больше – примитив, невежество и реакционная агрессивность. Вступительное слово М. С. начал так: «Перед вами буржуазный либерал, который продает страну капиталистам и проводит политику Буша». Это была цитата из «Советской России», зачитал, указывая при этом перстом на Чикина, главного редактора.

Его заключительное слово – шаг вперед (в его «идеологии»). Он, пожалуй, впервые этой «партийной» публике, а не в нашем кругу, сказал: «Хватит языческого поклонения

основоположникам. Хотя они и великаны... для своего времени. Если мы не освободимся от бездумного почитания их, мы не найдем теории, адекватной реальностям и современной науке».

Вообще-то пора ему «делать» книгу «Перестройка-2», чтоб объясниться по прошествии пяти лет – и с миром, и с народом, и с партией, – объясниться до того, как передать бразды.

Я погружен в подготовку к встрече с президентом Мексики (3-4 июля): речь и переговорный материал, интервью для мексиканской газеты; к Колю – на 5 июля в Киеве; отчасти – к Лондону. Не хватает времени даже газеты читать, а то и ТАСС с шифровками. Да еще 32° жары, комары ночью.

Не хочется читать политические бумаги (взял с собой!), а надо!

3 июля 1991 года

День знаменателен еще и тем, что М. С. фактически «одобрил» возникновение «движения» – партии Яковлева – Шеварднадзе, а на ПБ добился отставки Полозкова.

Обнаружилось, что группа, просидев два месяца в Волынском, создала для «семерки» нечто такое, с чем показываться туда нельзя. И М. С. спихнул это на меня... за два дня до того, как он представит это (после получения мандата) на заседание «9 + 1»

Впрочем, я его предупреждал, что из-под пера Медведева-Ожерельева выйдет доклад для партактива, а не для «семерки» в Лондоне. Шах тоже ему об этом говорил.

6 июля

Вчера – Киев, Коля и К.

Сам город... 35 лет не был там. Шофер – «экскурсовод» (мы с Игнатенко в «Чайке»). Ощущение, будто в каком-то большом западноевропейском, скорее, немецком городе: XIX век, улицы, зелень, прибрано, чисто, ухожено... И в общем, говорит шофер, сытно... по сравнению с Москвой!

Может, напрасно мы в средствах массовой информации так уж приbedняемся: чуть ли не на грани голода и полного развала находимся, Живет держава... А Украина может и «сама по себе», без нас... Лозунги демонстрантов: «Коля – да! Горбачев – нет!»

Загородный дом – бывшая дача Щербицкого. Красоты природы. Комары.

Переговоры... Сначала один на один... «Ты – ты!»... А нам, окружению, много лучше, чем бывало с хонеккеровской командой, хотя там были хорошие сами по себе ребята. Близость, понимание, доверчивость, особенно – от нас, от М. С. Хочет Коля, чтобы был успех на «семерке» в Лондоне... Но не уверен, что так же отнесутся другие, особенно Буш, Малруни, Кайфу. Очень хвалил Мейджора, ругал «его предшественницу».

Потом (когда в расширенном составе беседовали) Келер («шерп») все уговаривал подчиниться МВФ. М. С. – ему: «СССР не Коста-Рика! От того, как „вы“ (Запад) поведете себя в отношении СССР, история пойдет туда или сюда...»

А в общем аргументация Горбачева обычная для его бесед с иностранцами в последние месяцы. Он не прочел мой вариант к «семерке». Я ему все подсовывал свою копию. Второй частью текста – программой сотрудничества – чуть воспользовался, а по главной проблематике, где «меморандум», листал примаковский вариант. Перед беседой я ему протянул свой текст: «Возьмете?»

– «Да не надо, у меня ведь есть... Ты же прислал», – сказал так, чтоб я не рассчитывал, что он его возьмет за основу. (Тем не менее, когда вернулись в Москву, позвал меня в Волынское-2, чтоб «завершить» текст для «семерки» перед передачей главам республик. 8-го он собирает Совет Федерации, чтоб получить мандат на Лондон... За один-то день, успеем ли?.. Если начнет передиктовывать представленную баланду – все!!)

По Югославии с Кодем большой был разговор. Не сошлись. Канцлер насупился, ибо М. С. нажимал: невмешательство во внутренние дела; беда, если СБСЕ станет инструментом вмешательства; территориальная целостность, неприкосновенность границ... – в общем, наш набор с прицелом на Прибалтику! А Коля исходит из того, что Югославии уже нет и танками ее не сохранишь.

Восточная Европа. М. С. тянул на «сотрудничество»... и чтоб освободиться от комплекса

«супервлияния». "Мы им «надоели! Но и они нам надоели!» – говорил он теперь и канцлеру объединенной Германии. И пришлось сильно «держаться», чтоб устоять на паузе в отношениях с бывшими союзниками, чтобы время утратило новую ситуацию, чтобы привыкнуть к отношениям с ними, как со всеми другими, и не претендовать на «особые» отношения даже в «новом виде».

А в самолете, когда еще летели в Киев, нам с Квицинским сказал: «Вот ненависть какую возбудили к себе „своей дружбой“ после войны. Освободили их от фашизма и все загубили!»

Убеждал Коля, что в двусторонних договорах нужен пункт о невхождении «во враждебные союзы». Коль, конечно, парировал: где они, эти враждебные союзы? (и М. С., и Коль имели в виду одно – НАТО!). И вообще – чего, мол, ты, Михаил, боишься, ведь Венгрия, например, в 2005 году будет членом Европейского Сообщества, а у ЕС будет тесная кооперация с СССР?!

Очень удачно прошла совместная пресс-конференция на лужайке. М. С. был в ударе. Словом, новая дружба с немцами получила еще один большой «ковш цемента»... Рефреном шло у обоих: если все в порядке будет с советско-германским фактором, он и будет определять судьбу и Европы, и мировой политики. Оба исходят из этого.

На обратном пути в присутствии Квицинского рассердился: «Коль понимает, что ему нас, СССР, не съесть; больше того, без нас ему не съесть Европу и не отделаться от американцев. И он будет делать все, чтоб нам помочь возродиться и стать рядом, тоже современной великой... Ну, а на Украину, конечно, он зарится... Но это уже другое, в отличие от гитлеровского, жизненное пространство».

Кстати, Коль встречался отдельно с Кравчуком, Фокиным (предсовмина УССР) и Гуренко (первый секретарь ЦК КП Украины). На обеде он явно держался с ними снисходительно, свысока. А публика эта (что президент, что премьер, особенно) – серая, надутая, но «мнит» о себе!

Прогулки с М. С. и без М. С. пока Коль был с украинцами.

Обед: очень «прямое» застолье в стиле «душа нараспашку». Крупно выпили. Тосты!

Отлет. Коль полчаса ждал в самолете своих журналистов... А перед трапом (я, как всегда, стоял в отдалении), Коль вышел из группы сопровождающих и, к удивлению всех, подошел ко мне, долго жал руку, похлопывал по плечу и говорил... Не все я понял, но понял, что он хотел дать мне знать, что «знает» о моей роли. Кто-то, видно, из его людей, с кем я общаюсь – Блех, Тельчик и другие, – «наговорили» ему обо мне...

А кто будет готовить материалы к визиту Гонсалеса?!

– Завтра ведь приезжает! Закадычный друг М. С.

7 июля

В Волынское съехались: Павлов, Щербаков, минфин Орлов, академик Абалкин и мудрый Яременко, некий скандальный Ясин, директор ИМЭМО Мартынов, конечно, Медведев с Ожерельевым... и почему-то Иван Фролов...

У них, оказывается, уже был проект для Лондона, но в виде письма М. С. к главам государств «семерки». На 19 страницах. Так что мой текст вообще уже был неуместен.

Приехал Горбачев. Прочли проект. Он предложил принять «за основу» и идти постранично. Я вякнул – мол, у меня «общего порядка» соображения: цифры и данные, вкрапленные в текст, создают ощущение провальности нашей экономики, полной нашей неуверенности, сможем ли «выплатить». Зачем так? Неужели это их поощрит иметь с нами дело, если мы выдаем свое бессилие делать экономику самим?..

Абалкин, затем Медведев: надо откровенно показать ситуацию, иначе не поверят.

Я: они знают ситуацию лучше нас, дело в психологии, в тактике. Главы «семерки» заинтересованы нам политически помочь, и не надо их ставить в ситуацию, когда каждый «шерп» может, сославшись на наше же «раздевание», возбудить сомнения... А после политического решения – поезд ушел... И эксперты, и финансисты будут вместе с нами подсчитывать, что с нами делать.

Потом, когда мы очутились с М. С. один на один, я говорю: «Над словом бы поработать. Я это сделал в отношении „своего“ варианта, но тут уже другой текст».

М. С.: «Да времени нет...»

Я: «Но невозможно же – например, „мы провели работу над...“ Прямо как в докладе на Пленуме ЦК». Он смеется. Но при обсуждении опять отпихивал все мои попытки сделать замечание, поправить, предложить вариант фразы, формулы. Повторяется одно и то же: на людях большого ранга он демонстрирует пренебрежение к помощникам (не только ко мне), чтоб не подумали, что он «их слушает»...

Словом, текст пока так себе... Большой спор разгорелся, выдавать ли цифру нашего внешнего долга и вообще государственного долга (240 миллиардов). Абалкин – «за», чтоб «разжалобить» и пошантажировать угрозой катастрофы. Щербаков – «против»: нам на другой день закроют и те кредиты, которые еще дают. Так пока и не договорились. Я стоял за то, чтоб из письма цифры вообще убрать – это же текст не для «шерпов», а для глав. Будет «живая дискуссия»... и в кармане у М. С. должны на все случаи быть любые данные... Да – честные данные, но «по требованию», а не в порядке стриптиза.

«Попутно» привезли к нему в Волынское главу албанской парламентской делегации. Симпатичный доктор наук, физик (Парижский университет окончил и т. д.). Говорили так, как будто не было 30 лет вражды... Люди как люди. М. С., правда, немножко перебрал по части «родства в социалистической идее». Тот вежливо соглашался, все пытался объяснить ситуацию в Албании. Сказалась растущая самонадеянность М. С.: он перед беседами не читает даже односторонних справок. Иногда даже не знает имен тех, с кем говорит.

Потом мне позвонили: Мэтлок рвется – срочное письмо от Буша.

М. С.: «Пусть едет сюда». Приехал. Сели втроем. Посол, заглядывая в английский текст, изложил суть: Михаил, если ты еще веришь, что успеем заключить договор по СНВ, пусть Бессмертных и Моисеев 11 июля приезжают в Вашингтон, но – с полномочиями(!).

М. С. обещал ответить в течение двух дней.

Я отправил текст Бессмертных. М. С. ему и Язову позвонил: велел «засесть».

Я говорю: «Михаил Сергеевич, ну что мы тянем? Повторяется история с договором по обычным вооружениям. То как мы себя ведем, элементарно противоречит здравому смыслу: ведь если „войны не будет“, если мы в это поверили, если вы едете в Лондон всерьез „интегрироваться“, то какое значение имеет эта дурацкая телеметрия или сколько боеголовок на ракете и какой длины первая ступень?! Это же игры позавчерашнего дня!»

В общем, разошелся я.

Он мне в ответ: «Ты нетерпеливый, темперамент – как у Эдуарда, тот тоже все гнал и гнал... Это ведь переговоры, – ернически нажал, – а они имеют свои законы».

Я: «Какие законы, когда счет пошел на дни, и вы с Бушем через неделю встретитесь в Лондоне? Что вы ему скажете? Зачем эти генеральские штучки?»

М. С.: «Ладно!» Все объясняющее и все завершающее «ладно». Между прочим, на сравнение меня с Шеварднадзе я возразил: темперамент, может, и похож, но начинка не та...

Он, кстати, крыл Шеварднадзе (в самолете из Киева в присутствии Игнатенко): мол, наконец, раскрылся, рвется к власти, президентом хочет стать, честолюбие пожирает его!

Сегодня с раннего утра переписывал речь на обеде с Гонсалесом (Брутенц и К^а на основании МИДовского проекта сделали, пока я был в Киеве). Но – не то... И не пойму, почему люди не могут готовить такие простые в общем вещи «в духе» М.С: ведь известна его манера, есть тексты его речей, тостов, интервью – все приемчики и весь ход мысли, и связки мыслей известны!

Отправил печатать. Сам сел за переговорный материал. К 16 часам закончил.

9 июля

Вчера в Ново-Огареве М. С. получил «согласие» «9 + 1» на свою «концепцию» для Лондона. Опять он выиграл. Я сомневался, думал, затеют бодягу, придравшись, что им не дали письменного текста заблаговременно.

Значит, что-то происходит в направлении «остепенения». Вчера дал согласие на поездку Бессмертных и Моисеева в Вашингтон – по письму Буша, которое Мэтлок передал в Волынском-2. Спрашиваю: «Есть ли действительно развязка по СНВ?» – «Да». «Может, такая же, как прошлый раз?» Косится.

И зачем все козыри в руки Моисеева? Он оказался «спасителем» договора по обычным вооружениям, хотя именно он саботировал до крайнего предела. И пока «не поехал» в Вашингтон, ничего не двигалось. Теперь опять?! Так «мы» работаем.

Вчера – Гонсалес. Откровенность предельная и взаимная, вплоть до того, что М. С. сказал ему: *25 июня* на Пленуме ЦК придется раскалывать партию – дальше в таком состоянии ее сохранять нельзя. Гонсалес – умнейший из известных мне «лично» деятелей. Вот уж поистине симбиоз Дон Кихота и Санчо Панса! И реалист – ни консерватизмом, ни радикализмом не страдает. Сила его в подлинном здравом смысле. Я постарался разукрасить сообщение об их встрече, с намеками на то, о чем прямо нельзя.

Вчера М. С. хотел, чтоб я после ужина с Гонсалесом еще «поприсутствовал» на его встрече с испанским коммерсантом и меценатом Коное. Навязали ему их Егоров + Р. М. Я не поехал... А сам Егоров уже на даче оказался. Скажу как-нибудь Горбачеву, что не в том я возрасте и положении, чтоб выступать в роли «мальчика on call» (на побегушках). Взамен Фролова завелся еще один любимчик.

Тьфу!

11 июля

Вчера в 10.00, будучи на работе, смотрел по ТВ коронацию Ельцина. Это – не просто новая власть, даже не только новая государственная структура. Это – смена системы... В речи актера и депутата Басилашвили, написанной «лейтенантами» Ельцина, есть Владимир Святой – Креститель, есть Сергей Радонежский, есть Петр Великий и Екатерина II – создатели Российского государства, вроде того, которое наиболее адекватно нынешней России... Есть «события (!) 1917 года»... Нет Отечественной войны... После Октябрьской революции все черно, все заслуживает только покаяния и проклятья.

Патриарх Алексей II в своем агрессивном, мстительном напутствии освятил именно такой подход к прошлому... и будущему. Обращение это – «от всех конфессий». Другие поручили ему, сами – от буддиста до иудея в шляпе – стояли в первом ряду.

М. С. решил выступить после гимна («Славься, наш русский царь»), колокольного звона и заключительной речи Ельцина.

Выступление (написано Шахом и передиктовано им самим) неудачное. Не отвечало торжественности момента, как бы там ни было, отражавшего мощный (надолго ли!) поток русской тенденции, «возрождения русской идеи»... Ведь без России ничего не будет. Союза не будет... И реально опираться президент может только на нее – не на Туркмению же или Назарбаева! Ведь он, президент Горбачев, восседает в Москве, которая теперь опять – «столица России»... Выступление было политическим, скорее для Съезда народных депутатов, и то – рутинного! Промах! Не смог преодолеть личностного (своего внутреннего удивления, что такой человек, как Ельцин, так вознесся) и аппаратно-партийного – неприемлемости публичного отрицания «социалистического выбора» даже в прошлом...

На фоне этого весьма символического перформанса (!) – Горбачев озабочен проектом Программы партии, который он поставит на Пленум ЦК *25 июля*. То, что он себя идентифицирует с гражданской идеей союзного масштаба, думаю, ошибка историческая. Опять же объяснима происхождением его политического мышления. Наверное, он все еще верит, что партия может существовать как обобщающая опора Союза. Даже как опора «его дела».

Он не хочет видеть (хотя видит!), что все эти ПБ, Секретариат – никому не нужны, они уже не властны даже над коммунистами. И их суэта и угрозы, в отличие от совсем недавнего прошлого, уже никого не пугают.

Попросил меня «поработать» над проектом Программы. Вчера я посидел над ним... Еще больше избавил от всего коммунистического и даже от «социалистического выбора». Вечером он мне звонит: ну что?

Я: «Это – оптимальный вариант, чтобы сохранить разумное ядро, перестроечное ядро партийцев... Все, что я предлагаю снять, отбрасывает КПСС в лагерь врагов общества, „врагов народа“ – нового народа, возникшего за последние шесть лет».

М. С. «жался»: мол, Георгий (Шахназаров) мне говорил, что ему очень нравится проект...

Удручает сам факт, что президент на фоне инаугурации Ельцина, «русского потока»,

Союзного договора, лондонской «семерки» занимается своей ностальгической партийной ерундой.

Сказал мне, что два часа вчера беседовал с Явлинским. Интересен, говорит, содержателен, но... отказался ехать в президентской команде в Лондон: резервирует позицию для критики, если с «планом Горбачева» по выходу из кризиса не получится (т. е. готовит маневр, который проделал он и К^д, когда была завалена «программа 500 дней»). Я сказал: «Плохо это его характеризует. Болезненно тщеславен – до непорядочности, хотя кажется воплощенной порядочностью».

Взамен велел включить в поездку в Лондон Кравченко! Вот еще одно доказательство, как М. С. боится остаться без «старых надежных рычагов». Знает ведь, что Кравченко ненавидят все – справа налево и наоборот, что он марает его имидж. И тем не менее... То же, что в отношении КГБ, МВД и партии...

Сегодня примет посланца Кайфу (японского премьера). А министра сельского хозяйства Израиля отказался принять. Министра иностранных дел Бангладеш он спихнул на Янаева. С презрением отказался принять «нахального» полковника Очирова, хотя – при всех в кулуарах Верховного Совета – обещал!.. Как же, как же – «демократ» от армии, которого армейское начальство люто ненавидит!

12 июля

Вчера у М. С. был посол Эдамура вместе со спецпослом от Кайфу. Протоколычики эти японцы. Для нас такие встречи – семечки: принять не принять – зависит от настроения, «от меня» (помощника), от случайности, а для них это развитие или снижение межгосударственных отношений!

Но, видимо, японцы не хотят отстать от мирового поезда в отношении нас. Кайфу реагирует на то, что пресса стала его противопоставлять даже Бушу, не говоря уже о европейцах, в вопросе о приглашении М. С. на «семерку».

В деле о хасидах (передача Любавических рукописей) М. С. – ни в какую! Послушался Егорова, который влез, не зная сути, и повторяет позицию Губенко, а не... мою – человека, который «изучал» проблему. Проиграем мы на этих «пустыках» многое. За хасидами – Буш, Андреот-ти, Мейджор, западное еврейское лобби!

О Фролове М. С. говорил ласково.

«Я подсунил: „Правда“ против вас работает». Он: «Отражает состояние партии». Я: «Это не оправдание». Он: «Иван, наверное, устал и не хочет ею заниматься! То – в больнице, то – за границей». Вот так – в отношении любимчиков-то!

14 июля

Позвонил М. С., делился мыслями о том, что он скажет на «семерке» – не только, мол, у нас, но и в мире сейчас переходный период: тоже от одной системы ушли, а другой нет. А механизмы создавались под «холодную войну». Югославия показала, что мир не готов встретить новые вызовы. (Это он к тому, что в Лондоне соберутся не министры финансов, а главы крупнейших государств.)

Я ему: не «накололись» ли мы, заявив в «концепции», которую послали участникам «семерки», о консолидации долгов? (Я и Щербаков в Волынском резко возражали, чтобы это включать, но он послушался Абалкина и Медведева.) А теперь взвился: потому что не прав, и потому что Буш в письме (еще до получения «концепции») и Миттеран после получения, а Андреотти задолго до того не советовали этого делать – есть психология банкиров...

М. С. стал мне доказывать, что надо быть до конца честным, правдивым... От этого (т. е. от ситуации с долгами) никуда не уйти.

"Да о ситуации и так весь мир знает, – возразил я.

– Но когда сами признаем себя банкротами, это что-то значит для кредиторов!.."

Долго «убеждал» меня, что я «ничего не понимаю»!

Гулял в Успенке. Пошел вокруг Ново-Дарьино. Сделал круг по лесу и «запутал»: в ту же деревню вошел, только с другого конца, воображая, что далеко от нее.

Утром (до звонка М. С.) готовил ему материалы для беседы с Бушем в Лондоне.

Предложил по аналогии со встречах в Хельсинки (по Саддаму Хусейну) также совместно высказаться по Югославии, чтоб обозначить «присутствие» двух сверхдержав в конфликте; тем самым и перед югославами, и перед западноевропейцами... выбросить флаг и дать острастку.

Гонсалес, помнится, говорил Горбачеву: как бы не пришлось звать американского дядюшку, чтоб спасти Европу из-за югославов... Так вот, лучше вместе с «дядюшкой» нам выступить спасителями.

16 июля

Сегодня уезжаем в Лондон. Наверное, опять ничего не увижу и нигде не побываю, хотя полюбил этот город.

Вчера закончил подготовку переговорных материалов (для Буша, Миттерана, Кайфу, Андреотти, Малруни, возможно, Коля, Любберса, Киннока, Тэтчер... И конечно – все для «визита в самую Великобританию»: Мейджор и Елизавета II).

Примаков звонил (да и по ТАССу видно): печать нагнетает негатив в отношении возможностей «семерки» помочь России, дают утечку информации об «отрицательном» отношении к «концепции» М. С., посланной участникам, по крайней мере со стороны четырех из них.

Руцкой объявил о создании своей партии – «Коммунисты за демократию» – с выходом из КПСС... М. С. опоздал со своей Программой (к Пленуму ЦК 25 июля). Да не опоздал – просто он не может оторваться от пуповины. Шах мне говорил вчера, что он опять «внедряет» в проект «возврат к Ильичу», нэп и прочее. Боже мой!

Но, между прочим, пора бы мне самому определиться. Он меня тут «шутя» спрашивает: а ты из партии еще не вышел?..

Но ведь я уже 5 лет, по крайней мере, в партии только как плательщик членских взносов, хотя и был даже членом ЦК... Меня с ней связывает только Горбачев... Это как в «Чапаеве»: «Ты за кого, Василий Иванович, за большевиков или за коммунистов?» – «А за кого Ленин? За того и я», – отвечал Чапаев Петьке.

20 июля

С 16 по 19 июля – в Лондоне. Присутствовал при историческом событии. А вернулся в атмосферу, где враждебно настроенная к президенту страна не хочет ничего этого. Уже на обратном пути в самолете, как только посмотрели наши газеты, все сразу и опрокинулось. Фото «7+1» в «Московском комсомольце»: семь лидеров лицом, Горбачев – спиной и контурно. Все, вплоть до Хасбулатова, «сдержанно отнеслись» к визиту президента в Лондон. Все, от «желто»-газетного уровня до государственных деятелей, напирают на то, что ездил, дескать, за миллиардами, а их не дали! Итак, Горбачев продолжает свою революцию «ввода страны в мир», а страна воспринимает это с подозрением и неприязнью.

Конкретно – что было в Лондоне. Встреча с Кайфу – одни улыбки. Потом японский премьер скажет Андреотти (а тот передаст М. С.), что только после лондонской встречи поверил в Горбачева.

На встрече с Миттераном был Загладин.

Буш. Завтрак в посольстве США. По окончании два президента удалились в соседнюю комнату, где окончательно были сняты «детали», тормозившие выход на договор по СНВ. Опять тянули мы до последнего, упирались, но горбачевская «всемирно-историческая методика» переговоров все равно ничего не дала.

Сама «семерка» в Ланкастер-хаузе. Мы, сопровождающие, кроме Примакова, сидели «за кулисами» – в роскошном отдельном зале... Четыре часа кряду – непонятно зачем, вместо того чтобы ходить по «любимому городу».

Результаты: я никогда не сомневался, что Горбачева пригласят, не могли «ему» отказать. Не верить в это было бы все равно что оставаться во власти стереотипов «социалистической» морали, с одной стороны, и «империалистической» – с другой.

Но удивительно, все они – за исключением, пожалуй, Миттерана – признают de facto «большую» его значимость, чем свою собственную. Хотя он не представляет уже «послушную» ему сверхдержаву, он – историческая фигура, а они – лишь временно избранные на свои

посты... и останутся в истории как деятели «эпохи Горбачева»...

Буш – не из-за гонора не пошел к «Майклу» в посольство, а позвал к себе. Он искренне, «по-товарищески» рассчитывал на то, что Горбачев воспримет «правильно»: ты-то, Майкл, можешь меня понять, но мое общественное мнение, американское, ни за что не поймет, если я пойду к тебе. К тому же они ведь через Мэтлока договорились еще в Москве, и Буш не знал, что в Париже будет паломничество «остальных» к Горбачеву (кроме Миттерана, который «по возрасту...»).

Итак, М. С. фигурировал в Лондоне в качестве «центра внимания», олицетворяя смысл события: без него «семерка» стала бы рутинной пищей для журналистов на 2-3 дня, если не меньше.

Прием на Даунинг-стрит. Толковище, элита. Речь Мейджора, достойная события, и высокие «исторические» похвалы Горбачеву... Я «прокол» допустил в Москве: сама речь М. С. прозвучала крупнее мейджоровской (и была в два раза короче!). Но я не решился упомянуть там «свою любимую» Тэтчер, думал, что это не понравится хозяину. Мейджор это сделал. И М. С., выступавший вслед, «по ходу» тоже вставил. Но наши газеты уже «не успели» впечатать эту вставку (текст у них был заблаговременно). Хорошо, что Тэтчер не читает «Правду», хотя другие и ей прочтут, и всему миру сообщат!.. Я просил Кравченко внести поправку на ТВ. Но увы! Привязанный к протоколу событий, я не имел возможности вовремя «дать указание» ТАССу, а без этого, по нашим дурацким правилам, ТВ поправок не принимает.

Соседи за столом (на приеме): министр транспорта, милый живой шотландец. Можно оценить британскую деликатность: несмотря на мой ужасающий английский язык, он со мной живо говорил «о чем попало» – как ни в чем не бывало. И я быстро приспособился, исчезла языковая робость, и в общем хорошо поболтали.

То же самое – с соседкой справа, которая, правда, переходила на очень плохой французский, и таким образом мы тоже вполне удовлетворили друг друга. Она – жена какого-то высокого лица.

Мейджору, когда пришли на Даунинг-стрит, 10, в его кабинет, я, здороваясь, в замешательстве сказал good bye! Жуть!

Вечером в своей резиденции М. С. устроил торжественную пьянку для «близких». Было человек 20. «Мемуарил», как он и она шли (шел) «к этому»... Женева, Рейкьявик, детство, отрочество и далее. Замятин (посол) тост в честь автора новой книги – Раисы Максимовны – произнес «с большим чувством!».

Утром 18-го еще до Мейджора пришел Андреотти. Разговор близких, доверяющих друзей. Под конец, как я и ожидал, итальянец поднял опять вопрос о Любавических рукописях. Ох, как проигрываем... Все знаменитые «ребе» съехались, чтобы встретиться с М. С. Буш ему говорил о них. Андреотти умолял: «Мне легче будет работать с еврейским лобби в США в пользу вас...» Малруни шепнул... Ни в какую!.. «Есть проблема», – отвечал всем М. С. словами Егорова-Губенко!

Теперь, конечно, будет шумная, злая газетная кампания.

Встреча с Малруни. О нем вначале донесли «наши», что он скурвился и будто бы сопротивлялся приглашению Горбачева на «семерку». А оказалось, что он самым твердым образом отстаивал эту идею перед Бушем. И здесь вел разговор предельно дружески, открыто и по-деловому конкретно: «Все, что могу, сделаю, чтоб помочь вам».

В «Ковент-гарден» и в Адмиралтейство на прием к Мейджору я не поехал. Вечером, дописав «свои дела», сбегал в «Сохо»...

(Здесь прервусь, допишу потом.)

Продолжаю о Лондоне. Знаменитый квартал «Сохо» изменился... Грязно, бумажки, раздавленные стаканчики, обрывки газет. Проститутки пристают, чего раньше не было, много «голубых»: мужики, мальчики... Беднее ассортимент в porno shop'ах. И дикие цены: «журнальчик»

– не менее 25f (раньше – 5-7)... Как-то мне скучновато стало. Вернулся в гостиницу.

Женщины мои за это время с Гусенковым уже пообедали в ресторане, куда я так и не добрался. Стал собирать чемодан... Недосчитался джина, видимо, уборщица «прибрала».

Наутро – завтрак М. С. с Кинноком (лидер лейбористов). Давно его не видел. Он «вырос»,

от его playboy'ства не осталось ничего: серьезный, умный, афористичный – государственный человек, готовится в январе в премьер-министры.

В то время как М. С. «уединился» с Тэтчер, я посидел с ее бывшим помощником Чарльзом Пауэллом, моим коллегой. Настоящий британец, прекрасный парень, да еще сэр, умница... Поговорили содержательно, интересно. Я наоткровенничался (про перестройку, Горбачева и Шеварднадзе). Он обозвал мой анализ «profound» (основательный).

Около 11 часов уехали в Хитроу. В самолете записали с Загладиным «итоги встреч», а потом – большой выпив-вон в президентском отсеке. Но я скромно уселся за вторым столом и в реве Ил-62 ничего не слышал, что говорилось. Разве что тосты...

22 июля

Через час – греческий премьер Мицотакис... И вся неделя – подготовка к встрече с Бушем. Измот полный. А Горбачеву-то какво – у него завтра Ново-Огарево (Союзный договор), а 25-го Пленум, может быть, «исторический»...

Дочитал «Самоубийство» Алданова – потрясающее прозрение на перестройку по опыту 17-18-х годов: один к одному. Недаром его Бунин сватал в Нобелевские лауреаты.

23 июля

Вчера в беседе с Мицотакисом Горбачев разоткровенничался. Вы знаете, говорит, я двинул на референдум вопрос – быть Союзу или нет, решив для себя: если «нет», я уйду. Это я вам первому говорю, даже вот помощник (показывает на меня) не знал этого (знал, между прочим!).

После Мицотакиса зашел я к нему в комнату отдыха. Он бросил официанту: оставь нас. И мне: «Знаешь, пришла информация. Буш после моего завтрака с ним в Лондоне сказал своим, что Горбачев устал, нервничает, не владеет ситуацией, не уверен в себе, поэтому и подозревает меня в неверности, ищет большей поддержки... Надо переключаться на Ельцина».

Я: «Не верю, Михаил Сергеевич. Не может Буш быть таким мелким. Это противоречит всей логике его поведения в последнее время, смыслу „семерки“. Думаю, что это такая же „информация“, как и в отношении Малруни, на которого наговорили вам по приезде в Лондон. А оказалось „липой“. Зачем вам подкидывают все это?!»

Но про себя я подумал: такое ощущение у Буша возникло не оттого, что кто-то ему что-то «подкинул» (употребляя выражение М. С.), оно сложилось в результате той самой беседы в американском посольстве за ланчем перед заседанием «семерки».

Горбачев потом (и неоднократно) гордился перед своими, что задал Бушу «неудобный» вопрос, который, дескать, вогнал его в смущение. А оказалось, что вопрос этот произвел совсем иное действие.

Вопрос был задан так.

"На основе той информации, которой я располагаю, – сказал М.С., – я знаю, что президент США – человек основательный, что его решения – это решения серьезного политика, а не импровизация. И на основе этих решений мы уже продвинулись к большим перспективам в нашем диалоге в области безопасности.

И в то же время создается впечатление, что мой друг президент США еще не пришел к окончательному ответу на главный вопрос – каким Соединенные Штаты хотят видеть Советский Союз? А до тех пор, пока не будет дан окончательный ответ на этот вопрос, мы будем спотыкаться на тех или иных частных вопросах отношений. А время будет уходить.

В этом контексте встреча с «семеркой» – удачный повод для большого разговора. Главный вопрос – об органическом включении Советского Союза в мирохозяйственные связи. Конечно, тут многое зависит прежде всего от нас самих.

И я спрашиваю: чего же ждет Джордж Буш? Если после этого ланча, на «семерке» мои коллеги будут в основном говорить мне, что, мол, нам нравится то, что вы делаете, мы это поддерживаем, но по сути дела вы должны вариться в своем котле, то я говорю: а ведь суп-то общий!

Мне вот что странно: нашлось 100 миллиардов долларов, чтобы справиться с одним региональным конфликтом (имеется в виду война в Персидском заливе), находятся деньги для

других программ, а здесь речь идет о таком проекте – изменить Советский Союз, чтобы он достиг нового, иного качества, стал органической частью мировой экономики, мирового сообщества не как противодействующая сила, не как возможный источник угрозы. Это задача беспрецедентная". (Я сверил потом эту свою запись с записью переводчика. Совпали.)

За ланчем я сидел рядом с Горбачевым, т. е. почти напротив Буша. Когда М. С. произносил свой пространный вопрос, Буш на глазах багровел, взгляд темнел, он смотрел не на Горбачева, а то на меня, то на Примакова, то, оглядываясь, будто недоуменно вопрошал своих – Бейкера, Скоукрофта. Перестал есть, задвигал желваками.

Мне стало не по себе. Хорошо запомнил, какие мысли лезли в голову: «Чего ты хочешь от американца?! Ты этот вопрос ему задавал три раза. И в конце концов – была Мальта, был твой визит в Вашингтон, там был Кэмп-Дэвид, где вы катались по лужайкам вдвоем в портативном автомобильчике по очереди за рулем, были Хельсинки (из-за Хусейна). Тебе что, недостаточно доказательств, чего данный президент США хочет и может (в своих обстоятельствах) в отношении нас?! И опять же, если бы не Буш, не был бы ты сейчас здесь на „семерке“. Зачем ты позволяешь себе такую бессмысленную бестактность?»

Вопрос был задан в контексте длинного выступления Горбачева – он объяснял ситуацию в стране и т. д., но после вопроса никого это уже не интересовало: американцы ели и перешептывались между собой.

Кончил Горбачев. Пауза. Заговорил Буш, сдержанно, подавляя раздражение:

"Видимо, я недостаточно убедительно излагаю свою политику, если возникают сомнения относительно того, каким мы хотим видеть Советский Союз. Я бы мог понять, если бы возник вопрос о том, что могли бы сделать Соединенные Штаты, чтобы помочь Советскому Союзу. Но если на обсуждение опять поставлен вопрос о том, каким США хотят увидеть Советский Союз, то я попробую ответить еще раз.

Мы хотим, чтобы Советский Союз был демократической, рыночной страной, динамично интегрированной в западную экономику.

Наконец, – пусть не покажется, что я вмешиваюсь в ваши внутренние дела, но я говорю это в связи с экономикой – Советский Союз, в котором успешно решены проблемы между Центром и республиками. Это принципиально важно для притока частных капиталовложений.

Итак: первое – демократия, второе – рынок, третье – федерация..."

Горбачев, по-моему, тогда не понял, что ему был «дан отпор» (употребляя советский термин).

Время поджимало. Ланч закончен. Оба президента только с переводчиками удалились на минутку в соседнюю комнату, о чем я уже упоминал. Американцы все вместе проводили нас вниз к машинам.

Так что, реагируя на «информацию», которую довел до меня М. С., я понимал, в чем дело. Тогда за ланчем М. С. оставил впечатление человека, который своей словесной агрессивностью пытается прикрыть неуверенность, растерянность перед лицом ситуации в стране. И американцы это усеки.

Горбачев перевел разговор на... Мицотакиса. Потом сказал, что примет американского генерала Пауэлла – завтра в 10.15. Вечером позвонил и велел написать ему текст для выступления перед секретарями обкомов и членами ЦК – об итогах «семерки».

Завтра будет их «убеждать». Три четверти из них, наверное, ненавидят его – в духе сегодняшнего призыва к согражданам, опубликованного в «Советской России». Кликушеский вопль, смысл которого – гнать Горбачева и К^о, пока совсем не загубил Россию. Подписано: Бондарев, Варенников, Громов, Зыкина, Распутин, Зюганов, Проханов, Клыков (скульптор), еще кто-то. Опять большинство тех, кого он ласкал и улещивал, ублажал и «привлекал». Еще одна позиция предателей. Видит? Видит. Но почему тогда хотя бы двух генералов – Варенникова и Громова – завтра же не отправить в отставку?! Нет, не сделает.

Митька в письме из Копенгагена бабушке пишет: лучше жить в голодной Москве, чем в сытом Копенгагене. Дания – самый скучный уголок рая. Читает «Войну и мир». Впечатление: «Лев Николаевич – самый великий»... и т. п. избранные мысли. Спрашивает, не отобрали ли у нас уже Успенку?!

25 июля

Сегодня Пленум... Выхожу из подъезда своего дома. Навстречу Шапошников, мой бывший коллега по Международному отделу ЦК, тоже зам. Пономарева. Несет в руках коньяк и консервы. Спрашивает: «Что будет с партией?» – «Развалится, наверное», – отвечаю я. «Ну, вы даёте!!»

После телефонного разговора с Колем (о Кенигсберге) М. С. задержал меня в кабинете. Подключил селектор на Прокофьева (секретаря МГК). Разговор идет об указе Ельцина (департизация). Прокофьев ему: «Значит, мы переходим на территориальный принцип парторботы».

М. С.: «Я уже получил 100 телеграмм. Секретари обкомов требуют издать указ, отменяющий указ Ельцина».

Я вмешался: «Не надо этого делать... Указ не сработает. А ново-огаревская тенденция будет сорвана. И ваш престиж пойдет опять на понижение».

Но он, вижу, уже и без меня решил – не вмешиваться. Рассуждал с Прокофьевым, почему Ельцин сделал это именно сейчас... – вроде бы исходил из благородных побуждений: сейчас надо работать, нужно спокойствие, а коммунисты «мутят» людей на предприятиях, в коллективах!.. И как я, президент, буду выглядеть, мешая установить порядок?!

Прокофьев не настаивал...

Но Пленум! «Веселая работенка будет», – сказал он барону Креспо (председателю Европарламента).

Рассказал Прокофьеву, как Ельцин ерзал (?) в Но-во-Огареве, все расспрашивал у присутствовавших, как реагируют на его указ. Отмалчивались. Ельцин задал Горбачеву вопрос: «Что будете делать на Пленуме?» Тот в ответ: «Будем обсуждать Программу партии». «Какая Программа, кому нужна?» – реагировал раздраженно Б.Н. Горбачев с нажимом: «Будем обсуждать Программу!»

Видно, он решил «валить» партию. Даже вышеупомянутому барону сказал: кто «не за нее (т. е. не за новую Программу), пусть уходит вправо ли, влево!».

Прокофьев возражал против «добровольности парт-взносов». М. С. понукал его решительно смещать Полозкова, иначе, мол, возникнет «другая партия» – внутри партии. «Она и так уже возникла», – произнес я «в сторону».

28 июля

Вчера вкалывал с материалами для встречи М. С. – Буш. Проворачивал ворохи ведомственных заготовок, которые даже я не мог прочитать от начала до конца. Оказался самым спасительным моим консультантом Палажченко, хотя основная его работа – переводить Горбачеву. Он фантастический знаток английского языка, и широко образованный. Я оформил его к себе в группу из МИДа. Мои «старички» теряют тонус, а Кувалдин вообще, по-моему, делает все с неохотой, «смотрит в лес», как и Малащенко, который уже сбежал к Игнатенко.

М. С. доволен Пленумом. Шах подготовил ему блестящий доклад. Это был порог, который он наконец перешагнул – в деидеологизированный период. «Независимая газета» дала ехидный заголовок: «Горбачев победил марксизм-ленинизм». И ортодоксы, и пошляки на Пленуме не осмелились его свергать... Особенно «перед лицом» указа Ельцина о департизации. Важно ворчали в негодовании и ненависти...

В перестроечном смысле Пленум – еще одно запоздалое «преодоление», осуществленное лично Горбачевым. Но не «обновление» партии нужно, а создание новой партии, «во что» уже и пошли Руцкой и прочие.

Речи для встречи с Бушем. М. С. правил их вчера по телефону, выбивая изюминки, оскучняя и делая более «взвешенными» с точки зрения похвал в адрес своего Джорджа... А жаль!.. Скупой он на похвалы и благодарности... Не помешало бы, тем более – «по заслугам».

1 августа 1991 года

Буш сегодня уезжает в Киев и потом совсем. Вчера я был в Ново-Огареве. Главное мое наблюдение: исторический смысл визита не в договоре по СНВ – тут дело все равно пойдет, потому что ядерное оружие перестало быть политикой, это уже экономика, психология,

социальная сфера. Глобальный вывод, думается, вот в чем: США и СССР фактически начинают проводить в мире единую политику (Ирак, Ближний Восток, Европа – Югославия)... Но это произошло тогда, когда США убедились, что мы им не опасны.

Это общение ближе, чем в свое время с «друзьями» из социалистических стран: нет фарисейства, лицемерия, нет патернализма, похлопывания по плечу и послушания.

М. С. в Ново-Огареве за ланчем вдруг поднял тост за меня и Скоукрофта. Но вообще Буш, Бейкер – ко мне равнодушны, может быть, где-то в душе и чувствуют, что я играю какую-то роль... Но контакта и признания нет, потому что, увы, я «без языка» (сравни Добрынина и вообще!).

Ехать в Крым с М. С. жутко неохота – сладкая жаркая каторга. Да еще теперь, видимо, ужмут в комфорте: «Южный» стоит нынче – 4000 рублей в месяц!

Возвращаясь к визиту: мои с Палажченко «тосты» оказались сильнее, чем у Буша. Неплохие мы пока «спич-райтеры». Интересно, кто меня в этом заменит?

3 августа

Завтра улетаю с М. С. в Крым... Опять.

Вчера М. С. – после разговора с югославами (между прочим, пахло прежней дружбой, как бывало с союзниками по ОВД, только искренней, товариществом, полной открытостью, какой-то родственностью) – присел на край кресла: "Вот, Толя, устал я до черта!.. Завтра придется еще заседание Кабинета министров проводить: урожай, транспорт, долги, связи (производственные), денег нет, рынок... Павлов говорит, что «если вы не придете (на заседание), ничего не получится. Все тянут в разные стороны: дай, дай, дай!.. Везде – труба». Вспомнил о Ельцине и Назарбаеве – как он с ними накануне встречи с Бушем в том же Ново-Огареве пьянствовал до 3 утра и договаривался о Союзном договоре и о последующих выборах. «Ох, Толя. До чего же мелкая, пошлая, провинциальная публика. Что тот, что другой! Смотришь на них и думаешь – с кем, для кого?... Бросить бы все. Но на них ведь бросить-то придется. Устал я»... И тем не менее вечером дал интервью о Союзном договоре – все сказал... Заангажировался фактически на будущую свободную конфедерацию.

Если подумать глубже, не Ельцин им воспользовался (в историческом перестроенном плане), а он Ельциным как бульдозером для расчистки поля своим идеям. Ведь ни Ельцин, ни его команда ничего не придумали – ни одной большой идеи, которой не было бы в задумке (я-то знаю) или даже публично не сказанной Горбачевым. Кто поумнее среди всех его врагов и соперников, тот это понимает. И пробавляются за его счет, его нервов, ума и тактического мастерства...

4 августа

Вчера утром приходил Игнатенко. «Помирились». Принес три бутылки вина – «в дорогу»... Поговорили о негодности президентского аппарата, о Болдине, который совершенно не годится. Рассказал мне о своем разговоре с Сунуну и Скоукрофтом на приеме в «Спасо-хаузе»...

Спрашивают: почему нет Черняева? Отговорился: мол, оформляет итоги Ново-Огарева и вообще у него много хлопот перед отпуском М. С. Тогда они сказали: для нас рядом с вашим президентом признаны и важны три «фигуры»: вы (Игнатенко), Черняев и Ревенко.

А Шахназаров? – спрашивает Виталий. – Ну, он – тоже, но не больной ли он, уж очень старым выглядит? Мы его меньше знаем. (Лукавят, потому что Мэтлок у Шаха часто бывал и журналисты то и дело шастают.)

Думаю, их мнение идет от Бейкера и Мэтлока, который в последнее время зачастил ко мне и который «отплачивал» мне за похвалы в его адрес со стороны М. С.

Поговорили о Яковлеве: он «увольняется» из советников президента и переходит в... Думу Москвы?! М. С. так рассуждал на днях о нем: не понимаю: он – фигура, с именем, в общественном мнении о нем всякое – и отрицательное, и положительное. Как бы то ни было, он второе лицо среди инициаторов перестройки. Ушел бы в науку или даже на пенсию – остался бы таким в истории. А он суетится, идет в подручные к Гавриле Попову. Занялся вместе с Шеварднадзе новой партией – какое-то движение демократических реформ... «Фигу-ряют» оба

на всех оппозиционных собраниях, у Рудского – тоже. Чуть ли не каждый день какое-нибудь интервью в оппозиционных газетах... Словом, тщеславие превыше здравого смысла и даже самого уважения к тому, что действительно сделано и Яковлевым, и Шеварднадзе для преобразования государства. Удивительно!

У А. Г. Ковалева – язва. Он в Барвихе. Я его отговорил перемещаться в больницу. Он согласился, главным образом чтоб не исчезать из МИДа на месяцы... Там уже и сейчас с ним не считаются. И, увы, действительно незаметно его отсутствия: «уже сыгранная игра», как выразился М. С., имея в виду, правда, Абалкина, когда я предложил его на днях на роль советского «шерпа».

Ох-ох!.. Смотрю я на людей вокруг себя, своих коллег в том числе. Пора бы уже, кажется, думать, что скоро перед Богом представлять, а все все суетятся... кроме меня. Потому что глубинный смысл моей жизни – женское ее начало! И постоянное мое прикосновение к нему.

Санечка Безыменская заигрывала два дня: «Я еду в Израиль... Мне надо обязательно поговорить с вами»... Звала, назначала время. Я колебался, но когда решился и сказал, что надеюсь, что не только разговоры про Израиль у нас произойдут, она спасовала и уже не настаивала, чтоб приехал... Что нужно от меня ей, окончившей классическую гимназию в Бонне и весьма интеллигентной? Пора ехать. Ох, как неохота...

Глава III. Обрыв

Трое суток в Форосе

О том, что увидел и услышал, оказавшись вместе с М. С. Горбачевым в Форосе 18-19 августа 1991 года, я рассказал вскоре по возвращении в Москву в интервью журналистке Саше Безыменской для журнала «Шпигель», А. Любимову для телепрограммы «Взгляд», а также в газете «Известия» и в американском журнале «Тайм». Здесь я попытаюсь все соединить.

Несколько предварительных пояснений. Дневниковые записи я начал делать 21 августа, еще будучи вместе с президентом в блокаде. Но не успел их там закончить, завершил уже в Москве.

Очевидно, нужны некоторые пояснения. Ольга Васильевна Ланина, референт в секретариате президента, Тамара Алексеевна Александрова, мой референт, и я жили в санатории «Южный», километрах в 12 от президентской дачи, а работали в служебном помещении метрах в 50 от дома Горбачева в «Заре».

Когда я писал там, через каждые полчаса включал «Маяк»: между новостями шли «симфонии» и музыка из балета Чайковского «Лебединое озеро», от которых в той обстановке тошнило. Потом в памяти миллионов слушателей они навсегда остались «позывными путча». Информацию «Маяка» я тут же фиксировал в дневниковой записи.

Итак – из дневника.

21 августа

18-го, в воскресенье, после обеда в «Южном» мы с Ольгой вернулись на службу. Тамара (по случаю воскресенья) попросила остаться. Дел действительно особых не было, справились бы вдвоем. Речь при подписании Союзного договора готова. Горбачев ее несколько раз переиначивал, все требовал от нас с Шахназаровым «укрупнять», а от меня – еще и «стиля». Георгий Хосроевич (Шах) в отпуске в «Южном» и у Горбачева не бывал, общался с М. С. по телефону.

Итак, около 4 часов мы с Ольгой въехали в зону дачи: как обычно, две милицейские машины, лента с шипами, которую для нас отодвинули.

Около 5 в кабинет ко мне вбегает Ольга: «Анатолий Сергеевич, что происходит? Приехал Болдин, с ним Бакланов и Шенин, и еще какой-то генерал, высокий, в очках, я его не знаю» (потом оказалось, Варенников). Я выглянул в дверь: у подъезда нашего служебного дома скопилось множество машин – все с антеннами, некоторые с сигнальными фонарями, толпа

шоферов и охраны. Выглянул в окно – в сторону дома М. С. По дорожке ходит смурной Плеханов. На балконе виден издали Болдин.

Ольга: «Анатолий Сергеевич, все это неспроста... Вы знаете, что связь отключили?» Я снял одну трубку, другую, третью, в том числе СК, – тишина. Стали гадать. Вслух я фантазировал насчет какой-нибудь новой аварии на АЭС (поскольку среди приехавших – Бакланов): накануне сообщили о неполадках на Тираспольской АЭС и на одном из блоков Чернобыля...

Но дело оказалось гораздо хуже!

Четверо были у М. С. Плеханов, Генералов (его зам.) и Медведев сидели на парапете лестницы под моим окном... Поглядывали, когда я подходил к окну. Включил транзистор – обычные передачи. Потом в этот день сообщили, что М. С. приветствовал какую-то очередную конференцию, что было передано его обращение к Наджибулле по случаю «ихнего» праздника (заготовки делал я)...

Примерно через час четверо отбыли. Уехал и Плеханов, забрав с собой Медведева, личного адъютанта президента. На всех официальных фотографиях и на экранах телевизора он всегда стоял за спиной Горбачева, никогда и нигде его не покидал. На этот раз уехал в Москву, бросив и предав «своего президента». Это был уже знак. Да и когда я говорил Ольге насчет АЭС, я уже понимал, что речь идет о Горбачеве.

Связь была отключена начисто. Еще когда ехали сюда, Ольга попросилась отпустить ее пораньше, часов в 5, чтоб поплавать и т. д. Но машина за ней не пришла. Шоферу я сказал, чтобы он за мной приехал в 6.30. Но и за мной он не приехал. Через охранника-дежурного я попросил, чтобы тот, кто остался среди них за старшего, объяснил мне, что происходит.

Минут через 10 явился Вячеслав Владимирович Генералов. Мы с ним хорошо знакомы по поездкам за границу с М. С. (он обычно там руководил безопасностью). Очень вежливый, попросил Ольгу оставить нас. Сел. «Анатолий Сергеевич, поймите меня правильно. Я здесь оставлен за старшего. Мне приказано никого не выпускать. Даже если бы я вас выпустил, вас тут же задержали бы пограничники: полукольцо от моря до моря в три ряда, дорога Севастополь – Ялта на этом участке закрыта, на море, видите, уже три корабля»...

Я задаю наивный вопрос: «А как же завтра с подписанием Союзного договора?»

Он: «Подписания не будет. Самолет, который прилетел за М. С., отправлен обратно в Москву. Гаражи с его машинами здесь на территории опломбированы, и их охраняют не мои люди, а специально присланные автоматчики. Я не могу распустить по домам даже многочисленный обслуживающий персонал (люди местные – садовники, повара, уборщицы). Не знаю, где я их тут буду размещать».

Я опять наивно: «Но как же так – у меня в „Южном“ вещи, в конце концов ужинать пора! Там Тамара Алексеевна, наверно, мечется, ничего не может понять».

Я понимал, в каком ужасном положении она оказалась, когда вечером мы не вернулись в санаторий. Потом рассказывала, как металась, пытаясь связаться с нами. Но там связь тоже была отрезана. И в машине ей отказали.

Он: «Ничего не могу сделать. Поймите меня, Анатолий Сергеевич. Я военный человек. Мне приказано: никого и никуда, никакой связи».

Ушел...

Вернулась Ольга. Она живая, остроумная (недавно замужем, ребенку – полтора года, и муж Коля здесь – он шофер одной из президентских машин). Стала крыть Болдина, своего давнего начальника. Не терпит его: «Он-то зачем сюда явился?.. Показать, что уже лижет... новым хозяевам?» И т. п.

Смеркалось, когда новый прикрепленный (вместо Медведева), красавец Борис передал, что М. С. просит меня выйти из дому. Он, мол, здесь, гуляет рядом с дачей.

Я быстро оделся. Иду и думаю: каким я его сейчас увижу, как он?

10 утра. По «Маяку» сообщение коменданта Москвы: ночью первые столкновения, нападение на БТРы и патрули на Смоленской площади (кстати, возле дома, где я в Москве живу, каково-то родным!), у здания Верховного Совета РСФСР и у гостиницы ВС. Есть убитые и раненые. Значит, первая кровь. Комендант все валит на «хулиганствующие элементы» и уголовников...

В 12.00 по «Маяку» Ивашко заявил в обращении к Янаеву: ПБ и Секретариат ЦК не могут вынести свое суждение о событиях до тех пор, пока не встретятся с Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым! Это – да!.. Особенно – после пролитой крови.

Итак: у входа в дачу стояли М. С., Р. М., Ирочка-дочь и Толя-зять. Пошутили: кому холодно, кому жарко: М. С. был в теплой кофте, за два дня перед тем ему «вступило» в поясницу. Проявился старый радикулит, в молодости он в проруби купался: был «моржом» и получил это недомогание, которое время от времени его посещало. М. С. пояснил: «Врачи просили беречься». Он вообще боится сквозняков.

Спокоен, ровен, улыбался. «Ну, ты, – говорит, – знаешь, что произошло?»

– Нет, откуда же мне знать! Я только из окна наблюдал. Видел Плеханова, Болдина. Говорят, какой-то генерал в очках, большой... и Бакланов.

– Генерал – это Варенников. Он и был самым активным. Так вот слушай, хочу, чтоб ты знал.

Р.М.: «Вошли без спроса, не предупредив, Плеханов их вел, а перед ним вся охрана расступается. Полная неожиданность. Я сидела в кресле, прошли мимо, и только Бакланов со мной поздоровался... А Болдин! С которым мы 15 лет душа в душу, родным человеком был, доверяли ему все, самое интимное!!!»

М. С. ее остановил:

– Слушай. Сели, я спрашиваю, с чем пожаловали? Начал Бакланов, но больше всех говорил Варенников. Шенин молчал. Болдин один раз полез: Михаил Сергеевич, разве вы не понимаете, какая обстановка?! Я ему: мудак ты и молчал бы, приехал мне лекции читать о положении в стране. (Слово «мудак» произнес «при дамах». Иришка засмеялась и интерпретировала: «Мутант» – очень удачно". Она вообще умная, образованная.)

– Словом, – продолжал М. С., – они мне предложили два варианта: либо я передаю полномочия Янаеву и соглашаюсь с введением чрезвычайного положения, либо – отрекаюсь от президентства. Попытались шантажировать (не пояснил – как). Я им сказал: могли бы догадаться, что ни на то, ни на другое я не пойду. Вы затеяли государственный переворот. То, что вы хотите сделать, антиконституционно и противозаконно. Это – авантюра, которая приведет к крови, к гражданской войне. Генерал стал мне доказывать, что они «обеспечат», чтобы этого не случилось. Я ему: извините, товарищ Варенников, не помню вашего имени-отчества...

Тот: «Валентин Иванович».

Так вот, "Валентин Иванович, общество – это не батальон. «Налево» – марш... Ваша затея отзовется страшной трагедией, будет нарушено все, что уже стало налаживаться. Ну, хорошо: вы все и всех подавите, распустите, поставите везде войска, а дальше что?.. Вы меня застали за работой над статьей.

– Так вот, – продолжал рассказывать мне Горбачев о своем отпоре непрошеным гостям, – в статье рассмотрен и ваш вариант – с чрезвычайным положением. Я все продумал. Убежден – что это гибельный путь, может быть, кровавый путь... И он – не куда-нибудь, а назад, в доперестроечные времена.

С тем они и уехали.

Все наперебой: Что же дальше?"

М. С.: «Ведь завтра они должны будут обнародовать. Как они объяснят „мое положение“?»

Порассуждали насчет тех, кто приезжал. Я не преминул вернуть: это же все «ваши», М. С., люди, вы их пестовали, возвышали, доверились им... Тот же Болдин... «Ну, о Плеханове, обойдя Болдина, – сказал М. С., – и говорить нечего: не человек! Что он – о Родине печется, изменив мне?! О шкуре!»

М. С. стал вслух гадать насчет других «участников» всей этой операции: посетители ведь ему называли членов ГКЧП. Никак не мог примириться с тем, что Язов там оказался. Не хотел верить: «А может, они его туда вписали, не спросив?» В отношении старого маршала я присоединился к его сомнениям. Но в отношении Крючкова «отвел» его колебания: «Вполне способен на такое... Да и потом, мыслимо ли без председателя КГБ затевать нечто подобное, тем более – действовать!!»

– А Янаев? – возмутился М. С. – Ведь этот мерзавец за два часа до приезда этих со мной

говорил по телефону. Распинался, что меня ждут в Москве, что завтра Приедет меня встречать во Внуково!

Так мы походили еще в темноте минут 15.

Я вернулся к себе. И стал волноваться за Тамару. Она там, в «Южном», в панике, бежит, наверное, от Примакова к Шаху, от Шаха к Ю. Красину, умоляет хоть что-то узнать. На другой день я попросил прийти ко мне Генералова. Тот пришел, чего я уже не ожидал. Сказал ему, что так нельзя издеваться над женщиной, попросил отправить ее в Москву, помочь достать билет. Он: «Билета сейчас не достанешь» (ему-то не достать!..), однако, подумав, вдруг спросил:

– А она в какой степени готовности?

– Откуда мне знать! А что?

– У нас сегодня военный самолет пойдет. Аппаратуру связи и некоторых связистов повезет, одного больного из охраны.

– Так захватите Тамару!

– Ладно. Сейчас пошлю за ней машину.

– Пусть заодно она и мой чемодан соберет, прикажите привезти его сюда, а то мне и бриться-то нечем...

Чемодан мне принесли поздно вечером. Что в самолет Тамару посадили – мне сообщили на другой день.

Какова была степень нашей изоляции в «Заре»? Об этом меня постоянно спрашивали и журналисты, и знакомые по возвращении в Москву.

Генералов привез с собой не так уж много новых, «своих» людей. Часть он поставил у гаражей, где заперты были президентские машины с автономной системой связи, а также у ворот – тоже с автоматами. На берегу стояли и раньше пограничные вышки – на концах полукружия территории дачи. Там дежурили пограничники. Но за два-три дня до переворота их стало вдоль шоссе много больше. Мы с Ольгой тогда не придали этому значения. Появились вдоль шоссе и люди в необычной форме – в тельняшках, с брюками навывпуск, не в сапогах, а в ботинках, похожие на ОМОНовцев. Только потом мы сообразили, что это значило. Достаточно было выйти из нашего служебного помещения и посмотреть на кромку скал, вдоль дороги Севастополь – Ялта, чтобы увидеть: через каждые 50-100 метров стояли пограничники, иногда – с собаками.

Наблюдение за нами было тщательное.

Вот эпизоды.

19-го днем я пошел к Горбачеву. Часовой в будке на пути к даче остановил: «Вы кто такой?»

– Помощник.

– Куда идете?

– Легко догадаться, – показываю на дачу президента.

– Не положено.

Я взвился и стал ему говорить нехорошие слова. Вдруг сзади подскочил Олег (один из личной охраны) и ему: «Ты – марш в свою будку! И чтоб никогда больше не лез к нему (показывает на меня пальцем). Идите, идите, Анатолий Сергеевич».

Я сделаю отступление. Эти люди из охраны поддерживали атмосферу какой-то минимальной надежности. Во всяком случае – надежду, что нас голыми руками не возьмут. А если попытаются, дорого обойдется. К личной охране «публика» относится обычно с презрением, но эти ребята показали себя настоящими рыцарями. Их начальники, Плеханов и Медведев, предали и их, изменили президенту. А они не дрогнули. День и ночь, сменяясь, спокойные, напряженные, сильные ребята, с пистолетами и мини-рациями, часть вооружилась автоматами... Во всех «жизненных» пунктах вокруг дачи, иногда незаметные за кустами. Они были готовы стоять насмерть: и по службе, и по долгу, но главным образом – по-человечески, по благородству. Их было всего пять человек.

Второй эпизод. Утром 20-го Оля говорит: – А. С., чего вы сидите все время в кабинете. Сходим искупаться. Ребятам (т. е. охране, она знает через мужа) запрещено выходить к воде, но вас вряд ли остановят. А нас без вас не пустят.

– А куда?

– Ну, вон там за домом, где столовая, гаражи, где большинство ребят живет. Там есть спуск к воде. Правда, крутой – камни, сорваться можно, но ходят же люди.

Я согласился. Николай Федосьевич (Покутный – второй личный врач президента) принес что-то на тарелке из столовой. Поел. Зашли Оля с Ларисой – медсестрой и Татьяной – большой доброй женщиной, массажисткой.

Пошли. Первый часовой очень подозрительно посмотрел. Не остановил, но тут же сообщил по рации: «Черняев куда-то пошел». Когда проходили мимо хоздома, навстречу выбежали знакомые ребята из охраны, с мячом (рядом спортплощадка). Спрашиваю: «Развлекаться хотите?...» – «А что делать-то?... Никуда не пускают. Жарища. Тоска!»

Дошли до тропки и – резко вниз по самодельным ступенькам. Спуск метров 100. На половине – Ольга мне: «Оглянитесь!» Я оглянулся. За нами шел человек. Спустились к воде. Между больших валунов можно пробраться в воду. Небольшая площадка, на ней брошены три деревянных мата. Лариса разлеглась загорать. Мы трое пошли в воду – ноги можно сломать, пока доберешься до глубины, чтоб поплыть. Сделал несколько махов, перевернулся на спину. Мужик, который шел за нами, звонил по телефону. Лариса потом сказала, что он произнес: «Черняев здесь. Сижу»... (Телефон в будке – потому что в этом месте купалась охрана – для срочного вызова.)

Справа пограничная вышка. Два солдата направили на нас все трубы и бинокли. Перед нами катер и глассер... Завели моторы. Метрах в ста маячит фрегат.

Зачем тогда мужик-охранник?... Догонять, если в Турцию поплыву? Не догонит: я слишком хорошо (для него – толстяка) плаваю. Ясно: чтоб знали – вы собой не распоряжаетесь, за вами везде следят, вы полужэки... Психическое давление.

Через 1/2 часа вылезли. Охранник отвернулся. Пошли вверх. Слышим, он по телефону: «Черняев поднимается!».

Женщины уговорили меня и на другой день пойти купаться. Говорю: «Противно, неохота». «Тоже ни за что бы не пошла, да позлить этих сволочей хочется» – реагирует Таня.

«Процедура» та же, что в первый раз: за нами стал спускаться (уже другой) охранник. Еще не успели раздеться, он громко по телефону: «Объект здесь. Остаюсь...» Но на этот раз наверху, у начала тропинки объявился еще и пограничник с собакой.

Поплыли. Видно, как на даче с балкона Толя и Иришка наблюдают за нами. А внизу, ближе к «президентскому» пляжу, Генералов и еще человек 5 выстроились, смотрят в бинокль. Потом он «счел нужным довести» до Ольги – что видел, что мы купались.

М. С. после этого мне сказал: «Не ходи далеко от дома, во всяком случае – без моего ведома». Что он имел в виду? Может, просто «заботу проявил»...

В 15.00 21-го TV-новости. Ельцин заявил в парламенте России: Горбачев в изоляции в Крыму. Решено: направить сюда Руцкого, Силаева и других депутатов. Выступил там Бакатин. Диктор взволнованно и подробно изложил его речь: это государственный переворот, Горбачев, по крайней мере в воскресенье, был совершенно здоров, не считая радикулита (видно, от Примакова узнал). Творится беззаконие. Нужно пригласить в российский парламент депутатов ВС СССР, которых сейчас усиленно обрабатывают.

Парламент почтил минутой молчания павших в эту ночь «на его подступах».

Вот, Михаил Сергеевич, где проверяются люди: Бакатин, которого вы отпихнули, боясь всяких Лукьяновых, Янаевых и пр.!

Мое общение с Михаилом Сергеевичем в эти дни. 19-го утром, как только по «Маяку» услышал о ГКЧП, стал думать, как вести себя с М. С. Ждать, когда позовет, то есть – по прежней субординации? Нет, так нельзя: он должен убедиться в моей верности. И он нуждается в поддержке. Пошел к нему. Долго бродил по дому, пока внучка меня не обнаружила, привела к деду наверх. Он лежал на постели после процедуры: ему еще «донатира-ли» радикулит.

«Ты знаешь, Анатолий, – начал с ходу, – когда я разговаривал с этими, ни один мускул у меня не дрогнул. Был совершенно спокоен. И сейчас спокоен. Я убежден в своей правоте. Убежден, что это – авантюра, и не дай Бог – с кровью. – Помолчал. Не удастся им ни навести порядок, ни собрать урожай, ни запустить экономику... Не удастся! Преступная авантюра!.. Думай, что будем делать. Приходи после обеда».

Я пришел, как договорились. Пошли со всей семьей на пляж, потому что в доме говорить

было уже невозможно: кругом «жучки», о чем панически предупреждала нас все время Раиса Максимовна.

Запомнилось: когда спускались к пляжу, ко мне прильнула меньшая внучка, взяла за руку: «А у меня – карты (держит в ручонках колоду). Это вот король, а это дама... нет – валет, а это – ох! забыла (это была десятка)».

Я ей: «Ну ладно, а какой она масти?» (Не рассчитывал, что она знает это слово.)

«Она – червивая!» Эта детская ошибка резанула, напомнила ситуацию, в которую попала и эта малышка.

Р. М. завела нас с М. С. в маленький павильон, а всех остальных отправила к воде. Лихорадочно вырвала из блокнота несколько чистых листков, подала мне, долго копалась в сумочке и, найдя карандаш, подала мне: «Я оставляю вас». – «Да, да, – нетерпеливо (необычно для него в обращении с ней!) бросил М. С., – надо работать». Она жалко улыбнулась и «сделала мне ручкой».

– Толя! Надо что-то делать. Я буду давить на этого негодяя (он имел в виду генерала Генералова). Буду каждый день предъявлять требования. И наращивать.

Да, М. С., согласен. Сомневаюсь, чтобы банда в Москве на это отреагировала. Но нельзя, чтоб подумали, что вы смирились...

– Пиши: «Первое. Требую немедленно восстановить правительственную связь... Второе. Требую немедленно прислать президентский самолет, чтобы я мог вернуться на работу. Если не ответят, завтра потребую, чтоб прислали журналистов – советских и иностранных».

Я записал. Он:

– Смотри, как бы по дороге у тебя это не отобрали!

– Не отберут! – сказал я уверенно.

20-го я к М. С. пошел сразу после описанного выше купанья. Опять долго ходил по этажам, пока кухарка не показала: там, в кабинете. Он вышел навстречу, тут же – из другой комнаты – Раиса Максимовна. И сразу потащила нас на балкон, показывая руками на лампы, потолок, на мебель – «жучки». Постояли, облокотившись на перила. Я говорю: «Р. М., вот видите эту скалу, над которой пограничная вышка. За ней, за поворотом – Тессели (это филиал санатория „Форос“, там дача, где в начале 30-х годов жил Максим Горький). До того, как построена была „Заря“, здесь, на ее месте, был дикий пустынный пляж. На самом деле никакой не пляж – по валунам в воду зайти было трудновато. Так вот... Я несколько раз проводил отпуск в Тессели и плавал сюда из-за той скалы. Лежал здесь и потом плыл обратно».

Р. М. слушала рассеянно. И вся встрепелась, когда я продолжил: «Вы, наверное, знаете, что я очень хорошо плаваю? Мне и 5 и, наверное, 10 километров проплыть ничего не стоит. Может, рискнуть?»

Я улыбался, говоря это. А она вся насторожилась. Прямо и долго смотрит на меня, всерьез подумала, что такой «вариант» возможен. До этого она бурным шепотом мне рассказала, как они в 3 ночи во внутренней комнате Толиной камерой засняли заявление М. С. «Мы его вырежем из кассеты, говорила она (но скрыла, что снято было в двух вариантах, плюс еще – заявление врача Игоря Анатольевича)... Так вот... Я упакую пленку в маленький „комочек“ и вечером вам отдам. Но вы, ради Бога, не держите у себя. Вас могут обыскать. И не прячьте у себя в кабинете». Тут вмешался М. С. и посоветовал упрятать в плавки. Я их сушу на балкончике при комнате Оли и Томи, где расположены их пишущие машинки и прочая «канцелярия».

М. С. отнесся скептически – чтоб я поплыл в Тессели, в Форос и даже в «Южный»: «Даже если не выловят в воде, выйдет голый – и что дальше? Отправят в ближайшую комендатуру – и пропала пленка»... Но обсуждали всерьез... хотя вариант был явно абсурдный. И я его «предложил» в шутку, чтоб как-то разрядить их нервное напряжение.

Пленку Р. М. мне дала позже. А пока М. С. попросил ее заняться детьми. Мы с ним перешли на другой балкон, встали у перил и тут же увидели, как повернулись к нам трубы с вышки, и погранпатруль на ближайшей скале взял нас «в бинокль»... Одновременно – услышали из будки внизу под домом по телефону: «Объект вышел на балкон, второй справа!...» Мы с М. С. переглянулись, я засмеялся и обозвал «их» матом... Он посмотрел на меня: раньше я при нем не позволял себе. (Я посожалел: подумает, что теперь, мол, можно!)

Сели за стол. Он положил перед собой блокнот. Предложил мне место напротив, спиной к солнцу и на солнце. Я говорю: «А можно рядом? Не люблю солнца – в отличие от вас с Бушем... Помните, как он в Ново-Огареве пересел на мое место, когда солнце вышло из-за стены и я ушел – сел рядом с вами в тени?..»

М. С. улыбнулся, видно, вспомнив о встрече с Бушем, как эпизоду из античной истории, хотя произошла она всего три недели назад.

Стал диктовать «Обращение к народу и международному сообществу». Поговорили. Обсудили, отформулировали каждый пункт. Я пошел к себе. Оля напечатала на шершавке. Вечером я попросил его поставить подпись, число, место. Вверху он подписал, что просит огласить это заявление любыми средствами каждого, кому оно попадет в руки. Когда уходил, Р. М. опять стала меня строго инструктировать, чтоб хорошо спрятал и сумел донести – как бы в дороге не обыскали. Мне эти страхи кажутся плодом нервного перенапряжения. У меня вообще еще с войны несколько атрофировано чувство физической опасности.

Накануне она дала мне свою книжку «Я надеюсь», которую прислали ей еще 17-го. Сигнальный экземпляр. Просила прочитать за вечер... Я прочитал и очень хвалил. Это доставило большую радость Михаилу Сергеевичу – у него даже глаза увлажнились. Я уверял их, что книга разойдется по всему свету, расхватают и у нас тоже. «Замолчать не удастся, что бы ни случилось», – уверенно заявил я. Вообще всем своим видом, поведением старался показать, что «все обойдется». Они встречали меня с какой-то обостренной надеждой – не принес ли я какую-нибудь «хорошую весть». Расспрашивают, что я слышал по «Маяку» (по оказавшемуся в комнате Ольги-Тамары допотопному ВЭФу). Как я оцениваю то, что услышал, что я вообще думаю о том, что будет завтра, послезавтра, через неделю. Я «в не свойственной мне манере» отвечаю самоуверенно, бодро. Р. М. все время в крайнем напряжении, хоть бы раз улыбнулась. Зато Ира – вся полна решимости, бесстрашная, резкая, беспощадная в словах и «эпитетах» по поводу того, «что с ними сделали»... Перебрасываемся с ней и на «отвлеченные», литературные темы. Вроде бы не к месту. И муж у нее Толя – хирург из 1-й Градской – умен, уверен, настоящий мужик, опора.

Так вот, «вестей» я им никаких не приносил. И наши все дискуссии вращались вокруг последствий приезда Болдина и К^а. Говорили мы и о том, как среагирует мировая общественность? Гадали, что думает сейчас Коль, что думает Буш? Горбачев считал однозначно: хунте поддержки никакой не будет. Все кредиты прервутся, все «краники» закроются мгновенно. И наши банки обанкротятся немедленно. Наша легкая промышленность без этих кредитов, которые давались фактически под «него», сразу остановится. Он говорил, что заговорщики – эти мышинные умы – не могли просчитать элементарных вещей.

Говорили о возможной реакции республик. Горбачев считал, что акция путчистов приведет к быстрой дезинтеграции Союза. Потому что республики могут занять такую позицию: вы там, в Москве, русские деретесь, а наше дело сторона, отгородимся и будем делать свое.

Настроение у Горбачевых менялось в зависимости от сообщений радио. Когда, например, ребята из охраны с помощью «проводочков» оживили телевизор и мы увидели пресс-конференцию Янаева и К^а, услышали заявление, что Горбачев тяжело болен, это произвело тяжелое впечатление. Все очень насторожились. Мнение было общее: если «эти» открыто позволяют себе на весь мир так лгать, значит, они отрезают себе все пути назад, значит, пойдут до конца. Сожгли за собой мосты. Я сказал М. С., что Янаев ищет алиби, если с вами «что-то случится». Горбачев добавил: «Теперь они будут подгонять действительность под то, о чем публично сказали, под ложь».

А когда Би-би-си сообщило о событиях вокруг российского парламента, о том, что народ выступает в защиту Горбачева, что Ельцин взял на себя организацию сопротивления, настроение, конечно, резко поднялось. Впрочем, 19-го, когда мы еще ничего не знали, М. С. говорил мне, что Ельцин не сдастся и его ничто не сломит. И Россия, и Москва не позволят путчистам одержать победу. Запомнил его слова: «Убежден, что Борис Николаевич проявит весь свой характер».

Далее я позволю себе процитировать о настроениях и предположениях Горбачева в те дни, моего интервью Саше Безыменской, первого после моего возвращения в Москву, по

самым свежим следам. Там отразилась и моя собственная наивность в отношении того, что будет с Горбачевым, с нами.

Саша меня спросила:

Как Горбачев относился к тому, что на его защиту встал Ельцин?

– Так вопрос просто не мог стоять, – ответил я. – Ведь речь шла о судьбе государства, о судьбе страны.

Тут уж никаких личных счетов не могло быть. Если человек готов на все в сражении за демократию, за законность, за перестройку, за спасение всего того, что делал Горбачев на протяжении шести лет, никакие «привходящие» мотивы уже ничего не значили. Вы задаете вопрос, который, я думаю, у Горбачева и в голове не мог возникнуть.

– Горбачев был уверен, что Ельцин... – настаивала корреспондентка.

– Абсолютно уверен, что Ельцин не отступит.

– Действительно ли было у него с самого начала чувство, что народ за эти пять лет стал другим и что народ хунту не проглотит и не примет? Была такая уверенность?

– Первый раз я с ним вечером разговаривал, когда только уехали Болдин и Кс. И в этот раз, и наутро он совершенно спокойно рассуждал. Говорил: самое страшное, что может произойти, – это если переворот будет набирать обороты и получит кое у кого поддержку. Тогда – гражданская война с колоссальными потерями, то, чего Горбачев все эти годы пытался избежать. Когда же заговорщики отменили гласность, когда заткнули рот газетам, он понял, что у хунты в международном плане дело проиграно. Кстати, в позиции мировой общественности он ни разу не усомнился: тут все было ясно с самого начала.

Продолжаю из дневника: информацию урывками брали с маленького «Сони», оказавшегося у Толи. Собирались «в кружок»: мы с М. С. на диване, Толя – на корточках, Иришка – прямо на полу, Раиса Максимовна – напротив на стуле. И сомкнув головы, пытались расслышать «голоса». Транзистор очень плохой, с севшими батареями. Толя его ворочал туда-сюда, чтобы что-то уловить. Вот там я слышал Би-би-си. Там я впервые узнал, что Тамару Алексеевну увезли, но куда, неизвестно.

Р. М. все время носила с собой маленькую шелковую сумочку. Там, видно, самое потайное, что отбирать стали бы в последнюю очередь. Она очень боится унижительного обыска. Боится за М. С., которого это потрясло бы окончательно. Она была постоянно в нервическом состоянии. В этом состоянии она и вручила мне «комочек» пленки, завернутый в бумагу и заклеенный скотчем.

– Мы уже передали другие варианты. Я лучше не скажу – кому. А это – вам. Нет, не вам...

– Почему же не мне? Я ведь продолжаю качать права как народный депутат, что должен быть на заседании Верховного Совета 26-го, о котором объявил Лукьянов.

М. С.: «Чего захотел!»

Я: «Оно конечно. Заполучить на трибуну такого свидетеля вашей смертельной болезни и недееспособности – даже эти кретины догадаются, что нельзя...»

Р.М.: «Анатолий Сергеевич! Надо – через Олю. У нее ребенок, родители больные, вы говорили... А она согласится? Ведь это очень опасно...»

Я: «Согласится. Это отчаянная женщина и ненавидит их люто, еще и за то, что они отрезали ее от ее любимого Васи...»

Р.М.: «Но вы ее строго предупредите. Пусть спрячет... куда-нибудь в интимное место – в бюстгальтер или в трусики что ли. А вы сейчас, когда пойдете к себе, где будете держать эту пленку? В карман не кладите, в руке донесите и спрячьте. Только не в сейф. Где-нибудь в коридоре, под половиком...»

Я положил в карман. Ольге сказал только вечером. Она сидела в кресле, притихшая. Симфоническая музыка по «Маяку» – с ума сойти! Но тишина еще хуже, я включаю только информационные выпуски. Но они в основном – о спорте и о «культурной жизни». Одна, например, вчера была... о визите супруги президента Боливии в Перу, где та занималась не то благотворительной, не то фестивальной деятельностью. Верх идиотизма! Тут я подумал, остро, физически ощутил, что банда возвращает нас в информационную среду худших времен застоя.

16.30. Опять экстренные сообщения. Очередной «Маяк» начался с взволнованного голоса диктора: мы, работники ТВ и радио, отказываемся выполнять приказы и подчиняться так

называемому Комитету по ЧП. Нас лишили возможности давать объективную и полную информацию, мы требуем снятия с постов полностью дискредитировавших себя руководителей ТВ и радио. Мы, если удастся еще прорваться в эфир, будем честно выполнять свой профессиональный долг.

Бакатин и Примаков (молодец Женька, прорвался в Москву!), как член Совета безопасности, заявляют, что ГКЧП – незаконен, противоправен, антиконституционен... и все его постановления – тоже. Горбачев здоров и насильственно изолирован. Необходимо немедленно добиться, чтобы он вернулся в Москву или чтобы получил возможность встретиться с прессой.

Нишанов и Лаптев – председатели палат Верховного Совета – провели экстренное заседание комитетов. Лукьянов вылетел в Крым для встречи с Горбачевым. И са-мое-самое: Минобороны, проанализировав ситуацию, сложившуюся в результате введения чрезвычайного положения в ряде мест, приняло решение немедленно вывести войска из этих мест (т. е. не просто бронетехнику, а войска целиком, т. е. и десантников).

С кем остаются Янаев и Пуго 4 + их генерал Калинин, комендант Москвы, перед лицом народа?!

С 6 часов по «Орбите» (объявлено) будет полностью транслироваться сессия ВС РСФСР!

Было уже часов 11 вечера *20 августа*. Я включил на полную мощность телевизор. Подсел на корточках к Ольге:

– Оля! Есть серьезное дело. Вы готовы меня выслушать? Только очень серьезно. Можете сразу же, еще не выслушав, отказаться.

– Ну что вы, Анатолий Сергеевич! Будто вы меня не знаете. Говорите.

Я рассказал о пленке и заявлении Горбачева, которое она сама печатала, о плане переправки их «на волю».

– Хорошо. Допустим, я попадаю в Москву. Дальше что? За мной наверняка будут следить.

– Да, конечно. Мы обсуждали это с М. С. и Р. М. и договорились. Вполне естественным будет, если вы зайдете к моей жене. Я напишу письмо ей... такое, как из тюрьмы, вероятно, шлют: мол, все в порядке, не беспокойся, скоро вернусь, обстоятельства... и т. п. – на случай, если будут обыскивать в самолете ли, в аэропорту. А «комочек» с пленкой придется вам запрятать действительно в «укромное» местечко. Дальше так: если удастся его довести до Москвы, вы приходите на ул. Веснина ко мне домой. Передаете жене письмо и эту штучку. Скажите, чтоб она позвонила Лене – жене Бовина, они знакомы. Та придет. Именно она, а не сам Бовин: слишком заметная фигура, да еще на подозрении, особенно после его вопроса на пресс-конференции Янаева и К^а.

Ей жена передаст эту вещь, она – Сашке, а гот догадается сразу, что надо делать.

Ольга засунула пленку все-таки в джинсы. Там «комочек» постоянно выпирал. Я посмеивался, указывая пальцем на это местечко...

Теперь предо мной была задача добиться от Генералова, чтоб он ее отпустил в Москву. Я и до этого, еще *19 августа*, начал на него давить: как не стыдно, он – офицер, допускает такое издевательство над молодой матерью. У нее – больной сынишка. Родители ничего о ней не знают. Не вечно мы будем тут сидеть. Пытался шантажировать: ему придется ответить за такое по отношению к женщине, которая вся изошлась, не имея возможности ничего узнать о том, что с ее сыном. И далее – в этом роде.

Однако он продолжал твердить: у него только односторонняя связь – ему могут звонить из Москвы, и начальство звонит, а он отсюда им звонить не может. Врал, конечно.

Обговорив с Ольгой «план», я решил еще раз «надавить» на Генералова. Кстати, ничего не дали мои прежние попытки «качать права», ссылаясь на то, что я народный депутат СССР и он, Генералов, удерживая меня фактически под домашним арестом, нарушает еще и Конституцию, попирает мой парламентский иммунитет. Я пригласил его опять. Он и на этот раз соблаговолил прийти. Стал опять стыдить его насчет Ольги. Но он обыграл меня, предложил отвезти ее в Мухалатку, где пункт правительственной связи, чтобы она оттуда позвонила домой в Москву.

И произошло следующее. Спустя некоторое время после того как Генералов предложил этот «вариант», срывавший наши планы передать на волю информацию о Горбачеве, ко мне в кабинет явился шофер «Володя». Беру имя в кавычки, поскольку его имя на самом деле могло

быть иным – он из КГБ. Но это был тот самый парень, который до 18 августа возил нас с Ольгой и Тamarой между «Зарей» и «Южным» по два-три раза в день.

Не поздоровался: «Где тут Ланина? Велено отвезти ее на телефон». Я встал, протянул ему руку... Он помедлил и вяло подал свою. Я заметил в нем перемену, еще когда он за чемоданом моим ездил. Для него я уже преступник, заключенный. Ольга, когда вернулась, говорила: он от меня как от прокаженной отодвигался в машине. Сопровождал ее еще один из ГБ – связист. И сидел против нее, когда ее соединяли с Москвой, чтоб мгновенно отключить, если что-то лишнее начнет выдавать. «Я, – говорит, – разрыдалась. Брат кричит в трубку: „Что с тобой?“ – а я в слезах захлебываюсь. Одно расстройство. А вашей жене не разрешили позвонить» (я просил ее об этом).

В общем, дали еще раз понять, кто мы для них такие.

Кстати, о нашей изоляции. Когда Ольга вернулась, спрашиваю у нее: что видела по дороге. "Шоссе закрыто для движения, – ответила она, – никаких машин, кроме военных. На каждом шагу пограничники. И сверху (шоссе метров на 20-25 выше территории «Зари») видно, что на рейде уже не два фрегата, как было до 18-го числа, а штук 16 разных военных кораблей.

Кончились наши заключения так. Около 5 вечера 21-го вбежали ко мне сразу все три женщины – Ольга, Лариса, Татьяна – в страшном возбуждении: «Анатолий Сергеевич, смотрите, смотрите, что происходит!» Выскочили мы на балкон... С пандуса от въезда на территорию дачи шли "ЗИЛы, а навстречу им с «Калашниковыми» наперевес двое из охраны. «Стоять!» – кричат. Машины встали. «Стоять!» – из-за кустов еще ребята. Из передней машины вышел шофер и еще кто-то... Чего-то говорят. Им в ответ: «Стоять!» Один побежал к даче Горбачева. Вскоре вернулся, и машины поехали влево за служебный дом.

Я вышел из кабинета, он на втором этаже. Прямо от моей двери лестница к входной двери в дом. Стою в помятой майке, в спортивных штанах, уже ставших портками. Мелькнула мысль – как лагерник!

В дверь внизу тесно друг за дружкой – Лукьянов, Ивашко, Бакланов, Язов, Крючков. Вид побитый. Лица сумрачные. Каждый кланяется мне!! Я все понял – прибежали с повинной. Я стоял окаменевший, переполняясь бешенством. Еще до того как они ушли в комнату налево, развернулся и показал им спину. Ольга стояла рядом, красная, в глазах торжествующие бесенята.

В кабинет вбежали Лариса и «большая» Татьяна. Она – вся такая степенная, сильная, спокойная – вдруг бросилась мне на шею и зарыдала. Потом нервный смех, всякие восклицания, незапоминающиеся реплики... Словом, ощущение: кончилась наша тюрьма. Подонки провалились со своей затеей.

Я оделся и побежал к М. С. Признаться, боялся, что он начнет их принимать... А этого тем более нельзя делать, что по телевидению уже известно было: сюда летит делегация российского парламента. Горбачев сидел в кабинете и «командовал» по телефону. Оторвался: «Я им ультиматум поставил: не включают связь – разговаривать с ними не буду. А теперь и так не буду».

При мне он велел коменданту Кремля взять Кремль полностью под свою охрану и никого из причастных к путчу не пускать ни под каким видом. Велел позвать к телефону командира кремлевского полка и приказал ему поступить в распоряжение исключительно коменданта Кремля. Вызвал к телефону начальника правительственной связи и министра связи и потребовал отключить всю связь у путчистов. Судя по их реакции, они на том конце стояли по стойке «смирно». Я обратил его внимание, что в ЗИЛах, привезших гэкэчэпистов, есть автономная связь... Он вызвал Бориса (из личной охраны) и приказал ему «отъединить пассажиров» от машин.

Потом говорил с Джорджем Бушем. Это был радостный разговор. М. С. благодарил за поддержку, за солидарность. Буш приветствовал его освобождение, возвращение к работе...

Был у М. С. тут же разговор со Щербаковым (первый зам. премьера) и с кем-то еще – я не понял. Смысл: приеду – разберемся. До того, как я пришел, он говорил с Ельциным, с Назарбаевым, Кравчуком, еще с кем-то. Сказал мне об этом.

Мои опасения развеял с ходу: «Ну что ты! Как тебе в голову могло прийти. Я и не собираюсь их видеть, разве что поговорю с Лукьяновым и Ивашко».

Борис доложил, что на территории дачи появилась российская делегация.

– Зови, – сказал М. С., – пусть идут в столовую.

Через пару минут мы пошли туда. Последовавшая сцена запомнится на всю жизнь. Силаев и Руцкой бросились обнимать Горбачева. Восклицания, какие-то громкие слова. Перебивают друг друга. Тут же Бакатин и Примаков здороваются с депутатами. Среди них те, кто и в парламенте, и в печати не раз крыли М. С., спорили, возмущались, протестовали. А теперь несчастье мгновенно высветило, что они нечто единое и именно как таковое необходимо стране. Я даже громко произнес, наблюдая эту всеобщую радость и объятия: «Вот и состоялось соединение Центра и России, без всякого Союзного договора...»

Сели за стол. Наперебой стали рассказывать, что в Москве и что здесь. Оказалось, – меня почему-то это удивило – они даже не знают, кто приезжал к президенту с ультиматумом и что вообще был такой ультиматум.

Силаев и Руцкой против того, чтобы Горбачев принимал Крючкова и К^а, которые сидели, по существу, под охраной в служебном доме. Он сказал, что примет скорее всего только Лукьянова и Ивашко, которые вроде прилетели отдельно.

Разговор затянулся. Шел уже 10-й час. Вступил в дело Руцкой. Сильный, красивый человек – любо-дорого его наблюдать.

"Михаил Сергеевич, – говорит, – пора обсудить, что будем делать дальше... В самолет (президентский), на котором эти (!) явились, мы вас не пустим. Полетим в моем самолете. Он стоит на том же аэродроме, но вдали от вашего. Его надежно охраняют. Я привез с собой 40 подполковников, все вооруженные. Прорвемся.

Об этих подполковниках стоит сказать особо. Когда М. С. после ложного выхода из машины возле президентского самолета, согласно плану Руцкого, вновь быстро туда сел, и машины рванули дальше к самолету Руцкого (километрах в 3-5 от этого места), так вот, когда М. С. в своей шерстяной кофте, которую все увидели на нем по ТВ уже во Внуково, вышел к самолету, эти офицеры взяли автоматы «на караул» и так стояли, пока он не поднялся по стремянке в самолет. Я подумал, глядя на эту сцену: есть еще неподдельная офицерская честь в нашей армии. Есть и высокая интеллигентность в ее среде: достаточно пообщаться с тем же полковником Н. С. Столяровым, который тоже прилетел в группе депутатов спасать своего президента. В аэропорт мы ехали с ним в одной машине.

Потом был перелет. Распорядился полетом Руцкой, который то и дело вызывал к себе летчиков.

М. С. с семьей расположился в маленьком отсеке, позвал меня. Там было настолько тесно, что девочки-внучки улеглись прямо на пол и вскоре заснули.

Когда я вошел, спрашивает весело: «Ну ты кто теперь?» А я: «Простой советский заключенный, но бывший». Все возбужденно смеялись. Пришли Силаев, Руцкой, Примаков, Бакатин, был тут и доктор Игорь Анатольевич Борисов. Р.М. рассказывала, что с ней случилось, когда узнали, что путчисты едут выяснять состояние здоровья Михаила Сергеевича... Теперь уже ей лучше, но рукой плохо владеет. Шел бурный разговор: о людях – как они проверяются в таких обстоятельствах, о безнравственности – источнике всех преступлений и бед. Были тосты за продолжение жизни... И впервые тогда М. С. произнес слова: «Летим в новую страну».

Многие журналы обошла фотография: Ира спускается по трапу (во Внуково), несет завернутую в одеяло дочку. Прошла мимо толпы, окружившей Президента: там, заметил, были и те, кто искренне рад, и те, кто, наверно, чувствовал, что для них лично лучше бы было «по-другому». Иришка пронесла дочку в машину, возле которой я оказался, в стороне от сгрудившихся вокруг М. С. людей. Бросилась на сиденье и вся затряслась в рыданиях. Я наклонился, пытался что-то говорить. Муж ее рядом, обнимал, гладил, стараясь успокоить, – безуспешно. Эта финальная для меня сцена на аэродроме останется символом трагедии, которая произошла не только там, на даче в Крыму, а со всей страной. Ирина, молодая русская женщина, которая перед лицом беды сама энергия, собранность, решимость и готовность ко всему, здесь, когда «это» кончилось, взорвалась слезами отчаяния и радости. Разрядка. Но потом все равно ведь наступают будни и надо делать дело. Увы, оно пошло не так, как тогда можно было предположить.

14 сентября 1991 года

Пора возобновлять дневник. После путча, после того как перестало существовать прежнее государство – Советский Союз и ликвидирована КПСС, после чудовищного всеохватывающего, но не неожиданного предательства, Горбачев стал, наконец, тем, чем ему следовало бы «стать» два года назад и чем он давно, 3-4 года назад, хотел бы стать, но не решался... А теперь «стал», но потеряв власть и авторитет.

Надо было бы вести каждодневный дневник с момента возвращения из Крыма... Это действительно сама история. Но перегрузки были невероятные.

Теперь уже поздно... Кое-что буду пометать «по ходу»... Пока же опишу сегодняшний день...

Совещание у Ревенко по реорганизации президентского аппарата. Фантазируем... А надо бы поскромнее, чтоб как-то помочь Горбачеву дотянуть, раз он уж так... «любой ценой» хочет этого.

Остались после втроем – Ревенко, я, Шах. Ревенко кое-что порассказал, например, что всех нас во главе с президентом прослушивали Крючков и Болдин. Сейчас российские следователи расшифровывают пленки и просматривают то, что уже перенесено в стенограммы. Ну что ж, я даже доволен: по крайней мере увидят, как я собачился с генералами, как спорил с М. С. и что Шеварднадзе иногда выглядел со мной совсем не прогрессистом и т. д. А что касается интима с моими женщинами, то тут им мазать меня компроматом невыгодно.

Ревенко говорит, что весь Кремль во вкраплениях «жучков», потребуется месяц, чтоб их всех извлечь!.. То же, что с американским посольством в Москве. Сенат США прав: нейтрализовать невозможно, надо разрушать все здание. Мы сами недооценивали наши научно-технические достижения на этот счет.

Как-нибудь опишу эпопею изгнания меня *27 августа* из здания ЦК. Тамаре только три дня назад удалось перевезти ко мне в Кремль бумаги из моего тамошнего кабинета, в том числе все «новое мышление» в записях бесед М. С. с инодеятелями. Я задумал по этим записям создать историю года (сентябрь 90-го – сентябрь 91-го) – сквозь мысль и оценки М. С. О том, как стал возможен переворот.

Кроме того, хочу сделать брошюру о двух неделях (точнее, с *23 августа* по *12 сентября*) – с его «собственным» анализом событий, опять же на основе записей бесед М. С. с десятками иностранных деятелей за этот период.

Вчера был у меня посол Испании. Сообщил, что хочет приехать в Москву Гонсалес: жест друга. М. С. согласен на *1 октября*.

Посол Кубы – в связи с заявлением М. С. в беседе с Бейкером о решении вывести нашу бригаду (напутал: в ней 3000 человек, а не 11000, как он заявил). Кубинцы протестуют. Еще один символ крушения эпохи.

Дубинин (наш посол во Франции, который паскудно себя повел во время ГКЧП). Все-таки М. С. сжалился, не стал объявлять о его снятии... Я «заступился», но самому Дубинину сказал все, что думал: ваши оправдания достойны мелкого чиновника, а вы политическая фигура, вы же представляете государство, президента, хотя у нас не существует какой-то особой присяги для послов! И кроме того, вы же знаете о личных отношениях М. С. с Миттераном и Дюма1 Почему бы не прийти к ним и не «посоветоваться», что делать: вот, мол, какое послание от хунты, а я не верю... А вы, вместо того чтобы помочь Миттерану сориентироваться, подтолкнули его к тому, что он занял в первый момент такую позицию. И т. д. Жалок... А это ведь дипломаты нового мышления – теоретически... Но шкурность, корысть, привычка к комфортному положению, ужас перед тем, как бы его не потерять, сыграли с этими элитными персонажами злую шутку... В их числе – и Замятин, и Логинов, и Слюсарь (Греция), и Успенский (Норвегия), особенно пригретый Горбачевым. Впрочем, в поведении каждого из названных и многих других для меня нет ничего неожиданного. Пожалуй, исключение составляет Бессмертных. Он оказался действительно в тяжелой ситуации.

...Третьего дня у меня обнаружилась плохая кардиограмма, а я ничего не чувствую.

Измотался за эти послепутчевые дни больше, чем во время самого путча. Там сработала моя особенность, которую я очень хорошо изучил в себе во время войны: в моменты опасности для жизни – предельная собранность и спокойствие, ни тени страха: чему быть – того не

миновать. И перед М. С. и Р.М. играл часто бодрячка, который нутром будто чувствует, что «все обойдется».

Для международной конференции СБСЕ по человеческому измерению (9-11 сентября, в Колонном зале) я Горбачеву «красивую речь» написал... Тут он, пожалуй, впервые публично выступал не только «без», но и в контрасте с «социалистическим выбором», который ему очень навредил в последние два года.

15 сентября

«Ухайдакался», чиня комод. Читал много газет. Союза, думаю, не будет, и Верховный Совет не соберется: зачем он республикам? Прав Гаврила Попов (сегодня в газете его статья «Сомнения»): за круглый стол Госсовета не каждого нужно сажать, а только тех, кто прием-лет минимум демократических правил.

С Н. Н. ходили на Крымскую набережную. Там тысячная очередь на порновыставку Романа Афонина(?). Стоять не стали. Рядом – под открытым небом – «скульптуры тоталитарной эпохи»: сброшенные памятники Дзержинскому, Свердлову, Калинин, Сталину... «Народ» лазит по ним, фотографируется, хихикает. Противно – некрофилия. Чудовищно безнравствен «народ». И что самое ужасное – не сознает этого...

19 сентября

Вчера месяц, как нас заточили в «Заре». Но, между прочим, 16-го – гнуснейшая передача на ТВ – на фоне чучела Никсона в момент импичмента. Полтора часа Ольшанский, Буковский + еще два сопляка-подонка доказывали, что М. С. и есть глава путча. А наутро в «Правде» статья Овчаренко – о том же открытым текстом...

Вообще неделю назад пошла новая волна «затапывания» Горбачева... Но Игнатенко устроил «круглый стол», где пытаются восстановить его имидж с помощью фа-милльярничания... Довольно, однако, неприятно смотреть, как Егор Яковлев, Лен Карпинский, Потапов (редактор «Труда») и другие, которых М. С. на ранних этапах перестройки спасал и поднимал, теперь «запросто» низводят его до «фрядового гражданина».

Но потом, говорил мне Игнатенко, уже без ТВ был полуторачасовой интим-междусобойчик, с которого М. С. ушел «окрыленный».

Сегодня его посетил Брэйди (министр финансов США). Довольно высокомерно ставил условия помощи. А М. С. все тянуло на «воздуси»: «историческая задача помочь великой стране, это позволит изменить весь мир» и т. д. и т. п.

Вечером был посланец короля Саудовской Аравии Фатха... Привез 1,5 миллиарда и без всяких американо-западноевропейских ужимок и скрытого «унижения» того, кому дают.

Сегодня закончил брошюру «Августовский путч» (причины – следствия), составленную из бесед М. С. Он жметя, не хочет вроде выпускать. А надо бы, чтоб заявить позицию – против новой волны дискредитации, политический смысл которой, скорее всего, убрать последний оставшийся символ Союза – президента.

Или просто бьют лежачего? Вот такова наша новая, перестроечная интеллигенция.

Может быть, у них вызывает подозрение, почему он не публикует статью, которую начал писать в Форосе и которой похвалялся на пресс-конференции 23 августа ?

20 сентября

Отдал М. С. на 80 страницах брошюру «Августовский путч». На Западе с руками бы оторвали. Рекомендовал ему частями давать в газету и тут же издать отдельно. И включить в брошюру августовскую статью, которую уже называли по ТВ инструкцией для введения чрезвычайного положения... Если нет, почему, мол, тогда скрывает?..

Трижды с ним по телефону сегодня общался: о брошюре ни слова, будто и не получал. Хотя знаю, что на стол ему положили поверх всех прочих бумаг. Такова его манера.

Приходил поверенный в делах США Коллинз. Принес памятную записку о создании совместной рабочей группы по анализу проблем нового качества советско-американских отношений. Я отдал ее М. С., убеждал, чтоб не тянул.

Предложил ему поехать в Киев на 50-летие Бабьего Яра... Еще в «Заре» до путча ему

говорил об этом: ни ответа ни привета.

Корейский посол от имени Ро Дэ У еще неделю назад просил, чтобы М. С. не принимал лидера оппозиции. Все московское корейское лобби давит на меня который день, настаивая на том, чтобы принял. Но я даже не докладывал Горбачеву об этом. Ро Дэ У нам сейчас дороже этого «Жуна», хотя тот может на следующий год стать президентом.

Дзасохов привязался ко мне: оказывается, он, как ни в чем не бывало, функционирует в качестве председателя Международного комитета Верховного Совета, готовит ратификацию договоров по обычному вооружению и СНВ!! Вот тебе и недавний секретарь ЦК КПСС, редактор писем ЦК на места с требованием поддержать ГКЧП!

Сегодня следователи принесли запись моих показаний и стенограмму. Два часа я смотрел и слушал себя, сверяя с текстом. Я себе «понравился» больше, чем в ТВ-передаче с Ольгой и Тамарой. Вообще, отстранение я смотрюсь, как-то сильнее, увереннее, чем обычно в жизни.

На обратном пути в метро прочитал в «Известиях» беседу М. С. за чашкой чая... Это тот самый разговор по душам после «круглого стола», который устроил Игнатенко. Горбачев возвращается к своему человеческому облику начала перестройки: без маски самоуверенности, возникшей от мировой славы и от «порчи» властью.

Хочется за город. Тамара зовет съездить в Снегири, где Дунаев меняет с ней дачу... А мне хочется – с Людой, на крайний случай – с Ирочкой, с Н.Н., наконец? Нет, я не запутался. Просто организм хочет полно жить перед уходом... Видно, скоро он состарится. Вера Валерьевна (мой доктор) объяснила: у меня «на сердце» что-то такое необратимо испорчено, раз профессор заговорил об операции...

Приходил Ожерельев. Мелкий, оказался на обочине. Говорит, что и Медведев в таком же положении невестребованности... Я «советовал» (как старший!) не суетиться: мы, мол, преувеличиваем место, которое занимаем «в жизни и деятельности» президента, а он вспоминает о нас, только когда «надобимся». Не сказал, но подумал: он не вспоминает даже о том, что я был с ним «эти три дня» в Форосе. Рассказывал охотно разным собеседникам о том, что там было, но взволнованно говорит только о семье...

Да и на «круглом столе» в «Известиях» третьего дня и даже потом за чашкой чая... разговор не раз заходил о «ближайшем окружении». Но обо мне никто не вспомнил – ни он, ни собеседники! А ведь был бы не я, кто другой в этой должности, новое мышление и сам Горбачев, его инициатор, выглядели бы не так, как это предстало перед всем миром: ибо форма тут, как нигде, очень содержательна. Плюс «облегающие» идеи вокруг главных, которые принадлежат, конечно, ему самому.

21 сентября

Зашел на работу... Шифровки. Ответы М. С. на мои текущие записки: согласился ехать на 50-летие Бабьего Яра, просит (без огласки) готовить выступление.

Дано «добро», чтоб Яковлев патронировал нашу часть совместной с США группы «по стратегическим размышлениям» – как строить новый мировой порядок... Яковлев сегодня зашел – не хочет предложенных мною в группу в качестве «рабочего» руководителя Мартынова или Кокошина. От американцев там будет Росс – помощник Бейкера.

Спросил меня:

– А что, Арбатова ты уже совсем не приемлешь?

– Да, с тех пор как он стал искать нового хозяина, чтоб остаться на Плаву. От Горбачева к Ельцину – «тушинский» перелет... Нюх...

– Я подумаю...

– Думай!..

М. С. согласился на договор с Чехословакией без требования – «не вступать во враждебные союзы», – на чем настаивал Квицинский.

«Независимая» совсем сегодня в ярости. Сам Третьяков кроет номенклатуру «четвертой власти» (пресса) на примере встреч М. С. за «круглым столом». А я грешным делом подумал о напечатанном в «Известиях» интима за чашкой чая: «свои все ребята», жалится им. Выглядит бедолагой: все, мол, проиграл, а человек я хороший, сочувствуйте мне.

24 сентября

Сегодня М. С. мне сообщил: обнаружено, что его «тайный» разговор в Ново-Огареве с Ельциным и Назарбаевым, когда они просидели перед «9+ 1» до 2 ночи, «записан» Плехановым... А там ведь все «места» (должности) были распределены, и Крючков, Бакланов, Болдин и прочие, естественно, не предусмотрены. Это и явилось последней каплей... Видимо, тогда и был «завязан» заговор.

Договорился с Мэрдоком (приедет его представитель Белл) и с «Бертельсманом» об издании брошюры «Августовский путч» на английском и немецком. А с издательством «Новости» – об издании здесь. М. С. еще раз правил сегодня рукопись...

Фельд принес от М. С. (хотя была уже полночь) правленную окончательно (?) брошюру «Августовский путч» и ту самую статью. Значит, дело пошло! Жалко, что убрал некоторые ядреные места.

Я решил опубликовать свой «дневник» трех дней в Форосе. Договорился с Голембиовским («Известия»). Хочу двинуть также в «Штерн» или в «Тайм».

Он предложил мне стать госсветником по международным и внешнеэкономическим вопросам – в ряд с Яковлевым и некоторыми другими. Я отказался, сославшись на возраст и на то, что я «в принципе» устал. По инерции могу делать то, что делаю, но браться за работу, где главным будут оргдела, не могу. Не справлюсь и перечеркну тем самым то, что «наработал» за последние годы в роли помощника. В душе обидно было. А он обрадовался! Знаешь, говорит, я думал в том же направлении: взвалить на тебя еще эту ношу, с твоей совестью... Лучше останемся вместе, будем так же работать, как раньше, вместе ездить (это что – премия?!). И в зарплате не такая уж разница... А международным экономическим советником назначить Примакова. Я поддакнул, похвалил Женю... и подумал: доволен, что я отказался, потому что раздваиваешься – вроде бы стоит меня вознаградить, но кто будет делать то, что делает Черняев каждый день??? На том и порешили.

Были у М. С. сегодня Вайгель и Келер (германские министр экономики и «шерп»). Все они твердят одно и то же: с кем иметь дело, оказывая помощь? Были на Украине: там явно хотят отделяться. Как, мол, будете жить-то? Но М. С. – оптимист. Твердит об эффективности новых союзных органов. Верует в Экономический договор, убежден, что и Союзный договор будет.

27 сентября

Вчера Би-би-си снимала меня (Маша Слоним, оказывается, внучка М. М. Литвинова, знаменитого наркома) для сериала «2-я русская революция»... Два часа спрашивали о перестройке, Горбачеве. Отчасти и о нашем заточении в Крыму. Очень деликатная публика... И действительно хотят истины... И монтаж талантливый. Вечером Брейтвейт (посол) пригласил в свои роскошные шехтелевские хоромы. Показали 6-ю серию, которая кончается стоп-кадром – записью перед любительской камерой Горбачева в «Заре». Поразительное, обреченное лицо!

Были Яковлев, Лаптев, Шахназаров, разные англичане. Прекрасный вечер, потом умное застолье... Все вращалось вокруг путча. И я, оказалось, им интересен. Очень жалели кинематографисты, что не добрались до меня раньше, хотя добирались. Маша звонила в 7 утра: умная, точеная еврейка... Впрочем, умеет хорошо и честно зарабатывать. Я сидел рядом, распространялся на разные темы, распускал павлиний хвост... Но чувствовал, что она мысленно отфильтровывает только то, что пригодится для работы в Би-би-си (она давно британская подданная).

Хорошо посидели...

А сегодня «спроваживал» Явлинского к Мейджору и Колю, писал в связи с этим послания, мысленно отфильтровывая, Горбачева премьеру и канцлеру.

Переделывал материал, который позавчера еще поручил сделать М. С. к его встрече с египетским президентом Мубараком.

Параллельно писал послание М. С. для сбора в Бабьем Яру, куда он сам таки не хочет ехать, посылает Яковлева.

Принимал корреспондента «Time» и договаривался с ним о публикации моего форосского дневника. Одновременно отдам в «Известия». 23 страницы получилось.

Нервотрепка и напряжение. Заглянул в поликлинику: ЭКГ хуже, чем позапрошлый раз, но лучше, чем в прошлый, а нижнее давление ПО, никогда такого не бывало! Загнусь я.

Разозлился на М. С., когда он прошел мимо меня (будто я неодушевленный предмет или охранник) в комнату, где его должны снимать для ТВ.

Впрочем, потом мирно сидели у него в кабинете вдвоем. Рассказывал, как они с Р.М. вчера «Мартовские Иды» смотрели – по случаю 38-й годовщины своей женитьбы. Вычленил актуально звучащее: об убийстве диктатора, о поэзии и т. д.

Подписал письма Мейджору, Колю, Бушу и Обращение к читателю для брошюры «Августовский путч»: завтра придет от Мэрдока издатель Белл.

С Бовиным сговорились пойти, наконец, в кабак (в Марьиной Роще, на Октябрьской улице). Но я опоздал (из-за М. С.). Он не дождался. И я его уже не нашел в том самом армянском ресторанчике, где многие его знают. Обиделся, наверное.

Рекомендовал Горбачеву генерала Батенина в помощники по обороне, Петракова – взамен Воронина в ЕС и В.И.Щербакова – в советники по международным экономическим отношениям. Он мне: «Не примут – замазался в ГКЧП».

Примаков с удовольствием согласился быть начальником советского «ЦРУ», контора эта выделилась из бакатинской. А Яковлев все шляется по митингам – и ни дня без интервью! Я подозревал в нем непомерное тщеславие, но думал, что оно обуздывается интеллигентностью и умом. Оказывается, оно в нем сильнее всего и все подавляет.

Утром позвонил Коллинз: Буш хочет говорить с М. С. Но предварительно мне, мол, поручено проинформировать – о чем. Я звоню М. С. – в 11.00 у него встреча с Мубараком. В 10.30 он принял Коллинза. Тот передает «инициативу Буша», которая будет сегодня обнародована: одностороннее сокращение ядерного оружия, даже «Томагавков», на что США никогда не шли. Выгодно... Красиво... Тем более что по обычному оружию они нас сильно обгоняют. Но не в этом дело. М. С. пытается дозвониться маршалу Шапошникову: чтоб у него подготовили «позицию» для разговора с Бушем в 16.00. Но... увы! Так и не дозвонился. Ушел на переговоры с Мубараком, а мне поручил созвать генералов + Карпова и передать им, чтоб «отформулировали» наш ответ.

Пришли Лобов (начальник Генштаба) + какой-то генерал + Карпов. Полтора часа дискутировали... Они сразу начали копать: сколько – чего – почему... как на многолетней бодяге в Женеве и Вене: тупиково и хлебно для переговорщиков.

Я им: «Вы считаете, что вся эта инициатива, чтоб нас „обыграть“, обмануть, унижить, показать, что мы уже не сверхдержава? Давайте, мол, совсем разоружаться? Никакого начала новой политики США, новых отношений с нами, итогов нового мышления вы в этом не видите?! И как будет выглядеть наш президент, когда весь мир будет ошарашен этой инициативой, а М. С. Бушу станет толковать насчет того, что вот тут у вас больше, а здесь надо бы еще обсудить? И это – когда Буш прямо заявляет, что будет разоружаться односторонне, и призывает нас последовать примеру?».

Сбавили тон, пытались изобразить, что они «конечно, понимают». Но таким нафталином запахло... Опять М. С. нашел начальника Генерального штаба, которому, дай Бог, дивизией командовать. Не генерала-политика, какие у Буша...

Ушли. Я продиктовал Тамаре «подсказку» для разговора с Бушем: крупнейшая инициатива, под стать рейкьявикской, которую вы, американцы, тогда не приняли. Поддерживаю. Давайте начинать, а по ходу уясним детали: что «навстречу», что параллельно, что в переговорах.

Правда, к 15 часам Шапошников (он умнее моих давешних собеседников, современнее, политичнее) принес концепцию разговора, близкую моей...

Собрались у М. С. Пришедший позже Лобов пытался «давить»: нам невыгодно, обманут, никакой односторонности не вижу и т. д. – вопреки тому, что М. С. тыкал ему пальцем в текст Буша, доказывая противоположное. Оставил генералов у себя в кабинете во время разговора с Бушем по телефону. Ход неплохой. Говорил в духе – «исторический шаг, приветствую, отношение позитивное в принципе, а остальное – обсудим и договоримся, как лучше».

Условились и о публичной оценке со стороны М. С.: он записался на ТВ.

Я уже упоминал, что Горбачев и Р.М. смотрели «Мартовские Иды» в Вахтанговском. И

вдруг он стал генералам рассказывать о своих впечатлениях, об аналогиях! Взял том энциклопедии с полки и стал вычитывать про Цезаря: смесь простодушия в нем с хитрой игрой в доверительность с новыми генералами! Шапошников оценил, Лобов, по-моему, ничего не понял.

Утром отправил в «Известия» свой дневник о трех днях в Форосе. В понедельник будет целая полоса. Приходил и корреспондент «Time» с фотографом-девушкой. Много снимала: и на фоне портрета Горбачева, и на фоне Ивана Великого, заставила сесть на подоконник с блокнотом (т. е. оригиналом дневника) в руках... Репортер заметил, что Голливуд много бы заплатил, чтобы занять этот блокнот...

В 17 часов был у меня Белл – от Мэрдока. Уговорились об издании горбачевской брошюры («Августовский путч») за 4 недели: 100 000 – аванс, 500 000 – при начале издания, первая часть гонорара. Очень они ухватились за такую сенсацию... Хорошо заработают.

Переписывал Обращение к участникам встречи в Бабьем Яру. Там я прямо – и о сталинском антисемитизме, и об исходе талантливых сограждан, и о великой нации, и о том, что уроки мы извлекли из собственного, не только нацистского антисемитизма. Не уверен, что все это Горбачев примет. Яковлев сказал мне: если вычеркнет, он сам об этом скажет от себя. В общем, правильно Тамара сказала: «Не рабочий день, а сумасшедший дом!»

Явлинский в передаче «Взгляд» выдал сегодня о золотом запасе – 240 тонн осталось... А в письмах Мейджору и Колю М. С. не обозначил цифру, а разрешил Явлинскому устно конфиденциально назвать ее. Теперь узнают цифру раньше из нашего ТВ, чем из закрытого письма президента. Вот так у нас делается!

Но цифра ужасающая... Мы действовали на грани... Распродавали, оказывается, по 400-500 тонн золота в год... У США – 4200 тонн – у нас

Ирочка звонит каждый день и только обещает... А мне она мерещится неотступно.

28 сентября

Поставил дату, чтоб начать запись, но звонок Горбачева: направь телеграмму Явлинскому в Лондон или Бонн – чтобы в 10 утра в понедельник был на совещании у президента.

Сказал, что сидит редактирует «Августовский путч». Я ему:

– Как так? Текст уже в Лондоне, если не в Америке!

– Ну и что? Всегда так бывало... Правили по ходу...

– Много?

– Порядочно! Пока.

Сидел у книжной полки. Перебирал книги. Боже мой, сколько не прочитано! И сколько упущено своевременно... Это – у меня, который все-таки что-то читал не только из обязательного для рядового совинтеллигента... А у других?! Интеллектуальный процесс был извращен, удушен до узкого, едва пропускающего канальца. Как же требовать культуры от общества, в котором оборвалась – на полвека минимум – связь истории?!

1 октября 1991 года

Стоят жаркие дни.

Вчера в «Известиях» появилось мое «сочинение» «Трое суток в Форосе». Сегодня «все об этом говорят»: кто подчеркивает политическую значимость, кто журналистский «успех», кто литературный дар, «зарытый в землю», кто человеческий аспект блокады... и т. д.

Французские и немецкие газеты и журналы просили разрешения перепечатать.

Но М. С. не понравилось: сделал вид, что не читал. «Ты, говорят, опубликовал какой-то свой дневник в „Известиях“?!» Разговор был при Грачеве. Тот начал хвалить... М. С. перевел на другую тему. Это значит: не понравилось Р. М. – я там действительно не очень к ней «вежлив».

В воскресенье поехал на 42-й километр. Немножко погуляли с Н. Н. – до Раменской железнодорожной платформы. За столом Кира вдруг бросает поразившую всех мысль: могло бы ведь произойти и так, что никакого путча не потребовалось бы. У Горбачева вдруг приступ, умирает или утонул, водица не в то горло и т. п. – и что? При ком мы остаемся? При Янаеве, Язове, Крючковых и К... Вполне законно, легально и не сразу с танками... А танки потом –

легально и законно. В самом деле, наследников-то каких он себе подобрал... для продолжения перестройки!

М. С., сразу после того как принял Кристоферссена (ЕС), стал у нас с Грачевым спрашивать: кого бы взять в госсоветники по международно-экономическим вопросам? Может, Адамишина? Мы с Андреем хвалим Адамишина... А потом я говорю: вот Обминский (заместитель министра иностранных дел). Он только что присутствовал на встрече с Кристоферссеном – ас своего дела (т. е. во внешнеэкономических делах).

М. С.: «Но он только по экономике, а мне нужен политик-международник... Ну, конечно, и с экономическими знаниями».

Я: "Так берите обоих: Адамишин и Обминский, а я их буду «координировать» (шутя, разумеется).

Он: «Нет уж, мы с тобой как работали, так и будем работать...»

Что это значит? А то, что либо я ему надоел, либо хочет сменить имидж окружения, либо действительно я ему нужен, только чтоб писать речи, составлять вот такие брошюры, вроде «Августовского путча», всякие письма лидерам, приветствия, ответы и поздравления. Скорее всего и то, и другое, и третье. А в общем – «пренебрежение к личности». Пока ему не покажешь свои зубы, «уважать себя не заставишь»... Наверное, пора.

Тем более что просто задыхаюсь в этих текстах: материал к беседе, запись и ответы после беседы, материал к звонку в Бонн, Лондон – куда еще, проект распоряжения, заготовка к мнению и бесконечные приветствия и обращения. Сегодня только: по случаю годовщины объединения Германии и для телефонного разговора с Колем... И опять и опять – подчищать тексты после его редактуры. Вот моя встреча с новым послом США Страусом: нужен отчет о ней Горбачеву и предложения, в том числе о совместной советско-американской «группе по стратегической безопасности». Вообще-то встреча – ничего особенного. Вроде как пришел удостовериться, можно ли со мной иметь дело. Ко мне тянутся сейчас многие: это из-за падения престижа МИДа. Я в их глазах выгляжу гораздо значительнее, чем на самом деле.

Кстати, у Коллинза, который в пятницу приносил М. С. «инициативу Буша», отек легкого. Чуть не умер, но спасли на Грановского. Страусе говорит, что в Америке бы не спасли. Буш прислал благодарность, просил, чтоб и М. С. поблагодарил врачей.

Просились опять Брейтвейт, Белл (посол Канады), Николаенко (заместитель министра иностранных дел, он только что с Кубы). Земцов (Израиль) с Велиховым прорвались мимо меня к М. С. Соблазняли почти даровыми миллиардными кредитами... Хотя прошел слухок – деньги-то от торговли оружием.

Я убедил М. С. принять-таки нью-йоркского ребе Шнайера и мадам Кардэн – председателя американской организации в защиту советских евреев. Согласился в порядке компенсации за то, что не поедет в Бабий Яр.

Явлинский вчера зашел. В отчаянии – повторяется осень 1990-го. М. С. опять начинает отруливать, заявил: пока не будет Союзного договора, не будет и Экономического соглашения.

Я: «Он что, спятил? Он же не только всем иностранцам в сентябре говорил, что Экономическое соглашение вот-вот появится, а Союзный договор – потом, когда получится. Два дня назад после Мубарака на пресс-конференции сказал это же... а теперь? Почему?»

Явлинский: «Не знаю, но будто договорился с Ельциным. При их разговоре были Силаев и Руцкой. Руцкой поддакивал. Силаев молчал. Это опять провал. И я ему сказал, что снова уйду, если так пойдет. Вот поеду в Алма-Ату с премьерами республик согласовывать проект, если он от него откредитится – уйду».

Я: «Но ведь провал и перед Западом. Вообще провал – никакого Союзного договора не будет! Он что – не видит, что Россия его провоцирует, чтоб все разбежались, а она в „гордом одиночестве“ будет потом им диктовать свои условия, „спасать“ их в обход Горбачева, который уже совсем не будет нужен!!»

Явлинский: «Наверное, не видит. Но я действую как профессионал и гражданин. Мне больше ничего не нужно. Не будет Экономического соглашения – нет смысла тянуть резину... Ибо не будет ни рынка, ни единения с Западом».

Я: «Но М. С.-то каков! Он что – не понимает, какая это для всех символика, если он еще раз привлек Явлинского и опять от него отвернулся! С кем он останется?»

Явлинский мне рассказал, о чем он «информировал» Мейджора, а именно – что не только у нас золота всего 240 тонн (я, говорит, перед отъездом в Лондон записался в «Вестях», чтобы свои узнали раньше, чем иностранцы. Ибо согласно их порядкам, если мир узнает о подобном раньше своей страны, премьер на другой день должен уйти в отставку).

Но золото, говорит Явлинский, это для обывателя. А вот что у нас пусты все активы – это действительно катастрофа. То есть Внешэкономбанк на счетах не имеет ни сантима, ни цента. Рыжков и Павлов все растратили. Мы совершенные банкроты. И я сказал об этом Мейджору.

Мейджор реагировал: если бы Англия узнала про себя такое, на другой день произошла бы революция!

Между тем М. С. сегодня с Кристоферссеном (как по тому анекдоту) был предельно самоуверен: не надо драматизировать. Ну а раз революция, то и полного порядка не может быть, берите, мол, нас, какие есть. Все долги мы отдадим. Подачек не нужно, и т. д. Произвел на того впечатление. С этим Кристоферссен и поедет в Лондон, Или – может, только и осталось действовать «на авось»?

2 октября

Вспомнил насчет своего дневника о Форосе. Кое в чем я там слукавил, впрочем, не настолько, чтобы это стало ложкой дегтя. Прав корреспондент «Time», который его перепечатал, что блокнот, заснятый в натуре сопровождавшей корреспондента девицей, купили бы за тысячи долларов. На 95 % я постарался воспроизвести то, что было написано именно так, как там было написано.

Все время хочу «женского»... Ужасно, что «не имею» это всегда – мне ведь так мало осталось...

Горбачев встретился с Шарлоттой Кардэн. Довольно пожилая американизированная еврейка, возможно, в прошлом даже красивая. Умна и деловита. Но – в пределах "дипломатичности".

Он начал с того, что перестройка была задумана «во благо» всех народов, в том числе и евреев. Она все время деликатно пыталась настаивать на том, что евреи – это все-таки «особый случай». По ходу разговора прямо его спросила, почему «советское руководство», осуществляя демократизацию, прямо и официально не осудило антисемитизм. Он (как уже не раз делал с другими собеседниками) опять ушел от ответа: я, мол, в официальных выступлениях решительно осуждал все виды шовинизма и национализма. Акцентировать особо внимание на антисемитизме – это, знаете... У нас 120 национальностей в Союзе. Выделять кого-то – значит отдавать кому-то предпочтение. А националистические проявления имеют место не только по отношению к евреям. Кардэн тем не менее, улыбаясь, попросила Горбачева найти возможность и удобный случай «еще раз» выступить публично с осуждением антисемитизма.

М. С. заверял мадам, что «атмосфера в этом отношении за последние годы заметно улучшилась». И вообще в народе «этого нет», хотя нельзя отрицать...

Кардэн напомнила о появлении у нас антисемитских газет, о бытовом антисемитизме. М. С. реагировал «с пониманием»: межнациональная ситуация у нас сложна, но не безысходна. Решение проблем – в дальнейшей демократизации, в повышении «культурного самосознания народа».

Американка подняла вопрос об «отказниках»: их остается много, хотя «вы, господин Горбачев, сделали очень много, чтобы снять в принципе проблему выезда». М. С. сказал, что он против того, чтобы уезжали, но теперь это дело добровольного выбора. «Отказников» привязал к госсекретам. Шарлотта иронично отметила: может, посмотреть – и окажется, что это совсем не секреты? И почему во всех западных странах «срок секретности» 5 лет, а у вас 10? У вас какие-то особые секреты от международного сообщества?" М. С. обещал «над всем этим подумать».

Больше всего, я видел, его заботило, как использовать «благодарность евреев», о которой Кардэн так много распространялась, чтобы еврейская община США способствовала инвестициям в нашу экономику.

Кардэн напомнила, что Всемирный еврейский конгресс и «вообще евреи» с самого первого момента резко осудили ГКЧП. М. С. поблагодарил и сообщил, что из-за пугча усилился

отток евреев из СССР.

Как бы я оценил эту встречу? М. С. и раньше официально встречался с еврейскими деятелями (Раппапорт, Райхман, израильские министры), но речь шла о «делах», об экономических связях, хотя для общественности не осталось без внимания, что генсек (президент) «не погнушался». На этот же раз встретился с дамой, которая официально представляла еврейскую организацию и говорила от имени всего еврейства и по «еврейскому вопросу».

Наверно, этой встречей и его посланием «поминальной молитвы» в Бабий Яр можно поставить точку государственному советскому антисемитизму.

И все-таки, все-таки какая-то горечь остается: не решился Михаил Сергеевич сам поехать к Бабьему Яру, хотя президент Израиля звал его туда, тем самым рассчитывая придать государственный оттенок этой акции. Не последовал примеру Вилли Брандта, который на коленях попросил в Варшаве прощения у нации, жестоко «обиженной» его народом, несмотря на то что он, Брандт, лично к этому не был причастен.

6 октября

Вчера М. С. принимал Камдессю. Оформили вступление «СССР» в МВФ (все время теперь в официальных и особенно публичных текстах хочется избегать названия государства. Черт знает что: наверное, не было в истории случая, когда государство, оставаясь, лишено было своего названия... Ну, ладно). Оба – и Камдессю, и М. С. – назвали происшедшее «историческим событием». С точки зрения символики, наверное, это так. Обменялись письмами, а я еще по их просьбе написал «заверение», что обмен состоялся...

Камдессю был очень вежлив, многословен и необычно для делового человека преисполнен энтузиазма и оптимизма в отношении нас. Сказал, что его люди по поручению «семерки», еще прошлой осенью изучали «нас» на месте, «постоянно следят за ходом событий» и он уверен, что, если мы «получим» (т. е. создадим с помощью МВФ и «семерки») технологию и стимулы, СССР не когда-нибудь, а через несколько лет станет экономической супердержавой. Я это написал и в сообщении о встрече для печати... Но кто теперь печатает этот созданный мной «жанр»?! Ни по ТВ, ни в газетах эти мои сообщения о встречах М. С. не появляются.

До этого два дня я с Вебером и Ермонским готовил выступление Горбачева по ТВ – ответ на инициативу Буша... Работала и созданная М. С. группа во главе с Силаевым (Шапошников, Петровский, Рыжов, Бакатин, Яковлев, генералы и Карпов из МИДа). Вчера это соединено было вместе: мой политический текст (оценки) и их «встречные предложения», довольно решительные. Но не решились (Шапошников, авиатор, возражал) ликвидировать нашу ядерную бомбардировочную авиацию: часть триады СНВ... Хотя сам он + Рыжов и другие «проинформировали», что наши ТУ-160 – это летающие гробы (вроде ТБ-3 начала войны. Помню их). Если, дай Бог, и долетят до побережья США или Канады, то только чтоб выпустить ракеты, а как обратно – это уже другой вопрос! И они – это всего 3 % от наших СНВ... Стоит же каждый 50 миллионов и несет всего 8 ракет, тогда как Б-2 (США) – 48 ракет, не говоря уж об электронике, «проницаемости», скорости и т. д.

Тем не менее (хотя чуть было не решились) этот пункт все-таки вычеркнули. Если бы приняли, это означало бы ликвидацию одной ножки в треножнике СНВ.

М. С. поговорил с Ельциным, который в общем и целом «согласился»... Обещал послать к нему в Кисловодск Обухова и генерала, чтоб ознакомить подробно... Но, кажется, забыл об этом. Других глав «наших государств» не счел необходимым информировать: «А пошли они... Тоже мне президенты!»

Поговорил с Бушем. Панкин передал наш ответ письменно прибывшему в Москву Бартоломью (из МИДа США). Поэтому мы и поторопили М. С. выступить вчера же по ТВ, чтоб не выглядело, будто сделано под диктовку американцев.

А в четверг «проводжали» Примакова в «наше ЦРУ». Собрались у него в кабинете: Бакатин, Яковлев, Ревенко, я. Пришел и М. С. Хорошо выпили, поговорили о верности друг другу, поделились «информацией» о предательствах. Особенно распространялся Яковлев. Смотрел я на него и думал: а мне вот, например, не нравится твоя мелкотщеславная активность на публику. Каждый день возле его кабинета (мы в Кремле рядом) толкутся телевизионщики и

журналисты. Каждый день он где-нибудь выступает на тему нравственности: то при открытии Фонда (Красин и Шах образовали Фонд на месте Ленинской школы), то на представлении своей книги (очередного сборника тех же статей и новых интервью).

В пятницу 3 октября приезжал Хорст Тельчик (бывший помощник Коля, он теперь в руководстве мирового издательского концерна «Бертельсман»). Взялся издавать книгу М. С. в германоязычных странах.

Вечером позвонила Раиса Максимовна:

– Вы читали «Правду» за вчерашнее число?

– Нет.

– Прочтите, там о дневнике, который вы опубликовали. – И понесла: как я мог так на нее наговорить! Будто она называла Болдина родным и делилась с ним интимными семейными тайнами. Она вообще-то никого родным, кроме М. С. и дочери, внушек, никогда не называла. Как я мог нанести такой удар и по ней, и по Михаилу Сергеевичу! Я знала, что используют этот ваш дневник во вред нам. Вы-то там ничем не рисковали, для вас это так – событие, а для моего мужа, детей и внушек вопрос стоял о жизни. Вы подумали бы, прежде чем писать такое... Я этого не говорила, и Ира с Толей (зять) свидетели. Михаил Сергеевич тоже подтверждает, и так далее.

Как обычно, повторяет по-учительски несколько раз одно и то же. Продолжалось это около получаса. И М.С. при сем присутствовал, это стало очевидно, когда она иссякла и спросила: «У вас есть вопросы к Михаилу Сергеевичу?» У меня их не было.

Я подумал: а на хрена мне это все нужно? И почему она или вообще женщина, пользуясь тем, что перед ней «джентльмен» и не пошлет ее, позволяет себе выговаривать? Я ей сказал, что молчать не мог, когда со всех сторон «доказывали», что никакой блокады, ареста и отключения связи не было и что это чуть ли не сам Горбачев все придумал и затеял. Не мог я позволить себе под видом дневника опубликовать «с учетом» и т. д. Может, точно такие слова про Болдина и не были ею сказаны, но смысл реакции на Болдина тогда, в «Заре», был именно такой. Таким и запечатлелся у меня этот эпизод.

Противно получается: Яковлеву, Шеварднадзе можно об М. С. говорить что угодно, даже подозревать его в организации заговора (как это сделал публично Э. А.) – и ничего! А как Черняев выходит из тени и заявляет «свою индивидуальность» – не нравится. Хоть бы подумала, что эти 6 лет отданы ему и его делу, причем беззаветно и бескорыстно. А насчет того, что «мне ничего не грозило»... Они вместе с М. С. никак не могут примириться с тем, что я не наложил в штаны: отсюда и мое «веселье» перед телекамерой «Вестей», на что, оказывается, обратила внимание не только Р. М., но и разная публика, смотревшая передачу, в том числе и Марк Захаров, выступавший на другой день на ТВ.

Плевать! Но пора уходить. Пора! И ничего не надо объяснять...

7 октября

На 42-м километре (это по Казанской ж. д.) встреча с давними друзьями из разных академических институтов. Терраса. Разговоры все о том же: что с нами будет... Я всех заверяю, что будет Великая Россия, а на остальное наплевать...

Посудачили о вчерашнем интервью Р. М., где она приложила меня за дневник в «Известиях»: «Вымыслы. Не знаю, мол, с какой целью».

Приехал домой в 7 часов вечера. И тут же появилась Ирочка... с Сережкой (сыном). Пил вино и говорил, говорил... И о Р. М. – почему ее все не приемлют. Распространялся о «Мартовских Идах», вспомнив, как их увидел М. С., о Шекспире и Ибсене, о Юлии Цезаре – недавно заглядывал в старую книгу о нем, написанную университетским профессором Утченко, которого знал в свое время. Обо всем прочем... А смотрел и мучился Ирочкой... Ее колышавшиеся под кожаной кофтой груди... Нестерпимо.

Показывают по ТВ Кравчука. Присваивает себе и ядерные ракеты, и Донбасс, и Крым... Идиот! Он что, считает, что и Севастополь ему принадлежит?! Нет уж – тут самый что ни на есть «демократ», если он русский, будет против. И еще как будет!.. И не отбирать придется Севастополь у Кравчука, а пусть он его попробует «взять»!..

12 октября

Очень быстро все выветривается из головы – в этом мелькании событий и «обстоятельств». Попробую телеграфно воспроизвести.

Я не пошел на встречу М. С. с Райзманом и К^р. (представляет 120 «акул» пенсионных фондов США – 400 миллиардов долларов). Не пошел на встречу М. С. с президентом «Кофиндустри» Италии – главным в итальянском бизнесе. Не хотел идти на встречу с Мэдиганом, министром сельского хозяйства США: «демонстрировал» свое «фэ» в связи с «акцией» Р.М. и его, М.С., отношением к этому.

Он заметил мое отсутствие: по семь раз на день звонил по пустякам, иногда забывая, зачем звонит. Возможно, «приплюсовалась» неловкость по поводу того, что он сделал Шаха госссоветником, а меня – нет. Но я ведь сам отказался!.. Тем не менее – кольнуло...

Мэдигану Горбачев доказывал, что у нас есть с кем иметь дело, оптимистично уверял его, что вот 11-го будет Госсовет и там «во!» – и Экономическое соглашение, и Продовольственное соглашение, и Союзный договор... Между прочим, Мэдиган от имени Буша действительно предложил помощь (мы все никак не поймем, что здесь действует и мораль, и порядочность, и «товарищеские» чувства). Например, согласны задаром поставить своих менеджеров на наши пищевые предприятия, чтобы на том же оборудовании, с тем же персоналом, говорит американец, увеличить производство на 25 % и даже на 70 % при «правильном», то есть американском, управлении. Ферму в С.-Петербургской округе обещал поставить образцовую и тоже задаром. М. С. все выпрашивал, сколько такая в США стоила бы? А тот все думал, что Горбачева интересует сколько она нашим будет стоить, и уверял, что ничего. Потом, «догадавшись», назвал цифру.

На встречу с Мэдиганом мне пришлось пойти, ибо Гусенков сопровождал Р. М. и детей на допрос в прокуратуру, а Загладин, как обычно, оказался то ли в Брюсселе, то ли в Риме...

На Госсовете действительно произошло неожиданное. После раздвоя в русском парламенте, правительстве, в президентской власти пресса уже подозревает раскол в новой, послепутчистской демократии. Ельцин явился на Госсовет, хотя за 3 дня до того в Кисловодск не могли дозвониться ни Руцкой, ни Хасбулатов, о чем и заявили публично. Говорят, пил по-черному, и возле дачи все время стояла единственная в городе реанимационная машина...

На протяжении шести часов заседания Госсовета, надувшись, как бывало на Политбюро, Б.Н. не открывал рта. Но под конец открыл, чтобы сказать «да» по всем трем вопросам: Экономическое соглашение, Продовольственное соглашение, продолжение работы над Союзным договором.

По первому пункту Явлинский сделал блестящий доклад – «ликбез», «культпросвет» для элементарно безграмотных президентов республик. Он не стеснялся с ними. Например, по поводу Центрального банка, который они хотят сделать межреспубликанско-коллегиальным, говорит, разведя руками: это закон природы... Если рублевая зона остается, если вы за единое экономическое пространство, то закон природы исключает «ваше» коллегиальное управление. Ну что я могу сделать? То, что вы хотите, похоже как если бы в Москве была центральная больница, вы приходите на операцию и требуете: пусть меня оперирует коллегия из 12-15 разнорациональных врачей и только так. Думаю, кроме вас, в такую больницу никто бы не пошел и т. п.

Поразительный примитив. Члены ПБ (для той, своей системы) были куда более квалифицированными и более умными!

Кравчук «завелся» по Союзному договору, несмотря на то что М. С. опять заметно отступил. Теперь уже нет речи о том, чтобы сначала Союзный договор, а потом Экономическое соглашение. Теперь только о том, чтобы продолжить работу над текстом в межреспубликанских рабочих группах. А упрямый хохол свое: мой Верховный Совет решил «не участвовать» до 1 декабря (день украинского референдума)...

Тогда М. С. предложил обратиться от Госсовета «К трудящимся Украины». Термин «трудящиеся» «забодали» сразу. Киргиз предложил взамен – «народ». Другие – «К Верховному Совету»: он, мол, принял решение! Кравчук запротестовал: действительно нелепо – он член Госсовета, вместе с другими его членами, рекомендует своему Верховному Совету отменить то, что там вместе с ним решил. И это – когда он баллотируется в президенты. Тем не менее М. С.

«поручил» самому себе подготовить такое обращение!

Словом, пронесло по трем статьям. Но что-то будет в Белом доме, когда Ельцина, смурного и оглоушенного водкой за целый отпуск, возьмут в оборот бурбулисы, лобовы и К0?!!

8-го я ходил к Панкину: договорились пообщаться в самом МИДе. Давно не бывал в этой «высотке». Встречали чопорно и подобострастно: милиционеры и чиновники в поклонах. Через анфиладный кабинет прошли в отдаленный «отсек», сели за виски. Поговорили... Трудно даже сказать о чем. Ну вот хотя бы о том, что политику нового мышления будем теперь делать вместе. Вспомнили былое – за 20 лет. Промыли косточки отступникам во время путча. Квицинского определили «в тень», чтоб не терять – человек острого ума и профессионал классный. «Хвалил» я Борю: в МИД пришел опять политик, а не чиновник. Вспомнили, как он устраивал Элли Петровну в ВААП и как Четвериков, придя туда на место Панкина, выдворял ее, шантажируя меня связью с нею.

Но хоть и договорились «действовать дружно» – он уже на другой день, минуя меня, вышел на М. С. и предложил ему пригласить в Москву Милошевича и Туджмана: мирить Сербию и Хорватию. Когда я узнал, стал возражать перед М. С.: зачем подставляться-то, благословлять отделение Хорватии (первым среди мировых лидеров), к тому же мирить есть кого у нас самих, в собственном доме. Странно будет выглядеть. А главное – безнадежное дело. М. С., давший уже согласие на приглашение, игнорировал мой совет... Опять смазал: мол, знай свое место – пиши «памятки» для бесед!! Хотя и ласково.

История с гонораром Горбачева за книгу в «Харпер энд Коллинз»... По ТВ уже дважды сообщили, что он продал ее за 500 000 долларов. Кто «донес»? Знают о гонораре я, Палажченко, Гусенков и Богатое, зам. Четверикова по ВААПу. Вряд ли утечку сделал издатель Белл (тайна вклада). Значит, Богатое или кто-то от него «запродал», может быть, за гонорар себе. Я сказал об «утечке» М. С. еще позавчера. Он отмахнулся: «Да ладно! Это меня не волнует».

А вчера, уже в полночь, звонит Гусенков, говорит: только что получил выволочку за это, был с пристрастием допрошен, как и почему это произошло.

Наверное, подсутился Четвериков... Но «настроила» Р. М., которая теперь меня ненавидит и подкидывает компромат!.. Недаром позвонил он Гусенкову – со мной ему «тянуть» эту тему, видно, неловко.

Надо скорее уходить.

Геня сделала удачную вторую операцию на глазу: теперь будет читать. За это Славка Федоров требует, чтоб я добился от Горбачева снятия с него 40 % валютного налога. Вот так, дорогой Черняев! Но делать я этого не буду.

Хочется в лес, за город... Осень, на этот раз прекрасная.

Купил на днях на Арбате красотку – в графике, оригинальная иллюстрация к «Мастеру и Маргарите»: 400 рублей. Вон она – на стенке. Приятно – утром просыпаешься и «молишься» на красоту, которая куда-то уводит...

Готовил «памятку» для Накаямы. Мешал разговорами Брутенц... Зачем пришел?.. Может, от жены убежал, может, готовился к поездке в Саудовскую Аравию и в ОАЭ, куда я его «устроил» с посланием М. С. «втайне» от Панкина, который отказался взять его в Сирию и Израиль.

Vak-grounds для Накаямы от МИДа –дохлый, сплошь словеса. Я их улучшил, «горбачевизировал», а позиции нет все равно.

Приехал Вебер... Я скинул «памятку» на него, попросил достать «досье» о поездке в Японию Хасбулатова, о митингах и о прессе против передачи островов.

От Люды вернулся на работу. Вебер показал, что он после меня доделал. Я пришел в отчаяние. Позвонил Панкину: нет «у нас» позиции – что выносим на уровень президента? Он что-то начал отбалтывать.

– Боря! Хватит топтаться. Все, что можно было в топтании, уже сказано, надо выбирать: – либо отдаем острова и идем к народу (в ВС России или СССР) и обосновываем это решение, либо говорим японцам: не видать вам их никогда и гуляйте со своими добрыми намерениями к нам, с «дружбой» и со своими миллиардами! И честно сказать народу: ты этого хотел?

Ничего путного в ответ я от министра не услышал...

А М. С. опять будет забалтывать проблему: «история рассудит», «будем-де создавать атмосферу»... Бессмысленно. Нет политики. Остался треп.

То же – с приглашением Милошевича и Туджмана. Панкин не смог объяснить, зачем он впутал М. С. в это дело. Первый мировой лидер, который благословит «уход» из СФРЮ Хорватии? Уговорить Сербию и Хорватию – чтоб «без крови»?.. Смешно! Или у нас самих нет чеченцев, ингушей, осетин, армян – etc., etc., чтоб мирить?!

Опять же не политика, а болтовня. М. С. этим занимается, чтобы создавать видимость участия в «мировых делах».

Вчера я ему написал свое мнение о югославах. В ответ звонит: «Значит, так – Милошевича в 15.00 15-го, Туджмана – в 17.00». Вот и весь разговор с помощником президента пока еще сверхдержавы по международным вопросам.

На хрена мне это нужно!

День на работе пропал: ничего не сделали. Завтра придется вкалывать. А я хотел «в лес»...

М. С. мне поведал о разговоре с Ельциным вчера после Госсовета. Тот ему говорит: «А вы, Михаил Сергеевич, не поспешили ли со своей книгой („Августовский путч“)?» – «Нет, – отвечаю, – и тебе советую, если у тебя есть что сказать про те дни, сказать сейчас».

Комментирует: наверное, из зависти решил меня «предупредить», у самого-то книга, видно, не получилась в Кисловодске, не до того было!

Скандал с выкраденными и опубликованными в «Шпигеле» стенограммами допросов Язова, Крючкова и Павлова... Предел государственного распада! Но даже не в этом дело... Я говорю М. С.: подтверждается то, о чем в вашей книге – отказ принять ультиматум расстроил все их планы. Путч с этого момента провалился, ибо весь фарс был рассчитан на то, что Горбачев даст слабину...

13 октября Между прочим, сейчас только «осенило»: ведь сегодня ровно 50 лет, как я ушел на фронт. От истфака добровольцы-студенты направлялись туда через военкомат в Столовом переулке, рядом с Никитскими воротами (это здание и сейчас стоит). Вспомнил, как там забраковали меня (из-за носа – слуха) в летчики, куда я попросился, и как остригли наголо, и я уже больше не снимал шапку, когда сажали в автобус (отправляя на вокзал), чтобы провожавшие мама и Геня не увидели моего безобразия... Усы остались...

Итак – полвека. Вон куда завернула меня судьба...

Последний номер «Родины» весь посвящен накопленной за полвека лжи о войне – белым пятнам, которые только теперь начинают заполнять... Но, заполняя, «заменяют» другой ложью. Например, эссе В. Астафьева, который проклинает коммунистов-комиссаров, политруков, якобы они отсиживались в блиндажах под тремя накатами. Да, были и такие, как и беспартийные командиры! Но я помню и других, например нашего комиссара батальона, белоруса Любутина, который с передовой не вылезал и погиб в окопе от осколка в голову. Да и мы стали там коммунистами. Это как бы клятва верности, смертничество своеобразное: если плен или победа немцев – гарантированный каюк, обратной дороги нет. И очень плохо, что фронтовики скрепляют реваншистскую истерию «демократов» своими «показаниями».

Пришлось сегодня ехать на работу. Закончил «памятку» для Накаямы. Но предварил ее личной запиской к М. С.: мол, это «словесность» и повторение пройденного, политики тут нет, политика – это выбор. И надо выбирать, а не продолжать «переминаться с ноги на ногу» (его выражение). Либо мы даем согласие на передачу островов (предложил ему договориться с Ельциным и выйти на Верховный Совет, или на Съезд и получить на это санкцию вопреки местным «патриотам»), либо объяснить Накайме: отдать не можем, «народ» против. Но тоже объяснить народу на ВС: «Ты этого хотел, пренебрег дружбой с японцами ради двух скал и двух едва обитаемых островов в условиях, когда „отдали“ всю Прибалтику (тоже наследие войны) и отдадим еще кое-что».

Написал резко. Думал, обозлится, но вот только что позвонил. Говорит: обменивался с Панкиным, завтра буду говорить с Ельциным – в самом деле, надо определяться.

Поговорили о статье в «НГ» насчет того, что Ельцин не пойдет на радикальную реформу, ибо она противоречит его популистской природе, он будет терять – и быстро – базу. Держаться он обречен только под аплодисменты. (На это М. С. заметил: а мы все это уже прошли и можем действовать сообразно разуму рационально.) Кстати: японские острова будут оселком – права

ли «НГ» в своем анализе... Ведь отдать – очень непопулярно, а отдать – помочь экономическому возрождению России. Но это журавль в небе!

Закончив дела на работе и отправив М. С. бумаги (+ текучка), решил уехать, но не на 42-й, а к Тамаре в Ивантеевку. Великолепное Ярославское шоссе сделали нам немцы. Машина шла со скоростью 120 км. Правильно поступил, что поехал. Тамара с Таней, подругой. Соседи – два красивых инженера лет 40 и 35 – братья. И еще одна Таня, жена одного из них. Пригласили «закусить». Посидели в подсобном строеньице. Хорошо, что я захватил с собой две бутылки брутенцевского подарка из Алжира. Приятно выпили и поговорили... Собрались и уехали в Москву. Тамара очень рада была, что я так поступил...

Завтра приедет Бианка (итальянка, наша старая знакомая).

16 октября

Вчера М. С. опять удивил, в том числе и меня: окрутил Милошевича и Туджмана. Несмотря на всю их вражду и непримиримость, они согласились вместе ужинать (в особняке на Ал. Толстого) и приняли совместный меморандум (который за 5 минут я продиктовал Тамаре, перед тем как ехать в этот шехтелевский дворец). И втроем «фигуряли» перед камерой, а Андрей Грачев зачитал этот текст («коллективно» перед тем отредактированный во Врубелевской гостиной).

В общем – чудеса горбачевского обаяния, «доверительной» убедительности и ловкости. Обезоруживает прежде всего здравым смыслом и тем, что сейчас стали называть открытостью.

Однако, думаю, в югославском конфликте этим, пожалуй, и кончится. Стоило ли, продолжаю я перед собой, настаивать?! Больше выиграл М. С. для себя (в смысле международного и даже внутреннего имиджа). Объявил там, что завтра он будет «так же!» сводить Муталибова и Тер-Петросяна! Что ж до Югославии, то я буду не прав только в том случае, если они уже сами выдохлись, сокрушая и стреляя друг в друга: 1000 убитых военных, 10 тысяч мирных жителей, 388 исторических памятников уничтожено, разорение хозяйства Хорватии и т. д.

Тем не менее по «данному вопросу» я оказался не прав с точки зрения интересов самого М. С. как государственного деятеля, недооценил его способности.

А по Японии – хоть я и настаивал на том, чтобы уже сейчас объявить (пусть в закрытом порядке, на ушко), что согласен передать острова, – моя настойчивость оказалась бесполезной. Это заставило М. С. задуматься: нельзя топтаться на месте. И он сделал шаг, дав Накаяме понять, что цель у нас с Японией одна: по мирному договору острова отдавать. Но надо «пройти путь», не перескакивать, не сломать процесс, потому что и у нас теперь демократия, а ее представители на Дальнем Востоке бурно против передачи!

В понедельник – Ирочка. Хороша, обольстительна, доверчива, но паникуша... Побоялась даже вдвоем из дома выйти...

Приходил Розенталь из «Time». Сказал, что за мой текст о 18-21 августа мне положено 5000 долларов! Хорошая подпорка в нынешней-то жизни. Договорились с Розенталем, что, «может быть», я им буду нечто подобное выдавать и впредь – «о своей службе у Горбачева»... Надо, надо – ведь многое уйдет вместе со мной.

Болят за ухом. Что бы это могло быть? Обычно все мои такие «болезни» сами проходят. Например, грыжа в паху в сентябре. Может, и это само заживет, как на собаке?

19 октября

Вчера подписано усеченное Экономическое соглашение: без Украины, Грузии, Молдовы и Азербайджана. Накануне Ельцин по случаю своих «100 дней» еще раз поставил себе в заслугу, что «доручил» Центр. На вопрос, как у них с Горбачевым, ответил: лучше, но если он опять (жест!), я нанесу ответный удар (жест – кулаком по столу).

Вчера же по ТВ министр финансов России сказал, что «у них» все готово для денежной реформы и обмена на русский рубль республиканских денег.

М. С. все спрашивает, как с подготовкой материала для его выступления при открытии 21 октября сессии Верховного Совета. На нее, кстати, не приедут депутаты от Украины, Молдовы, Азербайджана, Верховный Совет которого вынес постановление – не участвовать и

не подписывать в Москве ничего, пока не дадут гарантий по границе с Арменией. Мало того: не найдены даже руководящие органы ВС – вместо бывшего Президиума Верховного Совета, председателей палат. Лаптев и Нишанов уже в офсайде, так как нет уже тех их палат. ВС Украины заявил о подчинении себе всех вооруженных сил на ее территории и переходе в собственность всего их имущества – безумие какое-то!

К чему я все это? К тому, что осталась видимость от Союза. А Горбачев, согласно тому Риткиному анекдоту, держит высоко голову... Я каждый день ему поставляю тексты приветствий: то Парижской конференции по Камбодже, то Генконференции ЮНЕСКО, то письмо Бушу (с Акаевым)... Выступил кудесником-примирителем Сербии и Хорватии. Хотя вскоре они вновь начали колошматить друг друга с еще большей злобой.

Принимал японцев, фактически обещал острова, хотя отдать их теперь уже абсолютно не в его возможностях.

Принял Фошерау – бургомистра Гамбурга, чтоб угодить мэру Санкт-Петербурга Собчаку, который, упросив, даже не счел необходимым прийти на встречу, а послал своего «министра иностранных дел». Есть теперь и такие в Ленинграде.

«Московский комсомолец» поместил в пол-листа фото шурина президента, брата Р. М., который много лет находился в воронежской психушке (алкоголик). Ужас!.. Потом редакция отделалась извинением, а супружеская президентская пара, по словам Гусенкова, в шоке два дня с тех пор!!

Пресса переключилась на серьезную критику Ельцина. Напоминают, что раз Центра больше нет, во всяком случае, он «не тормозит» – скоро ему предъявят счет... И что после «великой победы» в августе он ничего такого не сделал. А о Горбачеве пишут походя, иронически, с насмешками, с издевательским снисхождением. Уже не предъявляют претензий и не бросают обвинений.

Так вот... Я больше всего боялся, что М. С. будет хвататься за остатки власти и положения. Не сумел он вовремя и красиво уйти. И когда общаешься с ним, наблюдаешь, как он уверенно держится с иностранными собеседниками, говорит с ними (по стилистике, манере!) так же, как и год-два назад, не знаешь, что думать: то ли натура такая, то ли чувство самосохранения, то ли играет хорошо.

Между тем, если Экономическое соглашение заключили еле-еле, то Союзному договору не бывать... И Центр исчезнет. Ельцин претендует на роль «президента-координатора». Он заявил публично, что будет отчислять в союзный бюджет только на содержание Министерства обороны, атомной энергетики, железнодорожного транспорта. Даже МИДа «среди них» нет!

На президентскую службу тем более давать не будет. Правда, Ревенко мне сказал, что уже создал «фирмы», которые качают валюту, и прожить президентскому аппарату пока можно будет. Но это же нонсенс: президент «великой державы» существует за счет почти подпольного бизнеса!

Вчера восстановлены дипломатические отношения с Израилем. Это действительно было бы событие, если бы оставался Союз... Впрочем, Россия переймет. Назначена конференция по Ближнему Востоку в Мадриде. М. С. поедет... В то время как у нас самих каждый день режут друг друга – в Карабахе, в Осетии, в Чечне, в Грузии и т. д.

Пора на работу. Стоит очень теплая погода – больше 14-15° С днем. Но сегодня дождь. Люблю такие осенние дни.

Бианка «засиживает» меня до позднего часу. Изнываю... Засыпаю на полуфразе. А ей хоть бы что – болтает, болтает на своем русско-итальянском волапюке... Из-за нее недосыпаю, во всяком случае «недочитываю» того, что обычно оставлял к ночи перед сном.

20 октября

Вчера был «своеобразный» день. Я пошел на работу почти уверенный, что придется «сидеть» вместе с М. С. над выступлением при открытии Верховного Совета (в понедельник). Шах еще с вечера дал мне текст, где были соединены куски по разным темам, готовившиеся разными людьми. Впрочем, как он мне сказал, Медведев и Ожерельев так и не дали экономический кусок. Так что текст состоял из «правовой» части (Шах), моей (внешняя политика нового Союза) и импровизации шаховских ребят на социально-экономические темы.

Я прошелся по всему и много направил, убирая выпады против кого бы то ни было (Украина, Грузия...), а главным образом – «чтение морали», нравоучения и поучения в горбачевском, правда, стиле. Время их прошло. Отдал Шаху.

М. С. с 12.00 занимался опять не своим делом: собирал предпринимателей и трудовые коллективы, чтоб учить, как им жить дальше.

Казалось бы: отдал все в республики, в ассоциации и корпорации, и пусть все идет «другим чередом», пусть они несут ответственность. Нет, руки чешутся поруководить всем и вся, как в бывшее время, с которым он сам сознательно и покончил. И в этом как раз его историческая заслуга.

Кстати, в «Культуре» (меня предупредил редактор Альберт Беляев) на 1,5 полосы опус: «Кто же такой Горбачев?» – психоаналитическое (по Фрейду) эссе о личности, о мотивах деятельности Горбачева. Написал медик-психотерапевт. Написано «красиво»... И я, который (в отличие от автора), знает Горбачева вблизи, согласен с ним на 90 %. Номер за 19 октября 1991 года .

Часам к трем, однако, узнаю, что М. С. уже засел с Яковлевым и Шахом за работу над текстом. Меня, значит, «не сочли»...

Да, забыл: в пятницу был у меня Бруно Малое. Тот самый – зам. зав., потом зав. международным отделом СЕПГ, мелькавший на экранах с Хонеккером в качестве переводчика. Теперь в свои 55 лет «доживает» в аппарате ПДС в Берлине. Жаловался, что не все прежние друзья, с которыми столько лет укрепляли международное коммунистическое движение, захотели с ним видаться. Поговорили о жизни, о перестройке, о былом – знакомы-то лет 20 с лишним. О том, что делали, понимая абсурдность дела, тупиковость; о том, в частности, как Пономарев собирал пятерку соцстран на своем уровне и учил их, как давать отпор то итальянцам и французам с их «еврокоммунизмом», то – румынам (помню, в Польше, ночью под Варшавой в каком-то старом замке времен Мицкевича втайне от румынской делегации сидели – сговаривались!)... Бруно все понимает и не стал спорить, когда я «обосновывал» неизбежность того, что произошло... Как и естественность зарождения ревизионизма в таких звеньях, как международные отделы ЦК... Ибо мы-то знали мир и знали, что никто на нас не нападет, знали и то, что такое на самом деле МКД и что дело его дохлое... Недаром же и в СЕПГ и особенно в аппарате ЦК КПСС международников еще со времен Трапезникова считали ревизионистами и терпели только потому, что без них «технически» невозможно было поддерживать отношения с компартиями и держать их в своем «обозе».

Бруно говорит, что жильцы дома, где он живет, относятся по-человечески. Женю (она киевлянка у него) успокаивают: мол, ну, пожилы с привилегиями, проживете и без них, мы же жили!! И это немцы. Но, наверное, и потому, что Бруно «хороший человек», не злоупотреблял своей близостью с Хонеккером и своим положением.

Поехать бы как-нибудь на недельку «в деревню» с Людой!! Как в кино!..

Был вчера такой разговор с Ревенко. Я ему накануне написал записку о своем «аппарате»: женщинах, консультантах, которые вот уже второй месяц сидят друг на друге в 14-метровой комнате, о Брутенце: что он не может быть моим замом и его надо куда-то определить – «по типу» Загладина.

Он мне по пунктам ответил. Но существенно для меня следующее: последний пункт был такой – «Как Черняева-то теперь называть?» То есть с учетом того, что Шаха сделали государственным советником, а я отказался, но обусловил, что не хочу оставаться на уровне Егорова или Ожерельева (Ревенко согласен: я, говорит, даже не знаю, чем они занимаются. Поручение М. С. дает только двоим: вам и Шаху... Я ему, т. е. Горбачеву: у вас 18 помощников и советников, а я, руководитель аппарата президента, не ведаю, что они делают!). Ревенко предложил: давайте назначим Черняева «специальным помощником по международным вопросам» и еще одного – помощником «специально по проблемам безопасности». М. С. отмолчался. Ну, вы, говорит Ревенко, лучше меня, наверное, понимаете, что означает такая его реакция. Я еще раз повторил свое предложение, но он перевел разговор на другую тему.

Какие выводы? А такие, что были мы, как любят говорить Яковлев и Шахназаров, – «в писарях» (а точнее, если по-старорусски, в дьяках). В этом качестве мы ему и нужны...

Это почти все. В кадровых делах он меня не признавал и не признает. А сколько можно

было бы «предотвратить»! В подходе к политическим вопросам (даже – международным!) «прислушивается», и то не всегда и не полностью, а если и учитывает, то с опозданием. И при этом уверен, что как раз и правильно было «опоздать»: теперь-то, мол, вот в самый раз. Тут у него должностной принцип: назначил Шеварднадзе – значит, он самый умный в порученном деле; назначил Бессмертных – он стал самым умным в международных делах; назначил Панкина – он стал мгновенно умнейшим и самым компетентным...

(Кстати замечу: Панкин мне нравится решительностью и готовностью «брать на себя»... Например, взял и установил дипломатические отношения с Израилем, будучи в Иерусалиме, не после начала конференции в Мадриде, «как договаривались», а до!)

Может, мне попроситься послом в Израиль?! Хо-хо. Вот удивится-то М. С.!! Но это будет и «мягкий» вызов – ответ на его «уважительное» отношение.

Так вот: не считая вышеупомянутого, какой еще вывод? Пойти и прямо ему сказать, что пора бы подумать ему и о моем достоинстве, в том числе и в смысле зарплаты – квартиру, например, хочу покупать, а у меня в «загашнике» всего 14 000 рублей. Что с ними сделаешь?.. Говорят, квадратный метр увеличился в цене втрое. Думаю, мол, и о пенсии. Пора. Мое время тоже прошло... Некоторые мои жанры уже не требуются и в дело не проходят. К тому же и кардиограмма от недели к неделе ухудшается. Готов подать заявление хоть сегодня. Интересна будет его реакция... Да какая там реакция, если даже самоубийства (Ахромеев, Кручина) не вызвали в нем особых переживаний. Он «занят», ему каждый день надо одерживать победы, хотя бы видимость побед. Это требует колоссальных усилий. Прав автор «психоанализа» в «Культуре».

21 октября

Вчера поехал на кладбище, куда Неля уехала к своей матери. Разминулись. Это – за Павшино, за Красногорском, по Пятницкому шоссе.

Оставил Николая Николаевича (шофер) у ворот, пошел по главной аллее: вперед – сколько глаз достает, направо налево – то же. Сотни тысяч могил, если уже не миллионы. Довольно ухоженные. И тысячи и тысячи людей, в том числе на автобусной остановке, где бабкок подхватывают и кидают внутрь, а потом уминают молодые. Кто-то копает, кто-то что-то еще ковыряет, многие соорудили столики у могил и расположились выпивать и закусывать. Видимо, это способ («наш») примитивного общения с вечным. Может быть, жажда по ритуальности, которая у нас была превращена в парадность... Может быть, что-то фрейдистское. У меня мертвые во всех видах вызывают отвращение... или содрогание. Пусть меня накажет Бог или молва, но я ни разу не был на могиле матери. Однажды – и то, будучи затащенным туда Васькой Кремневым (мужем сестры), – побывал у ниши с урной отца в колумбарии. Мои размышления о «бессмертии» никогда не увязываются с мертвыми, с покойниками.

Вернулся на Севастопольский и у подъезда встретил Нелю с сумками. Она не огорчается такими недоразумениями и вызывает восхищение философским отношением к бытовщине – очередям, сумкам и прочему. Обедали... Как всегда, я жаловался на то, что происходило со мной и вокруг меня на неделе: вот бы диктофон подставлять! Какой бы дневник был...

Николай Николаевич подвез Бианку к 16 часам, поехали было домой, но я вспомнил, что трижды обещал Карякину заехать и обманывал, а он – рядом, на улице (пока!) Ивана Бабушкина. Позвонили, явился. С Бианкой они (Юрка и Ирка) не виделись с 1967 года, со второй «их Праги». В новой квартире они три месяца: жилье интеллектуалов!.. Посидели часика три под хороший чай.

Спиртного не оказалось. Яростно обсуждали путч и людей в нем. У Ирки с Юркой есть подробности, которые стоило запомнить. Кстати, оказалось, М. С. по прибытии из Фороса ждали толпы у Белого дома с плакатами, транспарантами и пр. – до 4 утра, а он не явился. Но я не помню, чтоб в Форосе перед отъездом или в самолете Силаев или Руцкой сказали ему, что его ждут. Напротив, Руцкой очень беспокоился о его безопасности даже после прилета. В самолете все «допрашивал» – «куда вы поедете?» М. С. сказал: на дачу... «А небезопасно? Может, на московскую квартиру? Я там на всякий случай тайную охрану выставил!» Но М.С. ответил, что и на даче, наверное, теперь охрана есть... Семья устала, не будем разъезжаться по

разным местам и т. п. А оказывается, его ждали, и неявка вызвала, говорят теперь, обиду и разочарование... даже у итальянцев, как свидетельствует Бианка: она тоже сидела ночью у телевизора, там у себя, в Ливорно.

Но потом была уже просто грубая ошибка, когда он на другой день не поехал на «митинг победы» на площади «Свободной России»... Занимался вместо этого сочинением указов о назначении... Моисеева, Шебарши-на, разных зам.министров на места проштрафившихся министров.

Впрочем, может, они так «договорились» с Ельциным, который не хотел ни с кем делить ни капли победной славы и подставил М. С. под растерзание своего парламента несколько часов спустя.

Карякин допускает, что так и было. Он предупредил о двух вещах: Горбачева люто, животно ненавидит окружение Ельцина во главе с Бурбулисом... На заседании Съезда народных депутатов РСФСР готовится акция (какая, он не знает) против М. С. КПСС, наверное, объявят преступной организацией.

Читаю письма Пушкина. Это, наверное, впервые живой и вполне современный русский язык (ну, за исключением отдельных выражений и «устаревших» слов). Вся манера такая же, как говорят современные интеллигентные москвичи.

У Розанова я прочел: Толстой – гений, но не умен... Пушкин – и то и другое – большая редкость. А как Ленин? – задаю я себе вопрос. – Умен, безусловно, а гений оказался «не прав», хотя, может быть, гениальность определяется по последствиям «в своей сфере».

2 ноября 1991 года

Заглянул: оказывается, с 21.X ничего не записал. Между тем имел с М. С. крупный разговор о своем положении и аппарате, после того как зам. управляющего делами сообщил мне, что, как помощнику (по новой структуре), мне полагается лишь секретарша – и никаких консультантов...

Разговор по селектору с подключением Ревенко... «Он (т. е. Черняев) мне проходу не дает», – заявляет Ревенко, не зная, что я слышу. И это – после вежливых разговоров и похвал в мой адрес в сравнении с другими помощниками.

М.С. ему круто: разберитесь... И резолюция: дать Черняеву все, что он просит.

Подготовка к Мадриду (конференция по Ближнему Востоку). Речь Горбачева и других прозвучала на открытии «лучше» бушевской: американцы толкали меня в бок (Скоукрофт – справа, Сунуну – слева, а потом посол Страусе) и показывали большим пальцем – «во!».

Я было стал отказываться ехать в Мадрид. М. С. просмотрел составленный мною список... Взглянул, понял, спросил: «Ты что – всерьез не собираешься?» – и вписал в состав делегации (а не сопровождающих!). Он усек: я не хочу близко общаться с Р.М.

Что было в Мадриде?

Перед началом ближневосточной конференции Горбачев и Буш, сопредседатели конференции, основательно обо всем поговорили в присутствии Бейкера, Скоукрофта, Панкина.

М.С. начал с похвалы в адрес обоих: созыв такой конференции – еще один пример эффективного сотрудничества СССР и США в мировой политике. Для М. С. это особенно важно в момент, когда, как он сам сказал Бушу, и у нас, и у вас задаются вопросом: а есть ли Советский Союз и кого представляет Горбачев? Выразил признательность президенту и Бейкеру, администрации США за «взвешенную линию» в этом вопросе.

Согласовали тактику поведения каждого и обоих при открытии конференции и потом: действовать так, чтобы стороны (арабы и Израиль) взяли на себя решение вопросов, а не спихивали на сверхдержавы.

М. С. рассказал, что на днях встречался в Москве с президентом Кипра. Назвал его «хорошим человеком» (с чем Буш согласился) и передал просьбу киприота – «продемонстрировать (США и СССР) совместную приверженность решению кипрской проблемы». «Нельзя допустить, – говорил М. С., – чтобы применение силы (турками) принесло плоды. Если все останется по-прежнему, – передал он мнение Василиу, – то это будет плохим прецедентом». Действительно, откомментировал свою информацию М. С., «в других подобных

случаях мы не мирились с применением силы». На том обсуждение кипрской проблемы и завершилось.

Поговорили о Югославии. Констатировали, что ситуация ухудшается. М. С. предложил вернуться к югославскому вопросу в СБ ООН.

Буш реагировал скептически: мол, некоторые члены Совета Безопасности и сотрудники Секретариата ООН считают, что это все-таки внутреннее дело, не хотят вмешивать ООН.

Горбачев согласился: вмешательство недопустимо, «но все же, если бы ООН заявила о своей позиции, это могло бы иметь определенные последствия».

– ООН уже заявляла о своей позиции, – возразил Буш. – Мы поддерживаем усилия ЕС. Вы беседовали с руководителями Сербии и Хорватии. Вы считаете, это было полезным? – спросил не без ехидства.

– К сожалению, есть разногласия и между членами ЕС. Им нелегко сохранять единство подхода, – вступил в разговор Бейкер. – Некоторые европейцы хотят признать независимость республик. Мы пытались препятствовать этому, но Германия забежала вперед.

– Я тоже говорил об этом Колю, когда мы встречались под Киевом, – заметил М. С. – Меня эта проблема беспокоит. В конце концов, речь идет не только о Югославии. Как продолжать европейский процесс, если мы не можем найти способ решать подобные вопросы?

– Давайте поддерживать контакт по этому вопросу, – заключил Буш.

Главное, чего с нетерпением ждали от Горбачева американский президент и госсекретарь и чем сам он очень хотел с ними поделиться, – это внутренние наши дела. "Сегодня главный вопрос для нас, – начал М. С., – как выйти из кризиса, как ускорить реформы и двигаться вперед по пути политической и экономической свободы, в рамках общего для всех республик рыночного пространства. Центральный вопрос, – разъяснял он им, – государственность. Августовские события подстегнули стремление заявлять о независимости. Но они не изменили ничего в принципе (к моему удивлению!), – заявил М. С., – а лишь создали основу для движения к созданию действительно добровольного Союза Суверенных Государств. Испортил все Ельцин, подняв территориальный вопрос, вопрос границ. Это усилило сепаратистские тенденции на Украине. Заговорили об имперских притязаниях России.

Трудно было в этих условиях выработать совместное заявление «10+1». Но постепенно процесс пошел: Экономический договор, разработанный под руководством Явлинского, – начало возрождения Центра, нового Центра. Выразил уверенность, что Экономический договор подпишет и Украина.

Вместе с Борисом Николаевичем ведем, дескать, большую работу в плане реформирования нашей государственности. В республики разослан подготовленный нами новый проект Союзного договора. Речь идет о создании именно союзного государства, а не какой-то ассоциации или содружества. Это будет государство с едиными вооруженными силами, согласованной внешней политикой, единым рынком. Будет Верховный Совет Союза, президент, Межгосударственный экономический комитет. Союз будет нести ответственность за единую энергетическую систему, транспорт, связь, экологию, фундаментальные исследования и некоторые другие области. 11 ноября проект будет рассматриваться Государственным советом – с учетом поправок и замечаний.

К сожалению, продолжал М. С., Ельцин подвергается давлению определенных людей, которые утверждают, что Россия должна сбросить с себя бремя других республик и идти вперед сама. Я разговаривал с Борисом Николаевичем, и он заверил меня, что понимает, к чему это привело бы. Это вызвало бы огромные трудности и у России, это значило бы несколько лет больших потрясений. А для других республик стало бы катастрофой.

– Для других республик? – с некоторым недоумением переспросил Буш.

– Даже в России это вызвало бы, повторяю, серьезные потрясения. И Ельцин понимает это, но, к сожалению, он подвержен влиянию определенного рода людей. Анализируя его вчерашнее выступление, я вижу в нем две части. С одной стороны, содержится подтверждение позиции – «за Союз», с другой, по некоторым конкретным вопросам, – налицо отход от положений, включенных в проект Союзного договора, над которым мы вместе работали. Есть опрометчивые, хлесткие формулировки насчет государственности. Очевидно, это вызовет реакцию ряда республик.

Но в целом мне сейчас нужно будет поддержать его, потому что если пойдут реформы в России, то пойдут они и в других республиках.

– Ключевой вопрос состоит в следующем, – прервал Буш, – считаете ли вы, что Россия, Ельцин стремятся захватить Центр? Чего они хотят? Хотят ли они еще более сузить роль Центра, вашу роль? Это затрудняет для нас определение позиций. Нам нелегко разобраться в ситуации.

Горбачев признал, что такие попытки имеют место. Но он убежден, что Россия нуждается в новом союзном Центре. Это единственная законная форма для осуществления ведущей роли России в союзе республик. Они не примут непосредственного руководства со стороны России. Вот почему они выступают за союзный Центр. Большинство из них за всенародные выборы президента. Мне казалось, что у меня с Ельциным было понимание на этот счет. Но последняя его речь вызывает разочарование. Если он изолирует Россию, разрушит Союз, то это будет иметь разрушительные последствия и для России. Я, говорил М. С., сохраняю оптимизм. Продолжаю работать с республиками совместно и по отдельности. И хочу подчеркнуть: сегодня это фундаментальный, судьбоносный вопрос не только для нас, но и для Запада, для США. Вам предстоит сделать стратегический выбор. Сейчас необходима поддержка продолжению курса реформ, ибо от этого зависит будущее Союза, такого Союза, который, как я убежден, нужен и Соединенным Штатам, и другим странам.

Перейдя на конкретику, М. С. просил решить вопрос о продовольственном кредите в 3,5 миллиарда долларов и о платежах по задолженностям. Для этого последнего необходима срочная помощь наличными в размере 370 миллионов долларов плюс финансовый кредит от Саудовской Аравии и Южной Кореи (1 миллиард).

– Думаю, все мы понимаем, – нажимал М. С., – что поставлено на карту. Что произойдет с Союзом – будет иметь последствия для всего мирового процесса...

В ответ Буш произнес многозначительную речь, которую я постараюсь воспроизвести детально (тем более при записи мне помогало то, что я слышал сказанное сначала по-английски, потом в переводе).

– Я буду предельно откровенен, – начал Буш. – Надеюсь, ты знаешь позицию нашего правительства: мы поддерживаем Центр. Не отказываясь от контактов с республиками, мы выступаем в поддержку Центра и тебя лично. Еще до путча я выступил с речью на Украине, которая стоила мне определенных политических издержек дома. Меня критиковали за то, что я якобы «продал» Украину. Конечно, этого не было. Но я выступил против бездумного национализма.

Мы поддерживали и поддерживаем контакты с Ельциным, с руководителями других республик, но делаем это не за твоей спиной. Я задал свой вопрос потому, что в конгрессе и в администрации многие удивлены его речью, не могут понять, что она означает. С этим связан и вопрос о кредитоспособности Советского Союза.

Согласно нашему законодательству я должен удостоверить конгресс в том, что наши заемщики кредитоспособны. Я не могу обойти требование нашего законодательства. Мы считаем, что можем сейчас пойти вам навстречу по кредитам, хотя и не в полной мере. Но нам необходимо иметь уверенность, что республики полностью понимают свою ответственность. Мы хотим вам помочь, но нам нужны определенные дополнительные гарантии, касающиеся позиций республик.

– Давайте говорить откровенно, – прерывает Горбачев, – 10-15 миллиардов долларов – это не такая уж огромная сумма, чтобы мы не смогли ее вернуть. Если сейчас мы с вами просчитаемся, то со временем придется заплатить гораздо более высокую цену, речь идет не о чем-то обычном, рутинном. Речь идет об огромной стране, которая переживает великие трансформации, и здесь рутинные подходы неприемлемы, и ссылки на конгресс и экспертов меня не убеждают. Необходимо политическое решение.

«Я хочу заверить тебя в нашем понимании, – говорит Буш. – Я именно потому еще раз спрашиваю: считаешь ли ты возможным возврат к тоталитарному режиму? Это было бы плохо для всего мира, для США. Ибо это положило бы конец нашему плодотворному сотрудничеству».

– Именно поэтому сейчас необходимы конкретные действия, – подхватил М. С.

– Тем не менее мне приходится учитывать и общественное мнение у нас, в США. Я не могу спорить с той цифрой потребностей в продовольствии, которую ты назвал. Но мы не можем в полной мере удовлетворить эту просьбу. Сейчас мы можем принять решение лишь о выделении сельскохозяйственного кредита в размере 1,5 миллиарда долларов, причем часть его предоставляется сейчас же, а часть – после первого января. Мы надеемся, что это поможет вам пройти период, в ходе которого окончательно определятся отношения между Центром и республиками. Ты знаешь, как решительно выступил в поддержку Советского Союза министр финансов Брейди на сессии МВФ в Бангкоке, это даже вызвало недовольство других членов «семерки». Если ты сейчас предпочитаешь, чтобы этот вопрос не обсуждался публично, давай так и сделаем. Полтора миллиарда – это максимум на данный момент. К вопросу о сельскохозяйственном кредите можно было бы вернуться позднее, когда прояснится степень участия республик. Но данная сумма позволяет начать процесс.

Я не хотел бы, чтобы объявление о сумме, которая может показаться недостаточной, вызвало у вас трудности дома. Может быть, лучше ни о чем не объявлять, но это максимум, который мы можем выделить на данный момент. И хотя госсекретарь Бейкер иногда творит чудеса в конгрессе, надо быть реалистами.

После заверений М. С. взял слово Джеймс Бейкер:

– Позвольте сделать заявление общего характера. Я думаю, ты знаешь, что мы поддерживаем и будем стремиться впредь поддерживать ваши усилия по реформированию Советского Союза. Ты знаешь, что мы воздействовали на других доноров, в частности Саудовскую Аравию. Президент фактически пошел на то, что предоставляются непосредственно государственные кредиты США, то есть они гарантируются полностью. Мы считаем сейчас необходимым иметь подписи республик под кредитными документами, это даст президенту юридическое основание ставить вопрос перед конгрессом.

В настоящий момент мы можем выделить примерно полтора миллиарда долларов. 250 миллионов – в виде дара по линии продовольственной помощи, которая предоставляется бесплатно, остальное – кредитные гарантии. Из них 250 миллионов в данный момент и миллиард – через 60 дней. Вот что мы сможем сделать сейчас.

Что касается новых проектов по продовольствию, будем их осуществлять, но они не имеют быстрого эффекта. Мы понимаем, что наше предложение не полностью покрывает ваши потребности, но в данных обстоятельствах это то, что мы можем сделать. Тебе я скажу одну вещь, которую не может сказать президент. Ты знаешь, что мы были в контакте с тобой в июне этого года, когда пошли слухи о павловском перевороте. Мы подчеркивали тогда, что заинтересованы в стабильности Советского Союза, в том, чтобы советский народ сам определил свое будущее. И мы считаем, что это значительный аргумент, показывающий, что мы понимаем необходимость Центра. На прошлой неделе мы получили тревожные сигналы о содержании предстоящей речи Ельцина, в том числе о том, что там будет призыв к ликвидации МИД СССР, заявление о том, что Россия будет защищать русские меньшинства, где бы они ни находились, и т. п. Мы обратились к официальным лицам РСФСР и поставили вопрос так: что происходит, почему накануне мирной конференции по урегулированию арабо-израильского конфликта делается такой шаг? Это подрывало бы усилия Советского Союза. Мы выразили надежду, что этого не произойдет. Нас удивило, что в вопросе о меньшинствах не было никакого упоминания хельсинкского процесса. Очевидно, в республиках возникнет сейчас озабоченность, и со своей стороны постараемся что-то сделать, не исключено, что сможем каким-то образом помочь тебе. Нам было бы интересно получить конкретную информацию о том, что является в речи отходом от договоренностей, достигнутых при выработке Союзного договора.

– Ельцин звонил мне накануне своего выступления в парламенте России и ничего не сказал о том, что в речи будут спорные положения, – заметил Буш.

– Он говорил только о хорошем, – добавил Бейкер,

– Вы должны учитывать, – пояснил М. С., – руководители республик хотят продемонстрировать, что у них есть контакты с президентом США, хотят разыграть эту карту для удовлетворения своих амбиций. Я думаю, мы сможем выровнять ситуацию, это будет непростая задача. Но именно поэтому я так настойчиво ставлю вопрос о продовольственных

кредитах и финансовой поддержке. Сейчас я в этом нуждаюсь.

– Я только просил бы тебя учитывать, что для меня ситуация сейчас иная, чем прежде. Я, конечно, буду говорить с нашим представителем в «семерке», – подвел итог Буш.

Горбачев поднял в конце вопрос об односторонней инициативе Буша и сокращении вооружений. Буш поинтересовался: получил ли Горбачев его письмо на этот счет?

– Да, – ответил М. С., – считаю его очень конструктивным и полезным.

Сообщил, что подготовлена встречная инициатива, одобренная Государственным советом, и передал американцам ее содержание.

Прилагаю эту бумагу.

Потом была совместная пресс-конференция. Буш старался не показать разность «весовых категорий», а М. С. – не из тех, кто «позволил» бы... Держался как ни в чем не бывало, но «реалистично». И в общем на этот раз выступал на пресс-конференциях и в интервью удачно.

Ужин у короля (+Буш и Гонсалес). До сих пор не может М. С. опомниться от впечатлений: они возмущались речью Ельцина на съезде в Кремле. И давали понять, что без Горбачева им трудно представить себе то, что раньше называлось «Советский Союз».

Потом – на несколько часов в сопровождении наследного принца – Барселона: олимпийские сооружения, дом Пабло Пикассо. Оттуда – во Францию.

Поездка в Латче (30 октября) – президентский хуторок Франсуа Миттерана в Пиренеях. Событие замечательное во многих отношениях. По прошествии недели я заглянул в свои записи и вижу, что там много смахивает если не на завещание, то на напутствие политическим потомкам. И обязан, что сумею, воспроизвести.

Перелет из Барселоны был кратким. С аэродрома ехали по красивейшим местам предгорьев. Кстати, мимо Биорицца, где бывал 20 лет назад, во время первого своего посещения Франции... На вечерней встрече, устроенной тогда для нас пятерых советских местной ячейкой компартии, пришлось произносить экспромтом речь по-французски, чему удивился сам и удивил своих коллег. Очень был, помню, собой доволен. Не узнал я города издали: теперь он больше смахивает на индустриальный центр, а тогда был курортный тихий городок.

Машины свернули с шоссе в лес. Пошла узенькая дорога, сначала асфальтированная, потом (так показалось) просто грунтовая – для деревенских телег. Ветки кустов хлестали по стеклам машины. Минут через 10-15 выехали на полянку. Огородная ограда из слег, какая бывает в наших небогатых деревеньках вокруг изб. Три хатки – иначе я их назвать не могу: под соломой, приземистые, с маленькими окошечками. Сыро вокруг, сумеречно, зелено, прохладно, ходят козы и куры. Возле «хат» развесистые деревья.

Нас было всего несколько человек с Горбачевым: Раиса Максимовна, Андрей Грачев, я, переводчик и охрана. Остальные сопровождавшие его на Мадридскую конференцию улетели в Москву прямо из Испании или оставлены были по пути недалеко от Латче – в районном городке Сустоне.

Миттеран вышел навстречу. Поводил по своим «владениям», с явным удовольствием рассказывая, откуда у него такой семейный хутор, основанный аж в 1793 году и купленный им у крестьянина 28 лет назад. Он предпочитает его трем другим «соответствующим» его рангу загородным резиденциям. «Иногда, – говорит, – туда выезжал (я обратил внимание на прошедшее время глагола) для приема иностранных гостей. Может, мои преемники будут более активно использовать эти официальные резиденции. Пока же их персонал не знает, чем заняться».

Раису Максимовну увела мадам. Президенты, два помощника и переводчик уединились в хате – шале, олицетворяющем кабинет: мягкие диваны и кресла, несколько книжных полок, камин.

Протокольные шутки. Миттеран объяснил, как он представляет себе «программу» их общения. Предупредил, что утром Горбачева с Раисой разбудят петухи. (Я потом заходил в комнатуху, которую им отвели на ночлег, – очень напоминало мне закуток в деревенских избах, где в детстве «на даче» проводил я свои летние каникулы.)

Пошел разговор (далее буду цитировать свои пометки). Горбачев стал рассказывать о Мадридской конференции, поздравил Миттерана как одного из ее инициаторов. Ф.М. (далее

для краткости буду их обозначать инициалами) прервал, посожалев, что она состоялась не по формуле, которую он предлагал: пять постоянных членов СБ ООН под эгидой ООН. Тогда были бы поставлены вопросы «по сути дела» (оккупированные территории, израильские поселения, западный берег р. Иордан, сектор Газа, деление Иерусалима...). Это не произошло из-за «слишком тесных связей» между Израилем и США. Шамир не хочет участия европейцев, потому что они поддерживают отношения с ООП. И получилось, что конференция ограничилась лишь вопросом процедуры (дальнейших переговоров)... Но и это уже хорошо. Тот факт, что есть место, где противники могут говорить – а они, кстати, обожают поговорить, и те, и другие, – это уже достижение, – заключил Ф. М.

М. С. рассказал о трудностях подготовки: до последнего момента не было уверенности, явятся ли палестинцы. Условились с Бушем и Бейкером «давить» на Шамира, рассказал, как он сам на встрече с израильским премьером уламывал его «занимать конструктивную позицию».

Ему, Горбачеву, понравился разговор с Шамиром в Мадриде, откровенный и доброжелательный. Правильно, что он озабочен поставками оружия на Ближний Восток, просил, чтоб СССР прекратил их, на что М. С. возразил: тогда пусть и США это сделают, с чем Шамир согласился. Понравилось М. С., что израильтянин не ограничился темой конференции, а заговорил о крупных региональных проблемах – энергетике, пресной воде, экологической опасности – и рассчитывает в этом на связи с СССР.

Итоговое впечатление М. С. от Шамира: он хочет править бал во всем этом процессе. Но так не получится.

Ф.М. выразил готовность помогать «процессу», если с Францией будут консультироваться. Но он скорее пессимист: «Мы имеем дело с фанатизмом, с фанатизмом с обеих сторон, а его трудно урезонить».

– Там два вида фанатизма, – откомментировал М. С.

– Нет, это один сорт. Тем более что и темперамент у них похожий, – возразил француз и вдруг попросил Горбачева рассказать, что происходит у него «дома».

– У нас сейчас самый критический этап, – говорил М. С. – Он наступил раньше, чем рассчитывали. Были готовы программы движения к рынку, к новому Союзу, проект реформирования партии. Потому я и не покидал пост Генерального секретаря: нельзя было бросать эту силу в том ее состоянии. Но августовский путч все сломал, разорвал механизмы власти, внес сумятицу в политический процесс.

Так что, с одной стороны, мы имели победу демократии, а с другой – усугубление всех противоречий. После путча усилился сепаратизм. Определенные силы воспользовались этим, чтобы еще больше подорвать внутренние связи в стране.

Многое от России зависит. Удалось с помощью Государственного совета снять некоторое напряжение, в том числе вокруг Ельцина. И это позволило выйти на подписание Экономического соглашения. Сейчас проблема – выход на Союзный договор. С Ельциным договорились (вместе готовили проект), но у него очень сложное окружение. Ему подкидывают и то, и другое, затрудняют выбор. Преобладают те возле него, кто считает, что Россия должна сбросить с себя бремя бывших союзных республик.

В позиции Ельцина столько условий выхода на Союзный договор, а нужен переговорный процесс – не ультиматумы. Таким путем проблем не решить. Да, Ельцин выступает за решительность в проведении реформ, и в основном это идет в русле того, что я предлагаю. Но нельзя действовать, невзирая на другие республики: это не политика. Нельзя провоцировать отторжение. 75 миллионов живут у нас за пределами своих республик. Разделение труда такое, что все зависят друг от друга. Это касается не только экономики и экологии, тут – и наука, и культура, и человеческие связи.

В контексте мировой ситуации я вопрос ставлю так: заинтересован ли Запад, окружающий мир в том, чтобы Союз остался? Реформированный, демократический, динамичный, экономически здоровый, то есть совсем новый, но – Союз.

– Что я об этом думаю, – начал отвечать Ф.М.

– Вы уже осуществили решающие действия – уничтожили систему, которая давно не работала. И второе ваше действие – это стремление решить проблему: Союз и республики. Сложилось определенное умонастроение, которое создает центробежную тенденцию. Извне ее

поощряют. Позиция же Франции состоит в том, чтобы не поддаваться конъюнктурным обстоятельствам. Я рассуждаю совершенно холодно: в интересах Франции, чтобы на востоке Европы существовала целостная сила. Если будет распад, если вернемся к тому, что было у вас до Петра Великого, – это историческая катастрофа и это противоречит интересам Франции.

Вековая история учит нас тому, что для Франции необходим союзник, чтобы можно было обеспечивать европейский баланс. Любой распад целостности на Востоке несет нестабильность. Вот почему мы не хотим и не будем поощрять сепаратистские амбиции.

И еще. Мы большие друзья сегодняшних немцев, но очень опасно, если на севере от Германии и на востоке от Германии было бы мягкое подбрюшье. Потому что всегда у немцев будет соблазн проникнуть на этих направлениях.

– И не потребуются применения военной силы. Это будет экономическая империя со всеми вытекающими последствиями, – добавил М. С.

– Что мы можем получить? – продолжал Миттеран. – Вокруг Германии ряд небольших государств, а дальше – вакуум. Это опасно. Я из тех, кто желает иметь в вашем лице сильного партнера – новый Союз. Если дело пойдет так, то мои отдаленные преемники должны будут установить прочные отношения с Россией, ибо это – самое мощное, что останется от старого Союза. Но до этого мы все можем оказаться в стадии анархии. Я за то, чтобы за 2-3 года ваша страна восстановилась на федеративно-демократической основе. Это наилучший выход для всей остальной Европы. Вы, господин Горбачев, руководствуетесь соображениями патриота своей страны. Я в данном случае исхожу из констатации исторической логики в развитии нашего континента.

– Очень важно то, что вы говорите, – откликнулся М. С. – И важно, что к таким же выводам пришел Гонсалес, с которым я вчера много говорил. Он употреблял почти те же выражения. Вижу свой долг в том, чтобы через Союзный договор выйти на новый Союз. И я хотел бы рассчитывать, что на Западе, руководствуясь своими реальными интересами, действовали бы так, чтобы поддержать меня. А я вижу, что кто-то присматривается, как воспользоваться нашим распадом.

– Франция не будет способствовать центробежным силам. И я думаю, – заявил Ф.М., – на таких же позициях стоят все старые европейские страны, у которых давние исторические традиции и глубокий европейский опыт – я имею в виду Англию, Францию, Испанию, Португалию.

– У нас должны знать позицию главных действующих лиц мировой политики по этому ключевому вопросу, – реагировал М. С. – Вчера вечером испанский король устроил ужин для меня и Буша. Гонсалес там яростно отстаивал точку зрения, похожую на то, что вы мне сейчас говорили, даже несколько забыв о протоколе и о том, что присутствует король. Все они в один голос выражали удивление некоторыми пассажами в выступлении Ельцина на Съезде народных депутатов России. Особенно по поводу того, что МИД надо сократить в 10 раз, это значит – поставить под вопрос саму необходимость механизма для проведения общей, союзной внешней политики. Президент Буш на пресс-конференции, еще до ужина у короля, занял очень строгую позицию и ясно высказался в поддержку союзной политики.

– Это очень хорошо, – сказал Миттеран. – Я помню, в апреле прошлого года мы встречались с Бушем в Майями и зашел разговор о прибалтийской проблеме. Я ему сказал тогда: да, Прибалтийские страны должны стать независимыми – это принципиальная позиция, но не надо торопиться с их признанием. Надо дать Горбачеву время для конституционных преобразований. Надо все делать последовательно и постепенно, а не наоборот. Буш поддержал этот подход, хотя ему было очень трудно, потому что и конгресс, и общественность требовали немедленного признания Прибалтийских государств. Так что Буш хорошо понимает ситуацию.

Буш за демократический Союз, за включение его экономики в мировую. Но он прислушивается к общественному мнению и осторожничает, а ему со всех сторон нашептывают, мол, не проиграй, у тебя на носу выборы. Я ему все время говорю: новый Союз на востоке Европы – это проблема, которую надо рассматривать по большому счету, а не в рамках конъюнктуры. Сохранение Союза – это жизненная проблема для Европы. Кажется, здесь я нахожу у него понимание. Но Буш несколько нерешителен, осторожничает.

– Я Бушу неоднократно говорил, – включился М. С., – что ситуация неординарная и

действовать нужно не рутинным способом, а с учетом уникальности процесса. Думаю, что я нахожу понимание у него. Он все-таки решился на предоставление большого кредита под продовольствие.

– Я понимаю: отказать вам в существенной помощи сейчас – это значит сделать очень хрупким весь процесс реформирования Союза.

– Если, – резюмировал М. С., – это наша общая задача – иметь новый Союз как крупнейший оплот демократии и мира, то надо не мелочиться. Тем более что речь идет не о подачке: все будет возвращено. Но мы нуждаемся в помощи именно сейчас, именно в данный момент.

Потом был перерыв. В соседнем домике раскинули свою аппаратуру телевизионщики. М. С. и Ф.М. отправились туда давать совместное интервью. Я не пошел: там было просто негде приткнуться так, чтоб не мешать. Заглядывал иногда в окошечко: как они уютно там рядышком сидели в низких креслицах, два великих европейца конца страшного века, такие разные и такие понятные друг другу.

Бродил по заросшим тропинкам, в полной темноте: два фонаря возле домиков слабо просматривались сквозь густую зелень.

Вторая беседа проходила за вечерним обедом в другом шале, которое служило спальней и гостиной. Состав уже «расширенный»: Раиса Максимовна и Даниэль, ее сестра, младший сын Миттеранов, мы с Горбачевым, Пьер Морель – помощник Ф.М., Андрей Грачев.

Протискивались, извиняясь друг перед другом, рассаживаясь за круглым столом в комнатке метров 14.

Совсем по-деревенски. Делать пометки в блокноте я, естественно, не мог, сидя за обедом рядом с французским президентом. Воспроизвел разговор уже в самолете. Не все, наверное, запомнил и не во всем будет дословно, тем не менее за смысл ручаюсь. Речь пошла о судьбах Европы – в контексте югославского кризиса и распада в СССР. Миттеран произносил целые речи. Горячо подхватил мнение М. С. о том, что плохую услугу Европе оказали те, кто извне поддержал центробежные силы в Югославии.

"Сепаратизм существовал там всегда, – в своей размеренной и внушительной манере говорил Миттеран.

– Но немцы сразу же выступили за признание независимости Словении и Хорватии. Я же еще с июня был против независимости этих республик. Моему примеру последовало и большинство других государств – членов ЕС. Не то чтобы я отрицательно относился к самой идее независимости, просто я исходил из того, что независимость должна провозглашаться при соблюдении международных договоренностей, в частности положений Заключительного Акта Хельсинки, а также Парижской хартии для новой Европы. По моему убеждению, другой вариант – провозглашение независимости под давлением националистических сил – вряд ли можно приветствовать.

Ясно, почему немцы придерживаются иной позиции: дело в том, что Словения и Хорватия в свое время входили в состав Австро-Венгерской империи. Помимо немецкого влияния они испытывали на себе воздействие римской католической церкви, Ватикана.

Я как-то обсуждал югославскую тематику с Мейджором. Он спросил меня, что будет дальше. Я ему ответил: Хорватия, видимо, обратится за помощью к вооруженным силам Германии, Австрии, Венгрии и Турции. Сербия, в свою очередь, аналогичную просьбу адресует Великобритании, России и Франции. Наши вооруженные силы окажутся, таким образом, в Югославии, и возникнет ситуация, как в начале первой мировой войны в 1914 году. Мейджор был явно удивлен, он заявил, что никуда своих солдат отправлять не будет. Не знаю, принял ли он всерьез мое заявление... Мы не должны воссоздавать условия соперничества, как в начале века. Такой вариант означал бы большую драму для Европы.

Так что сама жизнь подводит страны ЕС к созданию политического союза. От истории никуда не уйти".

«...Вы, конечно, знаете, – перебросил Ф.М. мысль в другую плоскость, – что американцы испытывают соблазн расширить функции НАТО, превратить ее скорее в политический, нежели военный союз. Я на этот счет придерживаюсь иной точки зрения. Мне думается, что НАТО и впредь должна сохранять верность тем основам, на которых была создана. Если бы

Североатлантический альянс был наделен функциями, в принципе относящимися к ведению СБСЕ или ЕС, было бы очень плохо. Общеввропейский процесс стал возможен во многом благодаря согласованным действиям СССР и Франции. Вы, конечно же, помните, что Франция была практически единственной страной, поддерживающей ваши инициативы в области общеввропейского сотрудничества. Наше взаимодействие дало хороший результат. Так давайте же не будем допускать ликвидацию плодов нашего сотрудничества. Если мы дадим НАТО чрезмерные полномочия, то государства, не являющиеся членами НАТО, почувствуют себя не в своей тарелке. Упадет также роль Парижской хартии для новой Европы».

Откликаясь на реплику М. С. о европейской роли США, Миттеран продолжал свое «эссе»: «Европа – это также и Америка. Такое положение будет еще сохраняться какое-то время. Согласен, что США будут продолжать играть важную роль. Это всего-навсего признание существующих реальностей. Однако в будущем Европа должна быть в самой Европе. При этом важно, чтобы преобразования в Советском Союзе способствовали политико-экономическому сближению Запада и Востока и созданию того, что вы называете общеввропейским домом».

– Многое здесь зависит от того, какой видит Америка будущую объединенную Европу и как она видит Японию, – вступил в разговор М. С. – Это две ; головные боли американцев, особенно если речь идет о Европе от Атлантики до Урала. Это ведь огромное пространство с почти 600 миллионами жителей, с огромным научно-техническим, экономическим и интеллектуальным потенциалом. Именно здесь мы должны искать "ответы на главные вопросы мировой политики. Здесь же и я ответ на позиции разных стран в связи с переменами в Советском Союзе, в том числе объяснение коррективам, , которые наблюдаются в европейской политике ФРГ. Я имею в виду то, что выявилось в недавнем заявлении Бейкера-Геншера. Отсюда и поддержка Германией идеи новой роли НАТО, о чем вы говорите. Не исключено, что на этом пути немцы рассчитывают усилить воздействие на европейские дела, получить свободу рук в отношении Венгрии, Австрии, Чехословакии и дальше на Восток...

...Мой взгляд таков, и с ним связаны мои оценки на будущее. Есть две опоры: это европейские сообщества, которые обзаводятся системой политических институтов, это также Союз Суверенных Государств на основе прежнего СССР. Есть также взаимодействие между ними в рамках, определенных документами общеввропейского процесса и соглашениями в области разоружения. В такую концепцию вписываются роль и присутствие в Европе США и Канады. Но это должна быть европейская политика, а не американская политика в отношении Европы.

– Конечно, было бы важно опираться на обе эти опоры, – поддержал идею Ф.М. – Но одна из опор уже создана, что же касается другой, то неизвестно, что с ней все-таки происходит. Если бы жители всех ваших республик (а это почти 300 миллионов) были бы Горбачевыми, то вопрос был бы решен.

– Хорошо, – засмеялся М. С., – я так понимаю свою задачу: мне надо будет укреплять вторую опору.

– Но и мы того же желаем, – весело заверил его Ф.М. – Заметили вы, что в своем выступлении перед телекамерами только что я высказывался в пользу сильного, сплоченного, укрепленного федеративными узами Союза? Это было бы очень важно не только для ваших соотечественников, но также и для интересов Франции и Европы в целом. Франция никогда, ни при каких условиях не будет поощрять разрушение Союза. При Сталине такая позиция была сопряжена с определенными проблемами. Но даже и тогда во времена де Голля и Сталина Франция и СССР были союзниками, тем более это важно сейчас, когда ваша страна становится демократической.

Повторил: убежден, что Европа сформируется. Вся наша политика нацелена на то, чтобы содействовать как можно скорее достижению этой цели. Если это произойдет не так быстро, как хотелось бы, возникнет ситуация, последствия которой Европа будет ощущать на себе целые века.

Потом были веселые «кофе и коньяк» в соседней комнате, где места всем уже не хватило. Говорили о чем попало. Не замолкал М. С. Миттеран, сидя в большом кресле, изредка «останавливал» беспорядочный разговор значительными репликами – со своей благожелательно-снисходительной улыбкой на усталом лице.

Ночевать мы с Андреем Грачевым уехали в Сустон, в туристскую гостиницу, где остановились остальные из команды Горбачева. Утром вернулись вдвоем же в Латче. Был еще деловой завтрак. Тема – срочная финансовая и продовольственная помощь СССР. Участвовала молодая дама, прелестная Анна Лавержон (эксперт по этим делам, она же «шерп»), только что прилетевшая на доклад президенту из Москвы.

Вот вроде все об этой, мне кажется, весьма знаменательной встрече двух президентов.

3 ноября

Эти дни, наверное, все-таки решающие. Проснувшийся и проспавшийся, как следует попивший в отпуске Ельцин показал себя в полном объеме. И следовало ожидать... Только М. С. не ожидал, все думал, что на уговорах и «хорошем отношении» можно его «канализировать», как он любит выражаться.

Доклад Ельцина на Съезде депутатов РСФСР – это, конечно, прорыв к новой стране, к новому обществу. Хотя все идеи и все замыслы выхода именно «к этому» заложены в «философии» горбачевской перестройки. Но сам он не сумел вовремя порвать со своими привычками, хотя и не раз признавался: «Все мы из прошлого»... Увы! Не у всех хватило силы порвать с этим прошлым до конца, а главное – вовремя!

Ельцин, порвав, окружил себя людьми разных мотиваций – карьеристами, нахалами, прохвостами, искренними демократами, настоящими интеллигентами, умелыми администраторами, новыми хозяйственниками и старыми тоже, но перестроившимися, и сумел их употребить на разрыв с эпохой 1917 года окончательно.

Его доклад – это или грудь в крестах, или голова в кустах. Но в России всегда так делались большие дела. М. С. дальше Мирабо не пошел. Этот выйдет в Наполеоны, перешагнув через дантонизм, робеспьеризм, барассизм и даже через «бешеных»...

Он бросил народу надежду... Это признак харизмы, при всей примитивности его как личности... Как личность – он посредственность и серость, но как «вождь» в данной конкретной ситуации – то, что надо.

И ставка – на Россию. Опять и опять повторяю: историческая ошибка Горбачева – что он, повязанный психологией «интернационализма», не понял роли России. Сочувствую ему сейчас по-человечески. Он инстинктивно понимает, что не только бессмысленно себя сейчас противопоставлять Ельцину, но с точки зрения интересов страны просто нельзя. У него нет альтернативы... Ни Явлинский, ни Госсовет, ни МЭК – не альтернатива.

Выход в иррационализме русской консолидации, в сплывающем людей отчаянии.

Когда раньше Москва оказывалась без хлеба и молока, люди орали на Горбачева. В эти дни нет совсем ни того, ни другого, а люди сплываются вокруг Ельцина и Попова!

Ельцин заявил: МИД сократить в 10 раз! Почему в 10, а не в 2, в 5, в 20? Не важно: смысл – ликвидировать это дорогое центральное ведомство, последнюю опору реальной деятельности Горбачева... И Козырев, «создав» своих коллег из республик на совещание, открытым текстом говорит: нет Союза, нет президента. Ему оставляем протокольные функции. Ельцин еще весной сказал, что «оставим Горбачеву „вот столечко“, хотя он хочет вот столько!» (показывает руками)... Его место – как у британской королевы. Ельцин достиг теперь и этой цели.

На Смоленской паника: кто на поклон к Козыреву, кто – в СП (совместные предприятия), кто на демонстрации протеста... И т. д.

Ягодин (министр образования) звонит: Лазарев (Минфин РСФСР) закрыл счета для вузов союзного подчинения (МГУ, Бауманский, Менделеевский, Педагогический, МАИ, МЭИ и т. п.!) – сотни тысяч студентов не получили за октябрь стипендии! Будет, мол, «Тяньаньмынь»... Говорю об этом М. С. Не знаю, что он предпримет. Я это к тому – какие уже пошли действия! Вроде провокация... но вроде бы и «логично»!

Явлинский сообщает, что с *4 ноября* Внешэкономбанк объявит себя банкротом: ему нечем оплачивать пребывание за границей наших посольств, торгпредств и прочих представителей – домой не на что будет вернуться... М. С. поручает мне писать Мейджору, координатору «семерки»: «Дорогой Джон! Спасай!»...

Завтра Госсовет. Будет опять толковище о Союзном договоре и о судьбе МИДа, т. е. «общей внешней политике». Написал М. С. тезисы по МИДовскому вопросу.

Что-то будет? Да ничего не будет в пользу М. С., даже если разойдутся миром. Ельцин на Съезде получил авторитарные полномочия. Он обещал народу летом улучшение. И он пойдет напролом, не оглядываясь ни на Кравчуков, ни на Назарбаевых, а Горбачева будет терпеть пока на обочине. Он ему уже не помеха. Но поскольку Горбачева уважают на Западе, зачем его так уж обижать! Пусть себе суетится в тех пределах, сколько Ельцин даст на это из своего бюджета.

Даже, думаю, завтра он опять отомолчится на Госсовете: мол, играйте в свои игры, они уже никого не интересуют! Даже 100 000 союзных чиновников, теряющих работу, ничего уже от Госсовета и Горбачева не ждут!

Между прочим, Бейкер Павлу Палажченко в Мадриде на ухо, уже на лестнице, пробросил: берите полтора миллиарда – живые деньги, берите, пока не передумали. Мало? Но больше не можем. М. С. рассказал об этом встречающим во Внуково (Силаев, Яковлев и т. д.) – и ничего! Даже наши банкиры Московский (фамилия) и Геращенко не знают об этом и не потянулись за ними сразу, хотя уже 4 ноября грозит банкротство, а письмо Мейджору поручено написать мне. То есть мы даже не можем действовать по принципу «спасение утопающих – дело рук самих утопающих», когда нам уже брошен хотя и дохлый, но спасательный круг.

Беда М. С., что он не создал аппарат взамен политбюровскому, болдинский ориентирован работать совсем иначе... Он все думал приспособить партаппарат для новой своей власти, но есть законы революций!

Вечером телефонный перезвон М.С. с Колем о МИДе, о Госсовете, о сыне Коля, который попал в катастрофу, о полутора миллиардах и «SOS» Мейджору. Попытки связаться с Явлинским, но так и не нашли его «в гостях»; то же – с Московским: наши банкиры не торопятся спасать страну, кто-то другой, мол, позаботится... Словом, нервотрепка у телефона. А потом с Митькой слушали Моцарта на лазерном диске.

Вышла книга «Августовский путч»... Перечитал вчера статью, написанную там, в «Заре»... Исторически она Должна бы (если кто будет читать!) заинтересовать больше, чем написанное о самом путче и его последствиях: это уже съедено, «проехали»... в ельцинскую эпоху!

5 ноября, вторник

Сегодня у Горбачева был Престон. Подписали соглашение о сотрудничестве с МБРР – вроде от имени Союза, который все газеты и другие СМИ у нас называют уже бывшим, в то время как главы иностранных государств поздравляют «СССР» с 74-й годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции!

Вчера был Госсовет. Взволнованная вводная речь Горбачева «о текущем, тяжелейшем моменте», но главы суверенных государств (бывших союзных республик) отказались ее обсуждать... Он их настойчиво призывал к обмену мнениями и к «совместной работе»... Отмалчивались... А Ельцин, опоздавший на 15 минут, грубо потребовал «идти по повестке дня».

Повестка дня включала вопрос об исполнении Экономического соглашения, по которому ничего не делается... Меморандум о внешних долгах, на который М. С. всем ссылаясь в Мадриде и в Латче, оказался подписанным лишь наполовину: Муталибов и Каримов заявили, что не они должны платить, а им еще Центр должен заплатить... И как Явлинский их ни призывал не следовать большевикам 1917 года, заявившим, что царь брал долги, пусть и платит, – не вняли...

Упразднено около 80 союзных министерств, около 50000 чиновников в одной только Москве к 15 ноября окажутся на улице.

Геращенко закрыл счета (вслед за студентами и профессорами университетов) государственным чиновникам. Я, например, сегодня зарплаты уже не получил.

Горбачеву на закрытой части Госсовета удалось отстоять МИД (не в 10 раз сократить, по Ельцину, а на 1/3), МВД и единые Вооруженные Силы. По МИДу, наверное, подействовала его информация о позиции Буша, Гонсалеса, Миттерана.

Сегодня в этом же духе я дал сообщение в ТАСС о «желании Запада» иметь дело с Союзом и об ужасе перед требованием упразднить МИД.

Сегодня мы (я, Игнатенко, Грачев) уговорили наконец М. С. дать интервью Би-би-си Маше Слоним – к серии «2-я русская революция». Он был великолепен. Говорил 1,5 часа... Яростно, определенно, красноречиво, глубоко, искренно, не сорвался ни в языке, ни в оценках даже Лигачева и Ельцина. Поразительно. Мы потом его очень хвалили и даже выпили за это джину.

Но сразу после этого Трубин (Генпрокурор) сообщил ему, что один из юристов возбудил против него уголовное дело по статье 64 – за измену Родине: отторжение территорий (Латвия, Литва, Эстония). Он стал хвататься за трубку, хотел звонить одному, другому: остановить «Правду», где это собрались печатать, запретить, рассыпать набор, предупредить... Словом, из него лез генсек: как осмелились! Не окажись мы втроем рядом – быть беде... Мы в один голос: это же сюжет для раздела «Рога и копыта» в юмористическом журнале. Он успокоился, поехал лечить зубы.

8 ноября

Второй день праздника... Вчера утром в насмешку по ТВ показали "7 ноября на Красной площади в 1980 году". Брежнев, Устинов, Сулов, Пономарев и Горбачев... на 2-м плане! Издевательство: ужасаешься тому, что мы в этом жили... Но жили же! Горько!

Были с Нелей на теннисе – кубок Кремля. Потом – 70-летие Плама. Были там родственники из Калининграда, которые органично живут с литовцами и прекрасно себя в их среде чувствуют, «ставят даже в пример» их образ жизни. Сожалеют, что Литве не дали независимость два года назад.

Работал. Написал письмо Бушу от М. С., которое повезет Яковлев: с лекциями и во главе «группы по стратегической стабильности». Пытался закончить письмо-инструкцию для наших послов в странах «семерки», чтоб они не очень яшались с посланцами наших суверенных «новогосударств», чтоб не мешали делать новый Союз. Но плохо получается. Да и уверен, что никуда это не пойдет.

9 ноября

В странном полусне я провел ночь. Только в нем я проникся тем, что услышал по ТВ вчера вечером: Ельцин ввел чрезвычайное положение в Чечне, назначил Бурбулиса своим первым замом в правительстве России, Кравчук заявил, что Центр окончательно себя исчерпал и ни о каком политическом союзе речи быть не может. Украина будет самостоятельной. Выразил уверенность, что на референдуме 85 % проголосуют за это! Ну и т.д.

Что это означает? Что Россия взяла курс по Бурбулису: единая, неделимая и без всяких этих, которые самостоятельными хотят быть, – сбросить их бремя! Что править будут в России железной рукой во имя демократии и рынка. И что Украина уйдет... А за Крым + Севастополь им придется иметь дело с Бурбулисом.

Плюс казачество. Вчера же по ТВ показали их «всесоюзный» слет в Ставрополе! Поклялись служить России, как века назад... А в Санкт-Петербурге побывал наследник престола: это «цирк» какой-то. Но и с помощью таких вот приемчиков приучают к «новой жизни»... на фоне того, что гроб с телом Ленина уже предложили из-за границы купить за 14 миллионов долларов. И ахнули только старухи. Православие нагло шагает по мозгам – глупым, невежественным, угрюмым и отчаявшимся.

А Горбачев в полном «офсайде». Не нужен ни для чего, хотя и старается изо всех сил получить продовольствие и кредиты от своих западных «партнеров»... Но в той разрухе, какая пошла, эту каплю в океане никто не почувствует и уж во всяком случае не поставят это ему в заслугу...

Но почему сон = ночь?.. Потому что я вдруг остро почувствовал: все это касается меня лично... Я остаюсь нужен только Горбачеву, который сам уже никому не нужен. И поэтому надо скорее жить... Читал вчера «Истоки» Алданова, «Жизнь Арсеньева» Бунина... и перечитывал его же – «Окаянные дни»...

Разобраться надо с женщинами: где игра – и стоит ли продолжать, а где единственная опора жизни, смысл ее...

10 ноября

Вчера М. С. вызвал по текущим делам. Захожу – он на телефонах: Баранников, Шапошников, Бакатин... Договаривается не накапливать и не пускать в ход войска в Чечне, то есть блокировать исполнение указа Ельцина о чрезвычайном положении. В перерывах между звонками кроет матом: «Что делает, что делает! Это же – сотни убитых, если началось бы! Мне сообщают, что представитель, который был им назначен туда, отказался выполнять свою роль... Парламент (антидудаевский) – тоже. Все фракции и группировки, которые там дискутировали, дрались между собой, объединились против „русских“. Боевики уже собирают женщин и детей, чтоб пустить их впереди себя при подходе войск! Идиоты!» Баранников, Бакатин, Шапошников полностью «за» позицию Горбачева... Предлагают варианты, как не допустить стычки...

Говорит мне: «Только что разговаривал с Б. Н. Через несколько секунд понял, что говорить бесполезно: вдребадан, лыка не вяжет». При мне звонит Хасбулатову, тот требует «навести порядок»! М. С. ему: не дергайся. Я, мол, хотел предложить собраться сейчас всем, кому положено, но Б.Н. «не в себе», завтра в 10 соберемся.

Звонит Рудкой, бурно что-то доказывает. М. С. отнял от уха трубку и читает бумаги на столе. Минут 10 так «слушал»! Потом говорит: Александр, успокойся, ты не на фронте – «обложить со стороны гор, окружить, блокировать, чтоб ни один чеченец не прополз, Дудаева арестовать, этих изолировать – ты что? Не сечешь, чем это кончится?.. У меня вот информация, что никто в Чечне указ Ельцина не поддерживает. Все объединились против вас, не сходи с ума». Рудкой опять долго бурно говорит. Горбачеву это надоедает: «Ладно, пока». Кладет трубку. Мне: хороший, честный парень, но к политике таких близко нельзя подпускать.

Пришел Яковлев. Пересели за круглый стол, за кофе. М. С. стал рассказывать о своем «ставропольском» опыте общения с кавказцами. Рефреном: «Идиоты. Что же это за политика?! Хотят власть показать, проучить Татарию и башкир... Получат почище Карабаха». Поговорили о Бурбулисе, который теперь будет определять российскую политику.

М. С.: «Меня вот что беспокоит. Кажется, окружение сознательно спаивает Ельцина. И мы можем нарваться на очень серьезный оборот дела: они сделают из него слепое орудие»...

Потом «правил» написанное мною письмо Бушу, которое должен повезти Яковлев... Вычеркивал мои «ради дипломатии» хвалы и комплименты в адрес Яковлева. Тот ухмылялся: я, мол, принес вам то, что Анатолий написал, ни слова не добавил. Вычеркнул и элегантную критику республиканских лидеров, которые (как я написал) еще «только учатся международной ответственности».

Сказал, что во вторник соберет помощников и советников, всех расставит по местам. Сказал, что назначит меня «специальным помощником»...

Вроде уговорил его сделать Брутенца советником и забрать от меня. Пусть будет – а la Загладив, но по Востоку.

Уговорили его пойти на презентацию книги (12.XI). Пофантазировал, что он там скажет.

Потом перешел вдруг на личное: ты, вот он (показывает на меня и Яковлева) и Вадим тоже (Бакатин)... надо вместе додержаться.

Вообще он опять выглядел «нужным стране». «Ляп» Ельцина с чрезвычайкой для Чечни вдохновил его, хотя сказал нам: буду его спасать, нельзя, чтоб это ударило по его авторитету.

Пробросил фразу, из которой я понял, что Силаев не останется руководителем МЭК... Наверное, Ельцин, который его убрал от себя, против! Мне еще в Мадриде Лукин намекнул: как можно, чтоб фактически союзное правительство возглавлял человек, отторгнутый Россией? Значит, М. С. его «бросит», хотя Силаев «в России» работал на Горбачева. Вот так у нас и получается: еще один усиливающий оппозицию к М. С., – Силаев ведь не один, за ним целый клан, и они будут оправдывать свою враждебность моральными мотивами.

Шел долго до Кремля. Зашел в кабинет – и сразу бумаги и звонки.

Неля, Измайлово, ярмарка = шмотня, мало интересного. Сырость, промок основательно. Вернулись: я – в Кремль, она – домой. Одиноко ей. Начала жаловаться, долго терпела и не роптала.

11 ноября

Российский парламент не только отменил указ Ельцина по Чечне, но и назначил

комиссию для расследования, как этот указ мог появиться.

Удар или щелчок? Думаю, однако, щелчок: российской толпе Чечня до лампочки... Она (в отношении Ельцина) еще подождет – как будет насчет цен, хлеба и молока!!

М. С. так и не удалось вчера провести совещание по Чечне с его, Ельцина, участием! Пил до и все «праздники». Впрочем, Панкин сегодня был у него: получил одобрение проекта «Министерства внешних сношений». Толя Ковалев ходил с проектом на консультацию к Шеварднадзе.

В «Новом времени» статья о том, что Бейкер еще 20 июня в Берлине сообщил Бессмертных о заговоре и тот известил М. С. В связи со статьей пошел слух, что бумажечку с этим известием Черняев спрятал в ящик...

Такой вот домысел в серьезном журнале! До чего ж примитивны эти наши демократическо-сенсационные аналитики, как поверхностно берут – в духе Агаты Кристи. А дело-то и проще, и психологичнее. Не было заговора, было намерение и расчет на то, что Горбачева можно будет втянуть... Был сговор за 3-4 дня до 18 августа, не дальше. И как только М. С. «дал отлуп», все посыпалось. ГКЧП по природе своей, по своему составу изначально не способен был «сыграть в Пиночета»!! Было старое мышление и убежденность, что все нормальные должны так думать. Нормальных у нас, в самом деле, десятки миллионов по всей стране, они действительно готовы были послушно пойти и за ГКЧП... Но такие дела делаются сотнями, а не миллионами...

Был у М. С. Ваттани (помощник Андреотти), рассказывал о сессии НАТО в Риме 7-8-го числа. Действительно, фиксация политики «новой эпохи». Так это и оценил М. С. Только составные этой эпохи не те, что он полагает... Тут он диаметрально расходился с натовцами во главе с Бушем: у них исчез противник, а с точки зрения М. С. – у них появился новый партнер, столь же (в перспективе) мощный.

М. С. после встречи с губернаторами США сорвался в Колонный зал на 170-летие Достоевского, где доклад делает Карякин. Юрка и меня звал... Мне и хотелось... и нет. Публика «мешала». М. С. туда пошел: это – «по линии» Фонда культуры, то есть Раисы Максимовны.

13 ноября

Вчера состоялась презентация «Августовского путча». Пресс-центр МИДа полон: дипломаты, общественные деятели, журналисты.

Выступал он хорошо. Вопросы были достойные. Отвечал находчиво. А главное, Горбачев высказывал свое мнение о самых важных сейчас вещах: судьба Союза, новая структура общества, новые слои, их взаимодействие, свобода крестьянина, опасность сепаратизма. Но, вернувшись к себе, узнаю, что Егор Яковлев (ТВ) распорядился дать во «Времени» об этом важном событии сюжет на 2-3 минуты. Ищу Яковлева, дозваниваюсь до его шофера в машине. Тот говорит: Егор Владимирович заезжал в Дом кино, теперь уехал на «частной машине» – куда, не знаю, велел сказать, чтоб «не искал до утра».

М. С. названивает, спрашивает: как его подают?.. Мы с Грачевым добрались до Лазуткина (зам. Яковлева по ТВ). Уговариваем его дать отдельно – после «Времени». Он это делает...

А утром узнаю, что взбешенный «нарушением приказа» Яковлев потребовал отставки Лазуткина. Звоню М. С., он приглашает к себе Яковлева... Час беседуют. Когда Егор выходил, я видел его в приемной: «довольный», значит, М. С. опять «достиг компромисса».

Мы с Грачевым и Игнатенко обзваниваем газеты, чтоб они опубликовали выступление Горбачева на презентации книги. Результат: «Известия» дали только его ответ по Чечено-Ингушетии. И то для того, чтоб натравить на него Ельцина... И ни одна другая газета даже не упомянула о событии, о том, что президент говорил, оценивая положение в стране.

Накануне утром (такое редко бывает) он собрал помощников и советников. Распределил роли. Речь зашла и об информационной блокаде президента. И свелось к тому, что М. С. раздраженно заявил: ельцинское окружение «бегают» по микрофонам, а вы сидите по кабинетам, привыкли, как в ЦК, – все, что «от нас исходит», печатается без разговоров!

Демонстрация бессилия... Хотя он все время себя «допингует» апелляцией к истории, которая «возьмет свое».

Завтра Госсовет... И боюсь, как бы там не нанесли «последний» удар, тем более что в Верховном Совете обнаружили, что госаппарату нечем платить зарплату: 30 миллиардов, которые М. С. запросил, можно сделать только на печатном станке.

Союзный договор, который будет на повестке дня в Н.-Огареве, – не пройдет: прочел я новый вариант. Но Кравчук вообще не приедет... и никто не приедет от Украины. Ревенко каждого из президентов долго упрашивал явиться, но к вечеру еще было не ясно, явятся ли! Все это выглядит арьергардной затеей...

14 ноября

Сегодня «Правда» опубликовала второй опус Большакова с разоблачением г-на Черняева по поводу пассажа о Миттеране в книге Горбачева... С прямым подлогом: даны две фотокопии, наложенные косо одна на другую. На одной роспись Горбачева «А. С. Черняеву», Это на его статье, писанной в Форосе (виден текст!), и подпись относится к *15 августа*, до путча... На другой воспроизведена фраза о Миттеране. Визуальное впечатление, что подпись авторизует текст брошюры «Августовский путч», в то время как она относится совсем к другому. Нравы! Товарищи советуют не ввязываться: не трогаешь – не воняет!

Были звонки по вертушке: «Читали „Правду“? Во! врезали вам», «Хорошо вас стукнули, а?», «Не то еще будет!»... И бросали трубку... Это – по правительственным телефонам! Народец!

Весь день готовил завтрашнюю встречу М. С. с мининдел Индии Соланки. Учел советы моего ученого друга – Куценкова, переделывал мидовскую и брутенцевскую заготовки.

Встречался с Хьюиттом – специальным помощником Буша. Виделись раньше, но поговорили впервые. Все о том же – о судьбе Союза, о намерениях Горбачева, о национализме республик, о вооруженных силах и ядерном оружии!

15 ноября

Сегодня с утра Соланки. Скучный, серый человек. М. С. ему объяснил ситуацию, призвал к терпению и еще беречь накопленный при Радживе Ганди капитал отношений.

Потом тот пошел к Ельцину, который министра наставлял: не связывайтесь с Союзом, у него ничего нет, а у меня все – и нефть, и машины, и оружие на экспорт. И у вас возьму, что России нужно. Заключайте с нами политический союз, и все у нас с вами будет хорошо... Нет? Не хотите? Ну и гуляйте со своим Горбачевым!

И это после Н.-Огарева, после договоренности о «конфедеративном демократическом государстве».

С утра Андрей Грачев мне «художественно» изобразил, как и что там было («Ванька на деревне»...). А потом сам М. С. рассказывал еще более красочно... со своими жестами, выраженьицами... Надо бы это воспроизвести, но сейчас – слишком устал.

17 ноября

О Ново-Огареве. М. С. задержал нас с Андреем у себя в комнате и, стоя за своим столом, стал картинно рассказывать, что было. А было так. М. С.: Ельцин начал с пошлого скандала еще до начала заседания – «Вот вы вчера на презентации книги опять нападали на Россию, на ее президента». Я ему: откуда ты взял, наоборот, защищал тебя.

Е.: Мне рассказали. Опять вы начинаете конфронтацию. А без России вам все равно никуда.

М. С.: Да опомнись, все наоборот. Андрей, покажи ему стенограмму.

У Андрея под рукой ее не было, послал в Москву машину... Потом, уже на обеде, М. С. показал Ельцину. Тот поглядел, отвел лист на расстояние руки, вроде как полюбовался: «Ну, это совсем другое дело!» (Речь шла о месте, где М. С. говорил о Чечне.)

М. С. продолжал: «Я для себя решил (как на кон поставил) добиться главного: государство или что-то неопределенное, аморфное – тогда ухажу! В проекте Союзного договора эта тема еще в преамбуле... И началось... Каждый предлагал какие-то «гибкие» термины... Ельцин (со слов своих бурбулисов): «Союз с некоторыми государственными функциями»...

Я ему: «Что это такое?»

Е.: «А вот такое – чтоб не было Центра».

Я тоже против старого Центра, но я требую, чтобы было государство, то есть нечто с властными функциями. Исчерпал всю свою аргументацию. Никто из руководства республик, даже Назарбаев, активно не поддерживал. А спорили мы в основном с Ельциным».

Присутствовавшие Кудрявцев (академик) и Яковлев (его советник по праву) – предложили вставить слово «конфедеративный».

Е.: «Ну и что! Где конфедерация, там и федерация, и опять к Центру!.. Не пойдет».

Кудрявцев: «Но это же демократическое образование!»

Е.: «Ну, раз демократия, тогда можно...»

М. С.: «Давайте и назовем: „конфедеративное демократическое государство“...»

Посудачили и согласились, на это ушло почти 4 часа – все время до обеда.

Андрей откомментировал поведение Ельцина так: это, знаете, как большой Ванька на деревне. «Ну, Вань, ну, давай, это же тебе ничего, тебе же на пользу...» – «А я не хочу, не хочу, и все, мне это не подходит!» – «Ну, Вань, подумай, все тебя просим, смотри, вон, люди глядят, ждут, от тебя зависит!» – «А я не хочу». – «Да ты подумай, ну проспишься, сам пожалеешь, что не соглашался. Ну, перебрал немного... Завтра-то все яснее будет». – «Ладно. Согласен. Только смотрите у меня!»...

М. С.: "Дальше речь пошла о властных структурах, о президенте. Я им говорю: он должен избираться народом. В ответ все, как один: как же так? Ведь в каждом из наших государств будет президент, зачем еще? Ведь тогда двоевластие... Я им: «Не двоевластие, а четкое разделение полномочий и полное распоряжение делегированными правами и обязанностями». Они: «Ладно, только пусть президента назначают (или выбирают) парламенты суверенных государств». Я им: «Нет... Быть куклой, свадебным генералом или чтобы каждый ноги обтирал о президента – на это нельзя идти. И дело не во мне. Кто бы ни был, раз договариваемся о государстве– субъекте международных отношений, с едиными Вооруженными Силами, с согласованной внешней политикой, с общим рынком, финансовой системой и т. д., – должен быть полномочный и властный глава государства, который имеет мандат народа».

Уломал в конце концов: избирается президент гражданами суверенных государств – членов Союза, а гражданство тройное («автономий», бывших союзных республик и общесоюзное)... Чтобы человек на всем пространстве чувствовал себя одинаково полноправным – одно для всех «союзное» гражданство. Выборы – «по закону», т. е. суверенные государства могут их проводить по-разному, возможно, через выборщиков. Но все равно – мандат от самих граждан, а не от парламентов или каких-нибудь других властей.

Ельцин бросил реплику: это хорошо – через выборщиков, как в Америке! М. С. на это заметил: не знает, что ли, что в США президент ого-го!

Потом в этом же духе (пошло-поехало): каким должен быть общий парламент. Ельцин настаивал, чтоб однопалатный – из делегаций от парламентов государств. Я круто выступил против. Ибо это опять превратило бы президента в марионетку. Ельцин сопротивлялся, но я его «купил»: говорю – тогда так ведь, Борис, получится: от Туркменистана 50 депутатов и от России – 50!!

– Что?! – взревел Ельцин.

– Ну, а как же, раз ты за такой парламент, тогда так... И знаете, – М. С. смеется, – при всех я это сказал, при Ниязове (будущий президент Туркменистана – «Туркмен-баши»). И быстро договорились: другая палата избирается всеми гражданами.

С положением о Министерстве внешних сношений, МВД, Министерстве обороны и о единых Вооруженных Силах справились без скандалов. Но уткнулись в бюджет – в запрос М. С. о 30 миллиардах на квартал до конца года. Тут опять Ельцин начал ваньку валять: «Не дам включить печатный станок – и все. И так деньги ничего не стоят...» Вызвали Геращенко и других финансовых экспертов. Один за одним Ельцину разъясняли, что государство, какое-никакое, ни дня не может существовать без денег. А денег в Госбанке нет. Ведь что-то от государственных органов остается: армия остается, Академия наук остается... Зарплату люди должны получать, а студенты – стипендию...

– Не дам, и все!.. – реагировал Ельцин.

Препирались два часа... В том числе уговаривали не разгонять (15 ноября – срок)

Министерство финансов, потому что некому будет даже распределять деньги, если их дадут.

– Ну ладно! До первого декабря пусть еще поживут! – благодетельствовал Ельцин.

Финал: никто не захотел участвовать в пресс-конференции – вы, мол, Михаил Сергеевич, и скажите все, о чем договорились. Нет уж, возражал Горбачев, давайте вместе, если действительно договорились...

Пошли все к выходу, но никакой уверенности, что они завернут к толпе журналистов. Однако Андрей выстроил журналистскую бригаду так, что увильнуть было некуда. Удалось «раствориться» только одному – Муталибову. Остальные вынуждены были сказать, что «Союз будет».

Впрочем, на другой день Ельцин заявил, что не удовлетворен Ново-Огаревом: «Пришлось пойти на большие компромиссы, чем следовало бы».

Журналу «Цайт» перед своей поездкой в ФРГ сказал: я все проблемы практически могу решить без Горбачева!

М. С. мне «жаловался» на этот счет по телефону позавчера вечером, уже после интервью «Штерну». Я успокаивал. Поговорили о «падении нравов в политике». С перестройкой М. С. начал поднимать этическую планку в политической деятельности (честность, доверие, правда, о чем договорились – свято и т. д.). А теперь все снова вразнос, но уже под прикрытием демократии, плюрализма и гласности. И зараза эта пошла в международные отношения, где М. С. создал атмосферу доверия и верности слову. А теперь и Буш, и Миттеран, и Коль «под давлением *real politik*» изменяют своим заверениям в поддержке его политики, быстро переориентируются на новые «реальные» центры власти – Россию, Украину, даже Узбекистан...

Проверкой в этом отношении будет поведение Коля с Ельциным, который едет в Германию *21 ноября* .

С Нелей ездили в Марьину Рощу. Ходили по едва узнаваемым улицам моего детства. Купили французский батон в конце 6-го проезда, где я родился. Постояли между гаражей на откосе к «Виндавской ж.-д.», по которой когда-то ездил в Павшино на дачу, а после войны на лыжах – в Опалиху. Постоял возле лужайки, где раньше был дом, с которым связано все: с первых сознательных лет до ухода на войну, а потом несколько лет и после. Прошли мимо клуба «Корешка» (завод вторичного алюминия, страшно тогда дымивший). Взамен его – блочное административное здание... Тот был барак, но отражал эпоху, в том числе первый мой пионерский отряд, когда еще мы, не больше дюжины, ходили «за линию» к филиалу завода с горном и барабаном, в синей форме, и люди останавливались, смотрели с любопытством. Прошли мимо больницы, где родилась Аня... Мимо 10-й школы – она одиноко стоит среди новых зданий, внутри разрушена, но двери на замках: кто-то прибирает к рукам. Мимо 1-й Опытной им. Горького – в Вадковском переулке... Там строительное управление чего-то, а в угловом здании, где учились с 1-го по 7-й классы, – турецкое посольство. Мимо 2-го автобусного парка – архитектуры начала 30-х годов, мимо дома Тамары Красовской, подруги Ленки Мойсюк-красавицы из 7-го класса (видел ее в последний раз в сентябре 1941 года у Красных Ворот в форме медсестры). По улице Октябрьской, мимо дома, где в 1933-1934 годах был «закрытый распределитель» – от того же «Корешка», мимо ЦДКА – с библиотекой, где меня обхамила библиотекарша в 1938 году. Запомнил на всю жизнь! Мимо гостиницы ЦДКА, где останавливались красные командиры – элита нашей тогда «кадровой» армии. (И Неля, еще девчонка, со своим отцом.) По Екатерининскому саду – к машине.

Человеческая память. Исчезает ли она со смертью? Или куда-то улетучивается, наполняя «ноосферу», и, как в компьютерную память, закладывается навечно? Неля понимает и сопереживает эту мою память.

19 ноября

Вчера был на ланче у Брейтвейтов в британском посольстве. Все разговоры – о нас: что-то будет после Госсовета *14 ноября* ? Россия – Ельцин – Украина... Долги – «шерпы»: они семеро как раз здесь сейчас...

Предвидел ли М. С., что так получится с КПСС? Когда он понял, что с ней ему не по пути?..

Но – держится посол со мной, хотя это едва заметно, уже иначе: я теперь не представляю сверхдержаву и всемирно авторитетного Горбачева.

Сегодня – посол Блех... Перед визитом в Германию Ельцина... Много я ему сказал... И, между прочим, конфиденциально, сославшись на М. С., следующее: для вашего канцлера это будет проверкой верности его дружбе с Горбачевым, его собственным заявлениям о поддержке политики Горбачева и целостности Союза... Не в том дело, что сам М. С. поддерживает в принципе политику Ельцина, не видит ей альтернативы и честно спасал его в казусе с Чечней! О Хонеккере. Ельцин готов его запродать за марки или что-то в этом роде... Но, если его вам выдаст М. С., его осудят даже самые отъявленные антикоммунисты, хотя Хонеккера у нас никогда никто не любил.

М. С. подписал распоряжение о назначении меня «специальным помощником по международным вопросам» – это в компенсацию за мой отказ стать государственным советником.

Сегодня эпопея с назначением Шеварднадзе министром, а Панкина – послом в Лондон. Звонит М. С.: соедини срочно с Мейджором (я подумал, чтоб надавить на «семерку шерпов» в Москве)... Мейджора никак не найдут... Звонит: дай мне твоего Брейтвейта... Отвечают: он обедает-святое дело для англичанина! М. С. матерится. Наконец находят Мейджора. Оказывается, речь идет об агремане (тут же!) для Панкина. Тот обещает, вопреки всем дипломатическим канонам, сделать немедленно. Только вот поговорю, мол, с королевой. Через час позвонил мне Брейтвейт и сообщил: Ее Величество согласна!

Все это происходило в присутствии Шеварднадзе и Панкина, в кабинете М. С. Панкину он предложил должность госсоветника по международным вопросам при себе, члена Политического Консультативного Комитета. Тот, с каменным лицом и своей выдвинутой челюстью, попросил вернуть его на посольскую работу.

М. С. в его присутствии в трубку очень хвалил его Мейджору: мой друг, замечательный человек, так много успевший за три месяца.

В чем же дело? На Госсовете, когда утверждали Министерство внешних сношений, договорились о Шеварднадзе... Не думаю, что инициатива принадлежала Ельцину (его Козырев – мальчишка рядом с Э. А., а с Панкиным тот мог бы и на равных). Это скорее всего нужно было республикам: чтоб у их министерств был патрон – фигура, а не «случайно выскочивший вверх»... Горбачеву это нужно тем более: раз Э. А. соглашается – это сигнал, что союзные структуры жизнеспособны и у «согласованной» общей внешней политики есть будущее. Перед Западом сейчас – очень кстати...

21 ноября

Всего три месяца с момента вызволения из «Зари». Но как же давно это было!

М. С. после вчерашнего очередного неудачного выступления в Верховном Совете по бюджету, над чем сегодня откровенно издеваются «НГ», «Российская газета», уехал в Иркутск.

Сегодня положил на сберкнижку (как же не люблю это делать – предпочитаю заначку дома) 12 000, что копились многие годы.

Но поговорим о Горбачеве.

Вот с легкостью расстался с Панкиным: «реаль политик!» Вернул Э. А., который до самого последнего дня давал в прессе унижающие Горбачева оценки и, конечно, – возвышающие его самого. В свое время он отпихнул Яковлева (ради Лигачева и Рыжкова) – «реаль политик». Из-за нее он держался за Лигачева до последнего – из страха потерять одну из казавшихся незыблемой опор – КПСС. Между тем, если б он не тянул с 6-й статьей Конституции и сразу после ее отмены ушел с генсекства, партия бы, естественно, раскололась, но была бы сохранена наиболее умная и прогрессивная ее часть – для него самого, для перестройки. А так он не только всю ее потерял, но и сделал своим лютым врагом.

Вот Коль тоже делает «реаль политик» с Ельциным. Но этика, которую М. С. ввел в мировую политику, – это тоже реальность. Без нее не было бы доверия, а без доверия ничего бы не было, в том числе и объединения Германии. Пока не заметно, чтоб до канцлера это дошло – через Блеха или по собственному разумению. Посмотрим – позвонит ли он Горбачеву. Буш это делал. Если нет – скурвился.

И дело не в том, что надо вертеться по обстановке, такая планида политика, дело в том, что взгляд чуть подальше – это тоже умение учитывать реальность.

Я не верю, что Союз в том виде, в каком его хочет вот сейчас М. С., жизнеспособен. И, наверное, завтра не состоится парафирование. Не говоря уже о том, что Кравчук вчера еще во всеуслышание заявил, что никогда не подпишет никакого Союзного договора. А народ наш уже пустил хохму: 1 ушанка (треух) + 5 тубетеек = новый Союз. Смешно, а правда... Но в дальнейшем, в дальнейшем... пойдем ведь по европейскому пути – по пути Общего рынка.

Однако возможен и вариант вхождения мусульманских республик в мусульманский мир. Но тогда в Казахстане – война. Казаки уже готовятся. И на Украине – война: Крым... Нельзя его отдать: это позор для национального самосознания России, а оно – единственная «идейная» опора российской политики. Иначе народ не выдержит экономической реформы.

Но вернемся к Горбачеву. По навязанной ему логике (М. С. это осознал и поэтому взял Э. А.) надо быстро и заметно смещаться во внешнюю сферу... – превращаться в Вайцзеккера, в Коссигу, даже в «испанского короля» – с армией (очень сокращенной и профессиональной), хотя он мало пригоден, чтоб пользоваться почтением у офицерства – не по-человечески, а в кастовом отношении... И еще дальше – в фигуру из бывших: Жискара, Шмидт, Киссинджер, Вэнс, Тэтчер... Хотя у нас это не принято, но пусть он проложит дорожку. Римский клуб ему предлагает почетное членство, даже пост почетного председателя. Почему бы нет?!

Если поездка в Иркутск (на военные заводы и в гарнизон) – шаг в направлении армии, то это правильный ход... Но надо быстрее, надо не допустить, чтоб Ельцин взял русскую армию в свои руки. М. С. пусть станет ее патроном, включая казачество... Он оттуда ведь, хотя и «кинородец».

А мне при этом что? Я обещал быть с ним до конца. Он мне это предложил, когда я дважды намекал о пенсии. В связи с Форосом (и моим телевизионным интервью – из-за Р.М.) кошка пробежала, холодок было появился, но вроде исчез... Сопrotивлялся очень Ревенко, чтоб назначать меня «специальным помощником по международным вопросам», но все-таки М. С. пошел на это... И – дослужу. А что, собственно, остается-то?

Но вот в субботу приходит ко мне Саша Беликов – из редакции «Красной площади», создаваемой (уже в течение года) президентской газеты. Наконец она начинает вроде выходить, хотя средств и спонсоров нет. Предлагает, чтоб я открыл No 1 либо статьей о Горбачеве, либо дал интервью. Думаю, откажусь...

Не боюсь апологетики: он заслужил, как фигура историческая для XX века... Но на фоне навала психолого-фрейдистских (например, в «Культуре» проф. Белкина) публикаций и просто желто-красной портретист-ской литературы о нем я буду выглядеть как прислуживающий чиновник, если не скажу всего или почти всего того, что знаю и думаю о нем.

Нет уж! Вот уйду на пенсию, тогда посмотрим...

Ладно. А вчера я забыл отметить два выдающихся события. Тамара «по случаю» достала 35 кг капусты на засолку и с помощью Николая Николаевича довезла до дома. А Лена, подруга Гени, привезла нам квашеной капусты, свеклы, моркови, варенья и пр. из своего «имения» на Украине.

Покончила с собой на днях Юлия Друнина. Значит, на кого-то шок нашей жизни действует так, что предпочитают хлопнуть дверью. Или крах всей прошлой социалистической духовности? Может быть, и не «соц.», ведь и в 30-е годы, и в войне, и после – в 80-е – были же и просто жизнь, были страсти, боренья, помыслы, был «образ жизни». Все рухнуло. А взамен совсем ничего, даже полоч, наполненных товарами.

Поэтому и Горбачев сейчас в глазах народа – потеря всякой надежды.

23 ноября

Вчера, пока М. С. в Сибири и Кыргызстане, готовил его интервью для агентства Киодо Цюсин, платформу для разговора с Яничеком (бывшим генсеком Социнтерна), приветствие к 70-летию Дубчека, материал для встречи с испанскими парламентариями и к встрече с Вилаети (Иран) – обычная служба. И в общем в дни его отсутствия – не погулял, как рассчитывал и ждал...

На телевидении Горбачева подают саркастически... Поведение его изображают как

судороги, чтоб удержаться на посту... Это особенно так выглядело на фоне Ельцина в Германии, где Коль обнимался с ним так же, как совсем недавно с Горбачевым.

24 ноября

Ждал вызова от М. С. Не последовало до полпервого... Будет ли завтра Госсовет с парафированием (Союзного договора), что перед всем миром ангажировал М. С., – неизвестно. И что он будет делать, если сорвется: еще раз заявлять, что уйдет?!

Сейчас, в 11 вечера, «Вести» передали интервью М. С. во Внуково. Прилетел вчера из Кыргызстана. Оценки визита Ельцина в Германию: считает нормальным... И не надо, мол, противопоставлять Россию – крупнейшее государство (!) – обычно он называл ее и других республиками, – цементирующее эту огромную (помолчал) организацию (вместо слова «Союз»!). И опять: не надо противопоставлять. Есть общие интересы и общая политика, – а не 12 и 8 «внешних политик» (это я ему «подбросил», взяв из какой-то газеты)... И он то и дело апеллирует к этому «образу». Грустный, усталый, в этой своей пирожком шапке, с печальными глазами.

Послать бы ему всех!

Видно, мало чего привез он из Сибири и Киргизии. Завтра посмотрим.

25 ноября

Как и следовало ожидать, парафирование Союзного договора в Н.-Огареве не состоялось. Что выдано Горбачевым журналистам по ТВ, известно. Он хоть и срывался – делал хорошую мину при очень плохой игре. Мне он только что – уже домой – по телефону сказал: «Было тяжелее, чем 14-го, изнурительная борьба, я их высек, я ушел от них...»

Я: «Но у вас по ТВ мелькнула была фраза, что они ощущают необходимость кончать маневрировать... Страна больше не может терпеть...»

М. С.: «Это я хотел бы, чтоб они это наконец ощутили».

Я: «А кто главный [саботажник]?»

М. С.: «Главный он и есть» (т. е. Ельцин. – А. Ч.).

Перед ТВ Горбачев пытался представить коллективное коммюнике о передаче проекта в Верховные Советы республик как форму парафирования... Но это даже по терминологии (смыслу слова) не одно и то же.

Уверен, что парламенты завалят проект, в лучшем случае отложат на «неопределенное время».

Горбачев перед выбором: осуществлять угрозу («уйду!») или еще тянуть (на посмешище всем). Это не просто поражение, хуже: это очередное унижение по самому главному вопросу, на котором еще остается знак его власти, – о государственности.

26 ноября

Подробности Н. Огарева.

Закоперщиком срыва был Ельцин. Принес кучу замечаний по проекту Союзного договора.

М. С. ему говорит: как же так, мы же прошлый раз все согласовали? Это наш с тобой проект был.

Е.: "Мало ли что... Время идет. В группах, в комитетах ВС обсуждали, говорят, такой проект не пройдет... Главный вопрос опять: не государство, а просто Союз... Или «конфедеративный Союз».

М. С. бросился опять доказывать. Его поддержал только казах, «вице» у Назарбаева, доктор, юрист, который и применил метафору из Маяковского «облако в штанах». Остальные стали жаться... Кроме Акаева, которому было неловко возражать: ведь М. С. только что был у него «в гостях».

Горбачев окончательно завелся. И спустя почти 3 часа сказал им: как хотите, я уйду. Оставляйтесь здесь без меня и решайте. Как решите, так и будет...

И ушел в свой кабинет.

Спустя час к нему явилась «депутация»: Ельцин и Шушкевич.

Е., воротя физиономию, чуть не отплевываясь (слова Грачева), произносит: «Вот пришли

на поклон к князю, к хану...»

М. С.: «Брось, царь Борис, давай по делу...»

Вернулся к ним... И договорились о совместном заявлении, которое М. С. перед журналистами приравнял к парафированию.

Потом, на сверхзакрытом заседании, речь шла о том, как Ельцин будет осуществлять свою экономическую программу. Коллеги из республик уговаривали его: полегче, мол, ставишь нас в ужасное положение. Он им: мы и так опоздали, *16 декабря* ввожу свободные цены.

М. С. реагировал вяло, только предупреждал о социальном взрыве.

Явлинский в докладе после реверансов насчет смелости Ельцина сказал: самый главный вопрос, что вы все будете делать после февраля, когда народ выйдет на улицы. До февраля идет инерционное «развитие» гибнущей старой системы. Но этого хватит только до конца февраля – потом крах. Вы готовы к этому, вы думаете об этом? Ответа ни от кого не последовало.

А вечером М. С., собрав помощников и советников поставил задачу: думать, что будем делать!

Вчера я долго разговаривал с Яковлевым, он вернулся из США... Пришел, сидели часа два друг против друга. Все перебрали... И главный наш вывод: нет альтернативы самостоятельному прорывному ходу России. Горбачевские усилия спасти Союз – безнадёжные судороги.

И в общем-то все бы ничего, если б не Украина, не Крым, который невозможно отдать.

27 ноября

Встреча М. С. с японскими бизнесменами. Деловой разговор... Они знают о нашей промышленности больше, чем мы сами. Но собираются с нами «работать».

М. С. для мира все-таки остается лидером... И надо «сместиться» ему в своей президентской роли именно в эту сторону. Заняться мировыми и «духовно»-этическими делами современности. А на «свое» посматривать отстраненно и время от времени предупреждать «об опасностях».

В этом духе я и провел совещание со своими консультантами: сказал речь, обменялись идеями, договорились, что они составят проект имиджа Горбачева с таким «смещением».

Красноречивый и не очень ясный, бурный Ермонский, деловой и осторожный Гусенков, активный и много знающий Палажченко, натужный Ковалев (сын), спокойный и скептический Вебер, умничающий, наукообразный, самоуверенный, но, кажется, в самом деле «подготовленный» Кувалдин.

28 ноября

М. С. сегодня встречался с Эрнстом Неизвестным. Приглашение – «моя работа»... По закону парности – в № 10 «Вопросов философии» его статья...

Вместе с Эрнстом к Горбачеву пришли Ю. Карякин, А. Грачев, В. Игнатенко и я.

М. С. открылся до предела, будто в братском застолье. И политически кое-что сказал впервые... Назвал себя диссидентом с 1953 года. Эрнст с Юркой ввалились ко мне за 3 часа до встречи, и он был у меня интереснее, чем у М. С. Посмотрим, как отзовется эта встреча, которую зафиксировали десятки корреспондентов и ТВ-операторов. Говорят, Эрнст по выходе от М. С. был «с достоинством сдержан», без эйфории (сам я не слышал). Хотя даже для меня самораскрытие М. С. показалось необычным... А для «постороннего»? Ведь перед ним – «человек века», перевернувший мир!

М. С.: «Если ты (мне) напишешь обращение к парламентам, может, что получится...»

Спровоцировал с Андреем «реплику» в адрес Белого дома по поводу обещания США дипломатически признать Украину после референдума *1 декабря* ... МИД вновь оказался несостоятельным. (Э.А. + Петровский.)

29 ноября

День замечателен во многих отношениях. Утром я дал интервью «News week» – к обзорной статье к концу года – главным образом о мотивах действий М. С. с марта 1985 года по настоящее время... Об его «идейной» эволюции... Бил по мифам и примитивам, которые мне

Фрэд Коллман подкидывал. Хотя он умный и осведомленный.

ВС СССР завалил чрезвычайный бюджет на конец года, и Госбанк закрыл все платежи: армии, чиновникам, нам, грешным. Остаемся без зарплаты.

Отправил М. С. «разработку» с рекомендацией – сменить свою роль в сторону международную, представлять свой мировой престиж внутри и тем держаться, не уповая ни на Союзный договор, ни на решения Съезда, его избравшего и подтверждавшего избрание после путча, ни на Конституцию СССР!

Написал ему проект обращения к парламентариям – чтоб ратифицировали Союзный договор, хотя сам не верю в это... Слова, однако, подобрал!

Эрнсту сказал, что разочарован его интервью: от него ждали поддержки М. С. «в этой ситуации», он нуждается в этом. Ответил: «Что ты, Толя, я не проститутка, я благодарен тебе, что ты меня с ним свел, а ему за то, что он был так открыт и искренен». Вот так-то!

Ельцин перевел в свою «юрисдикцию» и взял на свой кошт МВС (бывш. МИД). Петровский мне жаловался. Я ему «возразил»: у вас теперь есть Шеварднадзе, пусть он и «скажет» Ельцину!

То же, кажется, грозит и Минобороны...

А что делать? У России есть пока чем платить, а у М. С. нет ничего!

«Известия» сделали втык помощникам, зачем они от имени президента «обидели» Буша, который хочет дипломатически признать Украину. Риторический вопрос задает газета: «Кто это из помощников подсказал такое?» Подсказал Грачев, а я поддержал и сочинил сам текст.

Совести уже у Голембиовского нет.

1 декабря 1991 года

Зимой «не пахнет»... Все теперь не так. Вчера рассчитывал иметь спокойный на работе день. С утра занялся переделкой Обращения М. С. к парламентариям (о ратификации Союзного договора) взамен того, что дал ему в пятницу.

Но сообщили – едет, чтобы встретиться с Ельциным. Они просидели 4 часа (с ними Бурбулис и Гайдар). Речь вели о том, что, мол, нельзя же оставлять Центр без средств к существованию. До чего-то договорились...

Но еще в 18 часов в Ореховой комнате сидели эксперты и формулировали «документ».

Из МИДа (извиняюсь – МВС) позвонили: Буш хочет говорить с М. С. по телефону в 16.00. Я сообщаю об этом Горбачеву. Он: «Да зачем это?! Меня не будет... (подумал)... Пусть соединяют туда, где я окажусь».

Вот такая реакция: с одной стороны, сработал щелчок (наше с Грачевым сообщение ТАСС о намерении признать Украину), с другой – он был зол, обиделся... И ему неприятно было общаться с Бушем.

Ровно в 16.00 (никуда он не смог уехать) начался разговор. И М. С. в своей обычной «доброжелательной и открытой» манере стал «приветствовать» Джорджа... («дорогой» и пр.). Тот похвалил его за сделанное в отношениях между Азербайджаном и Арменией (решение Госсовета) и перешел к Украине. Долго объяснял в известном духе... М. С. в свою очередь внушал ему концепцию: «независимость же есть отделение», а отделение – это «Югославия в квадрате, в 10-й степени»! Буш был очень осторожен, дважды заверял, что он не будет делать ничего, что поставило бы Майкла и Центр в неловкое положение. Однажды даже произнес: «Это помешало бы процессу воссоединения Союза».

Было очевидно (он сказал, что тут же будет звонить и Ельцину), что его особенно беспокоит возможность «насильственных процессов» из-за Крыма, Донбасса. Упоминание М. С. этой проблемы сопровождалось репликой Бейкера (он, Скоукрофт и Хьюит были на параллельных аппаратах): «Да, да, это очень опасно...» Видно: Бейкер более свободен в суждениях, менее подвержен давлению всяких лоббистов, откровеннее!..

Кончилось тем, что Буш пожелал Майклу успеха в многотрудном деле «воссоединения».

Переводил Палажченко. При разговоре присутствовал и Яковлев. Обсудили, что будем давать в печать. М. С. и А.Н. говорили общие фразы, а мне пришлось потом выламывать мозги, чтоб не «запродать» Буша и вместе с тем что-то «выпустить», чтоб прищемить Кравчука и К. Получилась страничка. Не знаю, какая на нее реакция будет.

Яковлев сказал (надо будет разузнать подробности), что на Политическом консультативном совете, который заседал в пятницу с 3 до 10 вечера, все – Попов, Собчак, Явлинский, сам А. П., Егор Яковлев – словом, первое поколение перестройщиков, приснопамятная «регионалка» решительно выступили за Союз и осудили линию Ельцина, которая ведет к социальному взрыву и совершенно авторитарная – «до хамства». Готовы были, говорит А. П., тут же образовать формальную оппозицию и сочинить декларацию, где сказать об этом. Шаталин предложил «лично» тут же выступить по ТВ и «разоблачить» все ходы Ельцина.

Однако кончилось пока очень определенным и даже резким выступлением Собчака в тот же вечер по ТВ...

Егор Яковлев жаловался, что ТВ у него «отбирают», что он там уже не хозяин. Правят бал «россияне»... В «Вестях» в пятницу были просто оскорбительные в адрес М. С. пассажи насчет «украинской» его политики.

Между прочим, в ворохе информации никто не заметил, что Ельцин в интервью «Известиям» 25 ноября прямо сказал, что не подпишет Союзный договор, если этого не сделает Украина.

Неужели прав М. С., давно заподозривший сговор между Ельциным и Кравчуком – валить Союз с двух сторон?!

3 декабря

Вчера он призвал «пройтись» по тексту Обращения к парламентариям... Три варианта оказалось: мой, Шаха и Яковлева. Шахов отмел с порога, мой хотел было принять, но Яковлев попросил «громко прочесть» свой – с чувством. М. С. ехидно на меня посматривал, а потом сказал: «Пусть вот Черняев положит его в основу и представит потом напрямую».

Я (тоже ехидно глядя на Сашку): «Без верификации Александром Николаевичем?..»

Он: «Без!» (Все захохотали.)

Вечером я сделал симбиоз: взял много от Яковлева, но убрал «слизни» и «канареечные» пассажи. М. С. принял без правки.

Сегодня он выступил по ТВ. Вроде бы говорил не по тексту, живьем, но заглядывал. Текст разослан лично каждому парламентария.

Проблема: какая газета возьмется публиковать? Андрей вроде уговорил «Известия».

Шах представил проект Обращения «К гражданам Украины». М. С. его демонстративно разорвал: там – «исторический выбор», «велика роль Украины», «поздравляю с победой», «независимые, самостоятельные», «Ура!»...

Велел мне написать: независимость – у всех, но не все ее превращают в оружие против Союза... Украинцев ждет беда – и тех, кто там живет, и кто разбросан по стране... Русских – тем более... Границы, ядерное оружие... Словом, тревога, предупреждения и перечень последствий...

Утром отдал ему. Он еще не определился.

Сегодня он разговаривал с Колем по телефону. Позвонил тот. Об Украине – то же самое. И предупреждение – не суетиться с признанием, не ставить под угрозу «по-дружески» выработанное в отношениях.

Да... Вечером вчера он говорил, тоже по телефону, с Ельциным. Тот куда-то ехал в машине. Был уже пьян. М. С. уговаривал его встретиться вдвоем, втроем + Кравчук, вчетвером + Назарбаев. Тот пьяно не соглашался: «Все равно ничего не выйдет. Украина независимая».

– А ты, Россия?! – возражал М. С.

– Я что! Я – Россия. Обойдемся. Ничего не выйдет с Союзом... Вот если вернуться к идее четверного Союза: Россия + Украина + Белоруссия + Казахстан?

– А мне где там место? Если так, я уйду. Не буду болтаться, как говно в проруби. Я – не за себя. Но пойми: без Союза все провалится и погубите все реформы. Ты определись. От нас двоих зависит все в решающей степени.

– Да как же без вас, Михаил Сергеевич! – пьяно «уговаривал» Ельцин.

– Ну, а что же я, где... если нет Союза?..

– Ничего... Вы оставайтесь, – милостиво соглашался Ельцин.

Мы с Яковлевым переглянулись: сколько терпения у М. С.! Но и явная готовность уйти... Без сожаления... Без драмы... Спокойно!

Дело, видимо, идет к этому.

Встречался он сегодня с Яничеком. Тим (Тимофеев, директор института рабочего движения) навязал, а я Горбачева уговорил и отпросился, послав вместо себя на беседу Вебера – «в порядке поощрения». Не знаю, что там было. Тимофеев умолял завести гостя ко мне, я отвертелся.

6 декабря

День пропустишь – исчезают из впечатлений важные вещи. Например, после Обращения к парламентариям он заставил меня писать «Обращение к гражданам Украины». Целый вечер сидели у него + Яковлев и Ревенко, который, объявив себя «ярким украинским националистом», возражал против самого такого акта: «будет иметь обратное значение», «перебор», «вы уже не раз все сказали» и т. д.

Его поддерживал Яковлев. Я отстаивал «желательность» и исходил не из возможного результата (он очевиден), а из потребностей Горбачева. Он сделал ставку... У него отняли все: «управлять экономикой», «руководить руководителями», влиять на прессу... Осталась идея Союзного единения. И он – ее символ и проповедник. Иначе ему просто нечего делать... И это видно по его распорядку дня. Он ищет всяких встреч – со своими и иностранцами. Чуть ли не каждый день дает интервью, выходит к журналистам после заседаний и т. д. Часами просиживает с собеседниками, от которых можно что-то ждать: то с Егором Яковлевым, то с А. Н. Яковлевым, то с Грачевым и Черняевым, то с Шеварднадзе...

Сочинив «Обращение к гражданам Украины», превратившееся в заявление, от которого он наутро тоже отказался (и я, переменив свою точку зрения, убедил его, что не надо), сели в том же составе готовиться к его встрече с Ельциным (накануне завтрашней встречи тройки «славянских президентов» в Минске). Проигрывания вариантов не получилось... Он вяло слушал, а потом понуждал «прослушивать» его монологи. И ничего нового – аргументы, аргументы в пользу Союза. Их десятки, и все разумные и неопровержимые, но всем им противостоит «нутряное»: а мы вот хотим сами и уверены, что получится!..

Рефрен: если не пойдут на Союз, я уйду, мне места не остается. И рядом план: созвать Госсовет, Съезд народных депутатов + обратиться прямо «К народу» (через ТВ)... И потребовать плебисцита: вы за Союз или нет? Все это иллюзии. И Съезд не соберешь, и плебисцит не проведешь, если республики не захотят. Да и кто будет оплачивать? И кто будет реализовывать, если даже «да»? Ведь уже «реальность», что реальная власть в руках элит: Кравчуков, ельциных, бурбулисов.

Я это ему все открыто говорил. Он не утихает. И в общем правильно делает, ибо это единственное его «видное» занятие, хотя газеты посмеиваются... Впрочем, особенно в связи с 50-летием битвы под Москвой, немножко кренилось в пользу единства.

И я сам (при всем своем неверии в Союз), когда встречался в эти два дня с Брейтвейтом и Дюфурком, активно оперировал аргументацией Горбачева.

Сегодня был Анталл – венгерский премьер. Переговоры прошли нормально, дружественно, хотя со скепсисом со стороны венгра («такой огромной страной управлять из центра нельзя»). М. С. и глазом не моргнул – что поступал неправильно, долго отказываясь приглашать Анталла. И сделал это только под угрозой его приезда в Москву по приглашению Ельцина. В беседе опять поток аргументов в пользу Союза, еще более выразительных. А перед журналистами даже поставил Венгрию в пример Украине: вот, мол, та «поступает» ассоциированным членом в ЕС, а Украина не хочет быть в политическом союзе с теми, с кем жила переплетенной столетиями!

Ходили возлагать венок к могиле Неизвестного солдата – 50 лет битвы под Москвой... Президент и кто? Шеварднадзе, Яковлев, Шапошников, Бакатин, Примаков, Силаев, Медведев, да мы с Грачевым – вот и все приближенные к высшей власти, «советское (центральное) правительство» на данный момент!! Не густо.

Печально, однако: вспомнил, как в эти дни 50 лет назад наш 203-й лыжный батальон в составе 1-й Ударной армии подошли в эшелоне к Сходне – Крюкову (оттуда перевезен прах

Неизвестного солдата)... Какой был мороз, и в нескольких километрах передовая – стрельба, первое соприкосновение с войной. Как мать с Любой Артишевской, первой, несчастливой моей женщиной, чудом прорывались туда. И минут 20 посидели в какой-то избе, хозяйка пустила нас. И как было неловко (Люба уже меня не любила и отбивала номер милосердия), а мать – тоже уже «отрезала» меня, но выполняла материнский долг. Не помню, чтоб плакала. И простились по-быстрому... под пулеметный треск, не прекращавшийся где-то совсем рядом. Но в бой нас не запустили, а на другой день опять в эшелоны – к Москве, на Окружную, оттуда – на Савеловскую ж. д. (Ленинградская была перерезана) и на Северо-Западный фронт под Старую Руссу – окружать Демянск.

Медаль «За оборону Москвы» мне, однако, потом дали. Вручал мой комбат Толмачев, и мне было, помню, «не очень»: вроде не за что. Хотя, впрочем, все лето 41-го противотанковые рвы рыл под Рославлем и т. д. и т. д., отступая от немцев под бомбежкой.

7 декабря

М. С. принимал американских бизнесменов, которые вместе с Велиховым налаживают у нас обучение ребят бизнесу. Чудеса: миллиарды задаром вкладывают в нас «акулы империализма»!

А М. С. опять о своем – о «непредсказуемых последствиях» распада, отказа от Союза. И это в тот момент, когда в Минске три «славянских президента» этот вопрос уже решили!

На той неделе я с М. С. вместе могу оказаться безработным.

Тем временем... Послал ему на подпись договоры СССР с Грецией и Финляндией, приветствие Исламской конференции (ОИГ) в Дакаре, обращение «К читателям» журнала «Рынок» (организуемого «МН»), еще какую-то муру.

Главное же, начал тезисы, которые М. С. велел сделать для его встречи «1 + 4» в понедельник (с Ельциным, Кравчуком, Шушкевичем и Назарбаевым). Каждому помощнику дал такое же задание – «по профилю»...

Я не успел (из-за Люды). Дописал за этим столом, завтра перепечатаю.

Однако на той неделе... Трудно представить себя уже ненужным... Впрочем, уже и сейчас я нужен лишь лично М. С., а не политике.

Интересно, как на это отреагируют мои женщины?!

8 декабря

Отправил фельдом «сочинение» – почему по соображениям международным нужен новый Союз. Теперь такая моя работа – вхолостую, для него лично.

Нет еще сведений о Бресте: Ельцин, Кравчук, Шушкевич (перепились, наверное, в Беловежской Пуще). Но по тому, что уже наговорил Ельцин вчера журналистам и в белорусском парламенте, ясно: на Союз они не пойдут. И места Горбачеву не оставят... Он, конечно, будет тянуть, «опираясь» на то, что у него пока армия (почему-то на днях сняли Лобова, заменили Самсоновым – из Ленинградского ВО). Лобов, конечно, дуб и из язовского старья, но сама перемена в такой момент?..

М. С. все «сечет» и, кажется, ко всему готов. Вчера вызвал гогот у американцев, сказав: «Меня журналисты все время спрашивают, президентом какого государства вы являетесь?»

В понедельник на «1 + 4»... все прояснится, ибо союзный Съезд ему не дадут созывать, а плебисцит откажутся проводить и финансировать.

В «Огоньке» очередной словесный «портрет» М. С., написанный неким Леонидом Гозманом. И тут много догадок, удачных «умозаключений», но много и трухи...

Люда предложила мне встретиться с двумя знакомыми ее голландскими журналистками – поговорить на эту тему...

Между прочим... Маша Слоним в «МН» дала интервью – как создавался в Би-би-си сериал «Вторая русская революция». Неприятно: оказывается, я и другие были просто объектом циничного бизнеса. Она хвалится, что 1,5 года регулярно звонила мне в полвосьмого утра, добиваясь встречи с М. С. О помощниках первых лиц – с пренебрежением: они, мол, говорили «в рамках дозволенного». Это, значит, и обо мне! Лопухи мы, русские, доверчивые. Ничто нас не учит... Может, и хорошо с точки зрения «высокой морали», которая и губит нашу

историю... Ибо компенсируется варварством, грубостью, бессмысленной жестокостью.

И насчет морали... Брутенц навел на размышления о ней своим возмущением по поводу поведения Красина, который заявил: никого не возьму из аппарата (к себе в Фонд, образованный вместо Ленинской школы, кстати, Международным отделом ЦК), всегда, дескать, ненавидел партаппаратчиков (хотя сам рос там под крылышком Пономарева!).

Я к чему? К морали у меня отношение плевое с точки зрения обывательской. Достаточно просмотреть полностью мой дневник, особенно в его «женской» части. Но что правда – достоинство и честь для меня превыше всего. И именно поэтому очень редко кому удавалось унижить меня. И никогда я не делал жизнь за чей-то счет или кого-то локотком в сторону.

Вечер. Только что сообщили по радио: Ельцин, Кравчук, Шушкевич договорились о создании Содружества Независимых Государств... И завтра (+ Назарбаев) будут обсуждать это с Горбачевым. Соглашение открытое – могут присоединиться другие. Вот и все! Назарбаев, ' прилетев, в аэропорту сожалел о Союзе, взывал хоть бы оборонительный союз заключить, чтоб единое командование оставалось...

М. С. наконец должен решиться. По ТВ пропустили фрагмент из его интервью украинскому корреспонденту, которое он давал вчера. И там опять: «А кто, мол, знает, что я буду выставять свою кандидатуру?» Опять неадекватен: куда выставять? Кто собирается проводить какие-то выборы? О каком президентстве может идти речь? Для кого?..

Словом, я правильно говорил: Союза не будет. Не верил я в это и до пугча.

Ездил на работу. «Доработал» международный аспект аргументов за Союз (для завтрашней встречи четырех, а может, для Госсовета). Кому это нужно?.. Ведь уже межгосударственный договор заключен... О каком Союзном договоре они захотят говорить? Смех!

Решил прогуляться по морозцу. Вышел к Манежу... Тут наткнулся на тысячную демонстрацию под красными и черно-желтыми знаменами: «Руки прочь от Ленина!», «Руки прочь от социализма», «Долой (или под суд) изменника Родины – Горбачева», «С „патриотом“ Ростроповичем продаемся иудеям», «Россия для русских» и т. п. Еще против литовцев – за командира омонцовцев, который громил телебашню в Вильнюсе. Всякие «экономические требования». Сунули мне листовку "Все на демонстрацию 22 декабря – из голодающих очередей!!".

Полночь. Только что радио принесло весть: Ельцин, Кравчук, Шушкевич объявили о прекращении существования Советского Союза как субъекта международного права, о недействительности всех законов, относящихся к нему как государству. Договорились, как совместно финансировать оборону... Об экономическом механизме договорятся в течение декабря.

Перед тем я 1,5 часа слушал записанное вчера интервью М. С. (по украинскому ТВ), где он яростно и страстно доказывал, что «разойтись» невозможно и что отказ от Союза – гибель для всех. Интервьюеру-украинцу слова не давал вставить... Обещал через головы «этих новоявленных политиков, возникших за два года» обратиться к народу и будто у него есть еще «средства, о которых он сейчас говорить не будет».

Словом, с этого момента я живу в другом государстве – России, и я в ней уже фактически безработный.

10 декабря

Как я провел вчерашний день, когда стал «ничем»?

Утром в кремлевском коридоре встретил Виктора Кудрявцева, Вениамина Яковлева, Сергея Алексеева, Юрия Калмыкова – главных правоведов. Шли от Горбачева. Кудрявцев задержался, говорит:

– Михаил Сергеевич бушует, заявляет, что он уйдет, пошлет их всех и т. д., «покажет им»... Мы его уговаривали не конфликтовать, наоборот, сказать: хорошо, ребята, вы прошли этап, теперь давайте обсудим, что делать дальше. В этом духе идем сейчас делать ему проект заявления, с которым он собирается выступить после предстоящей его встречи с Ельциным и др. Вы, Анатолий Сергеевич, какой точки зрения держитесь?

– Я за это.

– Так поддержите эту линию.

– Обязательно.

Но, увы! Я не был «позван» ни лично, ни на разные совещания у него в течение дня.

В 12.00 М. С. говорил с Ельциным. Кравчук и Шушкевич не приехали. До этого он разговаривал с Назарбаевым. Потом – они втроем. Что там было – мне неизвестно. Затем по очереди были у него Набиев (таджик), представитель Ниязова (туркмен). Президенты Акаев и Каримов тоже не приехали. Л. Тер-Петросян публично поддержал беловежскую тройку, приговорившую СССР к смерти.

Во второй половине дня он долго в Ореховой комнате совещался с усеченным Политическим консультативным советом: Яковлев, Шеварднадзе, Бакатин, Примаков, В. Яковлев, Шахназаров, Ревенко, кто-то еще. Родили заявление, которое и было оглашено диктором в 21.00 по ТВ. Хорошо хоть догадались не выпускать самого М. С. на экран – было бы еще одно нравоучение...

Объявил о созыве Съезда народных депутатов, о возможном референдуме. Ну, об этом я уже здесь писал. Даже если народные депутаты соберут 1/5 подписей – все равно ничего не выйдет. Николай II имел мужество отречься от престола после 300 лет правления династии. М. С. никак не поймет, что его дело сделано, давно следовало бы уходить, надо беречь достоинство и уважение к сделанному им в истории.

Травкин от ДПР проводит сегодня на Манежной массовый митинг за Союз... Может, кончится речами... Но если пойдут на Белый дом и вступит в дело ельцинская полиция, тогда другое дело.

Ничтожество Козырев на пресс-конференции заявил: есть два выхода – самоликвидация «союзных» органов (начиная с президента) и добровольная передача имущества или нецивилизованный способ по типу августовского. Грозится. Я подумал: а за что идти на баррикады? Мы же, команда Горбачева, обгадились «не на данном этапе». Конечно, нам отвратителен вид этой интеллигентской банды вокруг Ельцина (всякие бурбулисы, Козыревы и т. п.), подобно тому как были отвратительны интеллигентным кадетам, эсерам и меньшевикам, не говоря о монархистах, интеллигентные большевики в 1917 – 1920 годах. Но ведь те тоже обгадились. Я не верю, что Ельцин выведет «дело России» на стезю, но и не вижу альтернативы «отдаться России». Союз мертв...

Пойду на работу, которой фактически уже нет. Интересно, как будут ликвидировать офисы – так же, как ЦК КПСС в августе?

11 декабря

Нудный день. Узнаю, что М. С. встречается с Ельциным. До того он дал полтора часовое интервью В. Третьякову («НГ»). Содержание беседы с Ельциным никто не знает. А вечером Грачев сказал: «Все то же». Напросился ко мне посол Блех: больше часа объяснял ему, что происходит, не зная, что происходит. Ни вчера, ни сегодня М. С. меня не звал... Сегодня был не Политический консультативный совет, а сидели у него по очереди разные, в основном – Яковлев и Ревенко.

Узнав, что он завтра будет выступать на Верховном Совете, я (с помощью Кувалдина) сочинил проект из двенадцати пунктов – антиконфронтационный, с готовностью вписаться в «реальность» после Беловежской Пуши... и легитимизировать ее «разрастание» за счет других.

Предложил назвать страну «Евразийское Содружество Независимых Государств». Не знаю, как будет воспринято. Скорее всего, как нелояльность: сейчас от тех, кто при нем в должности, он не терпит иного мнения, тем более – позиции.

Говорили с Грачевым: надо Горбачеву сосредоточиться на том, чтобы достойно уйти. Все у Ельцина теперь (плюс Кравчук и Шушкевич) направлено на то, чтобы его скинуть. И фактически Ельцин уже сделал это, лишив М. С. всех средств сопротивления. Вчера он взял под свой контроль всю правительственную связь, т. е. может просто отключить у М. С. телефоны, не пустить работников аппарата в Кремль или запретить на замок двери кабинетов.

Каждый день «цепляния» за Кремль – а теперь это так именно и выглядит – отдаляет тот момент, когда история поставит Горбачева на его место – великого человека XX столетия.

И не надо ему искать «работу» – он должен просто удалиться... И продолжить

«традицию» всех великих и не очень – де Голля, Черчилля, Тэтчер...

Правда, мы не Франция, не Англия, но пора создавать «эту модель» ухода. Не мельтешить, не противоречить всему тому, что он сам считал обязательным для порядочных и мужественных людей.

Я предложил ему воспользоваться идеей Миттерана и настаивать на созыве «4 ядерных», чтоб подтвердить – у кого у нас ядерная кнопка и соответственно статут. Вернул без пометок, а может быть, Эдуарду Амвроси-евичу что-то на этот счет сказал перед поездкой того в Брюссель.

Козырев заявил, между прочим: «Горбачев не прокаженный, работу ему найдем». Грачев дал министру «отлуп» на брифинге.

12 декабря

Впервые в нормальный, обыкновенный день, придя в свой кабинет, увидел, что дела никакого нет. А если есть бумаги, их можно «не исполнять»... И за день – ни одного служебного звонка.

Горбачеву приносят «горячие» слухи – то один, то другой. Он отправляет отходные обязанности. Грачев собрал ему 20 журналистов, и он произнес фактически прощальную речь. Был уж совсем не на государственном уровне откровенен и ненужно подробен, рассказывая, как его «обошли» Ельцин, Шушкевич, Кравчук 8-9 декабря.

К вечеру позвал меня. Печальный. Расспросил о впечатлениях от российского парламента, который ратифицировал Беловежское соглашение... Подивился оскорблениям космонавта Севастьянова, заявившего с трибуны парламента: документ слабый, но хорошо, что «эра Горбачева» кончилась. Мелкий, густой народ! Эра Горбачева только начинается!

Попросил «от руки» нависать проект прощальной речи перед народом. Начал, но пока еще черновик.

Приехав домой, сидел на кухне: смотрел по ТВ сначала Максимова, потом ту самую пресс-конференцию Горбачева. Рядом – супруга. Пошел к себе, Геня – за мной. Стала говорить – зачем мне Алина нужна (в воскресенье у нас традиционная школьная встреча по случаю дня рождения моего школьного друга, покойного Вадьки Ба-бичкова). Я ответил: Алина (вдова) мне не нужна, но под конец жизни я хочу раз в год видаться со своими школьными друзьями, с которой связана моя прекрасная юность!!

И так мне тошно стало...Подумал: вот на днях уйду на пенсию, так от такой ежедневной домашней «среды обитания» – либо застрелиться, либо бежать куда глаза глядят!

14 декабря

Вчера М. С. поразил англичан (Брейтвейта и Аппельярда – зама Херда) веселостью, присутствием духа, иронией, самоуверенностью – как будто ничего не происходит. Встретил их словами: «Ну что? Явились узнать, в какое государство приехали и кто я сейчас такой?» Это сразу создало «атмосферу». Потому что англичане вошли в приемную с постными, похоронными лицами, с извиняющимся видом. И беседу он вел уверенно, ярко, образно, отстаивая свою концепцию, но не исключая поиска такого решения (по Содружеству), которое раскрывало бы скобки во многих вопросах, явившихся результатом дилетантизма и амбициозности.

После ухода англичан оставил нас с Яковлевым. Опять стали разбирать, что делать. Беда его в том, что, зная, как все специально делается, чтоб вытеснить его с президентства, он хватается за малейший предлог, чтоб думать: не все еще потеряно...

Вот Кравчук объявил себя главнокомандующим... М С ему звонит: «Что ты делаешь? Ты понимаешь, что из этого может выйти?!» Тот: «Да что вы, Михаил Сергеевич я это так. Верховный Совет вот настаивал, ну я и выпустил указ... Но не претендую взять армию под себя!!» И т. п. Словом, «лапша на уши».

И М. С. «рассказывает» нам с Яковлевым, что вот, мол, как на самом деле-то, ничего страшного.

Или: был у него Ельцин. «Мирно», как объявил Б.Н. журналистам, поговорили. Но ведь потом он лидерам своих «демпартий» сказал: «Я назвал Михаилу Сергеевичу сроки – декабрь, в

крайнем случае – часть января – в которые мы(!) заканчиваем с одной эрой и переходим в другую».

Ребенку ясно, что это значит: мол, в Кремле тебе быть осталось две-три недели!

Я ему, кстати, напомнил об этих словах. И о том, что по коридорам у нас уже гуляет: до 20 декабря аппарат президента должен освободить помещения. Он изменился в лице, но продолжал «рассуждать» все-таки о двух вариантах".

Один – выйти на ТВ и попрощаться с народом. Позавчера он мне поручил «текст». Я его сделал и в рукописном виде отдал вчера ему (себе перепечатал с помощью Тамары). Но, дескать, с этим не будем торопиться. Второй (если в Ашхабаде и в Алма-Ате главы суверенных государств" о чем-то договорятся или не договорятся) – выдвинуть условия своего согласия помочь" им решить проблемы, которые они породили своим Содружеством. А условия – чтобы был пост, и не свадебного генерала, и не дежурного у кнопки, а... подходящий.

Однако, судя по итогам Ашхабада и перспективам Алма-Аты, сегодня никто не собирается ему такой и вообще какой бы то ни было пост предлагать. Так что 2-й вариант – иллюзия.

Хотя, когда говорилось об этом и я сидел, как и Яковлев, «сложив руки», он бросил мне: «А что ты сидишь? Делай пометки. Тебе ведь писать придется».

Вчера к ночи он мне сообщил, что ему позвонил Буш и он дал ему «отлуп» за поведение. Мне он продиктовал: передать в СМИ, что Буш предложил поддерживать регулярный контакт. Морель (помощник Миттерана) позвонил мне из Елисейского дворца: его шеф хочет поговорить с М. С. Сегодня разговор состоится. Это все – соломинки, за которые М. С. хватается.

Утром разговаривали с Грачевым, он тоже за немедленный и «инициативный» уход М. С., но рисует мрачную картину. Уйдет, но ведь мы не Франция (которая потом вновь призвала де Голля) – и ему не «забудут» все на другой день. Не спишут, а затеют (вместе с КПСС) процесс, чтоб был козел отпущения (по образцу Хонеккера).

Не думаю, что так пойдет. «Народ не даст». Мы – не немцы. Вот уже после его встречи с журналистами на днях «народ» начал его жалеть.

Впрочем, чем черт не шутит. Тем не менее второго варианта не будет, и ему надо скорее уходить... Иначе его еще сильнее будут гнать, оскорблять, унижать... Даже Назарбаев заявил: хватит Горбачеву нас запугивать. Все воспринимают его «стойкость» за Союз как борьбу за кресло.

15 декабря

Вчера я начал день в Кремле с дневника. Заполнил несколько страниц – о Горбачеве, о его последних двух днях. Забыл захватить сам дневниковый блокнот. Потом вложу сюда. А сейчас – о себе.

Ребята из группы консультантов (Вебер, Ермонский, Кувалдин) взяли мешки с бумагами к себе на ул. Разина (там у них временные комнатухи), хотят разобрать, отобрать и кое-что уничтожить, потому как выгнать нас могут из Кремля в любой момент.

Ольга (Ланина) сообщила, что вызывали Пестова (начальника личной охраны М. С.) и сказали: с завтрашнего дня горбачевская охрана переходит в подчинение ельнинской службы!

А М. С. все тянет, все на что-то надеется. Сегодня вечером к нему напросилась Старовойтова – пришла жалеть, наверное... И вообще «лояльными» к нему сейчас остались вроде в основном те, кто из Межрегиональной депутатской группы, созданной при Сахарове!!

18 декабря

Сегодня вечером М. С. позвонил: «не получается» – это насчет его обращения к участникам встречи в Алма-Ате. Утром он мне сказал, что сам поработал и чтоб я с Яковлевым просто «прошелся». Но потом он два часа давал интервью «Комсомолке» (каждый день дает какое-нибудь интервью. Сегодня в 16.00 – еще раз Эн-би-си), затем встречался с Шапошниковым и Баранниковым, после этого позвал нас с Яковлевым. Он немножко «конфронтировал» текст, который я написал, отвергнув явно отторгаемый проект Шахназарова, составленный в сугубо «конструктивных» тонах – благословляющий, примирительный, с

пожеланием успеха... Но и включил в текст и советы, намекающие, что «его путь» был бы лучше...

А до этого и попутно шел разговор... Спрашивает у Яковлева: «Что-то ты такой смурной?» Тот озабоченно начинает рассуждать, будто Ельцин боится серьезной оппозиции (в лице его самого, Шеварднадзе и им подобных!). А когда М. С. отошел звонить Р.М., Яковлев наклонился ко мне: «Думаю, меня убьют. Я буду просить у Горбачева, чтоб меня отправили куда-нибудь, например в Финляндию послом. Ельцин согласится – ему я здесь опасен...»

Я реагировал – знаком "?" с внутренней «улыбкой». М. С. вернулся за стол... Стал говорить (с моей подачи) об интеллектуальном уровне глав «суверенных государств»: иногда сам тупеешь, разговаривая с ними. И действительно хочется бежать от такого «сотрудничества».

Потом заговорили о «Фонде нового мышления» – Фонде Горбачева... Видно, они с Яковлевым еще до меня это придумали. М. С. стал «развивать», как можно широко это дело поставить... Я поддакивал, но советовал начать не у нас, а в Америке.

Он вдруг: "Я за книгу получил 800 000 долларов (Яковлев тут же подсчитал – 80 миллионов рублей)... Знаешь,

Анатолий... Я хочу тысяч 200 оставить себе, а тысяч 30-40 дать тебе".

Я: «Не нужно этого делать. Мне они не нужны».

Яковлев: «Оставьте на основание Фонда тысяч 600... А потом появятся разные спонсоры».

Мы с А. Н. в один голос: «Не надо ничего давать на всякие больницы и пр., все равно пропадет, как и прежние дотации, а вам надо достойно жить дальше, не ходить попрошайничать у Ельцина...»

Я поднял вопрос о «ребятах» – моих и прочих консультантах. Наперебой с Яковлевым предлагали дать всем «выходное пособие» (2-месячное), поручить Ревенко устраивать их на работу... Но М. С. торопился, и мы не договорились.

Сам я начал «устраивать»: Вебера к Красину, Ермонского – в «Известия»... Поругался с Шахназаровым, который отхватил своим фондом «Ленинскую школу»... и слушать не хочет об устройстве кого-нибудь, кроме «своих». Я обложил его матом и бросил трубку.

Вебер, Ермонский, Кувалдин разбирают мешки с моим 6-летним архивом... Кое-что (и много) я таскаю домой. Буду писать «книгу»: «Шесть лет с Горбачевым»... Но они и Грачев предупредили: «Не исключайте, Анатолий Сергеевич, обыска у вас, когда затеют „дело“ против Горбачева». Я вообще-то не верю в такое... Но чем черт не шутит. Ведь если у Ельцина все начнет заваливаться, нужны будут «зрелища» и козлы отпущения. И тогда я – первый кандидат (сначала) в свидетели... Впрочем, «уголовно» компрометирующего в моих архивах ничего нет, но замарать М. С. «вольностями» посттоталитарного поведения можно (как и излишней откровенностью в личных беседах).

«Устроил» сегодня Тамару в израильское посольство к Бовину. Он давно обещал, но «настаивать» в МИДе не хотел, спасовал... И пришлось мне самому – через Ковалева и Авдеева – все сделать. Впрочем, успеем ли до того, когда Козырев запустит лапу во все эти процедуры?

Окружение Ельцина в отличие от М. С. («шестидесятники») не связано с интеллигенцией. И те начинают «понимать», что наделали, встав против Горбачева... Сочувствуют ему, когда в него градом летят камни.

Дня через два придется сматывать из Кремля.

20 декабря

Вчера уже кое-кого обыскивали при выходе из президентского здания в Кремле. Председатель комиссии по делам афганцев Аушев (Герой Советского Союза) дал по морде прапорщику, который попытался его обыскать. Гусенков пригрозил, что он вернется и «пожалуется» президенту: его выпустили. Меня не тронули, хотя я который уж день не выхожу без толстого портфеля, а сегодня попросил фельда (они меня уважают) отвезти целый мешок бумаг из моего личного архива. Машины отобрали у всех, кроме самого М. С., его помощников и советников. Но это – дело дней. Вчера клерк от Козырева явился к Шеварднадзе и, сообщив об указе Ельцина о ликвидации его министерства, попросил Э. А. «освободить

помещение». Нам и Ревенко прислано распоряжение Бурбулиса – «закругляться»... Мои телефоны уже отданы кому-то другому: звонят, спрашивают не меня. Но я еще пока звонить могу...

Словом, бандитизм в духе Ельцина!.. А М. С. все настаивает на «цивилизованной» передаче власти.

Сегодня дважды он возвращался к своему финальному заявлению. Я дважды его «дорабатывал». Но вечером оказалось, что есть альтернативное – от Яковлева. Сели втроем. И я выразил им обоим категорическое несогласие с яковлевским вариантом – капитулянтское и плаксивое. Не знаю, какое будет в конце концов, М. С. соблазнился яковлевским... Хотя я сильно его дискредитировал. Договорились, что А. Н. на «моей основе» поработает и завтра представит.

Горбачеву звонил сегодня Коль, спрашивал, что будет делать. М. С. долго объяснял свою концепцию (по письму участникам Алма-Аты), уверял, что уйдет, если утвердят СНГ... Хотя не согласен, но «конфронтировать» не будет.

Сказал, что займется «общественной» (не политической) деятельностью. Коль пригласил в Германию – отдыхать, читать лекции, пожить... М. С. не отказал. Таких приглашений у него много. Мне он раскрыл свой замысел (опять полон энтузиазма): на базе фонда Красина-Шахназарова создать свою «фрэнд корпорэйшн» и «развернуть». И потекут средства (из-за рубежа), и придут партнеры из других фондов... Будет-де мощный интеллектуальный центр, иницирующий процесс образования в России подлинно демократического общества. А если потребуется, центр возьмет на себя роль мощной оппозиции «дилетантам, самодовольным посредственностям...».

Был у него Карякин (я их свел). «Шестидесятники» «отмываются», морально поддерживают. Юрка даже обещал шумно уйти из Президентского совета Ельцина. Посмотрим!

Статья Третьякова в «НГ»: Беловежская Пуша – государственный переворот.

Распикиваю своих ребят. Самому надо «делать» пенсию. Говорят, придется побегать за справками...

22 декабря

Вчера состоялся «алма-атинский погром». Поворот, видимо, сопоставимый с *25 октября 1917 года*, с такими же неопределенными последствиями. Горбачева просто грубо скинули. Даже не приняли специального документа об «упразднении» его как главы государства. К Николаю II хоть посылали «авторитетную делегацию» Думы с просьбой о «сложении с себя», об отречении. А Горбачеву Ельцин лишь на пресс-конференции, отвечая на вопрос, объяснил: да, обсуждали его судьбу, не будем поступать так, как раньше с нашими вождями – хоронить, потом перезахоранивать, объявлять преступником. Будем, как в цивилизованном государстве. Определили ему материальное содержание и «вообще» его «положение после отставки». И произошло это, кстати, ровно 4 месяца спустя после путча и в день рождения Сталина!

Советского Союза больше нет. И Россия – член Совета Безопасности ООН... Пойдут-поедут в разные стороны наши «Европа» и «Азия», как и так называемый ! «славянский» мир... И Россию придется строить заново – вряд ли в согласии с татарами, бурятами и наследниками Шамиля.

А в Кремле тем временем М. С. собрал Яковлева, Шеварднадзе и меня... Сели дорабатывать прощальное заявление. Э. А. не поддержал вариант Яковлева (из двух абзацев, сопливо-обидчивый). Мой практически принят.

Особо важно, что сохранены «тирешки» с обозначением исторических достижений перестройки... Увы, оскостили эмоционально!

Редактировали увлеченно, будто в Волынском или Ново-Огареве сочиняли очередную речь для Верховного Совета или чего-нибудь в этом роде. Спорили о словах, будто забыли, что речь идет о «некрологе».

Из разговоров попутно (сидели ведь два часа): Э. А. заявил, что «ничего у них не получится»... Настаивал на своих очередных предсказаниях: будет путч, будет взрыв – массовый и беспощадный. Говорил о цинизме и бесцеремонности ельцинских подручных.

«Хотя, мол, обещают сохранить „ценное“ в МИДе. Не верю, им главное – кресла занять. Любуются собой и хвалятся друг перед другом, какие кабинеты отхватили на Смоленской-Сенной!»

М. С. поддержал эту тему, рассказал, что Б. Н. чуть ли не каждый день напоминает – освободить ему «хороший кабинет» в этом (казаковском) здании, присмотрели на 2-м этаже бывший рыжковский кабинет. Да, мол, главное – занять Кремль, остальное потом, заключил М. С.

Вечером 20 декабря Игнатенко сообщил Горбачеву, что Верховный Совет Украины принял «толкование» Беловежского документа, несовместимое с самой идеей Содружества. М. С. потребовал текст, с удовольствием читал нам, комментируя: весь замысел Ельцина с его уступками ради «сохранения» Украины в СНГ – проваливается. Мы с А. Н. охладили его: замысел-то как раз был в другом – с помощью Кравчука нокаутировать СССР, ликвидировать его самого, Горбачева (это сверхзадача), а потом двинуть везде и повсюду Россию... Остальные приспособятся, а если кто отвалится – плевать. М. С. и с этим соглашается... Но радуется «неудаче»... Кроет опять дилетантов и посредственностей, самодовольных и безответственных. А потом сказал: «Документ они примут, пусть липовый, но им теперь нельзя не демонстрировать победу – вот Горбачев едва 7 республик собрал для своего Союзного договора, а мы – все 11, да и Грузия присоединится, значит, 12! Но все равно они завалятся».

Яковлев «предсказал»: Ельцин дай Бог до весны продержится.

Наши размышления прервал звонок от Миттерана (заявленный накануне). Тот снял маску величия и напыщенности, говорил всякие слова о значении Горбачева, о бессмертии сделанного «ими вместе». М. С. в ответ (опять и опять) «фразворачивал» свою «концепцию»: мешать не буду, стараюсь «обогащать» процесс СНГ, если Ельцин не отступит от демократических реформ, буду оказывать содействие.

Миттеран приглашал во Францию: «Вы хоть и были несколько раз, но страну не видели...»

Что ж, благородно!..

И Андреотти в такой момент не грех было бы позвонить Горбачеву, после визита Ельцина в Италию – особенно.

А Буш? Он очень уж на все оглядывается и говорил неделю назад суховато. И первое, что сделал, – пригласил вчера Ельцина в США.

Ну, хорошо... А что же со мной-то? Не позаботился даже о пенсии. Завтра М. С. произнесет «прощание», и нас тут же выставят из помещений. Куда за пенсией-то идти, в какой райсобес?

М. С. в разговоре о своей «фрэнд корпорэйшн» обмолвился: приходите, всем там место будет. Размахался бодро-весело. И деньги, мол, пойдут... Не верю я в это. Да и хочется ощутить себя свободным. Но – на что жить? «Мне и рубля не накопили строчки»... Что это? Бессребреник? Равнодушие к себе и к «дому»? Лень заниматься пошлыми делами? Привычка к номенклатурному сервису? Но ведь и до номенклатурности я о себе не умел заботиться... Все тут, наверное, есть...

Надо привыкать к «свободе»... Но пока есть семья, свободным не будешь, даже в смысле «без оглядки» выйти куда-нибудь из дому! Хватит ли силы плюнуть на все и уйти к любимой женщине? Но ведь я женщине нужен – приходящий, веселый, уверенный, с положением, интересный, а не иждивенец и жалкий проситель ласки и утешения. А жить хочется...

23 декабря

Еще вчера вечером по телефону М. С. стал «увечить» свой текст обращения-прощания. Я, как мог, его «облагородил», ослабил места, которые могли вызвать только иронию или насмешку. Он упрям, а мне теперь неловко с ним резко спорить: подумает, что обнаглел, ведь перед ним уже не президент.

Но он и не собирался сегодня «оглашать», хотя «все» ждут не дождутся.

С 12 до 18 он сидел с Ельциным в Ореховой комнате + А. Н. Яковлев... Им с самого начала таскали коньяк «под кофе», а потом они еще и обедали.

В 18.00 – был назначен разговор с Мейджором... М. С. вышел к себе для этого – был уже

очень «хорош»...

Соответственно и говорил с британским премьером. Это было трогательно. Тот, наверное, совсем ошеломлен был такой искренностью... Тоже звал в Англию, от себя и своей прелестной жены Нормы.

М. С. вернулся к Ельцину, который тем временем «объяснялся» один на один с Яковлевым.

Завтра М. С. соберет коллектив аппарата прощаться. Сегодня собрались было: я обратил внимание, что 70% присутствующих впервые вижу, хотя представлен был лишь комсостав... М. С. перенес сбор из-за встречи с Ельциным.

Сегодня меня засняли из Эн-би-си, они вместе с Егором Яковлевым делают фильм «Последние дни Горбачева». Полтора часа я им говорил... Яковлев и Грачев потом мне передали: жалеют, что раньше ко мне не пристали. А я потом жалел, что не сказал им многого. Но, впрочем, заинтриговал будущей своей книгой.

Был издатель «Новостей» Эйдинов... Принес первые два заказа на будущую книгу Горбачева. Готовы прямо сейчас выложить 1,5 миллиона долларов и ждать мемуаров два года! В «Известиях» сегодня уже сообщили о Фонде Горбачева... Вот там с «этого» и надо начать... Прежде всего надо издать его беседы с инодеятелями (1985 – 1991 годы). Бесценный материал для истории. Я ему сказал – он отмахнулся, как всегда...

27 декабря

Сегодня первый день, когда я безработный (хотя еще и не пенсионер). Надо опомниться. Но прежде всего попытаться восстановить события этих дней.

В среду, 25-го, М. С. решил выступить с последним «Обращением»... Готовилось оно сначала как Заявление. Я уже писал о некоторых эпизодах подготовки. В конце концов он взял «за основу» да и почти «в целом» мой текст, даже вернул в последний момент кое-что из предыдущих вариантов (например, что государство надо бы распускать с народного волеизъявления)... Но и напичкал деталями, которые все равно газеты «не взяли»... Ни одна газета полностью «Обращение» не напечатала! Уже все боятся Ельцина.

Утром он попросил связать его с Бушем (на 17.00). И хоть там Рождество, Павел Палажченко нашел Буша в Кэмп-Дэвиде, и тот согласился.

Разговор М. С. вел на грани фамильярности – «по-русски»... «как друзья»... Но и Буш впервые «ушел» от сдержанности, наговорил много хвалебных слов, многие из которых потом попали в его выступление – о конце СССР и о значении Горбачева.

Запросился на телефон Геншер, а до этого Блех принес мне письмо от него. С Блехом был разговор интереснее, чем у М. С. с Геншером... Но это уже было буквально за полчаса перед последним выступлением «Президента СССР».

Рядом с кабинетом, где Горбачев обычно выступал перед телекамерами, собралось много корреспондентов... Вообще, если б Егор Яковлев не притянул в эти последние дни Эн-би-си, которая буквально дневала в коридорах, снимая все, что попало, все, что так или иначе касалось М. С., если б не это – остался бы М. С. в информационной блокаде до самого своего конца в Кремле. Позорно для нас, что только западные ТВ-журналисты вертелись вокруг него, олицетворяя ту значимость Горбачева для всего мира, которую западная общественность ему справедливо придает.

Итак... Я стоял сбоку, метрах в 8-10 от него. Прямой эфир. Он был спокоен. Не стеснялся заглядывать в текст. И получилось «с ходу» хорошо. И потом, сколько ни слышал «домашних» опросов, – оценки сходились: достоинство и благородство.

Действительно, трагическая фигура, хотя мне, который привык его видеть в обыденности, трудно примерять к нему этот термин, с которым он, конечно, войдет в историю... «Известия» все-таки дали цитаты из оценок «выдающихся государственных деятелей Запада». Он вернулся к себе в кабинет. Я остался в приемной. На диванчике в уголке сидели неприметно двое в штатском. Лицо одного мне показалось знакомым (потом протокольный Шевченко мне разъяснил: он же с нами во все поездки за границу ездил... Сидел в самолете в заднем отсеке и «не показывался»). Рядом стоял «чемоданчик» и что-то похожее на переносной телефонный аппарат. А к М. С., оказывается, еще до того как я вошел, явился Шапошников. Минут через 15

этих двоих позвали в кабинет... Один из них вскоре вышел. Но пришли двое других, незнакомые, их тоже провели в кабинет. Потом вышли все. И минут через 10 вышел Шапошников, как всегда «улыбающийся», поздоровался. Но был (видно!) и смущен.

Мы с двумя Яковлевыми пошли к М. С. Он был явно возбужден, красный. Сели за овальный стол. Рассказал: Ельцину очень не понравилось мое выступление. Прослушав минуту, он отключил ТВ и велел Бурбулису доставить ему «полный текст». Андрей послал ему...

Потом стало известно, что, «фаз так», он не придет получать «кнопку», пусть Горбачев сам ее принесет. Горбачев отказался. Тогда Ельцин послал к нему Шапошникова...

Между тем хамить Ельцин начал раньше. Еще до разговора с Бушем мы сидели с Андреем у М. С. Он «наносил» последние штрихи на свое прощальное выступление. Вдруг позвонила Р.М. в панике: явились люди и потребовали, чтоб она со всеми пожитками за два часа убралась из квартиры (на улице Косыгина). М. С. рассвирепел, весь пошел пятнами, позвонил одному, другому – крыл матом. Вроде остановил разбой. Но вчера, 26-го, их все-таки выставили. Причем долго отказывались подать грузовик, чтоб вещи отвезти!

Вчера утром (забегаю вперед) охране едва удалось добиться того, чтоб выслали на дачу «ЗИЛ» за М. С., который ему «снисходительно» оставил Ельцин...

Утром 25-го М. С. еще не знал (мы с Грачевым ему рассказали), что во многих газетах напечатано: Ельцин на Старой площади рассказал редакторам газет об «итогах» 8-часовой его встречи накануне с Горбачевым и Яковлевым: я, мол, ему в 10 раз урезал охрану (вранье: Горбачев не просил 200 человек), дачу дал «поменьше», чем сейчас, минус – городская квартира... О неприкосновенности не может быть и речи: если есть вина, пусть признается сейчас, пока он еще президент, положил ему 4000 рублей пенсии. И еще что-то в таком же гнусном стиле...

Между тем «иллюзионисты» Горбачев и Яковлев рассказывали об этой встрече, которая длилась с 12 до 21 часа (с перерывом только на разговор М. С. с Мейджором), в благостных тонах: поговорили нормально, по-товарищески, как ни в чем не бывало. Вот тебе и «не бывало»!

Кстати, вчера Грачев устроил «гусарство», собрал всю прессу в гостинице «Октябрьская» на ул. Димитрова. На Горбачеве два часа висят корреспонденты, не давая ему рюмки выпить... Это был порыв уже не к главе государства, за встречу с которым бывает журналистам большой гонорар и слава, а человеческое... Он выговорился до конца. И нас там, грешных, порядком попытали.

Между прочим, Крепостной (это фамилия), директор гостиницы, ставленник покойного Кручины, долго не давал разрешения устроить эту встречу, ссылаясь на то, что счета у президентской службы «закрыты». Но ему сунули в нос живые деньги, которые М. С. дал из своих. Директор тем не менее побежал к российским своим начальникам и опять стал отнекиваться. Но так как он теперь не государственная, а частная лавочка, пришлось уступить. Хоть такая польза от приватизации!

Но я забежал вперед. После передачи «кнопки» выпили коньяку (я, два Яковлевых и М. С.), потом перешли в Ореховую, присоединился Грачев... И до 12 ночи «гуже-вались». Запомнить всего невозможно, а жаль... Между делом были сказаны вещи, достойные скрижалей. Впрочем, больше речь шла о прошлом, даже о Сулове... и о том, как М. С., приехав в 1978 году в Москву, ужаснулся политическим и прочим нравам, и тому, как, оказывается, «делают в Москве политику»... Кое-что из этого я не раз от него слышал. Между прочим, он сказал, что первую книгу в Фонде, которую он хотел бы написать, это – как и почему родилась в мозгу идея перестройки.

Дал мне «по ходу» два задания: сосватать Грачева в ЮНЕСКО и сказать Тельчику, чтоб деньги (за книжку «Августовский путч») в Москву не высылал.

Вчера я принял двух послов: испанского и норвежского, принесли письма от своих глав. Первому – Куэнке – я сказал о Грачеве. Он, несмотря на то что знает Грачева довольно близко и дружит с Майором (директором ЮНЕСКО), изменился в лице... Это – невозможно, говорит, не принято (чтоб посол за кого-то ходатайствовал). Ладно, не принято... Сам знаю, но чего испугался-то? Козырева боишься, прогонит??

Надо устраивать его к Аттали – в Европейский банк реконструкции и развития, в Лондон.

Мишелю Пессику позвонить, что ли (советник французского посольства)?

Второе задание буду выполнять через Саню (Безы-менскую), она на днях полетит в Германию. Сказал ей уже вчера об этом, заехав (на метро) утром. Она мне изложила всю механику банковского сервиса... с большим знанием дела. Когда я ей рассказал вчера утром о трудностях у М. С. с оплатой «мероприятия» в «Октябрьской», она мне: "Подумаешь! Дай мне Николая Николаевича с машиной. Сейчас съезжу в офис возьму деньги. Сколько нужно? 25 тысяч?! Ерунда. 15 я даю – всего-то 250 марок!

Позвонил Гусенков, говорит. М.С. к одиннадцати приехал к себе в кабинет в Кремль, чтоб встретиться с японцами... Но за час до этого его кабинет занял Ельцин. И М.С. стал принимать японцев в кабинете Ревенко! Зачем унижаться так, зачем он «ходит» в Кремль?! И флаг уже сменен над куполом Свердловского зала, и не президент он уже!

Кошмар!... А тот хамит все больше и больше. Топчет все наглее... Мстит, наверное, и за вчерашнюю встречу с прессой!

В 8.15 утра Ельцин со свитой появился в приемной горбачевского кабинета. Дежурному секретарю скомандовал: «Ну, показывай!» И пошел в кабинет...

– А вот тут на столе стоял мраморный прибор – где он?

Секретарь объясняет дрожа:

– Не было прибора... Михаил Сергеевич никогда не пользовался такими ручками. Мы ему набор фломастеров выкладывали на стол.

– Ну ладно... А там что? – и двинулся в заднюю комнату (комната отдыха). Стал выдвигать ящики стола. Один оказался запертым.

– Почему заперт?! Позвать коменданта! Прибежал кто-то с ключом, отпер – там пусто.

– Ну, ладно...

Вернулись в кабинет, расселись за овальным столом: он, Бурбулис, Силаев, еще кто-то.

– Давай сюда стаканы!

Вбежал человек с бутылкой виски и стаканами.

«Основные» опрокинули по стакану.

– Вот так-то ладно. А Ореховую не буду смотреть и помещение Госсовета тоже – там Политбюро раньше заседало... Бывал, бывал...

Гурьбой, гогоча, вышли из кабинета. Секретарю бросил напоследок: «Смотри у меня! Я сегодня же вернусь!!»

28 декабря

Вчера отговорил М. С. давать интервью Эн-эйч-кей (Япония): постыдно ездить в Кремль, где «веселился» в его кабинете Ельцин... Еще постыднее искать в Кремле какое-то другое место для интервью. Ревенко потом корил: за это интервью японцы обещали миллион долларов.

Послал Горбачеву письмо Мейджора (его передал мне Брейтвейт), сам перевел – от руки; письмо Миядзавы (Тамара съездила в посольство); книгу, исписанную вахтанговцами, ее передала мне Юлия Хрущева. М. С. мне отзвонил, взволнован – такие знаки внимания для него сейчас – бальзам. Сказал мне, что заболевает – грипп, наверное. Но дали всего три дня, чтоб убраться с дачи. Приходится разбирать книги и барахло... Сказал: давай начинай делать «хронику нового мышления» – из записей его бесед с 85-го по 91-й г.

Вебер и Ермонский вроде отчаливают. Сам начал сегодня разбор книг, два чемодана уже вывез на свалку... Кое-что и годится только в макулатуру, хотя жалко: с каждой всегда что-то связано, но читать уже никто не будет – ни я, ни Митька. Тяжелая работа. И долгая.

30 декабря

Вчера Ельцин произнес новогоднюю речь. Можно бы и согласиться, если бы «сообщил», кому он обязан тем, что может именно так выступать. Но – ни слова. Напротив, оставили, мол, мне Россию, будто в ней 70 лет хозяйничал враг.

А в Минске – все гладко, но ничего не получается из Содружества, которое лишь ширма для развала Союза...

В конце марта 1996 года я был приглашен Принстонским университетом на вторую конференцию по проблемам окончания «холодной войны». Первая была в 1994 году, ее патронировал Джордж Шульц, государственный секретарь США при Рейгане (я там тоже был). Эту, вторую, патронировал Джеймс Бейкер, государственный секретарь при Буше.

Наряду с Бейкером мне было предоставлено «слово при открытии». Помещаю ее в этой книге (с некоторыми сокращениями), потому что там – моя неизменная позиция относительно мотивов горбачевской внешней политики.

Предварительные замечания к дискуссии

1. Первое замечание. В исследованиях и дискуссиях о перестройке утвердилось мнение – и оно в общем правильно, – что внешняя политика Горбачева не только в своем стратегическом замысле, но и в конкретных ее проявлениях и акциях целиком была завязана на внутренних обстоятельствах в СССР, а иногда прямым образом зависела от тех или иных действий и намерений в сфере внутренней политики.

Это правильно, но этого недостаточно.

Новая внешняя политика имела для Горбачева, как руководителя сверхдержавы, как реформатора, самостоятельное значение.

Это ее значение определялось рядом моментов:

- пониманием реальной возможности ядерной катастрофы (в отличие от прежних наших лидеров и официальной точки зрения, когда считалось: если ядерная война разразится, мы, Советский Союз, победим и с империализмом будет покончено);

- сложившимся у Горбачева (еще до переезда в Москву), хотя и неоформившимся, убеждением, что идеологическая борьба на мировой арене, которую мы вели столько десятилетий, проиграна. И проиграна не потому, что нас технически переиграли в пропагандистской схватке, а в силу несостоятельности самой нашей идеологии. А в том, что на нас никто не нападает, Горбачев был убежден еще до того, как стал генсеком;

- нравственными принципами. Они сложились, видимо, на протяжении всей его жизни. И предопределили его неприятие, его отвращение к применению силы, к насилию как средству политики, вообще как фактору общественного развития.

Отсюда, видимо, у него отсутствие всякого пиетета к армии, к военной символике и парадности, к демонстрациям военной мощи и явно неприязненное отношение ко всему, что связано с милитаризмом.

Второе замечание. Наше доверие к Соединенным Штатам, к руководству США рождалось трудно. Но, «проклюнувшись» у Горбачева и его команды, оно значительно опережало формирование доверия к нам со стороны американской администрации, американского истеблишмента и общественности. Процесс сближения шел на разных скоростях и носил неодинаковый характер.

Связано это, видимо, и с национальными особенностями, но в какой-то степени это и парадоксально: ведь нас, советских, десятилетиями воспитывали во вражде к «империализму», а олицетворением его для нас были Соединенные Штаты. В нас будто бы генетически была заложена подозрительность к Западу. Больше того, мы унаследовали еще от дореволюционных времен, от Достоевского и Салтыкова-Щедрина ощущение того, что, как бы русские ни старались, Запад никогда не откажется от недоверия и неприязни к России, «не полюбит» нас.

Третье замечание. В налаживании отношений мы меньше полагались на дипломатическое мастерство и больше на «человеческий фактор», на личное взаимопонимание все большего числа людей, которые включились в налаживание советско-американских отношений на новом этапе.

С какого-то момента – а я думаю, его можно датировать весной 1987 года – для Горбачева отношения с Америкой перестали быть сферой внешнеполитической игры, где каждый, естественно, хочет получить больше, чем дать. Горбачев отныне твердо исходил в своих действиях и помыслах от главной цели, которую надо было достичь во что бы то ни стало, а именно: покончить с «холодной войной», покончить с конфронтацией. Остальное приобретало второстепенное значение. Отсюда и его готовность идти на уступки, что до сих пор ему не

могут простить его противники в России, сторонники традиционного, «старого» мышления.

Четвертое замечание. «Холодная война» закончилась на Мальте, а не в декабре 1992 года, когда Джордж Буш был последний раз в Москве в качестве президента. Иначе не объяснишь ни объединения Германии, ни действий двух сверхдержав в связи с агрессией Саддама Хусейна, как и многое другое.

Ради дипломатической вежливости можно, бывает, поступаться исторической истиной. Но никакая дипломатия не в состоянии отменить истину. Отнести срок окончания «холодной войны» на три года – с декабря 1989 года на декабрь 1992 года – это все равно как если бы кто-нибудь предложил считать окончанием Гражданской войны в США не 1865 год, когда была одержана решающая победа в достижении целей войны, а 1877 год, когда завершилась Реконструкция.

Отголоски «холодной войны», методы, ей свойственные, мы наблюдаем до сих пор и в мировой политике, и в отношениях между некоторыми странами. Однако эпоха «холодной войны», с совершенно определенными своими характеристиками, закончилась тогда, на Мальте.

Пятое замечание. Не в порядке комплимента, а для констатации факта: заслуги администрации Буша-Бейкера в повороте мировой истории на новый курс в 1989-1990 годах для меня несомненны.

Позиция и программа, которые мы услышали из уст президента на Мальте, были ожидаемы, но неожиданными – и для меня, и для Горбачева. Ведь только потом мы узнали о честной и трудной «работе над собой», которая была проделана во время «паузы» с января по май 1989 года, о том, какое сопротивление пришлось преодолеть, чтобы принять масштабное решение о «повороте отношения к СССР на 180 градусов» (слова Буша).

Как это ни странно, но я, помощник по международным вопросам (и Горбачев тоже), лишь потом – от историков, а не своевременно, от посольств и спецслужб – узнали о выдающихся публичных выступлениях Бейкера 4 и 16 октября 1989 года, в которых было суммировано переосмысление во время «паузы» американо-советской ситуации и сделаны выводы, позволившие выйти на Мальту. Что же касается тайных источников информации, которые пользовались престижем абсолютно надежных и откровенных, т. е. «истинных», то они торопились сообщать главным образом негативное, считали более правильным для «национальных интересов» возбуждать и подогревать подозрения.

Особенно хотел бы отметить роль Джеймса Бейкера в деле объединения Германии. 9 пунктов позволили компромиссно снять острую проблему вхождения объединенной Германии в НАТО. Здесь администрация помогла Горбачеву найти оптимальное, реалистическое решение. Чего нельзя сказать о ее позиции (и поведении) в отношении Прибалтики. Чрезмерное выпячивание (в общем-то по внутрисполитическим для США соображениям) этой проблемы в отношениях с Горбачевым поощряло провокационные, нахальные действия прибалтийских лидеров. Это очень осложнило начавшийся процесс реформирования СССР. Неизбежное отделение Литвы, Латвии, Эстонии все равно состоялось бы, т. е. была бы достигнута цель, которой добивались прибалты и США, но делали они это так, что наносился тяжелый ущерб гораздо более значительной международной цели – сохранению великой миролюбивой державы в лице обновленного демократического Союза. Впрочем, некоторые в администрации США (они известны) сознательно и целенаправленно этого не хотели, для них целью было – помочь разрушить Союз, какие бы изменения, пусть ультрадемократические, в нем ни произошли бы. Но это не было целью президента Буша и госсекретаря Бейкера. Остаюсь при такой уверенности.

И наконец: Горбачев и его великое всемирное и патриотическое дело получили от Запада (взамен того, что он принес международному сообществу) незаслуженно меньше, чем получила и получает Россия Ельцина... неизвестно за что, если не считать мифологии: «он разрушитель коммунизма». Хотя «отменять коммунизм» начал Горбачев и отменил бы до конца, но в менее болезненных для страны формах... если бы не августовский путч.

Приложение 2

16 августа 1994 года «Независимая газета» опубликовала на целую полосу статью бывшего долгое время первым замом министра иностранных дел СССР Георгия Марковича Корниенко «Закончилась ли „холодная война“?», с подзаголовком «Размышления ее участника». В статье с позиций громыкинской ортодоксии была подвергнута разностной критике внешняя политика Горбачева.

Я не смог отмолчаться. В разделе «Полемика» 3 сентября 1994 года «НГ» согласилась опубликовать мою статью: «Для него (т. е. Корниенко) „холодная война“ действительно не закончилась».

Я решил приложить ее к книге, считая, что эта полемика не потеряла актуальности. Напротив. Если 2-3 года назад этот сюжет носил почти «теоретико-исторический» (даже биографический) характер, то теперь он имеет прямое отношение к проводимой Россией внешней политике. Если по сути своей (не признаваемой действующими в ней лицами) она, эта политика, остается продолжением горбачевской линии нового мышления, то по риторике и амбициям напоминает брежневские времена (правда, без прикрытия «интернационализмом»). Ее аргументация основана на державности и так называемых национальных интересах России (которые, кстати, никто до сих пор четко и откровенно не сформулировал). Недавно в «НГ» появилась статья некоего Анатолия Уткина (за 31 декабря 1996 года), в которой автор, надергав из мемуаров Шульца и Бейкера несколько шутливых и ироничных замечаний, не только искажает действительное отношение двух госсекретарей США к Горбачеву, но и представляет его дурачком, которого американцы обводили вокруг пальца и вытягивали из него все, что им требовалось. Кстати, принижает до неприличия и масштаб самих этих двух крупных деятелей, которые всерьез и искренне были озабочены угрозой ядерной катастрофы и немало сделали для прекращения «холодной войны». Это ведь жизненно важно было не только для Соединенных Штатов, значит, руководствовались они не только национальным эгоизмом.

Мораль статьи Уткина проста: с волками жить – по-волчьи выть. И не скрывает этого, советуя (ретроспективно также и Горбачеву) разговаривать с американцами, как Александр I с Наполеоном или князь Горчаков с Бисмарком. Эва куда хватил из ядерно-космического века-то!!

Впрочем, г-н Уткин (и далеко не один из нынешних специалистов-международников) отражает общее поветрие. Оно характерно и для думцев, и для правительственных деятелей и чиновников, а именно – вернуться на международной арене к «правилам игры» исключительно по «национальным интересам». И никто почему-то не задумывается над тем, что это означает сейчас – играть по американским правилам.

Величие Горбачева как раз состояло в том, что он сумел на какой-то момент навязать мировой политике другие, общечеловеческие «правила игры». И благодаря этому добился исторического поворота в международном развитии. И раз этот переворот удалось осуществить, значит, такие «правила игры» отвечали глубинным, перспективным потребностям мирового сообщества, стремительно двинувшегося в XXI век. Сейчас этот исторический прорыв хотят заблокировать и вернуться к прежней модели: кто кого ловчее облапошит ради исключительно собственных эгоистических державно-национальных интересов. Опасная тенденция.

Остается надеяться, что эта тенденция не зайдет слишком далеко, не перейдет рубежа необратимости. Ибо политика соперничества национально-государственных эгоизмов губительна для мирового сообщества на принципиально новом этапе его существования. Без мировой политики, основанной на принципах нового мышления, человечеству не выжить.

Вот такое пространное рассуждение потребовалось для оправдания моего намерения включить в приложения к этой книге мою полемику с Корниенко – апологета «старого мышления».

Далее – моя статья под обозначенным в начале заголовком, с некоторыми сокращениями, имеющими частный или личный характер.

Полемизировать мне с Г. М. Корниенко, казалось бы, бессмысленно. Мы с ним, оба служившие советской внешней политике, одно время чуть ли не в одной команде – он в МИДе, я в ЦК, при генсеке и Президенте СССР, – мыслим в несовместимо разных плоскостях. Даже если бы не было «привходящих» мотивов его статьи и рассуждали бы мы в рамках «чистых»

понятий и лишенных эмоций аргументов, убедить друг друга мы все равно бы не смогли.

И тем не менее отмолчаться мне как-то неловко. Тем более что Корниенко не единственный и не оригинален в попытках дискредитировать политику ликвидации «холодной войны»...

Георгий Маркович оперирует категориями «холодной войны» и в логику его, увы, «старого мышления» легко ложатся такие термины, как «предательство», «бездарность», «неумно», «отдали не за понюх табаку», «пагубность», «бесхребетность», «горе-руководители» и т. п.

«Холодную войну» он представляет как военно-политическое состояние. В то время как она была выражением идеологической конфронтации двух несовместимых социальных систем. И пока одна из них не изменилась, не сблизилась с другой на основе общих принципов (да, да – общечеловеческих! – права человека, демократия, соблюдение цивилизованных международных норм и т. п.), ни об окончании «холодной войны», ни о разоружении в масштабах, снимающих угрозу ядерной войны, не могло быть и речи. Без ликвидации тоталитаризма в нашей стране ни на какое «достойное» (слово Корниенко) прекращение «холодной войны» Запад, США не пошли бы. И Георгий Маркович, знающий их лучше меня, пусть тут не лукавит.

Очень характерно, что, отбирая у Горбачева патент на новое мышление, начало его автор возводит к самому Сталину, отождествляя с термином «мирное сосуществование». Неужто забыл, что даже на XX съезде КПСС и в послехрущевские времена мирное сосуществование открыто (нашими теоретиками и в пропаганде) трактовалось как классовая борьба на международной арене? А чем кончается (или должна кончаться) классовая борьба, согласно марксизму-ленинизму, людям, окончившим советские вузы, разъяснять излишне.

Нет, товарищ Корниенко, новое мышление Горбачева тем принципиально и отличается от хрущевского мирного сосуществования, что оно предполагает совместимость общественных систем на основе общих норм и критериев, или, произнесу страшное для вас слово, – конвергенцию.

Горбачеву пришлось в конечном счете выбирать: устранить угрозу всеобщей ядерной катастрофы можно было, только демонтировав тоталитарный строй в Советском Союзе и покончив с «доктриной Брежнева». Он сделал этот выбор и с этим останется в истории как величайший гуманист XX столетия.

По этой спасительной для народов логике и проблема ракеты «Ока», и проблема единства Германии, и другие, вами названные, выглядят совсем иначе.

Ну что, спрашивается, от того, включили ли мы эту ракету в договор по РСМД или не включили, настояли на снижении дальности подобных ракет или нет? Для Генштаба, для мидовских переговорщиков, для некоторых подразделений ВПК это – с их ведомственных позиций – конечно, имело значение. А с точки зрения национальных интересов, т. е. государственной безопасности, абсолютно никакого. Или Корниенко и впрямь уверен, что американцы и НАТО собирались напасть на нас и нас завоевать?.. Или стали бы угрожать нам ядерной расправой, если мы, например, «не отдали» бы жизненно важную (!) для нашего народа Анголу?

То же самое с паритетом по ракетно-ядерному оружию. Ну, добились мы его, вымотав экономику страны и деформировав всю общественную психику. И что? Почему же американцы на нас не напали, пока мы не имели паритета? И вообще – для чего он нам нужен? Чтоб продемонстрировать сверхдержавие, ублажать свои великодержавные амбиции, без чего наши люди будто ну просто спать спокойно не могут? Укреплять антидемократический, постсталинский режим в стране и у ее союзников? В этом, что ли, был наш национальный интерес?

Никогда мы с вами, Георгий Маркович, тут не сойдемся.

...Договор СНВ-1 получился, согласно Корниенко, более выгоден для США... «с чисто военной точки зрения», добавляет он. Не буду вникать в правомерность этого утверждения. Для меня важно пояснение – «с чисто военной точки зрения». А с точки зрения, реального процесса ядерного разоружения, т. е. уменьшения угрозы мировой войны?

По этому случаю и по другим Корниенко цитирует американцев – политиков и авторов

книжек: те хвастают, что им удавалось «урывать» у нас побольше, чем они ожидали. И выдают нас за этаких простачков. Корниенко вместе с ними потешается. И этим выдает себя, ибо, оказывается, думает он так же, как они, только с обратным знаком, – в терминах дипломатической игры, переговорной ловкости – кто кого надует или сильнее прижмет в противоборстве.

А Горбачев, во всяком случае после Рейкьявика, с ними в игры не играл, хотя и видел все ходы и уловки американцев. Американские «игроки» выставляют себя победителями в играх, в которые с ними уже не играли. Горбачев шел к цели – через доверие и разрядку атмосферы военного противостояния. И встретил искреннее (не на чиновно-военно-дипломатическом, а на нормальном, человеческом уровне) понимание и готовность взаимодействовать, прежде всего со стороны Шульца, а потом и других.

Об объединении Германии. Корниенко оценивает произошедшее с позиций чиновника-переговорщика. В то время как Горбачев действовал, исходя из понимания исторического значения объединения Германии для судеб двух великих наций и их отношений на перспективу, думая о будущем Европы и мира, т. е. показал себя и на этот раз государственным деятелем, а не политиком, для которого популярность на данный день превыше всего. Его заботило также, чтобы спонтанный порыв немцев к воссоединению не сорвал все то, что уже было достигнуто в формировании новых, неконфронтационных международных отношений.

И совсем нелепы обвинения в предательстве национальных интересов, будто от германского единства и общенациональной признательности немцев за то, что мы этому не помешали, пострадала наша собственная безопасность.

Что получила Германия в результате объединения – объяснений не требует. От нас она хотела одного – покончить со всем, что напоминало бы отношения «победитель – побежденный». Не так уж много, если учесть, что минуло полвека после войны.

Мы же получили столько, сколько Германия могла бы и не дать, будучи сама уже мощнейшей державой и главным союзником сверхдержавы в НАТО: содержание наших войск в течение трех лет, строительство квартир для офицеров, кредиты, помощь, включая гуманитарную, честную и активную поддержку в международных делах перед «семеркой». В деньгах это исчисляется в сотню миллиардов долларов. Другое дело – как мы этим распорядились.

Замечу попутно: в описании германской политики Горбачева Корниенко ссылается на недоброкачественные источники из вторых и третьих рук. Впрочем, он «при этом» не был, и для меня, присутствовавшего на всех переговорах и встречах, связанных с объединением Германии, его доводы, даже в частностях, выглядят совсем несолидно, демагогически.

Наконец, о позиции Горбачева во время Персидской войны. Опять же – и понятно почему – вне рассуждений Корниенко остается главная установка нового мышления в этом острейшем международном кризисе. Да он и не знает, какая огромная работа была проделана Горбачевым, чтобы не допустить худшего – для самого Ирака в особенности, – чтобы предотвратить рецидив, а то и возобновление «холодной войны». Инерция силовых подходов в мировой политике была еще очень сильна. Горбачев не достиг всего того, к чему стремился, сделав, однако, максимум, чтобы остановить военную машину и решить проблему мирно. Не вмешайся Горбачев с позиций нового мышления в этот конфликт, последствия были бы неизмеримо худшими.

Приложение 3

В январе 1993 года я был приглашен выступить на конференции в Иерусалимском университете. Тема конференции: «Харизма лидеров XX века». Понятно, от меня хотели услышать, что я думаю на этот счет о Горбачеве. Свое сравнительно тезисное выступление там я потом развернул в статью, опубликованную журналом «Международная жизнь» (июль 1993 года) под заголовком «Феномен Горбачева в контексте лидерства».

Здесь даю ее в сокращенном виде.

Малопонятная категория «харизмы» здесь не подходит. Хотя некоторые авторы, справедливо связывая с Горбачевым поворот в мировой истории, объясняют сделанное им вмешательством потусторонних сил – одни дьявольских, другие божественных.

От своих непосредственных предшественников в руководстве Советским Союзом Горбачев действительно заметно отличался. Но эти отличия не выходят за рамки обычных сравнений пусть даже между очень разными людьми. Ничего трансцендентного в его особенностях я не увидел.

Правда, когда общаешься с человеком повседневно – восприятие иное, чем на расстоянии. В последнем случае всегда есть место «тайны», чего-то загадочного... Тем не менее я давно пришел к выводу, при котором и остаюсь: не будучи «великим человеком» по набору личных качеств, он сделал великое дело. С исторической точки зрения это важнее.

Горбачев ведь не принес с собой завораживающей идеи – ни как Хрущев с его «коммунизмом» в два скачка к 1980 году, ни как Сталин, который с помощью лжи, изоляции страны и страха убедил миллионы людей в том, что мы благодаря ему, Сталину, самые «правильные», самые «справедливые» и самые «хорошие».

Начиная с марта 1985 года все проистекло из знаменитой потом горбачевской фразы: «Так дальше жить нельзя». Правда, в самой этой мысли таилась крамола: как это так – «развитой социализм», а жить в нем нельзя?!

Важно, однако, что и общество, уставшее потешаться над Брежневым и Черненко, униженное материально и сгорая от стыда за то, как и кто правит страной, чувствовало или понимало, что действительно нельзя дальше так жить. Это стало фактом обыденного сознания.

А как? Как жить? Что жить надо лучше и честнее – это ясно. Но как к этому идти? Никакой на этот счет харизматической идеи у Горбачева не было.

Но у него были огромный опыт работы внутри системы и неумная внутренняя энергия деятельной натуры. И у всех у нас был марксизм-ленинизм, из которого на разных этапах старались что-то выжать, чтобы оправдать экспромты и эксперименты над великой страной...

От настоящей, современной социальной науки мы давно оторвались. А марксизм-ленинизм учит все начинать с базиса. Вот Горбачев и начал с машиностроения, в котором увидел панацею и которому летом 1985 года посвятил специальный Пленум ЦК. Предполагалось, что, улучшив положение в этой сфере, мы получим современную технику для всех остальных отраслей, и экономика пойдет в гору со всеми вытекающими...

Ну, конечно, плюс наши привычные методы: мобилизовать, показать пример, возглавить, наладить дисциплину, лучше работать каждому на своем месте, организовать выполнение плановых заданий и взятых обязательств и т. д.

Чем кончилось – другой вопрос. Я здесь об этом – для того лишь, чтобы напомнить: в принципиальном плане речь шла о том, чтобы заставить систему работать. Сама она ни малейшему сомнению не подвергалась.

Отсюда и горбачевская терминология: ускорение, динамизация, совершенствование, улучшение... Термин «перестройка» как политическая категория появился не сразу, хотя сам Горбачев произнес это слово еще в 1984 году, будучи в гостях у Тэтчер.

Но оно не даром ведь непереводаемо на иностранные языки. Ни «модернизация», ни «реконструкция», ни «переделка», ни «обновление», ни «реорганизация», ни «преобразование» или «преображение», ни «реформа» не передают его полного смысла.

Эта неопределенность (как и потом расплывчатость термина «гласность», которая не идентична свободе слова) объясняется идеологической заданностью – и «внутренней», личной, и «внешней» – от социально-политической среды.

Горбачеву первые годы и в голову не приходило, что может встать вопрос об отказе от социализма, от советского строя, от власти во главе с КПСС, от монополии ультраобщественной собственности и диктата государственного плана. Но хотелось чего-то по-крупному нового. В неопределенности термина «перестройка» и таился потенциал этого нового, непонятного пока ему самому.

Появилось и понятие «обновление». Оно интерпретировалось как переход общества в «качественно новое состояние». Но и оно не воспринималось как отход от хотя бы одного из

перечисленных «принципов».

Что же двигало Горбачевым? Почему он пошел на такой риск для себя лично? Почему он без всякого понуждения извне стал «раздавать» свою по существу абсолютную власть?

Почему он сознательно решил покончить с вековой традицией «царизма» и с советской традицией «вождизма», выродившегося в вождизм по должности? И он сделал это. Попытка Ельцина возродить традицию быстро провалилась.

Одного честолюбия тут мало. И обычно оно диктует другое поведение в его ситуации.

Что же было? Да просто надежда, которая давно жила в народе, иррациональная, смутная. Надежда, что – а вдруг! – что-то изменится к лучшему.

И все же возникает два вопроса:

– Почему Горбачеву удалось начать перемены в этой косной застойной среде?

– И почему поверили ему?

Ответ на первый вопрос, как ни парадоксально, приходится искать в вещах, противоположенных преобразованиям, а именно в тех ненормальностях, отрицательных сторонах нашего общества, даже его пороках, которые сложились и закаменели на протяжении десятилетий. Что я имею в виду? Первое – у Горбачева была фактически абсолютная власть. Он сам потом говорил, что ни один из руководителей крупных государств не располагает такой властью, какая была у Генерального секретаря ЦК КПСС.

Далее: лояльность, конформизм, иждивенческий комплекс в партии и в народе. Привычка считать, что там, «наверху», все знают, все видят и в любом случае все равно сделают так, как захотят. Не говоря уже о том, что была вера, что марксизм-ленинизм действительно самая передовая научная теория, только вот ее плохо применяют.

Можно спросить: что же это – страна дураков, при такой-то культуре в прошлом? Да нет! Но это страна цензуры, страна, где воспитали не только десятки тысяч тюремщиков, но где всю общественную сцену заполнили платные служители неприкасаемой идеологии, исключавшей малейшее инакомыслие. Это страна двоемыслия, где даже тот, кто ничему не верил, поносил и высмеивал режим на кухне, в курилках, за пол-литра с друзьями, в то же время исправно, а то и ревностно исполнял все, что полагалось по должности на любом посту.

Сразу же, однако, замечу, что эти негативные, консервативные стороны нашего общества, которые сработали на Горбачева вначале, они же потом обернулись против него, когда оказалось, что надежды, которые он возбудил, не так-то просто удовлетворить.

Второй вопрос – почему поверили Горбачеву? Ответ может быть еще более неожиданный. Просто потому, что он не позволил – и это было в тех условиях проявлением мужества – надеть на себя вериги, которые ему сразу же полагались по должности: «выдающегося деятеля международного рабочего и коммунистического движения», «непоколебимого марксиста-ленинца», «верного продолжателя дела Ленина», «видного руководителя партии и народа» и т. д.

Он предстал перед обществом нормальным человеком, у которого естественная, от здравого смысла, реакция на происходящее вокруг и на любых людей, с которыми он общался.

Он запретил вывешивать и носить свои портреты не только потому, что это не укладывалось в задуманный им политический курс, а прежде всего потому, что это было ему просто противно, неловко. Он в самом начале отверг и публично высмеял славословие в свой адрес. А такие попытки предпринимались, в том числе и прежде всего – на первых пленумах ЦК...

И на международной арене он привлек внимание и быстро завоевал авторитет не своими инициативами, хотя и важными, и даже не какими-то реальными шагами по разрядке напряженности, а тем, что перед государственными и политическими деятелями Запада, перед общественностью неожиданно из советского Зазеркалья предстал нормальный человек, который может разговаривать обо всем с кем угодно и, вступая в диалог, даже споря, видит перед собой не «представителя империализма», не идеологического противника или что-то в этом роде, а тоже нормального живого человека, способного здраво рассуждать, понимать обычные человеческие слова, руководствоваться свойственными всем обыкновенным людям чувствами и интересами.

Его природный демократизм не был совсем испорчен длительной карьерой

парработника, хотя кое-какие «благоприобретенные» черты сохранились. Исконная его народность сидит в нем глубоко.

Он нес людям свои собственные мысли и оценки, а не то, что сочиняли для генсека референты и отделы ЦК. Элементы некоторой театральности – общение «вождя» с народом – в этих встречах на улицах присутствовали. Тем не менее перемена была очевидной и разительной. И Горбачеву поверили не как мессии, а как простому и хорошему человеку, каким его поначалу считало большинство.

О самом Горбачеве изданы десятки книг и сотни статей в разных странах. Теоретики «лидерства» пытаются подвести его под какой-то определенный тип лидера, хотя само понятие это – с весьма размытыми границами. Тем более что в русском языке слова «лидер» и «руководитель» не идентичны. Лидер должен обладать чертами оригинальности и реальной значительности. А руководителем называется шеф любой конторы, но даже и государства, даже большой партии. «Лидером» такого обыкновенного руководителя величают лишь в ироническом контексте.

Горбачев скорее подходит под тот тип лидерства, для которого характерно соединение политики с моралью. Думаю, это главное, что отличает Горбачева как личность в политике.

В этом – величие Горбачева, но в этом же и истоки его личной драмы. Ибо для слишком большого влияния морали на политику время еще не наступило, а у нас – тем более.

Будучи физически и душевно очень здоровым человеком и не избалованный жизнью в детстве и юности, он искренне ужаснулся тому обществу, тем порядкам и нравам, с которыми вроде свыклись, но которые открылись ему во всем своем безобразии, когда он оказался в столичном эшелоне руководящего слоя партии и государства.

Конечно, связав свою судьбу с таким грязным делом, как политика, он подчас ловчил, хитрил, маневрировал, сознательно тянул с неприятными решениями, лукавил – словом, отступал от принципов строгой морали. Но нравственный стержень в своих действиях сохранял. И если он и злоупотреблял своей почти абсолютной властью, то при этом не оторвался от этого стержня.

Горбачев понимал – как кто-то однажды написал, – что в таком искусственном казарменном обществе надо «скомандовать» делать перестройку. И он «скомандовал».

Готовность подчиняться и слушаться, ставшая генетическим признаком общественной психологии, позволяла Горбачеву рассчитывать на то, что можно встать на путь перемен, и он со своими «затейми» не будет тут же сброшен.

Повторяю: в течение первых трех лет перестройки он мыслил улучшение общества в категориях марксизма-ленинизма, уверенный в том, что, если бы Ленин умер не в 1924 году, а хотя бы лет десять спустя, с социализмом в СССР было бы все в порядке.

Однако очень скоро он столкнулся не только «с сопротивлением материала» (употребляю технический термин, имея в виду тяжелейшее, по существу кризисное экономическое наследие, пассивность населения, отсутствие кадров, способных участвовать в преобразованиях), но и с сознательным сопротивлением.

Он не отступил. И на ПБ не раз говорил: отступим – погубим все дело! И еще круче. «Выбирайте, – говорил он коллегам, – но я связал себя с перестройкой лично и политически и не отступлю».

Летом 1987 года в Крыму, когда он работал над своей знаменитой книгой «Перестройка и новое мышление», он мне как-то сказал: «Знаешь, Анатолий... Я пойду далеко, очень далеко. Никто не знает, как далеко я пойду». Меня поразило и вдохновило это признание. И я всегда его вспоминал, наблюдая его дальнейшую деятельность.

Он действительно далеко пошел... Вернее, начатое им дело пошло далеко. Причем с 1988 года все чаще случалось так, что развязанные им процессы опережали его самого. Он все меньше мог контролировать общественные и интеллектуальные силы, которые сам раскрепостил.

Возьмите гласность. Она ведь задумана была как орудие партии для пропаганды идей перестройки, т. е. в старых представлениях – об «идеологическом обеспечении политики КПСС». Но джинн (если не выскочил сразу) стал вылезать из бутылки. Сам Горбачев не раз негодовал по поводу своеволия печати. Но когда Лигачев и К^с предпринимали попытки

запахнуть джинна обратно и закупорить бутылку, Горбачев противился. Не давал снимать редакторов газет и исключать из партии авторов статей и передач (тогда еще это было страшное наказание). А когда гласность оборачивалась против перестройки, как в истории со статьей Нины Андреевой, он давал бой. И тем самым еще больше развязывал руки средствам массовой информации.

В результате гласность становилась все более самостоятельным, если не решающим фактором перемен. Освобождала общественное сознание от социалистическо-сталинских стереотипов, а главное, становилась все более критичной по отношению к существующим порядками и к тем, кто стоял на страже этих порядков, – партийным чиновникам, номенклатуре.

Горбачев сам оказался в сфере воздействия гласности, все чаще признавая ее справедливость. Более того, он все основательнее отстаивал и брал на вооружение ту массивную правдивую информацию, которую несла гласность, превращавшаяся в реальную свободу слова. Он узнавал об обществе, которое начал реформировать, такое, о чем раньше только подозревал. А главное, не мог не считаться с тем, что наиболее интеллигентная часть общества и самой партии, которая ранее сочувствовала и даже поддерживала диссидентство, идеологически уже перестроилась. И именно она выступала главной, если не единственной, опорой лично Горбачева.

Словом, Горбачев сам вынужден был меняться в атмосфере, освобожденной от жестокого идеологического плена.

Значит, лидерство его в этой сфере можно оценить как импульс, последствия которого он не вполне предвидел, но которые он имел мужество признать и защищать, следуя своему принципу нравственности в политике.

Возьмем более сложную проблему лидерства – отношения Горбачева с партией.

В «лучших» ленинско-сталинских традициях Горбачев с самого начала провозгласил партию авангардом перестройки. И если возможно было бы подсчитать процент времени, нервов, усилий, потраченных на то, чтобы этого добиться, то, наверное, будет около 80. Но, поскольку у самого Горбачева менялись представления о сути перестройки и поскольку общество быстро менялось, заглатывая все больше свободы, задача эта оказалась неразрешимой.

Не то чтобы он не принимал в расчет разницу между почти 20-миллионным членским составом КПСС и партийным аппаратом, который фактически олицетворял силу и роль партии, был по существу государственной структурой. Он отчетливо видел эту разницу. Но до последнего момента полагал, что в ходе демократизации общества коммунисты изберут руководителями тех, кто искренне станет превращать партию в нормальную общественно-политическую организацию, и даже помогут новым гражданским властям научиться править демократически.

Он упорствовал в этом убеждении, несмотря на то что от этапа к этапу в ходе перестройки, от пленума к пленуму ЦК, от выборов к выборам в партийных органах, где только за 1985-1990 годы сменилось три состава секретарей, враждебность номенклатуры к делу перестройки нарастала и становилась все более открытой.

Не убеждало его и то, что бурно пошел процесс отторжения общества от партии, и не только в среде интеллигенции, но и в рабочем классе. Это уже отчетливо проявилось на выборах в народные депутаты СССР весной 1989 года, на первом Съезде народных депутатов. А потом вылилось в требование отмены 6-й статьи Конституции, чему Горбачев долго противился.

...Горбачев учитывал, что номенклатура все наглее действует против него, переходит к прямой персональной критике. И в качестве Председателя Президиума Верховного Совета (с осени 1988 года) он стремился компенсировать потерю влияния в правящем слое партии активностью в государственных инстанциях, настаивая на соблюдении формальных норм демократии. В этом смысле символично, что на первом Съезде народных депутатов (май – июнь 1989 года) члены Политбюро – когда-то абсолютная и всеильная высшая власть – сидели не в президиуме Съезда, не на почетном возвышении, а в зале, среди других депутатов. Это поразило общественность больше, чем многое другое на этом уникальном и небывалом у нас

форуме.

Именно к этому времени относится крылатая фраза Лигачева из его книги, вышедшей недавно: «Упустили мы Горбачева, просмотрели. Вижу в этом главную свою ошибку!»

Горбачев подтверждал свой девиз: «Пойду далеко!»

Но почему же он не ушел с поста генсека? Не только я – многие из его близкого окружения настаивали на этом. Позже довольно зло он отреагировал: «Сначала потому, что хотел реформировать партию и поставить на службу перестройке, а потом – чтобы держать при себе этого монстра, который, если спустить с цепи, мгновенно разрушил бы все мое дело!»

Какое-то объяснение в этом есть. Но несколько упрощенное. Думаю, что было несколько мотивов:

– синдром человека, вся политическая жизнь которого и вся карьера были обязаны партии;

– идеологический мотив: Горбачев долго, до 1992 года, продолжал клясться верностью социалистическому выбору. А значит, нужна была и партия с социалистической доктриной. Никакой другой у нас не было. Я уже не говорю о мифологии, которая срослась с общественным сознанием, что без партии вообще ничего невозможно сделать, немыслимо само существование государства;

– третий мотив прагматический: реальная, особенно на местах, власть в значительной степени до самого августа 1991 года сохранялась в руках первых секретарей обкомов и райкомов. Отвернуться от них значило бы окончательно утратить важнейшие каналы управляемости обществом. Замены им так и не возникло.

По этим же причинам он не посягнул всерьез на КГБ, на Министерство внутренних дел, на Министерство обороны: там по-прежнему царили партократы самого худшего толка. Он полагал, что эти структуры еще пригодятся (на всякий случай!) – без силовых опор власть существовать не могла. Потеряв их в августе, он утратил и реальное влияние на ход событий.

Спорят до сих пор, следовало бы и тогда Горбачеву отказаться от генсекства...

Думаю, он до сих пор для себя не решил, была ли тут роковая ошибка с его стороны, или он все равно не смог бы осуществить свой разрыв с партией. Что этого нельзя было сделать в первые 4 года перестройки, для меня очевидно – через неделю, не позже, он стал бы «пенсионером союзного значения». Но осенью 1990 года, мне кажется, уйти было возможно и необходимо. Партаппарат тогда был уже достаточно деморализован, чтобы открыто восстать.

Во всяком случае – в контексте нашей темы о лидерстве – отношения Горбачева с партией, пожалуй, решающий пункт, где надо искать причину того, что он не смог довести преобразования до какого-то приемлемого рубежа и вынужден был уйти.

Проблема лидерства – это и проблема точного выбора промежуточных целей.

Обладал ли Горбачев чутьем, пониманием и умением вычленять эти цели, ставить их в необходимой последовательности? И да, и нет.

Это можно проследить на многих примерах. Перебрать все их здесь невозможно.

И все-таки: Афганистан. Что с войной надо кончать, Горбачев сказал в своем кругу чуть ли не на другой день после его избрания, еще до ключевого апрельского Пленума 1985 года. Назвал Афганистан одной из первоочередных своих задач. Но ушли мы из Афганистана только через 4 года!

Почему? Главное «оправдание» – продолжение «холодной войны», в которой Афганистан стал полигоном соперничества с США за «третий мир». Затем вьетнамский синдром – боязнь выглядеть позорно бегущими – непереносим для имиджа сверхдержавы. Но не сопротивление с чьей бы то ни было влиятельной стороны – ни в ПБ, ни в армии. Маршал Ахромеев, который был тогда начальником Генштаба (кончил самоубийством после августовского путча), был решительным сторонником вывода войск; министр обороны Соколов (которого сняли за Руста) выступал против интервенции, еще когда она замышлялась в 1979 году.

Как бы то ни было, Горбачев, вопреки всем своим принципам и личному отвращению к афганской аванюре, позволил превратить (в сознании многих) эту брежневско-андроповскую войну в «горбачевскую». И кое-что потерял на этом. Инерция наследия, которое он получил, и идеологические шоры, которые не сразу все были отброшены, помешали ему это сделать быстро. Здесь он не выполнил своей роли лидера.

Аграрный вопрос. Горбачева до сих пор упрекают, что он не начал перестройку экономики с сельского хозяйства. Помешала опять идеология, отдававшая «теоретическое» предпочтение тяжелой промышленности. Но он с самого начала (к тому же вышедший из крестьянской среды!) чувствовал, что сельское хозяйство надо раскрепощать (коллективизацию он не стеснясь называл вторым крепостным правом). Много занимался. Изучил все, что связано с ленинским нэпом. «Без хозяина на земле – не накормим страну. И вся перестройка пойдет под откос» – его слова. Беда, однако, заключалась в том, что при Ленине у нас еще было крестьянство, хотя и замордованное двумя войнами и «военным коммунизмом». А при Горбачеве крестьянина как такового, со всем необходимым набором качеств, у нас уже не было. А взамен его появился миллионный слой аграрных «генералов» в лице председателей колхозов, директоров совхозов и чиновников вокруг них. И у них было мощное политическое лобби во главе с Лигачевым и большинством секретарей обкомов, которые (обратите внимание!) на 90 процентов происходили из аграрного, т. е. колхозно-совхозного, слоя советского общества. И чтобы в этих условиях работника на селе сделать свободным, надо было произвести «коллективизацию» наоборот, т. е. насильственно уничтожить этот слой, господствовавший в деревне (уговорами и новыми идеями убрать его с дороги до сих пор не удается – даже Ельцину).

Да, Горбачев долгое время был противником частной собственности на землю. Отстаивал идею всеобщей арендизации. Даже добился соответствующего решения Пленума ЦК. Но дело не прошло. И это было объективно обусловлено. А поступить, как Сталин в 1929-1933 годах, только с обратным знаком, – такие советы раздавались – не мог: средства опять, как и тогда, уничтожили бы цель.

Во всяком случае аграрную проблему я бы не поставил в упрек Горбачеву как лидеру. Обстоятельства были выше возможностей быстро и кардинально изменить ситуацию, накормить страну, а следовательно, предотвратить и нарастающее недовольство Горбачевым и его «перестройкой».

Внешняя политика. Что так жить нельзя, как жили, не только внутри страны, но и с внешним миром, Горбачев дал понять сразу – в первых же своих выступлениях в качестве Генерального секретаря. Он выступил инициатором прекращения «холодной войны». И сделал очень много, чтобы ему поверили. Главный его аргумент был: мы начали такое грандиозное дело, как перестройка, и поэтому нам нужен мир и нужны огромные средства, растрачиваемые пока на военно-промышленный комплекс. Впрочем, идеологически миролюбие по-прежнему обосновывалось нашей партией и пропагандой в критериях противоположности «социализм – империализм», где добро на одной стороне, а зло – на противоположной, западной. Достаточно прочесть доклад Горбачева на XXVII съезде КПСС. И так, первое время считалось (как и при Брежнев, который подписал Хельсинкский акт), что можно снять угрозу войны, ограничившись проблематикой разоружения.

Лично Горбачеву поверили, не сразу, потом поверили – Тэтчер, Миттеран, Рейган, Коль, общественность Запада. Но в реальной мировой политике практически ничего от этого не менялось. Гонка вооружений продолжалась. Ибо не верили, что в условиях советского режима Горбачев в состоянии выполнить то, что провозглашал. Об этом писала пресса. Я слышал это собственными ушами от высоких собеседников Горбачева на конфиденциальных беседах.

Да и надо сказать, что на первых порах новое мышление (если вычленишь из него искренность Горбачева в отличие от Брежнева, Андропова и др.) тоже исходило из того, что с «холодной войной» можно покончить, договорившись только о сокращении вооружений, о прекращении гонки.

Принципиальный перелом во всей концепции перестройки произошел тогда, когда Горбачев понял и решился трансформировать это свое понимание в политику – что с «холодной войной» и с угрозой войны не покончить, если продолжать исключать из процесса права человека и демократию, что не может быть особой демократии, социалистической, что либо она одна для всех, для Востока такая же, как и для Запада, либо ее нет вообще.

Вот тогда новое мышление начало наполняться общечеловеческими ценностями и одновременно началась – и в менталитете лидера, и в его политике – эрозия социализма. Сначала, примерно к 1990 году, Горбачев выхолостил из него марксистско-ленинское

содержание. Проект Программы партии, которую должен был принять намеченный на конец 1991 года чрезвычайный съезд КПСС, был, по сути и по форме, социал-демократическим. Сам Горбачев его так и характеризовал. Еще позднее, уже уйдя в отставку, он отверг социализм и как общественную систему в любом варианте.

В этом контексте надо поставить и окончательный отказ от имперского комплекса в отношении Восточной Европы и «третьего мира». А также признание того, что одной из причин «холодной войны» был социализм в его сталинской интерпретации, социализм, который М. С. Горбачев позже назвал милитаризованным тоталитаризмом.

В реальной жизни, в практической политике это «преобразование» в самом Горбачеве происходило не прямолинейно, с откатами и проволочками, с сомнениями и переживаниями, в борьбе с противниками и коллегами, в ходе постоянного живого и доверительного диалога с зарубежными политиками и интеллектуалами.

Значительность и неординарность Горбачева как личности и политического лидера прежде всего в этом – в том, что он сумел совершить в себе этот «идеологический переворот» и превратить новое мышление из эмоционального порыва и тактической концепции в реальную мировую политику.

Можно ли датировать этот поворот? Нет. Он был растянут на годы и происходил на разных направлениях не синхронно.

Способность меняться вместе с политикой, которую сам же породил, под воздействием ее результатов, – важнейшее качество лидера. Это можно проследить по многим направлениям деятельности Горбачева: в национальной политике, в его взглядах на реформирование Советского Союза, на движение к рыночной экономике, к правовому государству, в вопросах свободы эмиграции, в еврейском вопросе и т. д.

Теперь, если вернуться к теории лидерства. Посмотрим, как феномен Горбачева выглядит, скажем, по тем классическим пяти критериям (признакам), которые сформулировал задолго до Горбачева Макс Вебер.

Первый. Наличие кризисной ситуации, в которой лидер появляется как «спаситель».

Да, кризисная ситуация была – в смысле общего кризиса советской тоталитарной системы и угрозы мировой ядерной войны. Но и то и другое не носило остро чрезвычайного характера: и советское общество в застойном виде, и «холодная война» могли бы продержаться еще и 10 и 15 лет.

Значит, лидерство Горбачева в данном случае состояло в том, что он понял жизненную необходимость менять ситуацию заблаговременно.

Второй. Наличие соратников, последователей, организованной силы, на которых лидер мог бы опереться. Из того, что сказано выше, видно, как обстояло дело у Горбачева. Он рассчитывал совершить перестройку с помощью правящей коммунистической партии. Это была ошибка. Перестроечные общественные силы в лице прежде всего демократической интеллигенции начали формироваться уже в ходе преобразований. Но они не сложились своевременно в нечто цельное, а Горбачев не смог целиком опереться на то, что уже имелось, из-за своей привязанности к партии как таковой, к единственно властному институту и орудию управления.

Он еще в 1986 году призвал партийцев «учиться работать в условиях демократии». Повторял это не раз. Но сам, по-моему, не научился. Он оказался плохим организатором в условиях свободы. И полагался больше на личное обаяние и на личное вмешательство во все дела.

Неправильно, что он не разбирался в людях. Он редко ошибался, давая личную характеристику тому или иному человеку. Но почти всегда назначал их почему-то «не туда» или очень медлил с перемещением или увольнением.

А что касается непосредственно его окружения, ближайших последователей и помощников, то обычно среди главных называют Яковлева и Шеварднадзе. Это особая тема. Одно скажу: роль Яковлева слишком сильно преувеличена, главным образом, его собственными тщеславными стараниями, развернутыми в международном масштабе. Роль Шеварднадзе представлена не совсем правильно, хотя она была (в определенном, ограниченном смысле) значительной.

Третий критерий. Личные качества лидера.

Было ли чувство «призвания», «избранности»? Не думаю. Он мне говорил: знаешь, когда умер Черненко и в Политбюро опять, как и после смерти Андропова, стали шептаться: выбирать ли Горбачева, я для себя решил: выберут – не откажусь. Потому что – кто же тогда... в этом ареопаге наполовину маразматиков?

Итак, было чувство ответственности, долга. Оно очень высоко в нем развито. И частично объясняет его сверхчеловеческую работоспособность и активность.

Политический «стиль». Да, новизна стиля сразу всем бросилась в глаза. Сначала в партии и в обществе заговорили как раз о «стиле», а не о содержании выдвинутого политического курса, который, кстати, воспринят был в традиционном русле – как естественное желание новой начальства «поднять», «повысить», «улучшить» и т. д.

Но суть-то «стиля» была проста: быть самим собой, не надуться, не важничать, уважать людей, заставлять себя их выслушивать, словом, быть демократом – это ему удавалось...

Эмоциональность. Склонность вспыхивать, взрываться... от негодования. Впрочем, редко когда он позволял себе действовать под влиянием таких взрывов чувств. Но бывало.

Способность в решающие моменты к мощной концентрации энергии. И тогда он демонстрировал великолепные экспромты своеобразного атакующего красноречия. В первые годы они приносили ему неизменные победы в любой аудитории – будь то пленум ЦК, партийная конференция, массовый митинг или съезд народных депутатов, парламент...

Ему очень нравились эти частичные победы, он потом буквально наслаждался своим мастерством... Но они же и мешали ему иногда видеть кратковременность, иногда эфемерность таких мгновенных успехов... Обнаруживал он это с опозданием...

В его своеобразном красноречии и выразительной убедительности, в изобретательности как полемиста, в находчивости ума – секрет и его политического обаяния.

Редкая способность «не унывать» (или как он сам говорит – «не паниковать»). Поразительно быстро он восстанавливает душевное равновесие, даже после очень тяжелых случаев и больших неприятностей. Это свойство к быстрой «реабилитации» удивляет до сих пор... Я почти ни разу не видел его в угнетенном состоянии, разве что в Форосе, «на другой день».

Ставшая «легендарной» склонность к компромиссу, страсть всех мирить. И отсюда – лукавая готовность соглашаться с тем, с чем он на самом деле не был согласен. Но... надо было унять, утихомирить оппонента, предотвратить какие-то нежелательные с его стороны выводы и поступки. Потом, мол, все «образуется», «договоримся». В этой черте Горбачева – и сила, и слабость его как политика и личности.

Четвертый признак лидерства, по Веберу, – «революционный» характер образа действий. «Революционный» по отношению к традиционным и бюрократическим методам и ценностям. Авторитет такого лидера, согласно Веберу, носит больше иррациональный характер, опирается на пренебрежение правилами.

Это, пожалуй, не характерно для Горбачева. Он не любит иррациональных поступков... А что касается «революционности», то правилом он считал для себя: революционная по сути цель, но эволюционные методы. В этом он с Ельциным и разошелся.

Он очень быстр на инициативу, склонен к острой постановке вопроса, внимателен ко всякой новизне, уважает оригинальность мышления, даже когда не согласен с самими мыслями.

Пятое – нестабильность призвания лидера, т. е. ограниченность отпущенного срока для выполнения замысла.

Горбачев переоценил свои возможности довести начатое дело до очевидного успеха. Он был инициатором. В этом его подвиг. Но ему не хватило какого-то внутреннего импульса ограничить «срок» своего подвига и вовремя отойти в сторону, когда стало ясно, что процессы, вызванные им самим к жизни, перехлестывают через него и начинают «топить» его образ лидера. Помешали обостренное чувство долга и избыточная активность натуры.

Черняев, А. С. 1991 год : Дневник помощника президента СССР /
Анатолий Черняев. – М. : ТЕРРА, Республика. – ISBN 5–300–01358–7